



Мохандас Карамчанд Ганди

Сатьяграха в Южной Африке

Перевод выполнил **Вячеслав Киреев**: vk.com/vyasakir

Организатор и редактор **Максим Босой**: bosoy.ru

За счёт средств и при поддержке сообщества читателей Даниила Андреева: rozamira.org

Ключевые материалы М. Ганди доступны на форуме социального организатора: soorganizator.ru

Редакция перевода: 04.04.2022. Замечания по тексту принимаются через soorganizator.ru/contact

Условия использования. Разрешается свободно распространять данный перевод при условии некоммерческого использования и с обязательным сохранением авторства и неизменности всего текста. Этим условиям соответствует международная лицензия CC BY-NC-ND 4.0. Запрещено любое коммерческое использование, а также некоммерческая реализация (торговля) без согласования с переводчиком и организатором.

Содержание

Введение	5
Предисловие	6
1. География Южной Африки	9
2. История	12
3. Появление индийцев в Южной Африке	20
4. Обзор жалоб (Наталь).....	23
5. Обзор жалоб (Трансвааль и другие колонии)	27
6. Обзор ранней борьбы	31
7. Обзор ранней борьбы (продолжение).....	38
8. Обзор ранней борьбы (окончание).....	49
9. Бурская война.....	51
10. После войны	59
11. «Чёрный акт» – награда за добронравие	69
12. Появление сатьяграхи	73
13. Отличие сатьяграхи от пассивного сопротивления	78
14. Делегация в Англию	82
15. Бесчестная политика.....	87
16. Ахмад Мухаммад Качхалия.....	89
17. Раскол.....	94
18. Первый узник-сатьяграх	96
19. «Индийское мнение»	98
20. Серия арестов	100
21. Первое соглашение	106
22. Противоборство и нападение	109
23. Поддержка европейцев.....	119
24. Дальнейшие внутренние сложности	125
25. Вероломство генерала Сматса	128
26. Возобновление борьбы.....	134
27. Костёр из сертификатов	137
28. Обвинение в нагнетании ситуации	139
29. Сорабджи Шапурджи Ададжания.....	142
30. Шет Дауд Мухамед и другие вступают в борьбу	146
31. Депортации.....	150
32. Вторая делегация	154
33. Ферма Толстого	157
34. Ферма Толстого (продолжение)	160
35. Ферма Толстого (завершение).....	165

36. Тур Гокхале	175
37. Тур Гокхале (завершение)	180
38. Нарушение обещания	183
39. Когда брак – не брак	186
40. Женщины в тюрьме	190
41. Поток рабочих	193
42. Конференция и её итоги	196
43. Пересечение границы	200
44. Великий марш	203
45. Все в тюрьме	206
46. Испытание	211
47. Подвиги к завершению	215
48. Предварительное соглашение	220
49. Переписка	222
50. Окончание борьбы	225
Заключение	227

Введение

Мы включили книгу Гандиджи (в Индии частица «джи» добавляется к имени в знак уважения, *прим. перев.*) «Сатьяграха в Южной Африке» в *Избранные работы* из-за большой значимости, которое «пассивное сопротивление» или *Сатьяграха* обрела в последние годы в разных уголках мира. Доктор Мартин Лютер Кинг, великий лидер американских негров, был страстным последователем Махатмы Ганди, и его движение за гражданские свободы в Соединённых Штатах в значительной степени было калькой сатьяграхи. Недавние события в Чехословакии также указывают на то, что ненасильственный отказ от сотрудничества и «пассивное сопротивление» могут быть мощным орудием в противостоянии даже внешней агрессии. В настоящее время некоторые западные мыслители рассматривают сатьяграху как «нравственный эквивалент войны».

Гандиджи изначально очень подробно описал свои впечатления от сатьяграхи в Южной Африке на гуджарати (один из основных индийских языков, *прим. перев.*), и первое английское издание книги увидело свет в 1928 году. С тех пор книга неоднократно переиздавалась. Есть надежда, что она вызовет интерес у всех, кто интересуется методом сатьяграхи Ганди в качестве мощного «орудия» в противодействии социальной, экономической и политической несправедливости, а также насильственному подавлению индивидуальной и национальной свободы. Как заметил сам Гандиджи в заключительной главе этой публикации: «Сатьяграха – это бесценное и не имеющее себе равных оружие, и тем, кто им владеет, чужды разочарования и поражения».

Шриман Нарайян Радж Бхаван

Ахмадабад, 24 октября 1968 года

Посвящается Маганлалу К. Ганди

Предисловие

Сатьяграха индийцев в Южной Африке длилась восемь лет. Термин «сатьяграха» был придуман и впервые использован в тот же период. У меня уже давно было желание самому описать историю этой борьбы, некоторые эпизоды которой во всей своей полноте известны лишь мне одному – так генерал, возглавляющий военную кампанию, единственный может знать предназначение каждого её конкретного шага. И поскольку это была первая попытка применения принципа сатьяграхи в политике в таких широких масштабах, стало необходимо, на мой взгляд, детально описать её развитие.

В сегодняшней Индии, однако, для сатьяграхи имеются более широкие возможности. Проследовала неизбежная череда противостояний, начиная с довольно локального вопроса о вирамгамских пошлинах.

Именно благодаря Бхаи Мотилалу, доброму портному из Вадхвана с активной гражданской позицией, я заинтересовался вирамгамским вопросом. К тому моменту я только прибыл из Англии и направлялся в Саураштру. Это был 1915 год. Я ехал третьим классом. На станции ко мне подошёл Вадхван Мотилал с небольшой компанией. Он рассказал мне о трудностях, выпавших на долю людей в Вирамгаме, и в конце сказал:

«Пожалуйста, сделайте что-нибудь, чтобы положить конец всем этим неприятностям. Это окажет огромную услугу Саураштре, вашей родине».

В его глазах читались сострадание и твёрдость. «Ты готов отправиться в тюрьму?» – спросил я. «Хоть на виселицу» – последовал быстрый ответ. «Тюрьмы будет вполне достаточно» – ответил я. «Однако, смотри, не оставь меня одного в беде, если она нагрянет». «Это покажет только время» – сказал Мотилал.

Я добрался до Раджкота, где получил всю интересующую меня информацию, и вступил в переписку с правительством. В выступлениях в Багасре и других местах я дал понять, что людям в Вирамгаме, при необходимости, следовало прибегнуть к сатьяграхе. Полицейский департамент довёл эти речи до сведения правительства. Этим самым они выразили лояльность своему правительству, но также, помимо воли, сослужили службу и индийскому народу. Наконец, я обсудил этот вопрос с лордом Челмсфордом. Он пообещал отменить таможенные ограничения и сдержал своё слово. Я знаю, что другие также пытались это сделать. Но я твёрдо убеждён, что неминуемость сатьяграхи послужила главным фактором в достижении желаемого результата.

Затем последовал Закон об эмиграции индийцев. Были приложены огромные усилия, чтобы добиться отмены контрактов о найме индийских рабочих. Всё это сопровождалось большими социальными волнениями. Собрание в Бомбее определило 31 мая 1917 года как дату, начиная с которой должен был прекратиться какой-либо законтрактованный труд. Почему была выбрана именно эта дата – здесь

не столь важно. В связи с этим вопросом к вице-королю сперва отправилась делегация дам. Я не могу здесь не упомянуть имя одной благородной сестры, миссис Джайджи Петит. Можно сказать, что именно она организовала эту делегацию. И здесь мы снова добились успеха благодаря готовности к сатьяграхе. Важно, однако, не забывать об одном существенном отличии: в данном случае социальные волнения также сыграли свою роль. Прекращение законтрактованного труда было гораздо важнее, чем отмена вирамгамских пошлин. Лорд Челмсфорд совершил ряд грубых ошибок, начиная с принятия Закона Роулатта, и всё же, по моему мнению, он был мудрым правителем. Но какой вице-король полностью свободен от влияния государственных служащих?

Третьей хронологически идёт борьба в Чампаране, которую подробно описал Раджендра Бабу. Здесь сатьяграха действительно оказалась неизбежной. Простой готовности к ней было недостаточно, ибо нам противостояли слишком могущественные силы. Мир и спокойствие, сохраняемые тогда народом Шампарана, поистине заслуживают того, чтобы войти в историю. Я лично могу засвидетельствовать, что ненасилие лидеров этого движения было абсолютным: и в мыслях, и в словах, и в делах. В итоге, это долго продолжавшаяся возмутительная практика прекратилось спустя шесть месяцев.

Четвертая по счёту – борьба фабричных рабочих Ахмадабада. Гуджарат прекрасно знаком с этой историей. Насколько мирными были эти рабочие! Что касается лидеров движения, мне лично нечего добавить к их характеристике. И всё же я полагаю, что победа в данном случае была не совсем чистой, поскольку мой пост в поддержку решимости рабочих оказывал косвенное влияние на владельцев фабрик. Пост не мог не повлиять на них, поскольку я находился с ними в дружеских отношениях. Тем не менее, мораль этой борьбы очевидна. Если рабочие ведут свою борьбу мирными средствами, они обязательно добьются успеха, а также завоюют сердца своих хозяев. В данном случае, они не завоевали сердец своих хозяев, поскольку не были невинны в мыслях, словах и делах. Впрочем, они практиковали ненасилие, что безусловно, делает им честь.

Пятым пунктом идёт борьба в Кейде. Я не могу сказать, что в данном случае все местные лидеры движения сатьяграхи всецело придерживались истине (на хинди, истина звучит как «сатья», так что в оригинале есть небольшая игра слов, *прим. перев.*). Мир, безусловно, был сохранён, но ненасилие крестьян, равно как и рабочих, было лишь поверхностным. Так что едва ли можно сказать, что мы с честью вышли из этой борьбы. И всё же в народе произошло великое пробуждение. Однако, Кейда не до конца усвоила урок ненасилия. Рабочие фабрик не осознали истинного значения мира. Из-за этого людям приходилось страдать. Во время сатьяграхи в связи с Актом Роулатта мне пришлось признать свою грандиозную ошибку, постыдиться самому и призывать к этому других.

Закон Роулатта – шестой пункт. Здесь проявились наши извечные недостатки. Тем не менее, хороший фундамент был заложен. Мы признали все свои недостатки и покаяться в них. Закон Роулатта был нежизнеспособным уже тогда, когда был обнародован, и этот порочный закон, в конечном итоге, был отменён. Эта борьба преподала нам великий урок.

Попытки исправить ошибки Халифата и Пенджаба и борьба за сварадж (независимость, *прим. перев.*) венчают этот список. Всё это ещё не доведено полностью до конца. Но я пребываю в абсолютной

убеждённости, что если хоть один сатьяграх продержится до самого конца, то это полностью гарантирует нашу победу.

Нынешняя борьба носит эпический характер. Я уже описывал ход нашей предварительной к ней подготовки. Когда я поднял вопрос о Вирамгаме, то не подозревал, что впереди нас ждёт такое множество новых схваток. Даже о самом Вирамгаме я ничего не знал, ещё будучи в Южной Африке. В этом красота сатьяграхи. Всё это приходит к вам само, вам не нужно специально ничего искать. Это добродетель, присущая принципу как таковому. *Дхарма-юддха* (санскрит, праведная борьба, *прим. перев.*), в которой нет каких-либо секретов, а также нет места хитрости и лжи, приходит непрощенной, и религиозный человек всегда к этому готов. Борьба, которая может быть спланирована заранее, не является праведной борьбой. В праведной борьбе сам Бог планирует кампании и ведёт сражения. *Дхарма-юддха* может совершаться лишь во имя Бога. Только тогда, когда сатьяграх чувствует себя совершенно беспомощным, находится, по всей видимости, на последнем издыхании и обнаруживает, что вокруг него сгустилась крошечная тьма, на помощь приходит Бог. Он помогает, когда человек чувствует себя смиреннее дорожной пыли. Лишь слабым и беспомощным даруется божественная помощь.

Нам ещё только предстоит как следует осознать эту истину, и потому я думаю, что история сатьяграхи в Южной Африке окажется здесь полезной.

Читатель усмотрит южноафриканские параллели с опытом нашей нынешней борьбы. Он также увидит из всей этой истории, что до сих пор не было никаких оснований для отчаяния в нашей нескончаемой борьбе. Единственное условие победы – это неуклонное следование нашей программе.

Я пишу это предисловие в Джуху. Я написал первые тридцать глав истории в тюрьме Еравады. Шри Индулал Яджник был настолько добр, чтоб записал их под мою диктовку. Со временем, я надеюсь дописать оставшиеся главы. В тюрьме у меня не было справочных материалов, чтобы как-то с ними сверяться, и я не собираюсь обзаводиться ими и сейчас. У меня нет ни времени, ни желания писать подробные исторические хроники. Моя единственная цель в написании этой книги состоит в том, чтобы она принесла пользу нашей нынешней борьбе и послужила руководством для будущих историков. Хотя я пишу эту книгу, не имея под рукой справочных материалов, пусть читатель не подумает, что какой-либо пункт в книге хоть в чём-то неточен или я хоть где-то допустил даже малейшее преувеличение.

М. К. Ганди

Джуху, ул. 1980 Пхалгун Вади, 13
2 апреля 1924 года

1. География Южной Африки

Африка – один из самых больших континентов в мире. Говорят, Индия – это не страна, а континент. Однако, если говорить только о площади, в Африку могло бы вместиться четыре или пять Индии. Африка – это полуостров, подобный Индии; Южная Африка в основном окружена морем. Существует расхожее мнение, что Африка – самая жаркая часть земли, и в некотором смысле это так: экватор проходит через центр Африки. Люди в Индии имеют слабое представление о жаре в странах экваториальной зоны. Жара, которую мы ощущаем на крайнем юге Индии, даёт нам некоторое представление об этом. Но в Южной Африке ничего подобного нет, поскольку она расположена далеко от экватора. Климат во многих её районах настолько умеренный и комфортный для европейцев, что они могут там селиться, чего практически невозможно сказать об Индии. Более того, в Южной Африке есть возвышенности как, например, в Тибете или Кашмире, но в отличие, скажем, от Тибета, они не достигают высоты в десять-четыренадцать тысяч футов. В общем, климат там достаточно сухой и холодный, т. е. вполне подходящий для европейца, и некоторые местности в Южной Африке настоятельно рекомендуют в качестве санаториев для больных чахоткой (туберкулёзом, *прим. перев.*). Одно из этих мест – Йоханнесбург, «золотой город» Южной Африки. Всего пятьдесят лет тому назад та территория, на которой он сейчас располагается, была заросшим пустырьём. Но с открытием там золотых приисков один за другим начали строиться дома, словно по мановению волшебной палочки, и сегодня здесь множество красивых, солидных зданий. Местные богатые люди привезли сюда и посадили деревья из более плодородных районов Южной Африки и Европы, заплатив за каждое не меньше гиней. Путешественник, не знакомый с этой предысторией, вполне может подумать, что эти деревья произрастали здесь всегда.

Я не собираюсь описывать все районы Южной Африки, а ограничусь лишь теми, что непосредственно связаны с повествованием. Какая-то часть Южной Африки управляется португальцами, а вся остальная территория находится под управлением британцев. Португальская вотчина зовётся «Залив Делагоа», и это первый южноафриканский порт, куда заходят пароходы из Индии. Продвигаясь дальше на юг, мы подходим к Наталу, первой британской колонии. Его главный морской порт называется «Порт Наталь», но нам, как и многим в Южной Африке, он больше известен как Дурбан. Дурбан – это самый большой город в Натале. Столица Южной Африки Питермарицбург расположена в глубине страны на расстоянии около шестидесяти миль от Дурбана и на высоте около двух тысяч футов над уровнем моря. Климат Дурбана чем-то похож на бомбейский, хотя и несколько холоднее. Двигаясь ещё дальше вглубь страны за пределы Натала, мы достигнем Трансвааля – его рудники снабжают мир наибольшим количеством золота. Несколько лет назад там были также открыты алмазные рудники, и в одном из них нашли самый большой алмаз в мире. *Куллинан*, названный так в честь владельца шахты, весил более 3000 карат или более 1 фунта по британской системе веса эвердьюпойс, в то время как *Кохинор* сейчас весит около 100 карат, а *Орлофф*, один из драгоценных камней в российской короне – около 200 карат.

Хотя Йоханнесбург и считается центром золотодобывающей промышленности и поблизости от него располагаются алмазные рудники, он не является официальной столицей Трансвааля. Его столица Претория находится примерно в тридцати шести милях от Йоханнесбурга. В Претории, в основном, можно встретить чиновников и политиков, а также привлечённое ими туда население. Поэтому, в отличие от суматошного Йоханнесбурга, это сравнительно тихое местечко. Как житель тихой деревеньки или, если уж на то пошло, небольшого городка в Индии будет оглушён шумом и рёвом Бомбея, так и житель Претории – звуками и видами Йоханнесбурга. Не будет преувеличением сказать, что жители Йоханнесбурга не ходят, а, кажется, только бегают. Все поглощены только собой и, по-видимому, думают лишь о том, как сколотить максимальное состояние за минимальный промежуток времени! Если, покинув Трансвааль, мы направимся дальше вглубь страны на запад, то попадем в Оранжевое свободное государство или Оранжею. Его столица Блумфонтейн – очень тихий и маленький городок. В Оранжеи нет таких шахт как в Трансваале. В нескольких часах езды оттуда по железной дороге будет граница Капской колонии, самой большой из всех южноафриканских колоний. Её столица Кейптаун, крупнейший морской порт, расположена на мысе Доброй Надежды. Он назван так королём Португалии Иоанном, поскольку после его открытия он надеялся, что его народ сможет найти новый, более лёгкий способ добраться до Индии, конечной цели тогдашних морских экспедиций.

Помимо этих четырех основных британских колоний, есть ещё несколько территорий, находящихся под британским «протекторатом». Они населены народностями, которые жили там ещё до появления европейцев.

Главной отраслью промышленности Южной Африки является сельское хозяйство, чему там всё в высшей степени благоприятствует. Некоторые её территории поистине восхитительны и плодородны. Главная местная зерновая культура – кукуруза; она выращивается без особого труда и служит основным продуктом питания для чернокожих жителей Южной Африки. В некоторых районах также выращивают пшеницу.

Южная Африка славится своими фруктами. В Натале выращивают множество сортов превосходных бананов и ананасов, и всё это в таком изобилии, что их хватает и для беднейших из бедных. В Натале, как и в других колониях, апельсины, персики и абрикосы растут в таком множестве, что тысячи людей в стране получают их в виде оплаты за сбор урожая. Капская колония – это земля винограда и слив. Вряд ли в каком-либо другом месте произрастает такой великолепный виноград, а в сезон его можно купить так дёшево, что даже бедняк легко может себе это позволить. Невозможно представить, чтобы в местах, населенных индийцами, не было манго. Индийцы посадили манговые деревья в Южной Африке, и, следовательно, их плоды также наличествуют в значительных количествах. Некоторые из этих сортов, безусловно, посоперничали бы с лучшими манго Бомбея.

Овощи также повсеместно выращиваются в этой плодородной стране, и можно сказать, что почти все овощи Индии выращиваются там индийцами, сохранившими вкус к домашним лакомствам. Там также разводится очень много крупного рогатого скота. Коровы и быки в Южной Африке лучше сложены и

выносливее, чем в Индии. Я чувствовал стыд, и моё сердце часто обливалось кровью, когда множество коров и быков в Индии, где, как говорят, защищают коров, оказывались такими же истощёнными, как и сами люди. Хотя я побывал во всех частях Южной Африки и многое повидал, не припомню, чтобы увидел где-либо хоть одну истощённую корову или быка.

Природа, помимо других своих даров, не поскупилась украсить эту страну прекрасными пейзажами.

Пейзажи Дурбана считаются очень красивыми, но пейзажи Кейптауна их ещё более превосходят. Кейптаун расположен у подножия Столовой горы; она не слишком высока и не слишком низка. Одна талантливая леди, обожающая Южную Африку, говорит в своём стихотворении, что никакая другая гора не вызывала у неё такого ощущения уникальности. Возможно, это преувеличение. Я думаю, что так оно и есть. Но одно из её замечаний показалось мне очень верным. Она говорит, что для жителей Кейптауна Столовая гора является чем-то вроде друга. Не будучи слишком высокой, она не внушает им благоговения. Люди не обязаны поклоняться ей издалека, а строят на ней свои жилища. А поскольку она расположена прямо на берегу моря, море всегда омывает её подножие своими родными водами. Молодые и старые, мужчины и женщины бесстрашно передвигаются по всей горе, оглашаемой ежедневно тысячами голосов. Её высокие деревья и цветы с тонким ароматом и разнообразными оттенками придают горе такое очарование, что её видов никогда не бывает слишком много, как и прогулок по ней.

Южная Африка не может похвастаться такими могучими реками, как Ганга или Инд. Те немногочисленные реки, которые там всё-таки есть, сравнительно маловодны. Речная вода для многих мест недосыгаема. В высокогорных областях провести каналы невозможно. И как вообще можно вести речь о каналах, если нет больших рек? Везде, где в Южной Африке наблюдается дефицит поверхностных вод, бурят артезианские скважины, а вода, необходимая для орошения полей, накачивается ветряными и паровыми двигателями. Сельское хозяйство получает большую поддержку от правительства. Оно направляет экспертов для консультирования земледельцев, поддерживает образцовые фермы, на которых проводятся перспективные эксперименты, обеспечивает их хорошим скотом и семенами, бурит для них артезианские скважины по очень низким ставкам. Расходы на бурение при этом фермам позволено выплачивать в рассрочку. Также правительство возводит ограждения из колючей проволоки для защиты своих полей.

Поскольку Южная Африка расположена к югу, а Индия – к северу от экватора, климатические условия в этих двух странах прямо противоположные. Времена года сменяются в обратном порядке. Например, когда у нас здесь лето, в Южной Африке – зима. Осадки там непредсказуемы и капризны; дождь может пойти практически в любой момент. Среднегодовое количество осадков в Южной Африке редко превышает пятьдесят сантиметров.

2. История

Географические разделения, кратко описанные в первой главе, появились сравнительно недавно. Доподлинно не удалось установить, кто жил в Южной Африке в древности. Когда европейцы поселились в Южной Африке, они обнаружили там негров. Предполагается, что эти негры были потомками некоторых американских рабов, которым удалось вырваться из своего жестокого рабства и добраться до Африки. Они делятся на различные племена, такие как зулусы, свази, басуто, бечуаны и т.д. Они говорят на нескольких различных языках. Этих негров следует рассматривать как коренных жителей Южной Африки. Но Южная Африка – такая огромная страна, что она легко может прокормить в двадцать или тридцать раз больше, чем нынешнее негритянское население. Расстояние между Кейптауном и Дурбаном составляет около полутора тысяч миль по железной дороге; расстояние по морю также составляет не менее тысячи миль. Общая площадь этих четырех колоний составляет 473000 квадратных миль. В 1914 году негритянское население в этом обширном регионе составляло около пяти миллионов, в то время как европейцев насчитывалось около миллиона с четвертью.

Среди негров самыми высокими и красивыми являются зулусы. Я намеренно использовал эпитет «красивый» в отношении негров. Светлая кожа и заострённый нос являют собой наш идеал красоты. Если мы на мгновение отбросим этот предрассудок, то увидим, что Создатель не экономил своих сил, чтобы довести зулусов до совершенства. Зулусские мужчины и женщины высоки и широкогруды пропорционально своему росту. У них сильная, хорошо сложенная мускулатура, включая красиво округлённые икры ног и бицепсы рук. Среди них вы редко встретите мужчину или женщину, которые ходят сутулясь или с горбатой спиной. Губы, безусловно, большие и толстые, но поскольку они находятся в идеальной симметрии со всем остальным телосложением, у меня бы лично, например, не повернулся язык сказать, что они некрасивы. Глаза у них круглые и ясные. Нос плоский и крупный, как и подобает крупному лицу, а завитые волосы на голове выгодно подчеркивают кожу зулусов, чёрную и блестящую, как эбеновое дерево. Если мы спросим у зулуса, какой из различных рас, населяющих Южную Африку, он присудил бы пальму первенства за красоту, он без колебаний решит в пользу своего собственного народа, и в этом я бы не усмотрел недостатка в его суждениях. Телосложение у зулусов мощное и прекрасно сформированное от природы, в отличие от Сэндоу и других в Европе, прилагающих усилия для развития своей мускулатуры. Закон природы таков, что кожа рас, живущих вблизи от экватора, должна быть чёрной. И если бы мы верили, что красота есть во всём, созданным природой, мы бы не только избегали узких и односторонних суждений о красоте, но и у себя в Индии были бы свободны от неподобающего чувства стыда и неприязни, которые мы испытываем к нашему собственному сколь-нибудь тёмному цвету лица.

Негры живут в круглых мазанках из прутьев. Соломенные крыши изнутри поддерживаются подпорками. Низкий вход, через который можно пройти лишь согнувшись, является единственным отверстием для движения воздуха. На входе редко устанавливаются двери. Как и мы, негры

обмазывают стены и пол землёй и навозом животных. Говорят, негры не способны сделать ничего квадратного по форме. Они приучили свои глаза видеть и делать только округлые предметы. Мы никогда не видим, чтобы природа рисовала прямые линии или прямолинейные фигуры, и эти невинные дети природы черпают все свои знания из своего опыта общения с ней.

Мебель в хижине – под стать простоте этого жилища. Там не нашлось бы места для столов, стульев, ящиков и других подобных вещей, и даже сейчас эти вещи редко можно там увидеть.

До появления европейской цивилизации негры носили шкуры животных, которые также служили им коврами, простынями и одеялами. Сейчас они пользуются одеялами. До британского правления как мужчины, так и женщины ходили почти что обнажёнными. Даже сейчас многие в стране следуют этому обычаю. Они прикрывают интимные места кусочком кожи. Некоторые обходятся даже без этого. Но пусть никто не делает из этого вывода, что эти люди не способны контролировать своих чувств. Там, где большое общество следует определённому обычаю, вполне может статься, что этот обычай не несёт в себе никакого вреда, даже если членам другого общества он кажется крайне неподобающим. У этих негров нет времени накидываться друг на друга. Когда Шukaдева (древний мудрец, почитаемый в индуизме, автор Бхагават Пураны *прим. перев.*) проходил мимо купающихся обнажённых женщин, сам автор «Бхагаваты» говорит нам, что его собственный ум был нисколько не смущён; женщины также не были взволнованы или охвачены чувством стыда. Не думаю, что в этом рассказе есть что-либо сверхъестественное. Если в современной Индии не окажется никого, кто остался бы целомудрен в подобной ситуации, это покажет лишь нашу собственную деградацию, что не должно, однако, препятствовать нашему стремлению к чистоте. Только тщеславие заставляет нас смотреть на негров как на дикарей. Они не такие варвары, какими мы их себе вообразили.

По закону, в городе негритянки должны прикрывать себя от груди до колен. Таким образом, они вынуждены обматывать своё тело куском материи. В этой связи, изделия такого размера пользуются большим спросом в Южной Африке, и тысячи подобных покрывал или накидок ежегодно импортируются из Европы. Мужчины также обязаны прикрывать себя от талии до колен. Поэтому многие стали носить подержанную одежду из Европы. Другие носят что-то вроде трусов с затягивающейся верёвочкой. Всё это привозят из Европы.

Основные продукты питания негров – кукуруза и мясо, когда оно бывает в наличии. К счастью, они ничего не знают о специях и приправах. Если они обнаруживают специи в своей еде, даже если она окрашена куркумой, они воруют от неё нос, и те из них, кого считают совершенно нецивилизованными, даже не прикоснутся к ней. Не будет ничего необычного в том, если зулус за раз съест один фунт вареной кукурузы с небольшим количеством соли. Он вполне доволен тем, что питается кашей из варенных измельчённых злаков. Когда у него бывает мясо, он ест его, сырое, варёное или жареное, но всегда с солью. В ход может идти мясо любого животного.

Негритянские языки названы в честь различных племён. Письменность была введена европейцами лишь недавно. Нет ничего лучше негритянского алфавита. Библия и другие книги теперь печатаются на негритянских языках романским шрифтом. Язык зулу очень милый. Большинство слов

заканчиваются протяжённым звуком «а», поэтому язык звучит мягко и приятно для слуха. Я слышал и читал, что в этих словах есть и смысл, и поэзия. Судя по нескольким уловленным мною словам, я думаю, что утверждение это справедливо. Для большинства мест существуют милые и поэтичные негритянские названия, европейские эквиваленты которых уже упоминались. Жаль, что я их не помню и не могу ознакомить с ними читателя.

По словам христианских миссионеров, негры что раньше, что сейчас не имеют какой-либо религии. Однако, понимая слово «религия» в более широком смысле, мы можем сказать, что негры действительно верят и поклоняются Высшему Существо, находящемуся за пределами человеческого понимания. Они также боятся этой Силы. Они смутно осознают тот факт, что распад тела не означает полного уничтожения личности. Если мы признаем мораль основой религии, то негров, обладающих моралью, можно даже считать религиозными. Они прекрасно понимают разницу между правдой и ложью. Сомнительно, чтобы европейцы или мы сами практиковали правдивость в той же степени, в какой это делают негры в их «первобытном» состоянии. У них нет храмов или чего-то в этом роде. Среди негров, как и среди других рас, существует множество суеверий.

Читатель будет удивлён, но эта раса, не имеющая себе равных в мире по физической силе, настолько робка, что негр пугается при виде даже европейского ребёнка. Если кто-то направит на него револьвер, он либо убежит, либо впадёт в такое оцепенение, что даже не сможет пошевелиться. Для этого, безусловно, есть причина. В негритянском сознании прочно укоренилось представление, что только с помощью какой-то магии горстка европейцев смогла подчинить себе такую многочисленную и неукротимую расу, как они. Негр хорошо владел копьём, луком и стрелами. Всего этого он теперь лишился. Он никогда не видел оружия и не стрелял из него. Чтобы им пользоваться не нужны спички, не нужно делать ничего, кроме маленькое движение пальцем, и всё же маленькая трубка издаёт хлопок, возникает вспышка, и вылетающая пуля ранит и сражает человека наповал. Это то, чего негр не в состоянии понять. Поэтому он пребывает в смертельном ужасе перед теми, кто владеет таким грозным оружием. Он и его предки до него видели, что такие пули унесли жизни многих беспомощных и невинных негров. Многие даже сейчас не знают, как это происходит.

«Цивилизация» постепенно прокладывает себе путь среди негров. Благочестивые миссионеры передают им послание Христа таким, каким они его восприняли, открывают для них школы и учат их чтению и письму. Но многие из тех, кто, будучи неграмотными и, следовательно, чуждыми цивилизации, были до сих пор свободны от многих пороков, теперь оказались подверженными им. Едва ли кто-то из негров, соприкоснувшись с цивилизацией, смог избежать порока пьянства. И когда его мощное телосложение находится под воздействием алкоголя, он становится совершенно безумным и совершает всевозможные преступления. То, что цивилизация приводит к умножению потребностей, так же несомненно, как и то, что дважды два – четыре. Чтобы увеличить потребности негра или привить ему ценность труда, на него наложили подушный налог и налог на хижины. Если бы эти налоги не взимались, эта раса земледельцев, живущих на своих фермах, не забралась бы в шахты глубиной в сотни футов для добычи золота или алмазов, и если бы шахты не заполучили их себе в качестве рабочей силы, золото и алмазы по-прежнему бы оставались в недрах земли. Кроме

того, европейцам было бы сложно найти себе прислугу, если бы не ввели этот налог. В результате страдают тысячи негритянских шахтёров наряду с тем, что получают болезни вроде чахотки, называемой «шахтёрской чахоткой». Это смертельная болезнь. Вряд ли кто-нибудь из тех, кто попадает в её цепкие лапы, выздоравливает. Читатель легко может представить, какое «самообладание» способны проявлять тысячи мужчин, живущих в шахтах вдали от своих семей. Таким образом, они легко становятся жертвами венерических заболеваний. Не то чтобы разумные европейцы в Южной Африке не осознавали всей серьёзности этого вопроса. Некоторые из них далеки от того мнения, что цивилизация, учитывая все обстоятельства, оказала благотворное влияние на эту расу. Что же касается дурных последствий, они не нуждаются в особых пояснениях.

Около четырёхсот лет назад голландцы основали поселение в этой великой стране, населённой тогда такой простой и неискушённой расой. Они держали рабов. Несколько голландцев с Явы со своими малайскими рабами прибыли в страну, известную нам теперь как Капская колония. Эти малайцы – мусульмане. В их жилах течёт голландская кровь, и они переняли некоторые качества голландцев. Они расселены по всей Южной Африке, но Кейптаун является их главным оплотом. Некоторые из них и сегодня находятся на службе у европейцев, другие же избрали себе независимые профессии. Малайские женщины очень трудолюбивы и умны. Они, как правило, ведут чистый образ жизни. Они являются экспертами в области стирки и шитья. Мужчины же занимаются мелкими ремёслами. Многие из них работают извозчиками в экипажах. Некоторые получили высшее английское образование. Один из них – известный доктор Абдул Рахман из Кейптауна. Он был членом старого колониального законодательного органа в Кейптауне. В соответствии с новой конституцией, малайцы лишены права избираться в парламент.

При описании голландцев я между прочим коснулся и малайцев. Но давайте сосредоточимся на голландцах. Голландцы в равной степени были искусными земледельцами и храбрыми солдатами. Они увидели, насколько эта страна подходила для сельского хозяйства. Они также обратили внимание, что «туземцы» могли легко себя обеспечить, работая лишь короткое время в течение года. Видимо, они задались вопросом: почему бы не заставить этих людей работать на них? У голландцев было оружие. Они были умными стратегами. Они знали, как умирять людей подобно другим животным и верили, что их религия не будет иметь ничего против этого. Таким образом, они начали сельское хозяйство с эксплуатации южноафриканских «аборигенов», не испытывая ни малейших сомнений в моральности своих действий.

Подобно голландцам, искавшим подходящие земли для своей экспансии, на сцене постепенно появлялись англичане. Англичане и голландцы, конечно, были двоюродными братьями. Их характеры и амбиции были схожи. Горшки из одной гончарни часто бьются друг о друга. Таким образом, эти две нации, постепенно продвигая свои собственные интересы и подчиняя негров, вступили в противоборство. Между ними возникали конфликты, которые в конечном счёте переросли в военные сражения. Англичане потерпели поражение при Маджуба-Хиллз. Маджуба оставила что-то вроде фантомной боли, которая обострялась и достигла апогея во время Англо-бурской войны, длившейся с 1899 по 1902 год. Когда генерал Кронье сдался, лорд Робертс телеграфировал королеве

Виктории, что Маджуба отомщена. Но когда произошло это первое столкновение между двумя нациями до Англо-бурской войны, многие голландцы не пожелали оставаться даже под номинальной властью британцев и «отправились в поход» в неизведанные внутренние районы Южной Африки. Таково происхождение Трансвааля и Оранжевого свободного государства.

Эти голландцы стали известны в Южной Африке как буры. Они сохранили свой язык, цепляясь за него словно ребёнок за юбку своей матери. Они глубоко осознают тесную связь между своим языком и своей свободой. Несмотря на многочисленные нападки, они сохранили свой родной язык в неприкосновенности. Язык принял новую форму, близкую их духу. Поскольку они не могли поддерживать очень тесные отношения с Голландией, они начали говорить на производном от голландского диалекте – примерно так же как пракриты (среднеиндийские языки и диалекты, *прим. перев.*) произошли от санскрита. Не желая слишком обременять своих детей, они придали этому диалекту статус своего собственного, отдельного языка. Они назвали его таал. Их книги написаны на таальском языке, их дети получают на нём образование, и бурские члены Союзного парламента считают своим долгом произносить на нём свои речи. С момента образования Южно-Африканского Союза тааль (или голландский) и английский языки официально считаются равными. Даже правительственные бюллетени и отчёты парламента должны выходить на обоих языках.

Буры просты, прямолинейны и религиозны. Они селятся на больших фермах. Нам даже сложно представить размеры этих ферм. Ферма у нас обычно означает один или два акра земли (один акр равен примерно 4000 м², *прим. перев.*), а иногда и меньше. В Южной Африке один фермер владеет сотнями или тысячами акров земли. Он не стремится культивировать всё это сразу, и, если кто-нибудь с ним на этот счёт поспорит, он ответит: «Пусть эти земли остаются невозделанными. Придёт время, и за них возьмутся наши дети».

Каждый бур – хороший воин. Как бы сильно буры ни ссорились между собой, их свобода настолько им дорога, что все они как один готовы за неё сражаться. Они не нуждаются в какой-то воинской муштре, поскольку боевой дух является характерной чертой всей их нации. Генерал Сматс, генерал Де Вет и генерал Герцог – все они великие юристы, великие фермеры и столь же великие солдаты. У генерала Боты была одна ферма площадью девять тысяч акров. Когда он отправился в Европу для ведения мирных переговоров, о нём говорили, что вряд ли найдется кто-нибудь в Европе, кто так же хорошо разбирался бы в овцах, как он. Генерал Бота сменил покойного президента Крюгера. Он превосходно знал английский, и всё же, когда он встречался в Англии с королём и министрами, он всегда предпочитал говорить на своём родном языке. Разве кто-то может его за это осудить? Почему он должен идти на риск совершить ошибку ради демонстрации своего владения английским языком? Почему он должен позволять нарушать ход своих мыслей в поисках правильного слова? Британские министры могут совершенно непреднамеренно использовать какую-нибудь незнакомую английскую идиому, и он может не понять, что они этим имели в виду, дать неправильный ответ и запутаться. Таким образом, может пострадать его дело. Зачем ему идти на такой риск?

Бурские женщины так же храбры и бесхитростны, как и мужчины. Если буры пролили свою кровь в англо-бурской войне, то смогли принести эту жертву благодаря мужеству своих женщин и получаемому от них вдохновению. Женщины не боялись овдоветь и отбрасывали всякие волнения о будущем.

Я уже говорил выше, что буры являются истовыми христианами. Но нельзя сказать, что они верят в Новый Завет. На самом деле, Европа в него не верит. Хотя европейцы утверждают, что уважают его, лишь немногие знают и соблюдают религию мира Христа. Что же касается буров, можно сказать, что они знают Новый Завет лишь номинально. Они воодушевлённо читают Ветхий Завет и знают наизусть описания сражений, которые там содержатся. Они полностью принимают учение Моисея об «оке за око и зубе за зуб». И поступают соответственно.

Бурские женщины понимали, что их религия требует от них страданий ради сохранения своей независимости, поэтому терпеливо и радостно переносили все невзгоды. Лорд Китченер приложил все усилия, чтобы сломить их дух. Он заключил их в отдельные концентрационные лагеря, где они подверглись неопишным страданиям. Они голодали, страдали от пронизывающего холода и палящей жары. Случалось, пьяные или обезумевшие от страсти солдаты даже нападали на этих беззащитных женщин. И всё же храбрые бурские женщины не дрогнули. Наконец, король Эдуард написал лорду Китченеру, что он не мог больше этого терпеть, и что, если бы это было единственным средством заставить буров подчиниться, он предпочел бы любой вид мира подобной войне. Он попросил генерала прекратить эту войну как можно скорее.

Когда этот крик боли достиг берегов Англии, английский народ был глубоко огорчён. Они были в полном восхищении от храбрости буров. Сам факт, что такая маленькая нация может конфликтовать с раскинувшейся по всему миру своей империей, не уместался в их головах. Но когда крик агонии женщин в концентрационных лагерях долетел до Англии – не через посредство самих этих женщин или их мужчин, доблестно сражавшихся на поле боя, а благодаря нескольким благородным англичанам и англичанкам, находившимся в ту пору в Южной Африке – английский народ начал смягчаться. Покойный сэр Генри Кэмпбелл-Баннерман ощутил настрой английской нации и публично высказался против войны. Покойный мистер Стэд публично молился и приглашал молиться других, чтобы Бог судил англичанам поражение в этой войне. Это было чудесное зрелище. Настоящее, мужественно перенесённое страдание растопляет даже каменное сердце. Такова сила страдания или тапаса (аскеза или самоистязание в учении индуизма, *прим. перев.*). Именно в этом лежит ключ к сатьяграхе.

В результате был заключен мир в Веринихине, и, в конечном итоге, все четыре колонии Южной Африки объединились под общим правительством. Хотя каждый читающий газеты индеец знает об этом мире, с ним связано несколько фактов, которые, возможно, известны лишь немногим. Южно-Африканский Союз образовался не сразу же после заключения мира, но в каждой колонии был свой собственный законодательный орган, который не целиком и полностью подчинялся Министерству. Трансвааль и Свободное государство управлялись по законам Королевской колонии. Генералы Бота и

Сматс не были такими людьми, которых можно было удовлетворить такой ограниченной свободой. Они держались в стороне от Законодательного совета и не сотрудничали с ним. Они наотрез отказались иметь какое-либо отношение к правительству. Лорд Милнер произнёс резкую речь. Среди прочего он сказал, что генералу Боте не следовало придавать своей персоне такое большое значение и что правительство страны вполне могло существовать и без него. Таким образом, лорд Милнер решил поставить «Гамлета» без принца Датского.

Я расточал похвалы храбрости, свободолюбию и самопожертвованию буров. Одновременно с этим, я не хотел создать у читателя впечатление, что между ними не бывает каких-либо разногласий или что среди них не попадаетесь слабовольных людей. Лорду Милнеру удалось создать партию среди буров, которых легко было умаслить, и он убедил себя в том, что с их помощью сможет добиться успеха в законодательном органе. Даже театральная пьеса не может обойтись без героя: если в нашем прагматичном мире игнорировать центральную фигуру и при этом надеяться на успех, это можно назвать только сумасшествием. Именно так обстояло дело с лордом Милнером. Говорили, что, несмотря на весь его блеф, ему было настолько трудно управлять Трансваалем и Свободным государством без помощи генерала Боты, что его часто видели в его саду в тревожном и возбуждённом состоянии духа. Генерал Бота прямо заявил, что по Веринихинскому договору, как он его понимал, буры немедленно получили право на полную внутреннюю автономию. Он добавил, что, в противном случае, он никогда бы не подписал этот договор. Лорд Китченер в ответ заявил, что не давал генералу Боте такого обещания. Бурам, сказал он, будет постепенно предоставлено полное самоуправление, когда они докажут свою лояльность! Как можно было рассудить этих двух? Как можно было ожидать, что генерал Бота согласится на какое-либо арбитражное разбирательство? Решение, принятое по этому вопросу имперским правительством того времени, по их мнению, делало им честь. Они сошлись на том, что более сильная сторона должна была согласиться с толкованием соглашения, предложенным ей другой, более слабой стороной. В соответствии с принципами справедливости и истины, это правильный способ толкования. Какой бы смысл ни вкладывался в мои слова, должен отметить, что они были предназначены для моего слушателя или читателя в той мере, в какой они его касаются. Мы часто нарушаем это золотое правило в нашей жизни. Отсюда возникают многие из наших споров, и полуправда, которая ещё хуже, чем неправда, подменяет собой правду.

Таким образом, когда истина, в данном случае, генерал Бота, полностью восторжествовала, он приступил к работе. В конце концов, все колонии объединились, и Южная Африка получила полное самоуправление. Её флаг Юнион Джек (флаг Британских заморских территорий, *прим. перев.*) значится красным на картах, и всё же не будет преувеличением сказать, что Южная Африка полностью независима. Британская империя не может получить от Южной Африки ни единого фартинга без согласия её правительства. Более того, британские министры признали, что, если Южная Африка пожелает снять Юнион Джек и обрести независимость и номинально, ничто не сможет помешать ей это сделать. Если буры до сих пор не предприняли этого шага, на то есть веские причины. Во-первых, бурские лидеры – разумные и проницательные люди. Они не видят ничего предосудительного в партнёрских отношениях с Британской империей, в которых они ничего не

теряют. Но есть и другая практическая сторона. В Натале главенствуют англичане; в Капской колонии проживает большое количество англичан, хотя их численность не превышает численности буров; в Йоханнесбурге – сильное английское влияние. В этой связи, если буры попытаются создать независимую республику в Южной Африке, результатом окажутся междоусобицы и, возможно, всё это выльется в гражданскую войну. Таким образом, Южная Африка по-прежнему считается доминионом (государством-членом, *прим. перев.*) Британской империи.

То, как была сформулирована конституция Южно-Африканского Союза, заслуживает отдельного внимания. Национальное собрание, состоящее из делегатов, представляющих все партии, назначенные законодательными органами колоний, единогласно подготовило проект Конституции, и британский парламент должен был утвердить его в полном объёме. Член Палаты общин обратил внимание Палат на грамматическую ошибку и предложил её исправить. Покойный сэр Генри Кэмпбелл-Баннерман, отвергая это предложение, заметил, что безупречная грамматика не является необходимой для работы правительства, что Конституция была разработана в результате переговоров между британским кабинетом министров и министрами Южной Африки, и что они не оставляли за собой даже права исправлять грамматические ошибки британскому парламенту. Таким образом, Конституция, переработанная в форме Имперского законопроекта, прошла через обе палаты парламента без малейших правок.

В этой связи следует отметить ещё одно обстоятельство. В Акте о Союзе есть некоторые положения, которые неискущённому читателю могут показаться бессмысленными. Эти положения привели к значительному увеличению расходов. Это не ускользнуло от внимания создателей Конституции, но их целью было достижение не совершенства, а компромисса, они хотели прийти к общему пониманию и сделать Конституцию успешным документом. Вот почему у Южно-Африканского Союза – четыре столицы, и ни одна колония не готова поступиться своей собственной. Аналогичным образом, хотя старые колониальные законодательные органы были упразднены, были созданы провинциальные советы с подчинёнными и делегированными функциями. Хотя институт губернаторства был упразднён, были назначены чиновники, соответствующие рангу губернаторов и именуемые провинциальными администраторами. Всем известно, что четыре местных законодательных собрания, четыре столицы и четыре губернатора, по правде говоря, не нужны и служат лишь для показухи. Но проницательные государственные деятели Южной Африки не возражали против этого. Это показное соглашение влечёт за собой дополнительные расходы, но этот союз был очень нужен, и потому государственные деятели делали всё, что считали нужным, невзирая на любую критику извне, и в конечном счёте добились одобрения своей политики британским парламентом.

Я постарался кратко обрисовать историю Южной Африки, поскольку без этого, как мне кажется, будет сложно объяснить внутреннюю логику великой борьбы сатяграхи. Теперь остаётся пролить свет на то, как индийцы оказались в этой стране и как они справлялись со своими невзгодами до появления сатяграхи.

3. Появление индийцев в Южной Африке

В предыдущей главе было описано, как в Южной Африке оказались англичане. Они поселились в Натале, несколько потеснив зулусов. Они увидели, что в Натале можно выращивать превосходный сахарный тростник, чай и кофе. Для того, чтобы выращивать такие культуры в больших масштабах, потребовались бы тысячи работников, а это явно выходило за рамки возможностей горстки колонистов. Они пытались привлечь негров вначале «пряником», затем «кнутом», чтобы заставить их работать, но всё было тщетно, поскольку рабство тогда уже было отменено. Негр не привык к тяжёлой работе. Он может легко обеспечивать себя, работая всего шесть месяцев в году. Зачем тогда ему связывать себя с работодателем на длительный срок? Английские поселенцы не могли добиться никакого прогресса на своих плантациях из-за отсутствия стабильной рабочей силы. В этой связи они начали переговоры с правительством Индии и обратились к нему за помощью в предоставлении рабочей силы. Индийское правительство удовлетворило их просьбу, и первая группа рабочих-контрактников из Индии прибыла в Наталь 16 ноября 1860 года. Это стало поистине судьбоносной датой для нашего повествования. Не случилось бы этого, в Южной Африке не было бы индийцев, а следовательно, и сатьяграхи, и эта книга никогда бы не увидела свет.

На мой взгляд, правительство Индии поступило опрометчиво, пойдя на встречу англичанам. Британские чиновники в Индии сознательно или бессознательно симпатизировали своим собратям в Натале. Это правда, что в договорах было прописано максимальное количество условий, защищающих интересы индийских рабочих-контрактников. Немало усилий было приложено, чтобы гарантировать хорошие условия их содержания. Но не был должным образом проработан вопрос, как эти неграмотные рабочие, уехавшие в далёкую страну, будут добиваться возмещения ущерба, если у них возникнут какие-либо претензии. Никто не подумал об их религиозных потребностях или о сохранении их нравственности. Британские чиновники в Индии не учли, что, хотя рабство было отменено законом, работодатели, вероятно, не вполне будут свободны от искушения закабалить своих работников. Они не сознавали, хотя и следовало бы, что рабочие, отправившиеся в Наталь, фактически станут временными рабами. Покойный сэр У. У. Хантер, глубоко изучивший эти условия труда, в отношении них использовал замечательную фразу. Описывая индийских рабочих в Натале, он сказал, что они находились в состоянии полурабства. В иной раз в своём письме он описал их состояние как «граничащее с рабством». Представляя доказательства перед комиссией в Натале, самый видный европеец в этой колонии, покойный мистер Гарри Эскомб, также это признал. Свидетельства того же ряда можно легко обнаружить в заявлениях ведущих европейцев в Натале. Большинство из них были включены в петицию по данному вопросу, представленную правительству Индии. Но судьба распорядится по-своему. И пароход, который доставил этих рабочих в Наталь, нёс с собой семя великого движения сатьяграхи.

В виду нехватки места я не смогу подробно рассказать на этих страницах о том, как рабочие в Индии были введены в заблуждение индийскими же агентами по найму, связанными с Наталем; как

пребывая в этом заблуждении они покинули свою родину; как, по прибытии в Наталь, их глаза открылись; как они всё ещё продолжали там находиться; как другие последовали их примеру; как они нарушили все ограничения, налагаемые религией и моралью, или, если быть более точным, как эти ограничения ослабли, и как различие между замужней женщиной и наложницей перестало существовать для этих несчастных людей.

Когда известие о том, что рабочие-контрактники, отправившиеся в Наталь, достигли Маврикии (в настоящее время, островное государство в Южной Африке, *прим. перев.*), это побудило индийских торговцев, имевших связи с этими рабочими, последовать по их стопам. Тысячи индийцев, как рабочих, так и торговцев, поселились в Маврикий, находящейся по пути из Индии в Наталь. Индийский торговец в Маврикий, покойный Шет Абубакар Амад, подумывал об открытии в Натале магазина. Англичане в Натале тогда понятия не имели, на что способны индийские торговцы, впрочем, это их и не волновало. Им удалось выращивать очень прибыльные культуры сахарного тростника, чая и кофе при помощи контрактного труда. Они производили сахар и за удивительно короткое время обеспечили Южную Африку умеренным количеством сахара, чая и кофе. Они заработали так много денег, что построили себе роскошные особняки и превратили дикую местность в цветущий сад. В подобных обстоятельствах они, естественно, не возражали против того, чтобы такой честный и отважный торговец, как Абубакар Шет, поселился среди них. К этому стоит ещё добавить, что один англичанин фактически присоединился к нему в качестве делового партнёра. Абубакар Шет продолжал заниматься торговлей и купил землю. История его процветания дошла до Порбандара, его родного места, и до соседних районов. Впоследствии другие меманцы достигли Натала. Боры из Сурата последовали за ними. Этим торговцам нужны были бухгалтеры, и их сопровождали бухгалтеры-индусы из Гуджарата и Саураштры.

Таким образом, в Натале поселились два класса индийцев: во-первых, свободные торговцы и их свободные слуги; во-вторых, рабочие-контрактники. Со временем, у этих рабочих появились дети. Хотя эти дети и не были обязаны трудиться, на них распространялось действие ряда строгих положений колониального законодательства. Как могут дети рабов избежать клейма рабства? Рабочие отправились в Наталь по контракту сроком на пять лет. Они не были обязаны трудиться по истечении этого срока и имели право работать в качестве свободных рабочих или торговать в Натале и, при желании, поселиться там. Некоторые решили поступить именно так; другие вернулись домой. Те, кто остался в Натале, стали известны как «свободные индийцы». Необходимо понять особое положение этого класса. Они не обладали всеми правами, которыми обладали свободные индийцы, упомянутые мной в первую очередь. Например, они должны были получить пропуск прежде, чем куда-то переселиться. Если они вступали в брак и хотели, чтобы брак был признан законным, они должны были зарегистрировать его у официального лица, известного как Защитник индийских иммигрантов. На них также действовали другие строгие ограничения.

Индийские торговцы смекнули, что могли торговать не только с рабочими-контрактниками и «свободными индийцами», но и с неграми. Индийские торговцы были очень удобны для негров, трепетавших перед европейскими торговцами. Европейские торговцы хотели иметь дело с неграми,

но последние не могли ожидать от первых какой-либо куртуазности. Они считали за большую удачу, когда европейский торговец полностью выполнял свои обязательства за полученные от них деньги. У некоторых из них был ещё более горький опыт. Скажем, кто-то мог купить товар стоимостью в четыре шиллинга, положить на прилавок соверен (монета номиналом в двадцать шиллингов, *прим. перев.*) и получить четыре шиллинга в качестве баланса вместо шестнадцати, а иногда даже вообще ничего. Если бедный негр просил остаток или показывал, что выплаченная ему сумма была меньше причитающейся, в ответ от получал грубое оскорбление. Он мог поблагодарить свою судьбу, если на этом всё и заканчивалось – бывало, что оскорбление подкреплялось ударом или пинком. Я не хочу сказать, что все английские торговцы вели себя подобным образом. Но можно утверждать с уверенностью, что число таких случаев было довольно велико.

С другой стороны, индийские торговцы находили доброе слово для негров и даже шутили с ними. Простой негр мог войти в магазин, взять в руки и осмотреть товары, которые он хотел купить. Индийские торговцы всё это разрешали. Это правда, что в этом они не руководствовались альтруистическими мотивами, возможно, это было как-то связано с их личными интересами. Индийцы, возможно, не упустили бы возможности и обмануть своих чернокожих клиентов, но благодаря своей вежливости они обрели среди негров популярность. Более того, негры не испытывали страха перед индийскими торговцами. С другой стороны, имели место случаи, когда индийцы пытались негров обмануть, но, когда это обнаруживалось, последние задавали трёпку первым. Нередко именно негритянские покупатели обманывали индийских торговцев. Таким образом, что касается индийцев и негров, то первые боялись последних. В результате торговля с неграми оказалась очень выгодной для индийских торговцев. Негры же проживали во всех частях Южной Африки.

В 80-х годах прошлого века в Трансваале и Оранжевом свободном государстве существовали бурские республики. Едва ли мне нужно говорить, что в этих республиках негры не имели никакой власти, которая сосредоточилась в руках белых людей. Индийские торговцы слышали, что они также могли торговать с бурами, которые, будучи простыми, прямолинейными и непритязательными людьми, не посчитали бы ниже своего достоинства иметь дело с индийскими торговцами. Поэтому несколько индийских торговцев отправились в Трансвааль и Свободный штат и открыли там свои магазины. В то время там не было железных дорог, и они получали большую прибыль. Ожидания индийских торговцев оправдались, их торговля с клиентами-бурами и неграми набрала большие обороты. Точно также несколько индийских торговцев отправились в Капскую колонию и начали довольно прилично зарабатывать. Таким образом, индийцы расселились в небольших количествах во всех четырёх колониях.

Абсолютно свободных индийцев сейчас насчитывается от сорока до пятидесяти тысяч, в то время как так называемых «свободных индийцев», то есть рабочих, освобождённых от контрактных обязательств, а также их потомков – приблизительно сто тысяч человек.

4. Обзор жалоб (Наталь)

Европейские плантаторы Наталя хотели заполучить только рабов. Они не могли позволить себе иметь работников, которые после завершения трудового контракта могли бы свободно с ними конкурировать, пусть и в незначительной степени. Без сомнения, рабочие-контрактники отправились в Наталь потому, что не были очень успешны в сельском хозяйстве или других сферах деятельности в родной Индии. Но не следует думать, что они ничего не знали о сельском хозяйстве или не понимали ценности земли. Они выяснили, что если бы они выращивали в Натале хотя бы одни только овощи, то имели бы от этого хорошие доходы, тем более, владея при этом небольшим участком земли. Поэтому многие по завершению своих контрактов начали заниматься какой-то мелкой торговлей. В целом это было выгодно поселенцам в Натале. Появились различные виды овощей, которые раньше не выращивались из-за отсутствия квалифицированных земледельцев. Другие же виды, которые выращивались до того лишь в небольших количествах, теперь были в изобилии. Результатом этого стало падение цен на овощи. Но европейским плантаторам не понравилось такое развитие событий. Они почувствовали, что теперь у них есть конкуренты в области, в которой, как они считали, у них была полная монополия. Так было начато движение против этих бедных бывших работников-контрактников. Читатель, вероятно, будет удивлён, что в то время как, с одной стороны, европейцам требовалось всё больше и больше рабочих и они легко принимали ровно столько из них, сколько приезжало из Индии, с другой стороны, они начали широкую кампанию по преследованию своих бывших рабочих-контрактников. Это стало наградой за их умение и тяжкий труд!

Это движение приняло множество форм. Одна группа агитаторов требовала, чтобы рабочие по истечению их контрактов отправлялись обратно в Индию. Это предполагало, что новые рабочие, прибывающие в Наталь, теперь должны были включить в свои контракты новый пункт об их обязательном возвращении в Индию по истечении срока работы, если они не собирались её продлевать. Вторая группа выступала за введение большого ежегодного подушного налога на работников, которые не заключили новый контракт по завершению первого пятилетнего периода. Однако, обе эти группы преследовали одни и те же цели, а именно всеми правдами и неправдами сделать совершенно невозможным для бывших рабочих-контрактников проживать в Натале как свободные люди. Их кампания достигла таких серьёзных масштабов, что правительство Наталя назначило комиссию. Поскольку требования обоих этих групп агитаторов были совершенно несправедливыми, а нахождение бывших рабочих-контрактников явно было выгодно для всего населения с экономической точки зрения, учтённые комиссией независимые доказательства были не в пользу агитаторов. Таким образом, они не смогли достичь на тот момент каких-либо ощутимых результатов. Но поскольку пламя, хоть и потушенное, оставляет после себя какой-то след, волнения произвели некоторое впечатление на правительство Наталя. Как могло быть иначе? Правительство Наталя было дружелюбно настроено по отношению к плантаторам. Поэтому оно связалось с правительством Индии и передало ему предложения обеих групп. Однако индийское правительство не могло сразу принять предложения, означавшие пожизненное рабство для рабочих-контрактников.

Одним из оправданий или поводов для отправки рабочих в такую далёкую страну по контракту было то, что по завершению контракта они были вольны в полной мере развивать свои способности и, следовательно, улучшать своё экономическое положение. Поскольку Наталь в то время всё ещё оставался колонией, не имеющей самоуправления, Министерство по делам колоний несло за неё полную ответственность. Так что Наталь не мог рассчитывать на помощь и с этой стороны в удовлетворении своих несправедливых требований. По этой и аналогичным причинам было начато движение за самоуправление, и, в конечном итоге, в 1893 году Наталь его получил. Теперь Наталь ощутил свою силу. Министерство по делам колоний теперь легко шло на встречу любым требованиям, выдвигаемым Наталем. Делегаты от нового самостоятельного правительства Наталя прибыли в Индию для переговоров с правительством Индии. Они предложили ввести ежегодный подушный налог в размере двадцати пяти фунтов или трёхсот семидесяти пяти рупий с каждого индийца, освобождённого от контракта. Было очевидно, что ни один индийский рабочий не мог заплатить такой непомерно высокий налог и жить в Натале как свободный человек. Лорд Элджин, генерал-губернатор Индии, счёл эту сумму непомерной и, в конечном счёте, согласился на ежегодный подушный налог в размере трёх фунтов. Это было эквивалентно почти шестимесячному контрактному заработку. Налог при этом взимался не только с самого работника, но и с его жены, его дочерей в возрасте от тринадцати лет и его сыновей в возрасте от шестнадцати лет. Едва ли бы нашёлся хоть один работник, у которого не было бы жены и пары детей. Таким образом, как правило, каждый работник должен был платить ежегодный налог в размере двенадцати фунтов. Невозможно описать трудности, которые этот налог за собой повлёк. Только те, кто действительно пережил эти трудности, мог осознать всю их тяжесть, и только те, кто был свидетелем их страданий, могли получить о них некоторое представление. Индийцы вели мощную кампанию против этой акции правительства Наталя. Имперскому и индийскому правительству были посланы петиции об уменьшении суммы налога. Что могли сделать или понять в этом вопросе бедные рабочие? Кампанию от их имени вели индийские торговцы, движимые мотивами патриотизма или филантропии.

Свободным индийцам жилось не лучше. Европейские торговцы Наталя вели аналогичную кампанию и против них, в основном, исходя из тех же самых причин. Индийские торговцы были хорошо известны. Они приобретали земли в хороших местах. По мере того, как число освобождённых рабочих увеличивалось, спрос на необходимые им товары становился всё больше и больше. Мешки риса тысячами ввозились из Индии и продавались с хорошей прибылью. Естественно, что эта торговля в основном находилась в руках индийцев, у которых, помимо того, были значительные торговые обороты с зулусами. Таким образом, они стали бельмом на глазу для мелких европейских торговцев. Опять-таки, некоторые англичане подсказали индийским торговцам, что в соответствии с законом они имели право голосовать на выборах в Законодательное собрание Наталя, а также выставлять туда свои кандидатуры. Так что некоторые индийцы внесли свои имена в список избирателей. Это вынудило европейских политиков Наталя пополнить ряды анти-индийцев. Они сомневались в способности европейцев конкурировать с индийцами, если престиж последних повысится, а их положение в Натале укрепится. Поэтому первым шагом, предпринятым самостоятельным правительством Наталя по отношению к свободным индийцам, было решение

принять закон, который лишал бы избирательных прав всех азиатов, за исключением тех, кто на тот момент на законных основаниях находился в избирательных списках. Соответствующий законопроект был впервые внесён в Законодательное собрание Наталя в 1894 году. Он базировался на принципе лишения избирательного права индийцев именно как индийцев. В Натале это было первым расово дискриминационным законодательным актом, затрагивающим интересы индийцев. Последние воспротивились этой мере. За одну ночь была подготовлена петиция, к которой было приложено четыреста подписей. Петиция была представлена Законодательному собранию Наталя. Но законопроект всё равно был принят. Петиция с десятью тысячами подписей была представлена лорду Рипону, который в то время был государственным секретарем по делам колоний. Десять тысяч подписей означали почти всё тогдашнее население свободных индийцев в Натале. Лорд Рипон отклонил законопроект и заявил, что Британская империя не может согласиться на установление в законодательстве цветовой шкалы. Позже читатель сможет оценить, насколько велика была эта победа для индийцев. В связи с этим правительство Наталя выдвинуло ещё один законопроект, устраняющий расовые различия, но косвенно ущемляющий индийцев. Индийцы опротестовали и этот законопроект, но безуспешно. Этот новый законопроект был двусмысленным. Индийцы могли предоставить его на рассмотрение в судебный комитет Государственного совета, но сочли более целесообразным этого не делать. Я по-прежнему думаю, что они поступили правильно, избежав тем самым бесконечной судебной тяжбы. Немаловажным было и то, что цветовой дискриминации не допустили.

Но плантаторам и правительству Наталя этого было мало. Подавление политической власти индийцев в зародыше было для них лишь необходимым первым шагом. Реальной же мишенью для их атаки была торговля с индийцами и их свободная иммиграция. Европейцам было не по себе при мысли, что Наталь может быть наводнён миллионами иммигрантов из Индии. Приблизительное население Наталя в то время составляло 400000 зулусов и 40000 европейцев по сравнению с 60000 контрактников, 10000 бывших контрактников и 10000 свободных индийцев. У европейцев не было веских оснований для своих опасений, но невозможно убедить аргументами людей, охваченных иррациональными страхами. Поскольку они не знали о беспомощном положении Индии и о нравах и обычаях индийского народа, у них сложилось впечатление, что индийцы были такими же предприимчивыми и находчивыми, как и они сами. Вряд ли эту малочисленную кучку можно было бы винить в том, что они создали для себя жупел из огромного индийского народа. Как бы то ни было, результатом успешного сопротивления законопроекту о лишении избирательных прав индийцев стало то, что в двух других законах, принятых законодательным органом Наталя, расовая дискриминация не значилась и они должны были достигать своих целей другими, опосредованными способами. Таким образом, положение индийцев было не таким уж плохим. Индийцы и здесь оказали упорное сопротивление, но, тем не менее, законы были приняты. Один из них накладывал серьёзные ограничения на торговлю с Индией, другой – на иммиграцию индийцев в Наталь. Суть первого акта сводилась к тому, что никто не имел права заниматься торговлей без официально выданной лицензии и соответствующих положений. Что это означало на практике: любой европеец мог получить эту лицензию, тогда как индийцу приходилось здесь сталкиваться с бесконечными трудностями. Ему

приходилось нанимать адвоката и нести прочие расходы. Тем, кто не мог себе этого позволить, лицензия, естественно, не светила. Главное положение другого закона заключалось в том, что в колонию могли въехать только иммигранты, сдавшие экзамен на знание одного из европейских языков. Это закрывало двери Натале для десятков миллионов индийцев. Справедливости ради должен сказать, что закон этот также предусматривал следующее: индеец, проживший в Натале в течение трёх лет до принятия этого закона, мог получить свидетельство о месте жительства, что позволяло ему покинуть колонию и вернуться в любое время со своей женой и несовершеннолетними детьми без необходимости сдавать языковой экзамен.

Контрактники и свободные индийцы в Натале подвергались и другим ограничениям, как юридическим, так и внеправовым, в дополнение к описанным выше. Но я не считаю необходимым обременять читателя их перечислением. Я предлагаю рассматривать лишь детали, необходимые для ясного понимания главного предмета. История положения индийцев в разных частях Южной Африки заняла бы много места, и это бы вышло за рамки настоящего повествования.

5. Обзор жалоб (Трансвааль и другие колонии)

Как и в Натале, так и в других колониях анти-индийские предрассудки в той или иной степени распространялись ещё до 1880 года. За исключением Капской колонии, общее мнение сводилось к тому, что индийцы были вполне хорошими работниками, но многие европейцы затвердили себе как аксиому, что иммиграция свободных индийцев для Южной Африки была совершенно невыгодной. Трансвааль являлся республикой. Заявления индийцев о своём британском гражданстве перед его президентом вызывало лишь насмешки. Если у них возникали какие-то претензии, всё, что они могли сделать – это довести их до сведения британского агента в Претории. Но когда Трансвааль перешёл под британский флаг, к их удивлению, не оказалось никого, от кого индийцы могли бы ожидать даже такой ограниченной помощи как от агента во времена независимости. Во время пребывания лорда Морли на посту государственного секретаря по делам Индии к нему прибыла делегация от имени индийцев. Он начал говорить им о том, что, мол, как было известно членам делегации, имперское правительство могло осуществлять лишь небольшой контроль над суверенными доминионами. Они не могли им ничего диктовать; они могли лишь умолять, спорить, настаивать на том, чтобы следовали их принципам. Действительно, в некоторых случаях они более эффективно выражали свой протест иностранным державам, как, например, в случае с Бурской республикой, чем своему собственному народу в колониях. Отношения метрополии с колониями напоминали шёлковые узы, разрывавшиеся при малейшем натяжении. Поскольку о применении силы не могло быть и речи, лорд Морли заверил делегацию, что сделает всё возможное путём переговоров. Когда же Трансваалю была объявлена война, лорд Лансдаун, лорд Селборн и другие британские государственные деятели заявили, что возмутительное обращение Южноафриканской Республики с индийцами было одной из её причин.

Теперь давайте подробнее рассмотрим, каким было это обращение. Индийцы впервые прибыли в Трансвааль в 1881 году. Покойный Шет Абубакар открыл магазин в Претории и купил участок на одной из её главных улиц. Другие индийские торговцы последовали его примеру. Их большие успехи вызвали зависть у их европейских коллег. Те запустили анти-индийскую кампанию в газетах и отправили петиции в Фольксраад, местный парламент, с мольбой изгнать индийцев и запретить им торговать. У европейцев в этой недавно открытой стране была безграничная жажда к обогащению. Во многом им были чужды какие-либо моральные императивы. Вот некоторые их утверждения в петициях: «У этих индийцев отсутствует чувство добропорядочности. Они страдают от отвратительных болезней. Они считают каждую женщину своей добычей. Они верят, что у женщин нет души». Каждое из этих предложений – ложь. Подобные образчики легко размножались как европейцами, так и их представителями. Индийские торговцы и не подозревали, какое зловерное и несправедливое движение против них велось. Они не читали газет. Кампания в газетах и петиции возымели желаемый эффект, и соответствующий законопроект был внесён в Фольксраад. Самые влиятельные индийцы были ошеломлены, узнав о таком развитии событий. Они отправились к президенту Крюгеру. Тот даже не впустил их на свой порог, и они вынуждены были стоять во дворе.

Послушав их какое-то время, он сказал: «Вы потомки Измаила и поэтому с самого рождения обязаны быть рабами потомков Исава. Как потомки Исава, мы не можем признать вас равноправными себе. Вы должны довольствоваться теми правами, которые мы предоставляем вам». Нельзя сказать, что этот ответ Президента был продиктован злобой или гневом. Президента Крюгера с детства учили историям из Ветхого Завета, и он искренне в них верил. Как мы можем винить человека, который откровенно выражает свои мысли такими, каковы они есть? Невежество, однако, неизбежно наносит вред, даже если оно сопряжено с искренностью, и в результате в 1885 году в Фольксрааде был принят очень суровый закон, словно бы тысячи индийцев собирались заполнить Трансвааль. Британский агент был вынужден вмешаться в это дело по просьбе индийских лидеров. В конце концов, этот вопрос был передан на рассмотрение государственному секретарю по делам колоний. В соответствии с этим Законом №3 от 1885 года каждый индеец, поселяющийся в Республике с целью ведения торговли, должен был зарегистрироваться за двадцать пять фунтов стерлингов под угрозой суровых штрафов, и ни один индеец не мог иметь даже пяди земли или пользоваться правами гражданства. Всё это было настолько явно несправедливо, что правительство Трансвааля не могло отстоять этот закон в прениях. Между бурами и англичанами существовал договор, известный как Лондонская конвенция, и его статья XIV гарантировала права британских подданных. Британское правительство опротестовало это закон как противоречащий этой статье. Буры же в ответ настаивали на том, что британское правительство ранее дало своё согласие на соответствующий закон, явное или неявное.

Таким образом, между британским и бурским правительствами разгорелся спор, и дело было передано в арбитраж. Решение арбитража было неудовлетворительным, поскольку он старался угодить обеим сторонам. В итоге, в проигрыше оказались индийцы. Единственное преимущество, которое они получили, если это можно назвать преимуществом, сводилось к тому, что они потеряли не так много, как могли. Закон был изменён в 1886 году в соответствии с решением арбитража. Регистрационный взнос был снижен с двадцати пяти до трёх фунтов. Убрали пункт, полностью запрещавший индийцам владеть земельной собственностью. Вместо этого было предусмотрено, что индийцы могут владеть недвижимостью в местах, кварталах и улицах, специально выделенных для их проживания правительством Трансвааля. Правительство не выполнило честно условия изменённого пункта и отказало индийцам в праве на покупку и свободное владение землёй даже в предусмотренных для этого местах. Во всех городах, населенных индийцами, им отводились грязные районы, расположенные вдали от городов; там не было ни водоснабжения, ни освещения, ни каких-либо санитарных удобств. Таким образом, индийцы стали панчами (отбросами, хинди, *прим. перев.*) Трансвааля. Можно с уверенностью сказать, что между этими районами и кварталами неприкасаемых в Индии нет никакой разницы. Точно так же, как индусы верят, что прикосновение к дхедам (неприкасаемым) или проживание в их окрестностях равносильно осквернению, так и европейцы в Трансваале верили, или им хотелось в это верить из практических соображений, что физический контакт или проживание рядом с индийцами было чем-то нечистым. И снова правительство Трансвааля истолковало Закон №3 от 1885 года в том ключе, что индийцы могли торговать исключительно в этих местах. Арбитраж решил, что толкование закона оставалось в компетенции судебных органов Трансвааля. Так что индийские торговцы оказались в очень

затруднительном положении. И всё же им удалось достаточно хорошо отстоять свою позицию, ведя переговоры в одном месте, обращаясь в суды в другом и используя то небольшое влияние, которым они обладали, в третьем. Таково было жалкое и хрупкое положение индийцев в Трансваале в преддверии англо-бурской войны.

Теперь рассмотрим положение индийцев в Свободном государстве. Едва только дюжина индийцев успела открыть там свои магазины, как европейцы начали против них мощную кампанию. Фольксраад принял суровый закон и изгнал всех индийских торговцев из Свободного государства, присудив им номинальную компенсацию. Этот закон предусматривал, что ни один индиец в Свободном государстве ни при каких обстоятельствах не мог владеть недвижимостью, заниматься коммерцией и сельским хозяйством, а также пользоваться правами франшизы. При особом разрешении индиец мог устроиться чернорабочим или официантом в отель. Но власти не были обязаны выдавать даже такое драгоценное разрешение в каждом конкретном случае. В результате уважаемый индиец не мог прожить в Свободном государстве даже пару дней без больших затруднений. Во время Англо-бурской войны в Свободном государстве не осталось индийцев за исключением нескольких официантов.

В Капской колонии также велась некоторая печатная пропаганда против индийцев, и обращение, которому они подвергались, не было лишено унижительных черт. Например, индийские дети не могли посещать государственные школы и т.д., а индийские путешественники с трудом могли обеспечить себе проживание в отелях. Но долгое время не было никаких ограничений в торговле и покупке земли.

Для такого положения вещей были свои причины. Как мы уже выяснили, малайцы составляли значительную долю населения Капской колонии в целом и Кейптауна в частности. Поскольку малайцы являются мусульманами, они вскоре вступили в контакт со своими индийскими единоверцами, а затем и с другими индийцами. Более того, некоторые индийские мусульмане женились на малайских женщинах. Как могло правительство Капской колонии издавать законы против малайцев? Колония была их родиной, голландский – их родным языком, они с самого начала жили вместе с голландцами и поэтому во многом переняли их образ жизни. Таким образом, Капская колония меньше всего пострадала от расовых предрассудков.

Опять же, поскольку Капская колония была старейшим поселением и главным культурным центром Южной Африки, выходцами оттуда были трезво мыслящие, воспитанные и великодушные европейцы. На мой взгляд, на земле нет места и нет расы, которая не могла бы произвести на свет прекраснейших представителей человечества, конечно, при подходящих для того условиях и образовании. Мне посчастливилось встретить подобных людей во всех уголках Южной Африки. Однако, в Капской колонии пропорция таких людей была гораздо выше. Возможно, самым известным и наиболее образованным среди них является мистер Мерриман, член первого и последующих министерств, оказавшихся у власти после предоставления Капской колонии самоуправления в 1872 году. Он служил премьер-министром и в самом последнем министерстве, когда в 1910 году был

создан Южно-Африканский Союз, и был известен как Гладстон (английский государственный деятель и писатель, чьё имя здесь используется как имя нарицательное, *прим. перев.*) Южной Африки. Ещё там есть Молтено и Шрайнеры. Сэр Джон Молтено был первым премьер-министром колонии в 1872 г. Г-н У. П. Шрайнер был известным адвокатом. Какое-то время он прослужил генеральным прокурором, а затем стал премьер-министром. Его сестра, Оливия Шрайнер, была одарённой женщиной, популярной в Южной Африке и хорошо известной везде, где говорят на английском. Она прославилась ещё с тех пор, как написала свои «Мечты». Её любовь ко всему человечеству была безгранична. Эта любовь читалась в её глазах. Хотя она принадлежала к очень знатному роду и была весьма образованной дамой, её привычки были настолько просты, что у себя дома она сама мыла посуду. Мистер Мерримен, Молтено и Шрайнеры всегда поддерживали дело негров. Всякий раз, когда пытались ущемить их права, они непременно вставали на их защиту. Они испытывали добрые чувства и к индийцам, хотя и проводили различие между неграми и индийцами. Их аргумент состоял в том, что, поскольку негры были коренными жителями Южной Африки задолго до европейских поселенцев, последние обязаны были уважать естественные права первых. Что же касается индийцев, они не видели несправедливости в принятии законов, которые бы предотвратили опасность, исходившую от чрезмерной их конкуренции. Однако, в их сердцах находился тёплый уголок и для индийцев. Когда Гокхале отправился в Южную Африку, г-н Шрайнер председательствовал на собрании городской ратуши в Кейптауне, где ему оказали первый публичный приём в этой стране. Г-н Мерриман также отнёсся к нему с большой учтивостью и выказывал свою симпатию делу индийцев. Были и другие европейцы такого же склада, как мистер Мерримен. Я упомянул лишь самые известные имена.

Газеты в Кейптауне также были менее враждебны к индийцам, чем в других частях Южной Африки.

Хотя именно по этим причинам в Капской колонии всегда было меньше расовой ненависти, чем в других областях, вполне естественно, что анти-индийские настроения, постоянно находившие своё выражение в других колониях, проникли и туда. Там тоже приняли два закона – кальки с законов Наталя, а именно Закон об ограничении иммиграции и Закон о торговых лицензиях.

Можно сказать, что, таким образом, дверь в Южную Африку, до того широко распахнутая, была почти закрыта для индийцев во время англо-бурской войны. В Трансваале не было никаких ограничений по иммиграции, кроме регистрационного сбора в размере трёх фунтов стерлингов. Когда Наталь и Капская колония закрыли свои порты для индийцев, у тех возникли трудности с высадкой по пути в Трансвааль, находившийся в глубине страны. Они могли добраться туда через бухту Делагоа, порт, принадлежавший португальцам. Но те также в какой-то степени подражали англичанам. Следует упомянуть, что некоторые «шальные» индийцы всё же нашли путь в Трансвааль через Наталь или залив Делагоа, испытывая при этом большие трудности или подкупив портовых чиновников.

6. Обзор ранней борьбы

Рассматривая положение индийцев в предыдущих главах, мы в некоторой степени уяснили для себя, как они противостояли совершаемым на них нападениям. Однако, для получения адекватного представления об истоках сатьяграхи, необходимо уделить особое внимание тем усилиям, которые предпринимались для защиты интересов индийцев в предшествующую ей эпоху.

Вплоть до 1893 года в Южной Африке почти не было свободных и хорошо образованных индийцев, способных поддержать дело защиты индийских интересов. Знающие английский язык индийцы были в основной своей массе клерками, чьё знание английского языка не выходило за рамки их профессиональных потребностей и было недостаточным, чтобы внятно сформулировать какие-либо запросы. Помимо того, они должны были всё своё время отдавать работодателям. Вторая группа индийцев с английским образованием состояла из тех, кто родился в Южной Африке. В основном, это были потомки наёмных рабочих. Обладая минимальной квалификацией, они состояли на государственной службе в качестве судебных переводчиков. Таким образом, они были неспособны помочь делу индийцев, кроме как выразить им своё сочувствие.

Опять-таки, контрактники, бывшие и нынешние, в основном были родом из Уттар-Прадеша и штата Мадрас. Как мы уже выяснили, мусульмане, как правило, были торговцами, индусы же – клерками, представлявшими в основной своей массе класс свободных индийцев-гуджаратцев. Кроме того, было несколько торговцев и клерков парсов, но общая численность парсов в Южной Африке, вероятно, не превышала тридцати-сорока человек. Четвёртой группой свободных индийцев были торговцы синдхи. В Южной Африке насчитывалось примерно две сотни или немногим более синдхов. Где бы синдхи ни расселялись за пределами Индии, они торговали «модными товарами», то есть шелками и парчой, резными сундуками и прочей мебелью из чёрного дерева, сандалового дерева, слоновой кости и подобными товарами. Их клиентами, в основном, были европейцы.

Рабочих-контрактников европейцы называли «кули». «Кули» означает носильщик. Это прозвище использовалось настолько широко, что контрактники также стали называть себя «кули». Сотни европейцев называли индийских юристов и торговцев «кули-адвокатами» и «кули-торговцами».

Некоторые европейцы не понимали или не верили, что это слово подразумевает оскорбление, но многие использовали его намеренно, чтобы унижить. Поэтому свободные индийцы старались отличаться от рабочих-контрактников. По этой и другим причинам, характерным для условий Индии, в Южной Африке пытались провести различие между рабочими-контрактниками и бывшими контрактниками, с одной стороны, и свободными индийцами – с другой.

Свободные индийцы и особенно торговцы-мусульмане попытались противостоять описанным выше несправедливостям, но не было предпринято никаких попыток напрямую заручиться поддержкой нынешних или бывших рабочих-контрактников. Вероятно, никому просто не приходило это в голову.

Если же у кого-то эта идея и возникала, они опасались ещё больше усугубить ситуацию, позволив этим рабочим примкнуть к их движению. А поскольку считалось, что свободные торговцы были главной мишенью нападков, меры по защите индийцев ограничивались только этим классом. Можно с уверенностью сказать, что свободные индийцы успешно боролись со своими невзгодами, учитывая все негативные последствия этой борьбы для них лично, плохое знание английского языка и недостаток опыта публичной деятельности в Индии. Они обращались за помощью к европейским адвокатам, составляли петиции, в некоторых случаях отправляли делегации к властям и вообще делали всё возможное, чтобы как-то улучшить ситуацию. Таково было положение вещей вплоть до 1893 года.

Читателю не помешает узнать некоторые ключевые даты. До 1893 года индийцев изгоняли из Оранжевого свободного государства. В Трансваале действовал Закон №3 от 1885 года. В Натале рассматривались меры, направленные на то, чтобы в колонии могли жить только рабочие-контрактники, а остальным давать «от ворот поворот», для чего колония и получила самоуправление.

Я выехал из Индии в Южную Африку в апреле 1893 года. Я понятия не имел обо всех предшествующих злоключениях тамошних индийских эмигрантов. Я поехал туда с чисто деловым визитом. Известная фирма Порбандар Меманс в то время вела торговлю в Дурбане под маркой Дада Абдулла. Не менее известная конкурирующая фирма под руководством Таиба Хаджи Ханмамада торговала в Претории. К сожалению, между конкурентами должна была состояться большая судебная тяжба. Партнёр фирмы Дада Абдулла, проживающий в Порбандаре, посчитал, что мой приезд в Южную Африку мог помочь их делу. Меня только приняли в коллегию адвокатов, и в этой профессии я был совсем новичком. Однако, в фирме не опасались, что я мог провалить их дело в суде, поскольку мои услуги должны были ограничиться консультированием уже нанятых ими хороших местных адвокатов. Я был в восторге от новых впечатлений. Мне нравилось смотреть на зелёные поля и пастбища. Я чувствовал отвращение, давая комиссионные тем, кто обеспечивал меня работой [в Индии]. Атмосфера интриг в Саураштре действовала на меня удушающе. Предполагалось, что в Южной Африке я пробуду не более года. Так что у меня не было особых причин отклонить это предложение. Я ничего не терял, поскольку компания Дада Абдулла выразила готовность оплатить мои дорожные издержки, а также все текущие расходы в Южной Африке, не говоря о гонораре в размере ста пяти фунтов. Эта договорённость была достигнута через моего ныне покойного старшего брата, который был для меня словно отец. Его воля была для меня подобна приказу. Ему понравилась идея моей поездки в Южную Африку. Итак, я прибыл в Дурбан в мае 1893 года.

Будучи адвокатом, я был хорошо одет сообразно своему вкусу и прибыл в Дурбан, полный чувства собственной значимости. Но вскоре меня постигло разочарование. Нанявший меня партнёр Дада Абдуллы рассказал мне о том, как обстояли дела в Натале. Но то, что я увидел там собственными глазами, абсолютно противоречило его иллюзорной картинке. Впрочем, мой информатор был не виноват. Он был простым, честным человеком, не знающим реального положения вещей. Он понятия не имел о трудностях, с которыми сталкивались индийцы в Натале. К примеру, нанесение им тяжких

оскорблений не представлялись ему чем-то необычным. В первый же день я увидел, что европейцы обращались с индийцами самым оскорбительным образом.

Я не буду описывать свой горький опыт в судах в течение двух недель со дня моего прибытия, трудности, с которыми я столкнулся в железнодорожных переездах, побои, получаемые мною в пути, а также практическую невозможность устроиться жить в гостинице. Достаточно сказать, что всё это оставило во мне глубокий след. Для меня, в первую очередь, это была деловая поездка, продиктованная личной заинтересованностью и любопытством. Поэтому в течение первого года я был просто свидетелем, а также жертвой этих несправедливостей. Затем во мне пробудилось чувство долга. Я увидел, что с точки зрения каких-то личных интересов Южная Африка мне не подходила. Я не только не желал, но и испытывал явное отвращение к зарабатыванию денег или нахождению в стране, где меня оскорбляли. Передо мной стояла дилемма, и возможными представлялись два варианта развития событий. Я мог либо выйти из соглашения с компанией Дада Абдулла на том основании, что мне стали известны не раскрытые мне ранее обстоятельства, и вернуться в Индию. Или мне оставалось дальше переносить все трудности и действовать в соответствии с контрактными обязательствами. Полицейский констебль в Марицбурге вытолкнул меня из поезда, и, когда поезд отъехал, я вынужден был сидеть в зале ожидания, дрожа от пронизывающего холода. Я не знал, где мой багаж, и не осмеливался ни у кого об это спросить, чтобы снова не подвергнуться оскорблению или чему похуже. О сне не могло быть и речи. Сомнение овладело моим разумом. Поздно ночью я пришёл к выводу, что бежать обратно в Индию было бы трусостью. Я должен был выполнить то, что я обязался сделать. Я должен был добраться до Претории, не обращая внимания на оскорбления и даже побои. Претория была моей целью, а именно судебная тяжба, которая там велась. Я решил по возможности предпринять некоторые шаги параллельно с моей адвокатской работой. Это решение несколько успокоило и укрепило меня, но в ту ночь я так и не смог заснуть.

На следующее утро я телеграфировал в компанию Дада Абдулла и главному управляющему железной дороги. Ответы пришли от обоих. Дада Абдулла и его партнёр Шет Абдулла Хаджи Адам Джавери, находившийся тогда в Натале, приняли решительные меры. Они телеграфировали своим индийским агентам в разных городах, чтобы они позаботились обо мне. Они также встретились с главным управляющим железными дорогами. Индийские торговцы Марицбурга навестили меня после того, как местный агент получил телеграмму. Они пытались утешить меня и сказали, что у всех у них был подобный горький опыт, но они не возражали против подобных вещей, поскольку к ним уже привыкли. Торговля и эмоциональная ранимость плохо сочетаются друг с другом. Поэтому они взяли себе за правило прибирать оскорбления в карман, словно это были денежные банкноты. Они рассказали мне, что индийцы не могли попасть на железнодорожную станцию через главные ворота, а также о сложностях с покупкой билетов. В тот же вечер я уехал в Преторию. Всемогущий Знаток Сердец (Бог, *прим. перев.*) сполна подвергнул мою решимость испытанию. Я страдал от новых оскорблений и новых побоев по пути в Преторию. Но всё это только укрепило меня в моей решимости.

Таким образом, в 1893 году я получил полное представление о положении индийцев в Южной Африке. Но я ничего не предпринимал, не считая случайных бесед на эту тему с индийцами в Претории. Мне казалось, что было невозможно одновременно заниматься судебным делом фирмы и как-то реагировать на жалобы индийцев в Южной Африке. Я понимал, что, попытавшись совместить два этих дела, загубил бы оба. И вот, наступил 1894 год. Я вернулся в Дурбан и собирался уже отправиться в Индию. На прощальной вечеринке, устроенной в мою честь Дадой Абдуллой, кто-то вложил мне в руки копию «Меркурия Наталя» (издававшейся в ту пору в Натале газеты, *прим. перев.*). Там я прочитал подробный отчёт о работе Законодательного собрания Наталя, в том числе несколько строк, озаглавленных «Индийская франшиза». Местное правительство собиралось внести законопроект о лишении индийцев гражданских прав, что могло быть только началом на пути сокращения тех немногих прав, которыми они в то время пользовались. Произносимые в то время речи не оставляли сомнений в намерениях правительства. Я зачитал этот отчёт торговцам и другим присутствующим и, как мог, объяснил им ситуацию. Я не располагал всеми фактами. Я высказал мысль, что индийцы должны были энергично сопротивляться этому посягательству на их права. Они согласились с этим, но добавили, что были неспособны вести эту борьбу самостоятельно и попросили меня остаться. Я согласился остаться ещё на месяц или около того – предполагалось, что к тому времени наша борьба завершится. В тот же вечер я составил петицию для представления её в Законодательное собрание. Правительству была направлена телеграмма с просьбой отложить принятие закона. Сразу же был образован комитет под председательством Шета Хаджи Адама, от чьего имени и была отправлена телеграмма. Дальнейшее чтение законопроекта было отложено на два дня. Эта была первая петиция, когда-либо направленная индийцами в законодательный орган Южной Африки. Это действительно произвело впечатление, хотя и не смогло предотвратить принятие закона – более поздняя история этого изложена в четвёртой главе. Для южноафриканских индийцев это был первый опыт подобной кампании, и новый прилив энтузиазма охватил общину. Собрания проводились каждый день, становясь всё более многочисленными. Для нашей борьбы было собрано сверх необходимых для неё средств. Многие волонтеры помогали с подготовкой копий, сбором подписей и делали другую подобную работу без какого-либо вознаграждения. Были и другие, совмещавшие работу со сбором средств. Потомки бывших индийцев-контрактников с готовностью присоединились к движению. Они знали английский и могли писать красивым почерком. День и ночь они безропотно занимались копированием и другой работой. В течение месяца петиция с десятью тысячами подписей была направлена лорду Рипону. Таким образом, была выполнена поставленная мною на тот момент задача.

Я попросил отпустить меня домой. Но наша кампания вызвала настолько живой интерес среди индийцев, что они не хотели меня отпускать. Они сказали: «Вы сами объяснили нам, что это лишь первый шаг в нашем полном поражении в правах. Кто знает, даст ли министр по делам колоний положительный ответ на нашу петицию? Вы были свидетелями нашего энтузиазма. Мы готовы работать, засучив рукава. У нас тоже есть средства. Но из-за отсутствия руководителя то небольшое, что было сделано, просто пойдёт насмарку. Поэтому мы считаем, что Ваш долг – остаться». Я тоже подумал, что было бы хорошо создать постоянную организацию, защищающую интересы индийцев.

Согласно моим тогдашним представлениям, я должен был жить, как это приличествовало адвокату, со знаками оказываемого мне общественного доверия, что на практике означало немалые расходы. Было неправильным жить за счёт органа, деятельность которого предполагала публичный сбор средств. Тем самым была бы подорвана моя работоспособность. По этой и подобным причинам я категорически отказался принимать вознаграждение за общественную работу. Но я выразил готовность остаться в том случае, если самые крупные индийские торговцы подыщут для меня юридическую работу и заранее оплатят за неё гонорар, скажем, за год вперёд. В течение этого периода мы могли бы вести дела, затем оценить результаты нашей работы и продлить соглашение при взаимном согласии сторон. Это предложение было принято всеми с радостью.

Я подал заявление о приёме меня в качестве адвоката в Верховный суд Наталя. Юридическое общество Наталя выступило против моего заявления на том единственном основании, что закон не предусматривает вступление в их ряды цветных адвокатов. Покойный г-н Эскомбе, известный адвокат, который был генеральным прокурором, а затем и премьер-министром Наталя, выступал моим защитником. В течение долгого времени бытовала следующая практика: ведущий адвокат подавал такие заявления без гонорара, и мистер Эскомб соответствующим образом защищал мои интересы. К тому же он был главным адвокатом моих работодателей. Верховный суд отклонил возражение Юридического общества и удовлетворил моё заявление. Таким образом, возражения Юридического общества привели к тому, что я, сам того не желая, получил ещё большую известность. Газеты Южной Африки высмеяли Юридическое общество, а некоторые из них даже поздравили меня.

Таким образом, временный комитет обрёл постоянную основу. Я никогда не присутствовал на сессиях Индийского национального конгресса, но читал о них. Я видел и восхищался Дадабхаи, Великим старцем Индии. Так что я был сторонником Конгресса и стремился его популяризировать. Не имея в этом никакого опыта, я не пытался придумать какое-то новое имя для нашей организации. К тому же боялся совершить ошибку. Поэтому я посоветовал индийцам назвать её Индийским конгрессом Наталя. Я дал им довольно скудные сведения об Индийском национальном конгрессе. Так или иначе, Индийский конгресс Наталя был основан примерно в мае 1894 года. Разница между Индийским и Натальским конгрессами заключалась в том, что последний работал круглый год, и те, кто платили ежегодный взнос в размере не менее трёх фунтов, становились его членами. Взносы сверх этой суммы принимались с благодарностью. Были предприняты усилия, чтобы каждый член выплачивал максимально возможную сумму. В организации состояло около полудюжины членов, которые платили двадцать четыре фунта в год. Было немало тех, кто платил двенадцать фунтов. В течение месяца вступило около трёхсот новых членов. Среди них были индусы, мусульмане, парсы и христиане, они были выходцами из всех индийских штатов, представленных в Натале. В течение первого года шла очень активная работа. Зажиточные торговцы разъезжали по дальним деревням на своих автомобилях, вовлекали новых членов и собирали взносы. Не все платили охотно, некоторых нужно было убеждать. Этот опыт убеждения становился своего рода политической подготовкой и давал людям понять реальное положение вещей. Опять же, не реже одного раза в месяц проводилось

заседание Конгресса, на котором представлялись и принимались подробные отчёты. Текущие события обсуждались и заносились в книгу протоколов. Члены съезда поднимали различные вопросы. Рассматривались свежие темы. Большим преимуществом всего этого было то, что люди, никогда не выступавшие на подобных собраниях, получали к этому привычку. Речи, опять-таки, должны были произноситься надлежащим образом. Всё это было в диковинку. Общество было глубоко заинтересовано происходящим. Тем временем пришло радостное известие, что лорд Рипон отклонил законопроект о лишении прав индийцев, и это удвоило их рвение и уверенность в себе.

Параллельно с внешней кампанией встал вопрос об улучшении дел внутри индийской общины. Европейцы по всей Южной Африке вели кампанию против индийцев, внушая им их образ жизни. Они всегда утверждали, что индийцы очень грязные и скаредные. Мол, они живут прямо в своих магазинах и лавках. Их дома являются простыми лачугами. Они не тратят деньги даже на собственные удобства. И как же тогда чистые и щедрые европейцы с их разнообразными потребностями могут конкурировать в торговле с такими грязными и скупыми людьми? Поэтому на заседаниях Конгресса читались лекции, проводились дебаты и вносились предложения по таким вопросам, как бытовая санитария, личная гигиена, необходимость иметь отдельные здания для домов и магазинов, а зажиточным торговцам – жить так, как соответствует их положению. Заседания проводились на языке гуджарати.

Читатель может видеть, насколько практически и политически образованными становились индийцы. Под эгидой Конгресса была создана Ассоциация образования индийцев Наталя в интересах молодых индийцев, которые, будучи детьми бывших рабочих-контрактников, родились в Натале и говорили по-английски. Его члены платили символическую плату. Главными целями Ассоциации было предоставление места, где эта молодёжь могла собираться, воспитание любви к Индии и предоставление о ней общей информации. Это также должно было им внушить, что свободные индийцы считают их родными и близкими себе, и вызвать уважение к последним в сознании первых. Фонды Конгресса были достаточно велики, так что после покрытия всех этих расходов оставались излишки. Они уходили на покупку земли, которая приносит доход и по сей день.

Я намеренно излагаю все эти подробности, ибо без них читатель не сможет понять, насколько спонтанно возникала сатьяграха, и как естественно индийцы прошли курс подготовки к ней. Я вынужден опустить замечательную дальнейшую историю Конгресса, его столкновения с трудностями, атаки на него правительственных чиновников и парирование этих атак «малой кровью». Но один факт должен быть зафиксирован. Были предприняты шаги, чтобы избавить индийскую общину от склонности к преувеличениям. Всегда предпринимались попытки привлечь внимание индийцев к их собственным недостаткам. Всё, что было справедливым в аргументах европейцев, была должным образом признано. Всякий раз, когда можно было сотрудничать с европейцами на условиях равенства и в соответствии с чувством собственного достоинства, индийцы с радостью это делали. Газетам предоставлялось столько информации об индийском движении, сколько они были способны опубликовать, и когда бы индийцы ни подвергались в прессе несправедливым нападкам, в соответствующие газеты направлялись ответы от них.

В Трансваале существовала организация, похожая на Индийский конгресс Наталя, но совершенно независимая от него. Были также различия в конституциях двух органов, которые нам стоит осветить. В Кейптауне также существовал аналогичный орган с конституцией, отличной от конституции Конгресса Наталя и Ассоциации Трансвааля. Тем не менее, деятельность всех трёх органов выстраивалась примерно одинаково.

Конгресс Наталя завершил свой первый год работы в середине 1895 года. Мои клиенты одобрили мою работу в качестве адвоката, и моё пребывание в Натале было продлено. В 1896 году с разрешения общины я отправился в Индию на шесть месяцев. Едва этот срок подошёл к концу, как я получил телеграмму из Наталя с просьбой немедленно вернуться, что и было мною сделано. События 1896–1897 годов требуют особой главы.

7. Обзор ранней борьбы (продолжение)

Итак, Индийский конгресс Наталя обрёл постоянную основу. Я провёл почти два с половиной года в Натале, занимаясь, в основном, политической деятельностью. Затем я кое-что осознал: если я собирался и дальше оставаться в Южной Африке, то должен был перевезти туда из Индии свою семью. Я также думал о кратком визите на родину, чтобы ознакомить индийских лидеров с положением индийских поселенцев в Натале и других регионах Южной Африки. Конгресс дал мне отпуск на шесть месяцев, и покойный г-н Адамджи Мияхан, известный торговец из Наталя, вместо меня был назначен секретарём. Он выполнял свои обязанности с большим профессионализмом. Он неплохо владел английским языком, и благодаря практике значительно его усовершенствовал. Он изучал гуджарати на обычных языковых курсах. Поскольку он имел торговые сношения преимущественно с зулусами, то приобрёл глубокие знания зулусского языка и был хорошо знаком с зулусскими манерами и обычаями. У него был очень спокойный, дружелюбный нрав. Он не был очень многословен. Я подробно остановился на этих деталях, чтобы показать следующее: для занятия ответственных должностей, правдивость, терпение, терпимость, твёрдость, умение сохранять присутствие духа, мужество и здравый смысл являются гораздо более важными качествами, чем знание английского или простая образованность. Там, где эти прекрасные качества отсутствуют, даже высочайшие литературные достижения мало что приносят в общественную работу.

Я вернулся в Индию в середине 1896 года. Поскольку пароходы из Наталя в то время чаще ходили в Калькутту, а не Бомбей, я поднялся на борт судна, следовавшего в Калькутту. К слову, рабочие-контрактники отправлялись в Южную Африку из Калькутты или Мадраса. Направляясь уже из Калькутты в Бомбей, я опоздал на поезд, и мне пришлось на день остановиться в Аллахабаде. Там началась моя работа. Я встретился с мистером Чесни из «Пионера». Он разговаривал со мной вежливо, но откровенно дал мне понять, что его симпатии были на стороне колонистов. Однако, он пообещал, что, если я что-нибудь напишу, он это прочтёт и напишет заметку для своей газеты. Для меня этого было вполне достаточно.

Будучи в Индии, я написал брошюру о положении индийцев в Южной Африке. Это заметили почти все газеты. Брошюра выдержала два издания. Пять тысяч экземпляров были разосланы в самые различные уголки Индии. Именно во время этого визита я имел честь видеть индийских лидеров, сэра Ферозешаха Мехту, судей Бадруддина Тибджи и Махадева Говинду Ранаде и других в Бомбее, а также Локманию Тилака вместе с его окружением, профессора Бхандаркара и Гопала Кришну Гокхале с его соратниками в Пуне. Я выступал с речами в Бомбее, Пуне и Мадрасе. Не считаю необходимым подробно на этом останавливаться.

Однако не могу устоять перед искушением поделиться одним священным воспоминанием о Пуне, хотя оно не имеет прямого отношения к главной теме нашего повествования. Сарваджаник Сабха контролировалась Локаманией, в то время как Шри Гокхале был связан с Деккан Сабхой. Я впервые

повстречался с Тилаком Махараджем. Когда я рассказал ему о своём намерении провести собрание в Пуне, он спросил меня, встречался ли я с Гопалрао. Я не понял, кого он имел в виду. Поэтому он снова спросил меня, встречался ли я со Шри Гокхале и знал ли его лично.

«Я ещё с ним не встречался. Но мне знакомо это имя, и я хотел бы с ним встретиться, – ответил я.

«Похоже, Вы не знакомы с индийской политикой», – сказал Локаманья.

«Я пробыл в Индии лишь краткое время после моего возвращения из Англии и тогда не занимался политическими вопросами, поскольку считал, что это выходило за рамки моих возможностей», – сказал я.

Тогда Локаманья сказал: «В таком случае, я должен Вам кое-что сообщить. В Пуне есть две партии, одна из которых представлена Сабхой Сарваджаник, а другая – Сабхой Деккана».

Я ответил: «Я что-то об этом слышал».

Локаманья: «Здесь можно легко провести собрание. Но, как мне кажется, Вы хотите изложить свой вопрос перед всеми заинтересованными сторонами и стремитесь заручиться всеобщей поддержкой. Мне нравится Ваша идея. Но если председателем вашего собрания изберут члена Сабхи Сарваджаник, ни один член Сабхи Деккан его не посетит. И наоборот. Так что Вам следует найти беспартийного председателя. Я могу лишь высказать свои соображения по этому вопросу, никакой иной помощи оказать не смогу. Вы знаете профессора Бхандаркара? Даже если нет, Вам стоит с ним встретиться. Он считается нейтральным человеком. Он не участвует в политике, но есть вероятность, что Вы сможете его убедить председательствовать на собрании. Поговорите об этом со Шри Гокхале и спросите его совета. Вполне может быть, что он посоветует Вам то же самое. Если человек такого положения, как профессор Бхандаркар, согласится стать председателем, уверен, что обе стороны позаботятся о том, чтобы собрание прошло хорошо. Во всяком случае, Вы можете рассчитывать здесь на нашу всемерную помощь». Затем я увиделся с Гокхале. Я уже где-то писал, как я с первого взгляда проникся к нему любовью. Любознательный читатель может найти это в архивах «Молодой Индии» 1 или «Навадживан» 2. Гокхале понравился совет Локаманьи. Конечно, я нанёс визит и почтенному профессору. Он внимательно выслушал рассказ о злоключениях индийцев в Натале и сказал: «Вы видите, я редко принимаю участие в общественной жизни. Опять-таки, я старею. Но то, что Вы мне рассказали, глубоко меня взволновало. Мне нравится Ваша идея пытаться сотрудничать со всеми партиями. Вы молоды и не знаете политических условий в Индии. Скажите членам обеих партий, что я принял Ваше предложение. Если кто-нибудь из них выразит готовность участвовать в собрании, я непременно там буду и исполню роль председателя». Собрание в Пуне прошло успешно. На ней присутствовали лидеры обеих партий и выступили в поддержку моего дела.

После я отправился в Мадрас. Там я встретился с сэром Субрахманьей Айяром (мистером Справедливостью), Шри П. Анандачарлом, Шри Дж. Субрахманьямом, тогдашним редактором «Хинду», Шри Парамешвараном Пиллаи, редактором «Мадрас Стандарт», Шри Бхашьямой

Айенгером, известным адвокатом, мистером Нортоном и другими. Была также проведена большая конференция. Из Мадраса я направился в Калькутту, где встретился с Сурендранатхой Банерджи, Махараджем Джотиндру Мохан Тагором, ныне покойным мистером Сондерсом, редактором газеты «Англичанин» и другими. Пока в Калькутте договаривались о встрече, я получил телеграмму из Наталя с просьбой немедленно вернуться. Это был ноябрь 1896 года. Я пришел к выводу, что, вероятно, против индийцев замышлялось что-то очень серьезное. Поэтому я бросил свои дела в Калькутте незавершенными и отправился в Бомбей, где со своей семьей сел на первый попавшийся пароход. Пароход «Курляндия» был приобретен компанией Дада Абдулла, и это был еще один оригинальный ход этой очень предприимчивой фирмы: пароход курсировал между Порбандаром и Наталем. «Надери», пароход Персидской навигационной компании, сразу после этого отправился из Бомбея в Наталь. Общее число пассажиров на этих двух пароходах составило около 800 человек.

Кампания в Индии приобрела такой размах, что главные индийские газеты отметили её в своих колонках, а Рейтер слал о ней телеграммы в Англию. Я узнал об этом, добравшись до Наталя. Представитель Рейтера в Англии послал в Южную Африку краткую телеграмму, содержащую приукрашенную сводку моих выступлений в Индии. В этом нет ничего необычного. Подобные преувеличения не всегда носят злонамеренный характер. Очень занятые люди, имеющие предубеждения и предрассудки, читают что-то поверхностно и затем готовят сводку, которая, порой, частично является плодом их воображения. Эта сводка, опять-таки, в разных местах интерпретируется по-разному. Таким образом, искажение происходит совершенно непредумышленно. В этом заключается риск, сопутствующий всякой общественной деятельности, и в этом же её ограничение. Находясь в Индии, я критиковал европейцев в Натале. Я очень резко выступал против налога в три фунта на работников-контрактников. В ярких красках я описал страдания контрактника по имени Субрахманьям, на которого напал его хозяин. Я видел его раны и держал его судебное дело в собственных руках. Когда европейцы в Натале прочли искажённое изложение моих речей, они были чрезвычайно возмущены. Примечательно, что мои индийские речи, достигшие Наталя, оказались более резкими по тону и обросли новыми подробностями. В моих речах в Индии не было ни малейшего преувеличения. С другой стороны, поскольку я знал по опыту, что, когда мы описываем событие незнакомому нам человеку, он склонен видеть в нём больше, чем нами туда вкладывается, я намеренно описал южноафриканскую ситуацию в Индии менее жёстко, чем того требовали факты. Но очень немногие европейцы прочли то, что я писал в Натале, и ещё меньшее их число как-то было этим обеспокоено. Однако, по всей видимости, дело обстояло иначе с моими речами и деятельностью в Индии. Тысячи европейцев прочли сводку Рейтера. Более того, тема, которая достаивается передачи по телеграфу, приобретает ту важность, которой она по своей сути вовсе может не обладать. Европейцы в Натале посчитали, что моя деятельность в Индии имела именно тот вес, который они в неё вложили, что системе контрактного труда, возможно, придёт конец и сотни европейских плантаторов от этого пострадают. Кроме того, они чувствовали себя очернёнными в глазах Индии.

Итак, европейцы Наталя находились в возбуждённом состоянии духа, когда узнали, что я возвращаюсь в Наталь со своей семьей на «Курляндии», что на её борту было от 300 до 400 индийских пассажиров, и что пароход «Надери» прибывал в то же самое время примерно с таким же количеством индийских пассажиров. Это раззадорило их ещё больше, их переполняли эмоции. Европейцы Наталя проводили многочисленные собрания, на которых присутствовали почти все видные члены их общины. Индийские пассажиры в целом и я в частности подверглись самой суровой критике. Ожидаемое прибытие кораблей «Курляндия» и «Надери» было представлено как «вторжение» в Наталь. Выступавшие говорили, что я вёз 800 индийских пассажиров в Наталь, и что это был мой первый шаг к тому, чтобы наводнить Наталь свободными индийцами. Было принято единогласное решение, что пассажирам обоих пароходов, включая меня, нельзя было позволить высадиться в Натале. И если правительство Наталя не смогло бы воспрепятствовать пассажирам сойти на берег, комитет, назначенный собранием, должен был взять закон в свои руки и силой не допустить высадки индийцев. Оба парохода прибыли в Дурбан в один и тот же день.

Читатель, вероятно, помнит, что бубонная чума впервые появилась в Индии в 1896 году. В своих попытках предотвратить нашу высадку правительство Наталя столкнулось с юридическими трудностями, поскольку Закон об ограничении иммиграции на тот момент ещё не вступил в силу. В остальном их симпатии были полностью на стороне упомянутого выше комитета европейцев.

Покойный г-н Эскомб, член правительства, принимал активное участие в работе этого комитета. На самом деле, это он их спровоцировал. Во всех портах действует следующее правило: если на борту парохода происходит случай инфекционной болезни или если он прибывает из заражённого порта, он ставится на определённый срок на карантинную стоянку. Это ограничение может быть введено только по санитарным соображениям и по указанию портового санитарного врача. Правительство Наталя злоупотребило своей властью, применив вышеуказанное правило в политических целях. Хотя на борту не было заразной болезни, оба парохода были задержаны сверх обычного срока на целых двадцать три дня. Тем временем комитет европейцев продолжал свою деятельность. Компания Дада Абдулла, которая была владелицей парохода «Курляндии» и агентом «Надери», подвергалась с их стороны суровой критике. Им сулили какие-то выгоды, если они согласятся увезти пассажиров обратно, и угрожали потерей бизнеса в случае отказа. Но партнёры фирмы оказались не из робкого десятка. Они сказали, что им всё равно, если они будут разорены; что они будут бороться до победного конца, но не пойдут на преступление, отправив домой этих беспомощных, но невинных пассажиров; им не был чужд патриотизм. Старый адвокат фирмы, мистер Ф.А. Лоутон, тоже был храбрым человеком.

По воле случая покойный Шри Мансухлал Хиралал Назар, джентльмен-каястх (один из индийский этносов, *прим. перев.*) из Сурата и племянник покойного судьи Нанабхая Харидаса, прибыл в Африку примерно в то же самое время. Я не был лично с ним знаком, равно как и не знал о его прибытии. Едва ли мне нужно говорить, что я не принимал участия в перевозке пассажиров, прибывших на пароходах «Надери» и «Курляндия». Большинство из них уже долго жили в Южной Африке. Многие из них направлялись в Трансвааль. Комитет европейцев направил письма с угрозами даже этим

пассажирам. Капитаны пароходов зачитали им эти письма. В письмах говорилось прямым текстом, что европейцы Наталя находились в скверном расположении духа; фактически они угрожали, что, если, несмотря на предупреждение, индийские пассажиры попытаются высадиться, находящиеся в порту члены комитета столкнут каждого из них в море. Я перевёл это предупреждение пассажирам парохода «Курляндия». Пассажир «Надери», знающий английский язык, сделал то же самое для своих попутчиков. Пассажиры обоих пароходов категорически отказались возвращаться и добавили, что многие из них направлялись в Трансвааль, что некоторые пассажиры давно уже обосновались в Натале, что каждый из них имел законное право на землю и что, несмотря на угрозы комитета, они были полны решимости высадиться на берег, имея полное на то право.

Правительство Наталя было в полном замешательстве. Как долго могло действовать это несправедливое ограничение? Прошло уже двадцать три дня. Фирма Дада Абдулла не дрогнула, равно как и пассажиры. Таким образом, карантин был снят через двадцать три дня, и пароходам было разрешено зайти в порт. Тем временем мистер Эскомб успокоил взбудораженный комитет европейцев. На состоявшемся собрании он сказал примерно следующее: «Европейцы Дурбана проявили похвальное единство и мужество. Вы сделали всё, что было в ваших силах. Правительство также вам помогало. Индийцы были задержаны на двадцать три дня. Вы дали достаточное выражение своим чувствам и своему общественному духу. Это произведёт глубокое впечатление на имперское правительство. Ваши действия облегчили путь правительства Наталя. Если вы сейчас силой воспрепятствуете высадке хотя бы одного индийского пассажира, вы нанесёте ущерб своим собственным интересам и поставите правительство в неловкое положение. И даже тогда вам не удастся помешать индийцам сойти на берег. Пассажиры ни в чём не виноваты. Среди них есть женщины и дети. Когда они садились в Бомбее на пароход, они понятия не имели о ваших чувствах. Поэтому я бы посоветовал вам разойтись и не мешать этим людям. Однако я заверяю вас, что правительство Наталя получит от Законодательного совета необходимые полномочия для ограничения будущей иммиграции». Это всего лишь краткое изложение речи мистера Эскомба. Его аудитория была разочарована, но среди европейцев Наталя он имел большой вес. Следуя его совету, они разошлись, и оба парохода пришвартовались.

Я получил сообщение от мистера Эскомба, в котором он советовал мне не высаживаться на берег вместе с остальными, а подождать до вечера, чтобы присланный им суперинтендант портовой полиции сопровождал меня домой. Он также добавил, что моя семья может высадиться в любое время. Это не было приказом с точки зрения закона, но советом капитану не позволить мне сойти на берег и предупредить меня о нависшей над моей головой опасности. Капитан не мог силой помешать мне высадиться. Однако я счёл для себя необходимым принять это предложение. Я отправил свою семью в резиденцию моего старого друга и клиента Парси Рустомджи, а не к себе домой, пообещав им уже встретиться там. Когда остальные пассажиры сошли на берег, мистер Лоутон, адвокат Дада Абдуллы и мой личный друг, поднялся на борт, чтобы встретить меня. Он спросил меня, почему я ещё не высадился. Я рассказал ему о письме мистера Эскомба. Он сказал, что ему не нравилась мысль, что я должен был ждать до вечера и идти в город как какой-нибудь вор или преступник, и что, если я не

боюсь, мы могли бы пойти в город пешком как ни в чём ни бывало. Я ответил: «Не думаю, что это страх. Это всего лишь вопрос приличия принять предложение мистера Эскомба или нет. И мы также должны подумать, несёт ли за это ответственность капитан парохода». Мистер Лоутон на это улыбнулся и сказал: «Что сделал для Вас такого мистер Эскомб, что Вы должны прислушаться к его советам? И какие у Вас есть основания полагать, что им движет доброта, а не какие-то скрытые мотивы? Я знаю больше, чем Вы, о том, что произошло в городе и какую он сыграл в этом роль». Я прервал его, покачивая головой. «Мы можем предположить, – продолжал мистер Лоутон, – что мистером Эскомбом движут самые лучшие побуждения. Но я твёрдо убеждён, что, если Вы поступите так, как он вам предлагает, Вы окажетесь в положении униженного. Поэтому я бы посоветовал Вам, если вы готовы, пойти вместе со мной прямо сейчас. Капитан – наш человек, и его ответственность – это наша ответственность. Он несёт ответ только перед Дадой Абдуллой. Я знаю, что они об этом подумают, поскольку они проявили большое мужество в нынешней борьбе». Я ответил: «Тогда пойдёмте. Я готов прямо сейчас. Всё, что мне нужно сделать – это надеть тюрбан. Давайте только сообщим капитану о нашем уходе». Мы получили разрешение капитана сойти на берег.

Мистер Лоутон был старым и хорошо известным адвокатом Дурбана. Я близко сошёлся с ним ещё до того, как вернулся в Индию. Обычно я консультировался с ним в трудных делах и часто привлекал его к каким-то вопросам как своего более опытного товарища. Он был храбр и хорошо сложен.

Наш путь лежал через главную улицу Дурбана. Было около половины пятого вечера, когда мы отправились в путь. Небо слегка затянуло тучами, которые скрывали солнце. Чтобы добраться до дома Рустомджи Шета пешком, требовалось не менее часа. Количество собравшихся на пристани людей было не более обычного. Как только мы сошли на берег, несколько мальчиков увидели нас. Так как я был единственным индийцем с тюрбаном определённого типа, они сразу узнали меня и начали кричать «Ганди!», «Ганди!», «Бей его!», «Окружай его!». Они приблизились к нам. Некоторые начали бросать в нас камешки. К мальчикам присоединились несколько пожилых европейцев. Постепенно число недовольных начало расти. Г-н Лоутон считал, что идти пешком было опасно, поэтому он подозревал рикшу. Я никогда раньше не сидел в повозке-рикше, так как мне было совершенно отвратительно сидеть в повозке, запряжённой человеческим существом. Но я почувствовал, что мой долг – воспользоваться этим транспортным средством. Я пять или семь раз в своей жизни убеждался в том, что тот, кого Бог желает спасти, не сможет оступиться, даже если того захочет. И если я не оступился, то не считаю это своей заслугой. Рикшами работали зулусы. Пожилые европейцы и мальчики пригрозили рикше, что, если он позволит мне сесть в его повозку, они побьют его, а повозку разломают на куски. Поэтому мальчик-рикша сказал «Кха» (что означает «нет») и ушёл. Таким образом, я был избавлен от позора поездки на рикше.

Теперь у нас не оставалось иного выбора, кроме как идти к месту назначения пешком. Толпа следовала за нами. С каждым сделанным нами шагом она становилась всё больше и больше. Когда мы добрались до Уэст-стрит, собралось огромное количество людей. Мужчина могучего телосложения схватил мистера Лоутона и оттащил его от меня. Так я оказался с толпой один на один. Они начали

оскорблять меня, бросаться камнями и всем, что только попадалось им под руку. Они сбили мой тюрбан. Тем временем ко мне подошел крепкий парень, ударил меня по лицу, а затем пнул ногой. Я уже было потерял сознание, но ухватился за перила ближнего дома. Некоторое время я переводил дыхание, а когда пришёл в чувство, то продолжил свой путь. Я уже почти утратил надежду добраться домой живым. Но я хорошо помню, что моё сердце не осудило напавших на меня.

Добираясь таким образом до дома Рустомджи, я повстречал жену суперинтенданта полиции Дурбана, шедшую мне навстречу. Мы хорошо знали друг друга. Она была храброй женщиной. Хотя небо было затянуто тучами и солнце вот-вот должно было сесть, она раскрыла надо мной свой зонтик от солнца для моей защиты и пошла рядом со мной. Европейцы не стали бы оскорблять даму, особенно жену пожилого и известного суперинтенданта полиции, и не стали бы причинять ей вред. Нанося удары по мне, они должны были делать это очень осторожно. Поэтому с того момента, как она присоединилась ко мне, полученные мною ранения не были серьёзными. Тем временем, суперинтендант полиции узнал о нападении на меня и отрядил констеблей для моей защиты. Полиция взяла меня в кольцо. Полицейский участок был как раз на нашем пути. Когда мы туда добрались, я увидел там ожидающего нас суперинтенданта полиции. Он предложил мне убежище в полицейском участке, но я с благодарностью отказался. Я сказал: «Я должен добраться до своего места назначения. Я верю в добросовестность граждан Дурбана и праведность своего собственного дела. Я благодарен вам за то, что вы послали отряд полиции для моей защиты. Г-жа Александр также внесла свой вклад в обеспечение моей безопасности».

Без каких-либо дальнейших препятствий я добрался до дома Рустомджи. К тому моменту уже почти наступил вечер. Доктор Дадибарджор, медицинский сотрудник «Курляндии», оказавшийся в доме Рустомджи Шета, взялся за моё лечение. Он осмотрел мои ранения, коих было не так уж много. Одно из них было довольно болезненным. Однако я ещё пока не удостоился чести отойти к праотцам. Тысячи европейцев между тем собрались перед домом Рустомджи Шета. С наступлением темноты к толпе присоединились и хулиганы. Толпа выдвинула Рустомджи Шету условие, что если он меня не выдаст, то они сожгут его самого и его дом вместе со мной. Рустомджи Шет был слишком хорошим индийцем, чтобы его можно было запугать. Когда суперинтендант Александр узнал, как обстоят дела, он тихо присоединился к толпе вместе с несколькими детективами. Он попросил принести скамейку, на которую затем поднялся. Таким образом, под предлогом разговора с толпой он завладел входом в дом Рустомджи, чтобы никто не смог туда проникнуть. Перед этим он разместил детективов в нужных местах. Сразу по прибытии он дал указание своему подчинённому замаскироваться под индийского торговца, надев индийскую одежду и раскрасив лицо, чтобы увидеться со мной и передать мне следующее сообщение: «Если Вы хотите спасти своего друга, его гостей и имущество, а также свою собственную семью, я советую Вам замаскироваться под индийского констебля, выйти через склад Рустомджи, пробраться сквозь толпу с моим человеком и добраться до полицейского участка. На углу улицы Вас поджидает карета. Это единственный способ спасения, который я могу Вам предложить. Толпа настолько возбуждена, что я не могу её контролировать. Если вы не

последуете в срочном порядке моим указаниям, боюсь, толпа сровняет дом Рустомджи с землёй, и я не могу представить, сколько будет утрачено жизней и сколько имущества будет попорчено».

Я сразу же оценил ситуацию. Я быстро переоделся констеблем и покинул дом Рустомджи. Мы с полицейским благополучно добрались до участка. Тем временем мистер Александр убажбал толпу, распевая популярные песни и разговаривая с ними. Когда он узнал, что я добрался до полицейского участка, он посерьёзней и спросил у толпы:

«Чего вы хотите?»

«Мы хотим Ганди».

«Что вы с ним сделаете?»

«Мы его сожжём».

«Что плохого он вам сделал?»

«Он поносил нас в Индии и собирается наводнить Наталь индийцами».

«А что вы сделаете, если он не выйдет?»

«Тогда мы сожжём этот дом».

«Его жена и дети тоже в доме. Кроме того, есть и другие мужчины и женщины. Разве вам будет не стыдно сжигать женщин и детей?»

«Ответственность за это ляжет на вас. Что мы можем сделать, если от вас нет никакой помощи? Мы не хотим причинять вред кому-либо ещё. Будет достаточно, если вы передадите нам Ганди. Если вы не выдадите преступника, и, если другие пострадают из-за наших попыток его словить, разве будет в этом наша вина?»

Суперинтендант мягко улыбнулся и сообщил толпе, что я покинул дом Рустомджи, пробрался сквозь их толщу и уже добрался до другого места. Толпа громко рассмеялась, последовали крики: «Ложь, ложь».

Суперинтендант сказал: «Если вы не верите своему старому суперинтенданту полиции, пожалуйста, выберите в своих рядах комитет из трёх-четырёх человек. Пусть другие пообещают, что не зайдут в дом, и что если комитет не найдет в доме Ганди, то все мирно разойдутся по домам. Вы сегодня разволновались и не подчинились полиции. Это дискредитирует вас, а не полицию. Поэтому полиция сыграла с вами злую шутку; она увела вашу добычу из-под вашего носа. Вы, конечно, не можете винить в этом полицию. Полиция, которую вы сами назначили, просто выполнила свой долг».

Суперинтендант обратился к толпе с такой учтивостью и, одновременно, решимостью, что они дали ему обещание, о котором он просил. Выбрали комитет. Они обыскали дом Рустомджи вдоль и

поперёк и сообщили толпе, что суперинтендант оказался прав и переиграл их. Толпа была разочарована. Но они сдержали своё слово и разошлись, не совершив никакого зла. Всё это случилось 13 января 1897 года.

На следующее утро карантин на пароходах был отменён. Репортёр местной дурбанской газеты встретился со мной на пароходе. Он обо всём меня расспросил. К его удовлетворению, мне было довольно легко отражать все обвинения против меня. Я подробно описал ему, что не позволил себе ни малейшего преувеличения [в отношении положения индийцев в Южной Африке], и то, что я сделал, было всего лишь моим долгом; что, если бы я не выполнил его, я был бы недостоин называться человеком. Через день всё это появилось в газетах. Здравомыслящие люди среди европейцев признали свою ошибку. Газеты выразили свою симпатию точке зрения европейцев в Натале, но в то же время полностью оправдали мои действия. Это укрепило мою репутацию, а также престиж индийской общины. Стало очевидно, что индийцы, несмотря на всю свою бедность, не являлись трусами, и что индийские торговцы были готовы отстаивать чувство собственного достоинства и бороться за свою страну, невзирая на потери.

Таким образом, хотя индийской общине пришлось пройти через большие трудности, а фирма Дада Абдулла понесла убытки, конечный результат, я считаю, был совершенно благоприятным. Община получила шанс взвесить свои силы, и в результате её уверенность в себе возросла. Для меня это также было очень ценным опытом, и всякий раз, вспоминая о том дне, я чувствую, что Бог готовил меня к практике сатъяграхи.

События в Натале имели свои последствия и в Англии. Г-н Чемберлен, государственный секретарь по делам колоний, телеграфировал правительству Наталя просьбу привлечь к ответственности напавших на меня и проследить, чтобы в отношении меня свершилась полная справедливость.

Мистер Эскомб, в ту пору генеральный прокурор правительства Наталя, нанёс мне визит. Он рассказал мне о телеграмме мистера Чемберлена. Он также выразил сожаление по поводу полученных мною травм и свою удовлетворённость тем, что последствия нападения не оказались ещё более серьёзными. Он добавил: «Я могу заверить Вас, что я совсем не желал, чтобы Вы или любой другой член вашей общины пострадали. Опасаясь за Вашу безопасность, я послал Вам предупреждение, что Вам лучше было сойти на берег ночью. Вы не последовали моему совету. Я ни в малейшей степени не виню Вас в том, что вы прислушались к мистеру Лоутону. Вы имели полное право поступать так, как считали нужным. Правительство Наталя полностью соглашается с требованием г-на Чемберлена. Мы желаем, чтобы нарушители были привлечены к ответственности. Вы сможете опознать кого-либо из напавших на Вас?»

Я ответил: «Возможно, я смогу опознать одного или двух из них. Но прежде, чем мы продолжим этот разговор, сразу должен Вам сказать, что уже принял решение не преследовать своих обидчиков в судебном порядке. Я не считаю их виновными. Информация, которой они располагали, была получена ими от их лидеров. Так что от них невозможно было ожидать справедливой оценки ситуации. Если бы всё, что они обо мне слышали, было правдой, то их возбуждение и дурные

поступки в этом состоянии были бы вполне объяснимы. Я бы не стал их в этом винить. Возбуждённая толпа всегда пытается вершить правосудие подобным образом. Если кто и виноват, так это Комитет европейцев, Вы лично и, следовательно, правительство Наталя. Агентство Рейтер могло передать по телеграфу любую искажённую информацию. Но когда Вы узнали, что я направляюсь в Наталь, Вашим долгом и обязанностью Комитета было расспросить меня о моей деятельности в Индии, выслушать мои доводы, и только затем сделать то, что могло показаться Вам правильным в данных обстоятельствах. Сейчас я не могу привлечь Вас или Комитет к ответственности за это нападение. И даже если бы мог, то не стал бы добиваться возмещения ущерба в суде. Вы предприняли те шаги, которые сочли целесообразными для защиты интересов европейцев Наталя. Это политический вопрос, и мне остаётся бороться с Вами на политической арене и убеждать Вас и других европейцев в том, что индийцы, составляющие значительную часть населения Британской империи, желают сохранить чувство собственного достоинства и защитить свои права, ни в малейшей степени не ущемляя при этом интересы европейцев».

Мистер Эскомб сказал: «Я вполне понимаю, о чём Вы говорите, и ценю это. Для меня было неожиданностью услышать, что Вы не хотите привлекать к ответственности напавших на Вас. У меня не было бы даже малейшего недовольства, если бы Вы захотели именно так поступить. Но поскольку Вы заявили о своей решимости не возбуждать судебного преследования, без колебаний могу сказать, что Вы не только приняли правильное решение в этом вопросе, но и окажете дальнейшую услугу своей общине, проявив сдержанность. В то же время, я должен признать, что Ваш отказ преследовать обидчиков позволит правительству Наталя выйти из крайне неловкого положения. Если Вы того пожелаете, правительство проследит, чтобы напавшие на Вас были арестованы, но вряд ли нужно говорить Вам, что это вызовет раздражение европейцев и всевозможную критику, которая не понравится ни одному правительству. Но если Вы, в конечном итоге, решили не доводить дело до суда, Вам следует написать мне записку, в которой в письменном виде будет изложено это Ваше решение. Я не могу защитить своё правительство, просто послав мистеру Чемберлену краткий пересказ нашего разговора. Но я могу телеграфировать ему Вашу записку. Однако, я не прошу Вас дать мне эту записку прямо сейчас. Вам лучше посоветоваться со своими друзьями.

Проконсультируйтесь также с мистером Лоутоном. И если после всех этих консультаций Вы по-прежнему не отступите от своего намерения не обращаться в суд, просто напишите мне. В Вашей записке должно быть чётко указано, что Вы, под личную ответственность, отказываетесь преследовать Ваших обидчиков в судебном порядке. Только тогда Ваша записка будет иметь для меня силу».

Мой ответ был таков: «Я даже не мог ожидать, что Вы обратитесь ко мне в связи с этим вопросом. Я ни с кем не консультировался о том, что произошло, и не собираюсь этого делать. Когда я решил сойти на берег в сопровождении мистера Лоутона, то решил не чувствовать обиду, если меня как-то поранят. Поэтому о судебном преследовании напавших на меня не может быть и речи. Для меня это религиозный вопрос, и я верю, так же как и Вы, что этим актом самоограничения я послужу и своей

общине, и себе самому. Поэтому я беру всю ответственность на себя и незамедлительно передам Вам ту записку, о которой идёт речь».

Взяв у мистера Эскомба чистый лист бумаги, я написал необходимую записку, которую и передал ему.

8. Обзор ранней борьбы (окончание)

Из предыдущих глав читатель узнал, как индийцы пытались улучшить своё положение и повысить свой престиж. Параллельно с попытками развить свою внутреннюю силу, они искали любую внешнюю помощь в Индии и Англии. В какой-то степени я имел отношение к событиям в Индии. Теперь остаётся обрисовать, какие шаги были предприняты, чтоб заручиться поддержкой Англии. В первую очередь, было важно установить отношения с Британским комитетом индийского национального конгресса. В этой связи каждую неделю подробнейшие письма-отчёты отправлялись Дадабхаю, Великому старцу Индии, и сэру Уильяму Уэддерберну, председателю Комитета. Кроме того, при любой возможности отправлялись копии отчётов, и сумма в размере не менее 10 фунтов перечислялась в качестве взноса на почтовые и общие расходы Комитета.

Здесь мне бы хотелось поделиться одним священным воспоминанием о Дадабхае Наороджи. Он не был председателем Комитета. Однако нам показалось правильным высылать деньги именно ему, чтобы он затем пересылал их председателю от нашего имени. Но Дадабхай вернул самый первый отправленный ему взнос с просьбой, чтобы мы переводили деньги и слали сообщения, адресованные Комитету, непосредственно сэру Уилламу Уэддерберну. Он заверил нас, что со своей стороны окажет нам всяческое содействие, но престиж Комитета повысится лишь в том случае, если мы будем поддерживать с ним связь через сэра Уиллама. Я также отметил, что Дадабхай, несмотря на свои весьма преклонные лета, был очень регулярен в своей переписке. Даже когда ему особо не о чем было писать, он подтверждал получение письма ответным письмом с какими-то словами ободрения. Даже такие письма он писал лично и хранил их копии в своей книжечке из папиросной бумаги.

В предыдущей главе я указал, что, хотя мы называли нашу организацию «Конгресс», мы вовсе не собирались ограничивать наши претензии узкопартийными рамками. Поэтому мы вели переписку, в том числе, с джентльменами из других партий, о чём Дадабхаи был прекрасно осведомлён. Наиболее выдающимися среди них были сэр Манчерджи Бхаунагри и сэр У. У. Хантер. Сэр Манчерджи был тогда членом парламента. Его помощь была очень ценной, и он всегда помогал нам дельными советами. Но если кто и осознал важность индийского вопроса в Южной Африке раньше самих индийцев и оказал им ценную поддержку, так это сэр Уильям Уилсон Хантер. Он был редактором индийского раздела «Таймс», где освещался наш вопрос в его подлинном свете с тех самых пор, как мы впервые обратились к нему в этой связи. Он лично написал письма нескольким джентльменам в поддержку нашего дела. Он писал нам почти каждую неделю, когда на повестке стоял какой-нибудь важный вопрос. Вот общее содержание его самого первого письма: «С сожалением узнал о сложившейся ситуации. Вы вели свою борьбу учтиво, мирно, без прибегания к крайним мерам. В этом вопросе мои симпатии полностью на вашей стороне. Я сделаю всё возможное как публично, так и в частном порядке, чтобы добиться по отношению к вам справедливости. Я уверен, что мы не можем позволить себе в этом вопросе даже малейшей уступки. Ваше требование настолько разумно, что ни один беспристрастный человек не смог бы его как-то смягчить». Он воспроизвёл это письмо

почти слово в слово в первой статье, которую он написал по этому вопросу для «Таймс». Его отношение оставалось неизменным на протяжении всего этого времени, и леди Хантер указала в своём письме, что незадолго до своей смерти он подготовил набросок серии статей по индийскому вопросу, которые он намеревался опубликовать.

В предыдущей главе я упоминаю Шри Мансухлала Назара. Этот джентльмен был направлен в Англию от имени индийской общины для подробного разъяснения ситуации. Ему было поручено работать с членами всех партий. Во время своего пребывания в Англии он поддерживал связь с сэром У.У. Хантером, сэром Манчерджи Бхаунаггри и британским комитетом Индийского национального конгресса. Он также поддерживал связь с несколькими отставными офицерами индийской гражданской службы, с офисом Индии и колониальным офисом. Таким образом, мы одновременно прилагали усилия в самых разных направлениях. По-видимому, в результате всего этого положение индийского зарубежья стало вопросом первостепенной важности в глазах имперского правительства. Это отразилось на других колониях как в лучшую, так и в худшую сторону. Иными словами, во всех колониях, где поселились индийцы, они осознали важность своего положения, а европейцы осознали опасность для своего господства, которая, по их мнению, исходила от индийцев.

9. Бурская война

Из предыдущих глав читатель узнал, каким было положение индийцев в Южной Африке в преддверии Бурской войны и какие шаги были предприняты для его улучшения.

В 1899 году доктор Джеймсон совершил набег на Йоханнесбург в соответствии с тайным соглашением между ним и владельцами золотых приисков. Заговорщики рассчитывали, что бурское правительство узнает о набеге лишь после захвата ими Йоханнесбурга. Доктор Джеймсон и его сообщники сильно в этом просчитались. Они совершили ещё одну ошибку, вообразив, что даже в случае раскрытия заговора необученные бурские фермеры ничего не смогут предпринять против подготовленных в Родезии первоклассных стрелков. Налётчики также рассчитывали, что большая часть населения Йоханнесбурга примет их с распростёртыми объятиями. Но и здесь добрый доктор промахнулся. Президент Крюгер заранее обладал полной информацией о заговоре. С большой продуманностью, умением и в обстановке полной секретности он подготовил встречу с доктором Джеймсоном и, одновременно, организовал арест его товарищей по заговору. Поэтому буры встретили доктора Джеймсона оружием ещё до того, как он приблизился к Йоханнесбургу. Партия доктора была не в том положении, чтобы пытаться одолеть противостоящую им армию. Для предотвращения восстания в Йоханнесбурге были приняты все меры. Никто не осмелился поднять голову, и миллионеры Йоханнесбурга были ошеломлены действиями президента Крюгера. Результатом его прекрасных приготовлений стало то, что рейд удалось отразить с минимальными человеческими и финансовыми потерями.

Доктор Джеймсон и его друзья, владельцы золотых приисков, были арестованы и без промедления отданы под суд. Некоторые были приговорены к повешению. Большинство из этих осужденных были миллионерами, но Имперское правительство ничего не могло для них сделать, поскольку они были виновны в совершении набега среди бела дня. Президент Крюгер сразу же стал важным человеком. Господин Чемберлен, государственный секретарь по делам колоний, послал ему скромную телеграмму и воззвал к его чувству милосердия по отношению к осуждённым магнатам. Президент Крюгер чувствовал себя полным хозяином положения. Он не опасался, что его независимость могла быть оспорена какой-либо силой в Южной Африке. Заговор доктора Джеймсона и его друзей был чем-то хорошо спланированным в их собственных глазах, но президенту Крюгеру всё это казалось актом безумной глупости. Поэтому он выполнил смиренную просьбу мистера Чемберлена и не только не привел в исполнение смертный приговор ни одному из осуждённых, но и полностью помиловал и освободил их.

Однако долго так продолжаться не могло. Президент Крюгер осознавал, что набег Джеймсона был лишь незначительным симптомом серьёзной болезни. Невозможно было допустить, что миллионеры Йоханнесбурга не попытаются смыть с себя позор всеми доступными им средствами. Опять-таки, ничего не было сделано для проведения реформ, ради которых, якобы, и был организован набег

Джеймсона. Так что миллионеры не собирались на этом останавливаться. Лорд Милнер, британский верховный комиссар в Южной Африке, был полностью на их стороне в том, что касалось их требований. Мистер Чемберлен, выражая своё одобрение великодушию президента Крюгера по отношению к налётчикам Джеймсона, также обратил его внимание на необходимость проведения реформ. Все считали, что переход на «язык меча» был неизбежен. Требования уитлендеров (лиц неголландского происхождения, *прим. перев.*), в конечном итоге, простирались на то, чтобы положить конец бурскому господству в Трансваале. Обе стороны знали, что конечным результатом будет война, и потому активно к ней готовились. Последовавшая за этим словесная война заслуживает внимания. Когда президент Крюгер заказал оружие и боеприпасы, британский агент предупредил его, что британцы будут вынуждены ввести войска в Южную Африку для самообороны. Когда британские войска прибыли в Южную Африку, президент Крюгер насмехался над британцами и ускорял подготовку к войне. Таким образом, каждая сторона протестовала против действий другой и ускоренными темпами вела свои собственные приготовления.

Когда президент Крюгер завершил свои приготовления, он понял, что дальнейшие промедления были лишь на руку его врагам. Британцы располагали неисчерпаемым человеческими и денежными ресурсами. Поэтому они могли позволить себе потянуть время, постепенно готовясь к войне и, параллельно с этим, требуя от президента Крюгера удовлетворить просьбы уитлендцев. Тем самым они хотели показать всему миру, что они не могли не развязать войну из-за отказа эти просьбы удовлетворить. После всей этой грандиозной подготовки британцы планировали вступить в войну, застав буров врасплох и вынудив принять их британские требования в духе унижения. Каждый бурский мужчина в возрасте от восемнадцати до шестидесяти лет был искусным бойцом. Женщины буров также были готовы сражаться. Для буров национальная независимость была возведена в религиозный принцип. Такой храбрый народ не потерпел бы унижения даже от мировой империи.

Президент Крюгер уже достиг взаимопонимания с Оранжевым свободным государством. Обе бурские республики держались единого политического курса. Президент Крюгер не имел ни малейшего намерения соглашаться с британскими требованиями, ни в полном их объёме, ни даже в той степени, которая бы удовлетворила уитлендцев. Поэтому обе республики полагали войну чем-то неизбежным и не желали предоставлять англичанам возможность завершить их приготовления. После этого президент Крюгер предъявил ультиматум лорду Милнеру и, одновременно, мобилизовал войска на границы Трансваала и Свободного государства. Результат этих действий был предрешён. Мировая империя, каковой была Британия, никогда бы не оставила безнаказанным подобный выпад. Срок, указанный в ультиматуме, истёк, и буры молниеносным наступлением осадили Ладисмит, Кимберли и Мафекинг. Так в 1899 году разразилась эта большая война. Читатель, вероятно, помнит, что одной из причин войны, заявленных британцами, было обращение буров с индийцами.

Перед нами встал большой вопрос о том, что должны были предпринять индийцы в Южной Африке в связи со всеми этими событиями. Всё бурское мужское население ушло на войну. Юристы бросили свою практику, фермеры – свои фермы, торговцы – свою торговлю, а слуги – свою службу. По сравнению с бурами, британцы в Южной Африке вступили в войну в намного меньшем соотношении.

Однако большое количество гражданских лиц в Капской колонии, Натале и Родезии записались добровольцами. Многие известные английские торговцы и юристы последовали их примеру. В суде, где я занимался адвокатской практикой, было очень мало юристов. Большинство старших членов коллегии адвокатов были заняты на военных работах. Одно из обвинений, выдвигаемых против индийцев, заключалось в том, что они отправлялись в Южную Африку только ради наживы и, таким образом, для англичан оказались бесполезным балластом. Подобно червям, живущим в древесине и разъедающим её до основания, индийцы якобы находились в Южной Африке исключительно затем, чтобы обрести за их счёт жирком. Мол, индийцы не оказали бы им никакой помощи, если бы страна подверглась вторжению или на их дома был совершён набег. Британцам, в таком случае, пришлось бы не только защищаться от врага, но и одновременно защищать индийцев. Мы, индийцы, тщательно обдумали это обвинение. Все мы чувствовали, что нам выпала прекрасная возможность доказать его необоснованность. Но, с другой стороны, некоторые высказывали и такие соображения:

«Британцы угнетают нас наравне с бурами. Если мы подвергаемся лишениям в Трансваале, то положение наше ненамного лучше в Натале или Капской колонии. Если и есть какое-либо отличие, то лишь в степенях. Опять-таки, мы в большей или меньшей степени являемся общиной рабов. Зная, что такая маленькая нация, как буры, борется за своё существование, почему мы должны помогать их уничтожению? Наконец, с практической точки зрения, никто не способен предсказать, что проиграют именно буры. А если они победят, то не преминут нам отомстить».

Среди нас была влиятельная партия, которая решительно отстаивала вышеприведенный аргумент. Я понимал все эти доводы и отдавал им должное. Однако они не были мне близки, и я опроверг их для самого себя и для общины следующим образом:

«Мы находимся в Южной Африке исключительно в качестве британских подданных. В каждой нашей петиции мы отстаивали свои права как таковые. Мы гордимся своим британским гражданством или даём понять нашим правителям и всему миру, что мы гордимся им. Наши правители утверждают, что защищают наши права, поскольку мы – британские подданные, и теми небольшими имеющимися у нас правами мы обладаем благодаря нашему британскому подданству. Было бы непорядочно с точки зрения нашего национального достоинства смотреть со сложенными руками на то, как англичанам грозит поражение, и в равной степени – нам самим только потому, что они плохо здесь с нами обращаются. Подобное преступное бездействие может только усугубить наши трудности. Если мы упустим эту выпавшую нам возможность доказать ложность выдвинутых против нас обвинений, мы сами себя осудим, и не будет ничего удивительного в том, что англичане после этого станут относиться к нам ещё хуже, чем раньше, и насмехаться над нами больше, чем когда бы то ни было. Вина в таком случае полностью ляжет на нас. Утверждать в таком случае, что выдвинутые против нас обвинения не имеют под собой никаких оснований и абсолютно несостоятельны – это только обманывать самих себя. Это правда, что в империи у нас беспомощное положение, но до сих пор мы пытались его улучшить, оставаясь в рамках империи. Такова была политика всех наших лидеров в Индии и наша тоже. Если мы хотим завоевать нашу свободу и добиться благополучия в качестве членов Британской империи, то здесь нам предоставляется

прекрасная возможность это сделать, помогая британцам в войне всеми доступными нам средствами. Да, следует признать, что справедливость, по большей части, на стороне буров. Но каждый отдельный подданный государства не должен надеяться на то, что ему удастся во всех случаях навязать властям своё частное мнение. Власти, возможно, не всегда правы, но пока подданные сохраняют верность государству, их очевидный долг – в целом учитывать интересы и поддерживать действия государства».

«Опять-таки, если какой-либо класс среди подданных считает, что действия правительства аморальны с религиозной точки зрения, прежде чем ему помогать или препятствовать, они должны приложить все усилия, даже рискуя своей жизнью, отговорить правительство от избранного им курса. У нас же совершенно другая ситуация. Здесь не имеет места какой-то моральный кризис, и никто не говорит, что мы хотим держаться в стороне от этой войны по какой-либо универсальной и всеобъемлющей причине. Поэтому наш естественный долг подданных состоит не в том, чтобы вникать в суть войны, а в том, чтобы оказать посильную помощь, когда война уже началась. Наконец, полагать, что в случае победы буров – а их победа вполне вероятна – наше состояние ухудшится и буры страшно нам отомстят, было бы несправедливо как по отношению к рыцарственным бурам, так и к самим себе. Допущение даже малейших подобных мыслей будет только признаком нашей слабости и бросит тень на нашу лояльность. Задумается ли англичанин хоть на мгновение о том, что с ним произойдёт, если англичане проиграют войну? Человек, готовящийся вступить в войну, не может выдвигать подобные аргументы, не потеряв при этом своей мужественности».

Я высказал все эти соображения в 1899 году и по сей день не вижу причин что-либо в них менять. Иными словами, если бы сегодня я верил в Британскую империю так, как верил тогда, и если бы сейчас я лелеял надежду добиться нашей свободы под её покровительством как в те дни, я бы слово в слово выдвинул те же самые аргументы как в Южной Африке, так и, при аналогичных обстоятельствах, в Индии. Было множество попыток опровергнуть эти аргументы в Южной Африке и затем в Англии. Но я не нашёл в них никаких серьёзных оснований для изменения своих взглядов. Я знаю, что нынешние мои взгляды не имеют никакого отношения к обсуждаемой здесь теме, но есть две веские причины, по которым здесь затрагивается этот вопрос. Во-первых, я не вправе рассчитывать на то, что читатель, второпях взявший в руки эту книгу, прочтет её с полным терпением и внимательностью, и такому читателю будет трудно примирить вышеизложенные взгляды с моей нынешней деятельностью. Во-вторых, основополагающим принципом в приведенных выше аргументах является сатяграха, упорство в истине. То, что человек на самом деле должен быть таким, каковым он кажется, и действовать соответственно – это не завершающий, а первый шаг к практической религии. Выстраивание религиозной жизни невозможно без подобного фундамента.

Вернёмся, однако, к нашему повествованию.

Мои аргументы понравились многим. Пусть читатель не думает, что я был единственным, кто их выдвигал. Более того, ещё до изложения этих моих взглядов было множество индийцев, считавших, что мы должны были внести свою лепту в войну. Но теперь возник практический вопрос: кто

прислушается к слабому голосу индийцев, когда бушует этот ужасный вихрь войны? Какой вес будет иметь это предложение о помощи? Никто из нас никогда не держал в руках боевого оружия. Даже работа, выполняемая невоенным персоналом на фронте, требовала подготовки. Никто из нас не знал даже, как маршировать в ногу. Со своим багажом на собственных плечах было нелегко совершать длительные марш-броски. Опять же, белые обращались с нами как с «кули», оскорбляли нас и смотрели на нас свысока. Как всё это можно было вынести? И если мы добровольно вызовемся на воинскую службу, как мы могли убедить правительство принять наше предложение? В конце концов, мы пришли к выводу, что должны были приложить все усилия, чтобы наше предложение было принято; что наш опыт только от этого обогатится и позволит выполнять больше работ; что, при наличии у нас желания, Бог дарует нам способность служить; что нам не нужно было беспокоиться о том, сможем ли мы выполнить порученную нам работу, а вместо этого готовиться к её выполнению с полной самоотдачей; и, наконец, что, приняв твёрдое решение о службе, мы могли перестать думать о различии между достойной и недостойной работой и служить, даже терпя оскорбления, если до этого дойдёт.

Мы столкнулись с огромными трудностями в том, чтобы это наше предложение было принято благосклонно. Это довольно интересная история, но здесь нет места подробно её описывать. Достаточно будет сказать, что наши лидеры прошли обучение по уходу за ранеными и больными, получили медицинские справки о физической пригодности и направили официальное письмо в правительство. Это письмо и проявленная нами готовность служить в любом качестве, какое только правительство сочтёт нужным, произвело очень хорошее впечатление. Правительство поблагодарило нас в ответ, но на тот момент отклонило наше предложение. Тем временем буры продолжали наступать словно мощное наводнение; было опасение, что они могут достичь Дурбана. Повсюду лежали кучи раненых и убитых. Мы неотступно напоминали о нашем предложении, и, наконец, было получено разрешение на формирование индийского корпуса скорой помощи. Мы выразили готовность выполнять даже работу подметальщиков или мусорщиков в больницах. Поэтому неудивительно, что идея создания санитарного корпуса пришлась нам по душе. Наше предложение касалось, в первую очередь, свободных и освобождённых индийцев, но мы предложили, что неплохо было присоединиться к ним и индийцам-контрактикам. Поскольку правительству в то время требовалось как можно больше мужчин, они обратились к работодателям рабочих-контрактников с просьбой разрешить их людям вступить в ряды добровольцев. Так большой великолепный корпус, состоящий примерно из 1100 индийцев, отправился из Дурбана на фронт. Во время нашего отъезда мы получили поздравления и благословения от уже знакомого читателю мистера Эскомба, к тому времени главы европейцев-добровольцев в Натале.

Всё это было полнейшей неожиданностью для английских газет. Никто не думал, что индийцы примут какое-либо участие в войне. Один англичанин написал в одной из ведущих газет хвалебную поэму об индийцах, в которой рефреном звучала следующая строка: «В конце концов, все мы сыновья Империи».

В корпусе было от трёхсот до четырёхсот освобождённых индийцев, набранных благодаря усилиям свободных индийцев. Из них тридцать семь считались лидерами, поскольку предложение правительству было направлено за их подписями, и они помогли набрать остальных. Среди лидеров были адвокаты и бухгалтеры, а остальные были либо ремесленниками, скажем, каменщиками или плотниками, либо обычными рабочими. Индусы и мусульмане, мадрасцы и сельские жители, все классы и вероисповедания были широко представлены там. В корпусе почти не было торговцев, но они жертвовали значительные суммы денег. У корпуса были потребности, которые не удовлетворялись в достаточной мере военным пайком; их удовлетворение дало бы его членам некоторые удобства в их тяжёлой лагерной жизни. Торговцы взяли на себя обязательство по предоставлению этих удобств, а также хорошо поддерживали быт раненых, находящихся на нашем попечении, с помощью сладостей, сигарет и прочих вещей. Всякий раз, когда мы разбивали лагерь вблизи какого-то города, местные торговцы делали всё от них зависящее, чтобы позаботиться о нас.

За рабочими-контрактниками, присоединившимся к этому корпусу, присматривали английские приставы с соответствующих фабрик. Но их работа ничем не отличалась от нашей, а поскольку мы должны были жить все вместе, они были очень рады такой перспективе, и управление всем корпусом, естественно, перешло в наши руки. Таким образом, весь корпус был назван Индийским корпусом, и это вменилось в заслугу всей индийской общине. На самом деле, заслуга за включение в корпус рабочих-контрактников принадлежала не индийцам, а плантаторам. Однако несомненным было то, что свободные индийцы, то есть индийская община, заслужили похвалу за отличное управление корпусом, когда он был сформирован, и это признал генерал Буллер в своих депешах.

Доктор Бут, под чьим руководством мы обучались оказанию первой помощи, присоединился к корпусу в качестве медицинского суперинтенданта. Он был благочестивым священнослужителем, и хотя его работа, главным образом, проводилась среди индийцев-христиан, он свободно общался с индийцами всех вероисповеданий. Большинство из тридцати семи упомянутых выше руководителей прошли обучение у него.

Наряду с индийским, существовал и европейский санитарный корпус; оба они работали бок о бок в одном и том же месте.

Наше предложение правительству было абсолютно безоговорочным, но оно приняло его на условиях, освобождающих нас от службы там, где велись активные боевые действия. Это означало, что постоянный санитарный корпус при армии должен был выносить солдат, получивших ранения, с поля боя далеко за линию огня. Временный санитарный корпус из европейцев и индийцев был сформирован в связи с большими усилиями, которые генерал Буллер должен был предпринять для оказания помощи генералу Уайту в Ладисмите и в ходе которых, как предполагалось, раненых могло оказаться слишком много для одного только постоянного корпуса. В сельской местности, где велись боевые действия, не было дорог между полем боя и тыловым госпиталем, и поэтому невозможно было перевозить раненых обычным транспортом. Тыловой госпиталь всегда располагался рядом с железнодорожной станцией на расстоянии от семи до двадцати пяти миль от места сражений.

Вскоре у нас появилась работа, намного более тяжёлая, чем мы ожидали. Переносить раненых на семь или восемь миль для нас было обычным делом. Но иногда нам приходилось переносить тяжелораненых солдат и офицеров на расстояние в двадцать пять миль. Марш-бросок начинался в восемь утра; по дороге раненым нужно было давать лекарства, а в пять вечера мы должны уже были добраться до госпиталя. Это была поистине изнурительная работа. Так однажды нам пришлось нести раненых двадцать пять миль за один день. Опять же в начале войны британская армия терпела поражение за поражением, было большое количество раненых. Поэтому офицеры были вынуждены отказаться от своей первоначальной идеи не брать нас на огневой рубеж. Стоит упомянуть, что, когда возникла такая чрезвычайная ситуация, нам сказали, что поскольку условия нашего контракта предусматривали иммунитет от подобной службы, генерал Буллер не собирался заставлять нас рисковать, работая под огнём против нашей воли. Однако, в случае нашего добровольного согласия, это было бы принято с признательностью. Мы были готовы работать в опасной зоне и нам никогда не нравилось оставаться где-то за её пределами. Мы с радостью воспользовались этой возможностью. Никто из нас, однако, не получил пулевых ран или какого-либо иного повреждения.

Корпус пережил много приятных моментов, о которых я не буду здесь распространяться. Однако следует отметить, что хотя наш корпус, включавший зачастую «неотёсанных» рабочих-контрактников, часто пересекался с членами европейского санитарного корпуса и с солдатами европейцами, никто из нас не чувствовал, что европейцы относятся к нам с пренебрежением или неучтиво. Временный корпус состоял из южноафриканских европейцев, которые до войны принимали участие в анти-индийской агитации. Однако осознание того, что индийцы, забыв о своих обидах, пришли им на помощь в трудную минуту, временно растопило их сердца. Я уже говорил, что о нашей работе упоминал генерал Буллер в своих депешах. Кроме того, медали были вручены тридцати семи нашим лидерам.

Когда операция генерала Буллера по освобождению Ладисмита завершилась, то есть примерно через два месяца, наш и европейский корпус были расформированы. Война после этого длилась ещё долго. Мы всегда были готовы вернуться в строй, и в приказе о расформировании нашего корпуса было указано, что правительство обязательно воспользуется нашими услугами, если вновь возникнет необходимость в крупномасштабных операциях.

Вклад индийцев Южной Африки в эту войну был сравнительно незначительным. Они почти не пострадали. Однако даже искреннее желание помочь не может не произвести впечатления на другую сторону, и оно вдвойне ценится, когда оказывается совершенно неожиданным. Такое прекрасное отношение к индийцам сохранялось на протяжении всей войны.

Прежде чем завершить эту главу, я должен рассказать об одном достойном внимания случае. Когда Ладисмит был захвачен бурами, кроме англичан среди его жителей было несколько приبلудных индийских поселенцев. Некоторые из них были торговцами, а остальные – рабочими-контрактниками, работавшими на железной дороге или в качестве слуг у английских джентльменов. Одним из этих индийцев был Парбхусингх. Офицер, командовавший в Ладисмите, возложил

различные обязанности на каждого его жителя. Самая опасная и ответственная работа была поручена Парбхусингу, который был «кули». На холме неподалеку от Ладисмита буры установили пушку, обстрелы из которой приводили к разрушению многих зданий и даже к гибели людей. Проходила минута или две, прежде чем пушечный снаряд достигал далёкой цели. Но если осаждённые получали даже такое короткое предупреждение, они могли укрыться до того, как снаряд упадёт в городе, и таким образом спастись. Пока пушка работала по целям, обязанностью Парбхусингха было всё это время сидеть на дереве, устремив взгляд на холм, и звонить в колокол, как только он замечал вспышку. Услышав звон, жители Ладисмита мгновенно укрывались и тем самым спасались от смертоносного пушечного снаряда, о приближении которого они оповещались таким образом.

Когда офицер, отвечающий за Ладисмит, восхвалял оказанные Парбхусингом неоценимые услуги, он заметил, что последний работал так ревностно, что ни единого разу не забыл прозвонить в колокол. Вряд ли стоит говорить, что его собственная жизнь при этом постоянно подвергалась опасности. История его храбрости стала известна в Натале и, наконец, достигла ушей лорда Керзона, тогдашнего вице-короля Индии. Он послал в дар Парбхусингу кашмирский халат и написал правительству Натала письмо с просьбой провести церемонию вручения ему этого халата со всевозможной публичностью. Обязанность была возложена на мэра Дурбана, который с этой целью провел публичное собрание в ратуше. Это происшествие имеет для нас двойной урок. Во-первых, мы не должны презирать ни одного человека, каким бы скромным или незначительным он ни казался. Во-вторых, не смотря на всю свою робость, он способен на самый высокий героизм, когда его подвергают испытанию.

10. После войны

Самый важный этап войны завершился в 1900 году. Ладисмит, Кимберли и Мафекинг были освобождены. Генерал Кронье капитулировал в Паардебурге. Части британских колоний, оккупированных бурами, были отвоёваны, а лорд Китченер завоевал Трансвааль и Оранжевое свободное государство. Оставалась только партизанская война.

Я полагал, что теперь моя работа в Южной Африке подошла к концу. Я пробыл там шесть лет, а не один месяц, как это изначально предполагалось. Очертания предстоящей работы были достаточно ясны. И всё же я не мог покинуть Южную Африку без согласия на то индийской общины. Я сообщил своим коллегам, что намерен заняться общественной работой в Индии. В Южной Африке я усвоил урок служения, а не корысти, и жаждал возможностей для подобной работы. Там был Шри Мансухлал Назар, как и господин Хан. Некоторые индийские молодые люди, родившиеся и выросшие в Южной Африке, вернулись из Англии адвокатами. В этих обстоятельствах не было ничего плохого, если б я вернулся в Индию. Когда я привёл все эти аргументы, мне разрешили вернуться на том условии, что, если в Южной Африке возникнет непредвиденная ситуация, требующая моего непосредственного там присутствия, община могла отозвать меня в любой день, и я должен был сразу же вернуться обратно. Они обязались в таком случае взять на себя мои дорожные расходы и расходы, связанные с моим пребыванием в Южной Африке. Я согласился на эти условия и вернулся в Индию.

В Бомбее я решил заняться адвокатской практикой, в первую очередь – ради общественной работы по совету и под руководством Гокхале, а во вторую – чтобы параллельно с этим зарабатывать себе на жизнь. Я арендовал помещение под адвокатскую контору и время от времени получал заказы. Благодаря моей тесной связи с Южной Африкой, вернувшиеся оттуда клиенты давали мне работу, которой с лихвой хватало на все мои нужды. Но мне так и не суждено было обрести покой. Я пробыл в Бомбее всего три или четыре месяца, когда получил срочную телеграмму из Южной Африки, в которой говорилось о серьёзности тамошней ситуации, о скором приезде мистера Чемберлена и о том, что моё присутствие было необходимым.

Я закрыл свой бомбейский офис и отправился в Южную Африку на первом попавшемся пароходе. Это было в конце 1902 года. Телеграмма не содержала всех деталей. Я догадывался, что в Трансваале были какие-то проблемы. Но я отправился в Южную Африку без семьи, поскольку думал, что смогу вернуться в Индию через четыре-шесть месяцев. Однако я был просто поражён, когда, добравшись до Дурбана, наконец всё узнал. Многие из нас надеялись, что после войны положение индийцев в Южной Африке улучшится. Мы не ожидали проблем в Трансваале и Свободном государстве, во всяком случае потому, что лорд Лансдаун, лорд Селборн и другие высокопоставленные лица заявили в начале войны, что обращение буров с индийцами было одной из причин войны. Британский агент в Претории часто говорил мне, что если Трансвааль станет британской колонией, то все притеснения

индийцев немедленно сойдут на нет. Европейцы тоже считали, что, поскольку Трансвааль теперь находится под британским флагом, прежние анти-индийские законы бурской республики не смогут быть приведены в исполнение. Этот принцип был настолько широко принят, что аукционисты, которые до войны не принимали заявок от индийцев на покупку земли, теперь открыто подобные заявки принимали. Таким образом, многие индийцы приобрели земли на публичных аукционах, но когда они представили документы о передаче земли чиновнику по доходам для регистрации, ответственный чиновник отказался регистрировать документы, сославшись на Закон 3 от 1885 года! Всё это я узнал, высадившись в Дурбане. Мне сказали, что мистер Чемберлен сначала приедет в Дурбан, и мы должны были ознакомить его с ситуацией в Натале. После этого я должен был последовать за ним в Трансвааль.

Делегация индийцев ожидала г-на Чемберлена в Натале. Он вежливо выслушал их и пообещал провести переговоры с правительством Натала по поводу всех их претензий. Лично я не ожидал, что законы, которые были приняты в Натале до войны, будут изменены в ближайшее время. Эти законы уже были описаны в предыдущей главе.

Как известно читателю, до войны любой индеец мог в любое время въехать в Трансвааль. По моим наблюдениям, это уже было не так. Однако ограничения в равной степени касались всех – как европейцев, так и индийцев. Положение в стране всё еще оставалось таким, что если бы большое количество людей одновременно въехало в Трансвааль, не хватило бы еды и одежды, поскольку ни один магазин ещё не открылся после войны. Запасы товаров в магазинах были бесцеремонно присвоены последним бурским правительством. Поэтому я посчитал, что, если это являлось временной ограничительной мерой, причин для беспокойства не было. Но затем обнаружилась разница в процедуре получения разрешения на въезд между европейцами и индийцами, и это дало повод для беспокойства и тревоги. В различных портах Южной Африки были открыты офисы по выдаче разрешений. Европейец мог получить разрешение практически для любых целей, просто его испросив, в то время как для работы с индийцами в Трансваале был создан Азиатский департамент. Создание этого специального департамента стало новым шагом. Индийцы должны были, в первую очередь, обращаться к главе этого департамента. Только после того, как он удовлетворял их заявления, они могли получить разрешение в Дурбане или любом другом порту.

Если бы мне пришлось пройти через все эти формальности, не было бы никакой надежды на получение мною разрешения до того, как мистер Чемберлен покинет Трансвааль. Индийцы в Трансваале не могли получить для меня разрешение. Это было сверх их сил. Поэтому они положились в этом на мои связи в Дурбане. Я не был знаком с ответственным за выдачу разрешений, но поскольку я знал суперинтенданта полиции Дурбана, я попросил его сопровождать меня в бюро разрешений. Он согласился и дал все необходимые гарантии. Я получил разрешение на основании того, что в 1893 году я год прожил в Трансваале и, таким образом, добрался до Претории.

Атмосфера в Претории была определенно злобещей. Я видел, что Азиатский департамент был всего лишь страшной машиной для подавления индийцев. Возглавлявшие его офицеры были из числа тех

авантюристов, что во время войны сопровождали армию из Индии в Южную Африку, где и обосновались в поисках счастья. Некоторые из них были коррумпированы. Два офицера были даже привлечены за взяточничество к суду. Присяжные признали их невиновными, но поскольку на самом деле сомнений в их виновности не было, впоследствии они были уволены со службы. Пристрастность там была в порядке вещей. Когда подобным образом создаётся отдельный департамент и ограничение существующих прав является единственной причиной его существования, офицеры, естественно, склонны время от времени придумывать новые ограничения, чтобы оправдать своё существование и показать, что они эффективно справляются со своими обязанностями. Именно так всё в данном случае и произошло.

Я понял, что мне придется начинать свою работу с самого начала. Азиатский департамент не мог сразу понять, как мне удалось проникнуть в Трансвааль. Они не рискнули спросить меня об этом напрямую. Полагаю, они посчитали, что незаконно переправиться через границу я не мог. По каким-то своим каналам они получили информацию о том, как я получил разрешение. Делегация из Претории подготовилась к встрече с мистером Чемберленом. Я составил меморандум для передачи ему, но Азиатский департамент исключил меня из состава делегации. Индийским лидерам казалось, что они не должны были встречаться с г-ном Чемберленом, если я не смогу поехать с ними. Но я эту идею не поддержал. Я сказал им, что не обращаю внимания на нанесённое мне оскорбление и посоветовал им то же самое. Была петиция, и её необходимо было вручить г-ну Чемберлену. Мистеру Джорджу Годфри, присутствующему там индийскому адвокату, было поручено зачитать меморандум. Делегация ожидала мистера Чемберлена. Когда в ходе беседы было упомянуто моё имя, он сказал: «Я уже видел господина Ганди в Дурбане. Поэтому я отказался от встречи с ним здесь, чтобы узнать о ситуации в Трансваале из первых уст от местных жителей». На мой взгляд, это замечание только подлило масла в огонь. Мистер Чемберлен высказался так, как его учили в Азиатском департаменте, который таким образом пытался перенести в Трансвааль атмосферу, царящую в Индии. Всем известно, как британские офицеры считают бомбейцев иностранцами, скажем, в Чампаране. В таком случае, как я, житель Дурбана, мог что-либо знать о ситуации в Трансваале? Таким образом Азиатский департамент натаскивал мистера Чемберлена. Он не знал, что я жил в Трансваале, и что даже если бы не жил, то всё равно был бы полностью осведомлён о тамошнем положении индийцев. В данном случае был только один уместный вопрос: кто был лучше всего осведомлён о ситуации в Трансваале? Индийцы уже ответили на для себя на этот вопрос, попросив меня проделать туда весь путь из Индии. Но нет ничего нового в том, что аргументы, основывающиеся на разуме, не всегда привлекают облеченных властью людей. Мистер Чемберлен находился тогда под влиянием людей на местах и так хотел угодить европейцам, что надежды на то, что он поступит с нами справедливо, практически не было. И все же делегация ждала его хотя бы для того, чтобы ни один законный шаг для получения возмещения не был упущен по недосмотру или из-за чувства уязвленного достоинства.

Теперь передо мной стояла дилемма ещё более сложная, чем в 1894 году. С одной стороны, казалось, что я могу вернуться в Индию, как только мистер Чемберлен покинет Южную Африку. С другой, я

ясно видел, что если я вернусь в Индию с тщеславной фантазией служить на более широком поприще, при этом полностью осознавая великую опасность, которая грозила южноафриканским индийцам, такое моё служение обесмыслится, выхолостится его дух. Я подумал, что если даже придётся прожить в Южной Африке всю мою жизнь, я должен был оставаться там до тех пор, пока клубящиеся там тучи не рассеются или пока они не разразятся над нами и не сметут нас всех вопреки нашим усилиям. Примерно такими мыслями я поделился с индийскими лидерами. Как и в 1894 году, я заявил о своём намерении содержать себя за счет юридической практики, и это было как раз то, чего хотела община.

Вскоре я подал заявление о разрешении моей практики в Трансваале. Были некоторые опасения, что и здесь юридическое общество воспротивится этому так же, как и в Натале, но они оказались беспочвенными. Я был зачислен адвокатом Верховного суда и открыл офис в Йоханнесбурге. В Йоханнесбурге проживало наибольшее количество индийцев в Южной Африке, и поэтому мне было удобно находиться там как с точки зрения общественной работы, так и собственного заработка. Я ежедневно получал горький опыт коррумпированности Азиатского департамента, и все усилия Британской индийской ассоциации Трансвааля были направлены на поиск лекарства от этой болезни. Отмена Закона 3 от 1885 года теперь отошла на задний план как некая отдалённая цель. Ближайшая наша цель ограничивалась спасением от стихийного бедствия в виде этого Азиатского департамента. Индийские делегации ожидали лорда Милнера, прибывшего туда лорда Селборна, вице-губернатора Трансвааля сэра Артура Лоули, впоследствии губернатора Мадраса, а также меньших чинов. Я часто встречался с правительственными чиновниками. То тут, то там мы получали небольшое облегчение, но всё это были мелкие «припарки». Мы получили примерно такое же удовлетворение, как и подчистую ограбленный человек, который умолил грабителей вернуть ему хоть какую-нибудь безделушку. Именно в результате этой нашей деятельности офицеры, об увольнении которых говорится выше, были привлечены к ответственности. Наши опасения относительно ограничений на иммиграцию индийцев оказались верны. Разрешений больше не требовали от европейцев, чего нельзя было сказать об индийцах. Позднее бурское правительство никогда строго не соблюдало своё радикальное антиазиатское законодательство, но не из какого-то особого великодушия, а по причине вялости своей администрации. Хороший чиновник не имел при британском правительстве столько же возможностей для проявления своей доброты, сколько при бурском режиме. Британская конституция стара и очень шаблонна, и чиновники должны были работать в соответствии с ней словно машины. Свобода их действий ограничивалась системой всё большего количества сдержек. Поэтому согласно британской конституции, если политика правительства либеральна, подданные получают максимальные преимущества от её либеральности. С другой стороны, если политика правительства деспотична или прижимиста, подданные ощущают максимальную тяжесть его увесистой руки. Обратная ситуация наблюдается при таких конституциях, как в поздней бурской республике. Получают ли подданные все преимущества от либерального закона, во многом зависит от чиновников, которым поручено его исполнение. Так, когда в Трансваале установилась британская власть, все негативно влияющие на индийцев законы стали исполняться с каждым днем всё строже и строже. Лазейки, если таковые и существовали, тщательно закрывались. Мы уже видели, что

Азиатский департамент был вынужден проявлять суровость в своей деятельности. Поэтому об отмене старых законов не могло быть и речи. Индийцам оставалось только попытаться понять, как можно было практически смягчить эту суровость.

Рано или поздно мы должны обсудить наш принцип, и если это сделать на данном этапе, возможно, это облегчит понимание индийской точки зрения и дальнейшего развития всей этой ситуации. Вскоре после установления британского правления в Трансваале и Свободном государстве, лорд Милнер назначил комитет, в задачи которого входила подготовка списка таких ранее принятых законов обеих республик, которые ограничивали свободу подданных или противоречили духу британской конституции. Анти-индийские законы, несомненно, могли быть включены в этот список. Однако, целью лорда Милнера при назначении этого комитета было удовлетворение жалоб британцев, а не индийцев. Он хотел, в первую очередь, отменить те законы, которые косвенно оказывали сильное давление на британцев. Комитет представил свой отчёт в очень короткий срок, и многие основные и мелкие законы, наносившие британцам ущерб, были, можно сказать, отменены одним росчерком пера.

Тот же комитет подготовил список анти-индийских актов. Они были опубликованы в виде книги, которая послужила удобным пособием, легко используемым или, с нашей точки зрения, легко злоупотребляемым Азиатским департаментом.

Итак, если бы в анти-индийских законах прямо не упоминались индийцы и, таким образом, они были применимы не только к индийцам, но и ко всем подданным; если бы исполнение их было оставлено на усмотрение администраторов; или если бы законы налагали общие ограничения, которые могли бы применяться против индийцев в особо строгой форме, цель законодателей, таким образом, всё равно была бы достигнута. Но всё же эти законы оставались бы общими законами для всех. Никто не чувствовал бы себя оскорблённым их принятием, и когда время притупило бы связанную с этим горечь, не было бы необходимости изменять законы, а только более либерально их применять во облегчение положения пострадавшей общины. Я назвал законы второго типа общими законами. Законы же первого типа можно назвать конкретными или расовыми, устанавливающими так называемую «цветовую планку». То есть по конкретному признаку цвета кожи они налагают больше ограничений на представителей тёмной или коричневой расы, чем на европейцев.

Приведем один пример из уже действовавших законов. Читатель помнит, что первый закон о лишении избирательных прав, принятый в Натале, но впоследствии отменённый императорским правительством, предусматривал лишение избирательных прав всех азиатов как таковых. Если бы собирались изменить подобный закон сейчас, обществу должно быть хорошо известно о том, что большинство настроено к азиатам не только не враждебно, но даже дружелюбно. Установленный им цветовой барьер может быть снят только при наличии подобных сердечных чувств. Это является иллюстрацией расового или классового законодательства. Упомянутый закон отозвали, и вместо него приняли другой, достигающий практически той же цели, но носящий общий характер, тем самым устраняя жало расовой дискриминации. Суть одного из его пунктов заключается в следующем: «Ни

одно лицо не может быть включено в список избирателей в Натале, если оно является уроженцем стран, которые до сих пор не имели выборных представительных органов, основанных на парламентском избирательном праве». Здесь не упоминаются индийцы или азиаты. Мнения адвокатов могут расходиться относительно того, обладает ли Индия представительными органами, основанными на парламентском избирательном праве. Но если предположить, что в 1894 году в Индии не было, да и сейчас нет парламентского избирательного права, никто не может с уверенностью сказать, что должностное лицо, ответственное за составление списков избирателей в Натале, совершило незаконное действие, включив в списки имена индийцев. Всегда существует общая презумпция в пользу прав субъекта. Поэтому до тех пор, пока тогдашнее правительство не проявляет явную враждебность, имена индийцев и других могут быть включены в списки избирателей, несмотря на вышеупомянутый закон. Иными словами, если неприязнь к индийцам станет менее выраженной и если местное правительство не захочет причинить им вред, их имена могут быть внесены в списки избирателей без малейшего изменения закона. В этом заключается преимущество общего закона. Можно привести и другие примеры такого же рода из числа действующих в Южной Африке законов, которые упоминались в предыдущих главах. Так что мудрая политика заключается в том, чтобы иметь как можно меньше классового законодательства, а ещё мудрее было бы вообще его избегать. После принятия закона необходимо преодолеть множество трудностей для его отмены. Отмена действующих в стране законов возможна только при наличии высоко просвещённого общественного мнения. Конституцию, при которой законы время от времени изменяются или отменяются, нельзя считать стабильной или хорошо составленной.

Теперь мы можем лучше оценить тот яд, который содержался в анти-азиатских законах в Трансваале. Все они носили расовый характер. Азиаты как таковые не могли голосовать; они также не могли владеть землёй за пределами участков, отведённых им правительством. Администрация ничего не могла сделать для индийцев до тех пор, пока эти запреты входили в свод законов. Комитет лорда Милнера мог составить отдельный список только тех законов, которые не были по своему характеру общими. Если бы это были общие законы, то все законы, применяемые только против азиатов, хотя и не направленные прямо против них, были бы отменены вместе с остальными. Офицеры, отвечавшие за это, не смогли бы тогда аргументировать свою беспомощность и сказать, что у них нет иного выхода, кроме как исполнять законы до их отмены законодательным органом.

Когда эти законы перешли в руки Азиатского департамента, он начал строго их исполнять. Если законы вообще заслуживали того, чтобы их исполняли, правительство должно было использовать все дополнительные полномочия для закрытия лазеек, намеренно или по неосмотрительности оставленных в пользу азиатов. Это является чем-то довольно простым и бесхитростным. Либо законы плохие, и в таком случае их следует отменить, либо они правильные, и в таком разе их недостатки должны быть полностью устранены. Министры решили исполнять законы. Индийцы стояли плечом к плечу с британцами и рисковали своими жизнями во время последней войны, но это была уже история трёх-четырёхлетней давности. Британский агент в Претории боролся за права индийцев, но это было при старом режиме. Недовольство индийцев значилось как одна из заявленных причин

войны, но это заявление было сделано недальновидными государственными деятелями, не знавшими местной специфики. Местные чиновники видели ясно, что анти-азиатские законы, принятые поздним бурским правительством, не были ни достаточно суровыми, ни систематическими. Если бы индийцы могли въезжать в Трансвааль по своему желанию и вести торговлю там, где им заблагорассудится, британские торговцы понесли бы большие потери. Все эти и подобные аргументы имели большой вес для европейцев и их представителей в министерстве. Все они стремились накопить как можно больше богатств за минимальный срок; как они могли смириться с тем, что индийцы войдут с ними в долю? Лицемерие вынудило политическую теорию придумать правдоподобное обоснование. Простые эгоистические или меркантильные аргументы не удовлетворили бы умных европейцев Южной Африки. Человеческий интеллект с удовольствием придумывает умозрительные аргументы, чтобы поддержать несправедливость, и южноафриканские европейцы не были исключением из этого общего правила. Вот какие аргументы выдвигали генерал Смутс и другие:

«Южная Африка является частью западной цивилизации, в то время как Индия – центр восточной культуры. Мыслители нынешнего поколения считают, что эти две цивилизации не совместимы. Если нации, представляющие эти соперничающие культуры, сойдутся даже в небольших группах, результатом этого может быть только взрыв. Запад выступает против простоты, в то время как восточные люди считают эту добродетель первостепенной. Как можно примирить эти противоположные взгляды? Не дело государственных деятелей, которые являются практичными людьми, решать вопрос об их относительных достоинствах. Западная цивилизация может быть хорошей или не очень, но западные люди желают жить в соответствии с ней. Они прилагают неустанные усилия, чтобы спасти эту цивилизацию. Они пролили реки крови ради неё. Они терпели огромные лишения ради её спасения. Поэтому сейчас им уже слишком поздно прокладывать для себя новый путь. Таким образом, индийский вопрос не может быть решён в свете торговой ревности или расовой ненависти. Проблема заключается лишь в том, чтобы сохранить собственную цивилизацию, то есть воспользоваться высшим правом самосохранения и выполнить соответствующий долг. Возможно, некоторым ораторам нравится подстрекать европейцев, находя недостатки в индийцах, но политические мыслители считают и говорят, что сами по себе качества, присущие индийцам, являются недостатками в Южной Африке. Индийцев не любят в Южной Африке за их простоту, терпение, настойчивость, бережливость и прочую мирскую суету. Западные люди предприимчивы, нетерпеливы, увлечены умножением своих материальных потребностей и их удовлетворением, любят хорошее настроение, стремятся как можно меньше заниматься физическим трудом и расточительны в своих привычках. Поэтому они опасаются, что если в Южной Африке поселятся тысячи восточных людей, то западные жители просто вылетят в трубу. Западные люди в Южной Африке не готовы совершить самоубийство, и их лидеры не позволят довести их до такого состояния».

Я считаю, что беспристрастно пересказал аргументы, выдвинутые самыми высокопоставленными европейцами. Я назвал их аргументы псевдо-философскими, но не хочу тем самым сказать, что они лишены основания. С практической точки зрения, то есть с точки зрения прямой личной выгоды, они обладают большой силой. Но с философской точки зрения это чистой воды лицемерие. По моему

скромному мнению, ни один беспристрастный человек не может согласиться с такими выводами, и ни один реформатор не поставит свою цивилизацию в такое беспомощное положение, как в случае со всеми этими выдвинутыми аргументами. Насколько мне известно, ни один восточный мыслитель не опасается, что если западные народы войдут в свободный контакт с восточными, то восточная культура будет сметена нахлынувшим потоком западной цивилизации. Насколько я имею представление о восточной мысли, восточная цивилизация не только не боится, но и приветствует свободный контакт с западной цивилизацией. Если на Востоке и имеют место быть противоположные примеры, они не влияют на общий изложенный мной принцип, и в поддержку этого можно привести множество примеров. Как бы то ни было, западные мыслители утверждают, что основой западной цивилизации является преобладание силы над правом. Поэтому поборники этой цивилизации посвящают большую часть своего времени сохранению грубой силы. Эти мыслители также утверждают, что народы, которые не увеличивают свои материальные потребности, обречены на уничтожение. Именно во исполнение этих принципов западные народы поселились в Южной Африке и покорили численно превосходящие их расы. Абсурдным было бы представить, что они будут опасаться безобидного населения Индии. Лучшим доказательством того, что европейцам нечего бояться азиатов, является тот факт, что если бы индийцы продолжали работать в Южной Африке в качестве простых рабочих, то никто и дальше бы не стал поднимать голос против индийской иммиграции.

Таким образом, единственные остающиеся факторы – торговля и цвет кожи. Тысячи европейцев признали в своих трудах, что торговля индийцев сильно бьёт по мелким британским торговцам, и что неприязнь к коричневой расе в настоящее время стала неотъемлемой частью европейского менталитета. Даже в Соединенных Штатах Америки, где действует принцип права на недискриминацию, даже такого человека как Букер Т. Вашингтон, получившего лучшее западное образование, христианина с благородным характером и типичного представителя западной цивилизации не допустили на приём к президенту Рузвельту, и, вероятно, не допустили бы и сегодня. Негры Соединенных Штатов впитали западную цивилизацию. Они приняли христианство. Но чёрный пигмент их кожи является их преступлением. В северных штатах их презирают в обществе, а в южных линчуют при малейшем подозрении в чём-то дурном.

Таким образом, читатель может видеть, что рассмотренные выше «философские» аргументы не такие уж состоятельные. Но он не должен из этого делать вывод, что все, отстаивающие их, обязательно делают это из лицемерия. Многие из них искренне считают эти взгляды вполне здравыми. Возможно, если бы мы оказались на их месте, мы бы тоже выдвигали подобные аргументы. У нас в Индии есть поговорка: каково поведение человека, таково и его понимание. Разве кто-то не замечал, что наши аргументы – это отражение нашего менталитета, и что если они не по нраву другим, нам это не нравится, мы проявляем нетерпеливость и даже бываем возмущены?

Я намеренно очень подробно остановился на этом вопросе, поскольку хочу, чтобы читатель понял и, если до сих пор этого не сделал, приобрёл привычку ценить и уважать различные точки зрения. Подобная широта мышления и терпение необходимы для понимания сатьяграхи и, прежде всего, для

её практики. Без этих качеств сатьяграха невозможна. Я пишу эту книгу не для того, чтобы просто её написать. Моей целью также не является ознакомить читателя с одним из этапов в истории Южной Африки. Главная цель этого повествования состоит в том, чтобы ознакомить нацию с историей возникновения и широкой практики сатьяграхи, ради которой я живу, ради которой я хочу жить и за которую, как я полагаю, я в равной степени готов умереть. В свете этого знания нация смогла бы понять и осуществить сатьяграху в той степени, в какой она хочет и способна это сделать.

Продолжим же наше повествование. Мы уже увидели, что британские администраторы решили не допускать в Трансвааль новых индийских иммигрантов и, параллельно с этим, сделать положение старых индийских поселенцев настолько некомфортным, чтоб они были вынуждены покинуть страну из-за отвращения либо оказались в состоянии, граничащем с крепостным правом. Некоторые люди, которых в Южной Африке считают великими государственными деятелями, не раз заявляли, что они могут позволить себе содержать индийцев только в качестве дровосеков и водоносов. Среди сотрудников Азиатского департамента был и мистер Лайонел Кертис, известный сегодня как поборник двоецарствия в Индии. Тогда ещё молодой человек, он пользовался доверием лорда Милнера. Он утверждал, что делал всё в соответствии с научным методом, но мог совершать при этом и серьёзные промахи. Муниципалитет Йоханнесбурга понёс убытки в размере 14 000 фунтов стерлингов в результате одной из таких совершённых им ошибок. Он высказал мысль, что для пресечения новой иммиграции индийцев нужно было, первым делом, зарегистрировать всех индийских поселенцев, уже находящихся в Южной Африке. В таком случае никто не смог бы незаконно проникнуть в страну, выдав себя за другого, а если кто-то и попытается это сделать, то его легко можно будет обнаружить. Разрешения, выдававшиеся индийцам после установления британского правления в Трансваале, содержали подпись владельца или отпечаток его большого пальца в том случае, если он был неграмотным. Позже кто-то предложил вставлять в разрешение и фотографию владельца, и это предложение было реализовано административным путём, поскольку в изменении законодательства необходимости не было. Поэтому индийские лидеры не сразу узнали об этом нововведении. Со временем узнав о нём, они направили властям петиции и посылали делегации от имени общины. Официально это объяснялось так, что правительство не могло разрешить индийцам бесконтрольно въезжать в страну, и поэтому все индийцы должны были получить единые разрешения с такими содержащимися там деталями, которые сделали бы невозможным въезд в страну кого-либо, кроме их законных владельцев. Я считал, что хотя по закону мы не обязаны были получать такие разрешения, правительство могло настаивать на их необходимости до тех пор, пока действовал Указ о поддержании мира. Указ о поддержании мира в Южной Африке был чем-то вроде Закона об обороне в Индии. Как Закон об обороне Индии оставался в своде законов дольше необходимого для притеснения народа, так и этот указ долгое время оставался в силе даже после того, как необходимость в нём отпала, чтобы притеснять индийцев в Южной Африке. Что касается европейцев, то с точки зрения практической целесообразности этот закон являлся «мёртвой буквой». Теперь разрешения должны были содержать какой-либо опознавательный знак. Поэтому не было ничего плохого в том, чтобы у неграмотных людей снимали отпечаток большого пальца. Мне совсем

не нравилась идея вставлять в разрешения фотографии. У мусульман опять-таки были свои религиозные возражения против этого курса.

В итоге переговоров между индийской общиной и властями индийцы согласились поменять свои разрешения на новые и договорились, что новые индийские иммигранты должны получать разрешения по новому образцу. Хотя индийцы не были связаны законом, они добровольно согласились на перерегистрацию в надежде на то, что на них не будут налагаться новые ограничения, чтобы всем заинтересованным сторонам стало ясно, что индийцы не хотели привлекать новых иммигрантов бесчестным путём, и чтобы Указ о сохранении мира больше не использовался для преследования новоприбывших индийцев. Таким образом, почти все индийцы поменяли свои старые разрешения на новые. Это не было какой-то мелочью. Община в едином порыве и с величайшей поспешностью прошла эту перерегистрацию, хотя и не обязана была это делать по закону. Это было доказательством их добросовестности, такта, широты взглядов, здравого смысла и смирения. Это также продемонстрировало, что у общины не было желания каким-либо образом нарушать действующие в Трансваале законы. Индийцы верили, что если они будут вести себя с правительством подобным образом, то и оно будет относиться к ним хорошо, проявит к ним уважение и наделит их новыми правами. В следующей главе мы увидим, как британское правительство в Трансваале вознаградило их за это великое проявление добронравия.

11. «Чёрный акт» – награда за добронравие

В 1906 году перерегистрация индийцев завершилась. Когда я вернулся в Трансвааль из Индии, был 1903 год. Я открыл свой офис в Йоханнесбурге примерно в середине того же года. Таким образом, два года ушло на противостояние с Азиатским департаментом. Теперь мы все ожидали, что перерегистрация удовлетворит правительство, и предвкушали период сравнительного благоденствия для общины. Но этому не суждено было сбыться. Читатель уже знаком с мистером Лайонелом Кертисом. Этот джентльмен полагал, что европейцы не достигли своей цели лишь потому, что индийцы поменяли свои старые разрешения на новые свидетельства о регистрации. В его глазах было недостаточно, что такие большие подвижки были достигнуты исключительно благодаря взаимопониманию. Он считал, что всё должно было проходить в законодательном поле, и только таким образом можно было навсегда закрепить достигнутый результат. Мистер Кертис хотел, чтобы в отношении индийцев были введены такие ограничения, которые произвели бы ошеломляющее впечатление на всю Южную Африку и, в конечном итоге, послужили примером для подражания для других доминионов империи. Он не считал Трансвааль безопасным до тех пор, пока хоть один пропускной пункт в Южной Африке оставался открытым для индийцев. Опять-таки, перерегистрация по взаимному согласию была рассчитана на повышение престижа индийской общины, в то время как мистер Кертис стремился его понизить. Он не желал считаться с мнением индийцев, но хотел запугать нас, заставив подчиниться внешним ограничениям, подкреплённым строгими юридическими санкциями. Поэтому он разработал законопроект об азиатах и уведомил правительство, что пока не примут его законопроект, в уже действующих законах не существовало положений, позволяющих предотвратить нелегальное проникновение индийцев в Трансвааль или выдворять нелегальных жителей из страны. Аргументы г-на Кертиса нашли положительный отклик у правительства, и в правительственном вестнике Трансвааля был опубликован проект постановления о внесении поправок в азиатское законодательство, который должен был быть представлен в Законодательный совет.

Прежде чем подробно рассмотреть этот указ, следует в нескольких словах рассказать об одном важном событии. Поскольку я был инициатором движения сатьяграхи, читателю необходимо получить ясное представление о некоторых событиях моей жизни. Зулусское «восстание» вспыхнуло в Натале как раз тогда, когда в Трансваале предпринимались попытки наложить на индийцев дополнительные ограничения. Я сомневался тогда и сомневаюсь даже сейчас, можно ли назвать все эти события «восстанием», но в Натале его всегда называли именно так. Как и во время Бурской войны, многие европейские жители Натала вступили в армию в качестве добровольцев. Поскольку я тоже считался жителем Натала, то решил, что должен внести и свою лепту в войну. Поэтому с разрешения общины я предложил правительству сформировать корпус санитаров-носильщиков для службы в войсках. Предложение было принято. Поэтому я оставил свой дом в Йоханнесбурге и отправил семью в Феникс, район в Натале, где обосновались мои коллеги и издавалось «Индийское

мнение» (ориг. «Indian Opinion», *прим. перев.*). Я не стал закрывать редакцию, поскольку знал, что всё это было ненадолго.

Я вступил в армию с небольшим корпусом в двадцать или двадцать пять человек. Даже в этом небольшом корпусе были представлены большинство провинций Индии. Корпус находился на действительной службе в течение месяца. Я всегда был благодарен Богу за работу, выпавшую на нашу долю. Мы обнаружили, что раненые зулусы остались бы без ухода, если бы мы не позаботились о них. Никто из европейцев не помогал перевязывать им раны. Доктор Сэвидж, отвечавший за полевой госпиталь, сам был очень гуманным человеком. В наши обязанности не входило выхаживание раненых после того, как мы доставляли их в госпиталь. Но мы вступили в войну с желанием сделать всё от нас зависящее, независимо от того, входило это в круг наших обязанностей или нет. Добрый доктор сказал нам, что он не мог убедить или заставить европейцев ухаживать за зулусами и что он будет чувствовать себя обязанным нам, если мы возьмём на себя эту миссию милосердия. Мы были очень рады это сделать. Нам пришлось очистить раны нескольких зулусов, которые не обрабатывались уже пять или шесть дней и потому источали ужасную вонь. Нам понравилась эта работа. Зулусы не могли говорить с нами, но по их жестам и выражению глаз казалось, что они чувствуют, что Бог послал нас им на помощь.

Работа, на которую мы подвязались, была довольно тяжёлой, поскольку иногда в течение месяца нам приходилось совершать марш-броски по сорок миль в день.

Через месяц корпус расформировали. Его работа была упомянута в депешах. Каждого члена корпуса наградили специально отчеканенной по этому случаю медалью. Губернатор написал благодарственное письмо. Три сержанта корпуса были гуджаратцами: Шри Умиашанкар Манчхарам Шелат, Сурендра Бапубхай Медх и Харишанкар Ишвар Джоши. Все трое имели прекрасное телосложение и очень много работали. Я не могу сейчас вспомнить имена других индийцев, но хорошо помню одного патхана, который всякий раз удивлялся тем, что мы могли нести большой груз наравне с ним и маршировать с ним в ногу.

Пока я работал в корпусе, две идеи, давно витавшие в моём уме, прочно там закрепились. Во-первых, тот, кто стремится посвятить свою жизнь исключительно служению, должен нести обет безбрачия. Во-вторых, он должен принять бедность как свою постоянную спутницу. Он не может заниматься никаким делом, которое мешало бы или заставляло уклониться как от мельчайших обязанностей, так и от величайшего риска.

Письма и телеграммы, требовавшие моего немедленного приезда в Трансвааль, сыпались на меня даже когда я служил в корпусе. Поэтому по возвращении с войны я встретился с друзьями в Фениксе и сразу же отправился в Йоханнесбург. Там я прочитал проект указа, о котором говорилось выше. Из офиса я взял домой номер Трансваальского правительственного вестника от 22 августа 1906 года, в котором был опубликован указ. Вместе с другом я поднялся на холм вблизи дома и там взялся переводить проект постановления на гуджарати для «Индийского мнения». Я содрогался, читая один за другим разделы постановления. Я не видел в нём ничего, кроме ненависти к индийцам. Мне

казалось, что если постановление будет принято и индийцы безропотно с ним согласятся, это приведёт к полному разорению индийцев в Южной Африке. Я ясно видел, что для них это было вопросом жизни и смерти. Я также понимал, что даже в случае, если петиции и представления не принесут никакого результата, община не должна была сидеть сложа руки. Лучше было умереть, чем подчиниться такому закону. Но как именно мы должны были умереть? На что мы должны были отважиться и что предпринять, чтобы перед нами не встало ничего, кроме выбора между победой и смертью? Дальнейшее направление действий было скрыто от меня словно непроницаемой стеной. Я должен ознакомить читателя с деталями предложенных мер, которые так сильно меня потрясли. Вот их краткое изложение.

Каждый индеец, мужчина, женщина или ребёнок от восьми лет и старше, имеющий право на проживание в Трансваале, должен был зарегистрироваться в Азиатском департаменте и получить свидетельство о регистрации.

Заявители на регистрацию должны были сдать регистратору свои старые разрешения и указать в заявлении своё имя, место жительства, касту, возраст и т.д. Регистратор должен был записать важные приметы заявителя и снять отпечатки его указательного и большого пальцев. Каждый индеец, не подавший заявление на регистрацию до определённого срока, лишался права на проживание в Трансваале. Неявка расценивалась как правонарушение, за которое нарушитель мог быть оштрафован, отправлен в тюрьму или даже депортирован по усмотрению суда. Родители должны были подавать заявление от имени своих несовершеннолетних детей и приводить их к регистратору для снятия отпечатков пальцев. В случае невыполнения родителями возложенной на них обязанности, несовершеннолетний по достижении шестнадцати лет должен был делать всё сам, а при уклонении мог подвергнуться наказаниям, назначенным его родителям. Свидетельство о регистрации, выданное заявителю, должно было предъявляться любому полицейскому, когда бы и где бы этого ни потребовали. Непредоставление такого свидетельства считалось преступлением, за которое нарушитель мог быть оштрафован или отправлен в тюрьму. Даже от человека, находящегося в общественном месте, могли потребовать предъявить свидетельство. Полицейские могли входить в частные дома для проверки свидетельств. Индийцы, въезжающие в Трансвааль из других мест, должны были предъявлять свои свидетельства дежурному инспектору. Свидетельства должны были предъявляться по требованию в судах и в налоговых управлениях при выдаче лицензии на торговлю или на велосипед. Иными словами, когда бы индеец не захотел, чтобы какое-либо государственное учреждение сделало для него что-либо в рамках своей компетенции, чиновник мог попросить его предъявить свидетельство, прежде чем удовлетворить его просьбу. Отказ предъявить свидетельство или предоставить все необходимые данные по идентификации в соответствии с постановлением также считался преступлением, за которое лицо, отказавшееся предъявить свидетельство, могло быть оштрафовано или отправлено в тюрьму.

Насколько мне было известно, ни в одной другой части мира законодательство подобного рода не было направлено против свободных людей. Я знал, что на индийцев-контрактников Наталя распространялась жёсткая система пропусков, но этих бедняг вряд ли можно было отнести к

свободным людям. Однако даже законы, действующие для контрактников, были гораздо менее жёсткими по сравнению с вышеупомянутым постановлением, а наказания, которым они подвергались, были просто ничтожны по сравнению с тем, что ожидало свободных индийцев. В соответствии с этим указом торговец с активами в несколько сотен тысяч рупий мог быть депортирован, что грозило ему полным разорением. В дальнейшем терпеливый читатель увидит, как за нарушение некоторых положений указа депортировали людей. В Индии существует несколько радикальных законов, направленных против преступных племён, и этот указ был вполне с ними сопоставим. Требуемая сдача отпечатков пальцев была чем-то совершенно новым для Южной Африки. Чтобы ознакомиться с литературой по этому вопросу, я прочитал книгу об отпечатках пальцев, написанную г-ном Генри, офицером полиции. Из неё я понял, что отпечатки пальцев по закону требовались только от преступников. Поэтому я был шокирован этим постановлением об обязательной сдаче отпечатков пальцев. Опять-таки, согласно указу, должны были регистрироваться женщины и дети до шестнадцати лет, и это тоже было совершенным новшеством.

На следующий день состоялось небольшое собрание индийских лидеров. Слово в слово я объяснил положения этого указа. Они потрясли их точно так же, как и меня. Один из них в сердцах воскликнул: «Если бы кто-нибудь пришёл требовать свидетельство от моей жены, я бы застрелил его на месте и принял бы все последствия». Я успокоил его и, обращаясь к собранию, сказал: «Это очень серьёзный кризис. Если указ будет принят, и если мы с ним согласимся, что-то наподобие ему примут по всей Южной Африке. Как мне кажется, он призван нанести удар по самому корню нашего существования в Южной Африке. Это не последний, а первый шаг с целью изгнания нас из страны. Поэтому мы несём ответственность за безопасность не только десяти или пятнадцати тысяч индийцев в Трансваале, но и всей южноафриканской индийской общины. Опять-таки, если мы полностью осознаём все последствия этого закона, на кону стоит честь Индии, и она – в наших руках. Ибо это постановление направлено на унижение не только нас самих, но и нашей родины. Унижению подвергаются невинные люди. Никто не посмеет сказать, что мы сделали что-то, чтобы заслужить такое законодательство. Мы невиновны, а оскорбление, нанесённое одному невинному члену нации, равносильно оскорблению всей нации. Поэтому не следует проявлять поспешность, нетерпение или гнев. Это не спасёт нас от притеснений. Но Бог придёт к нам на помощь, если мы спокойно продумаем и своевременно осуществим меры сопротивления, выступив единым фронтом и вытерпев все последующие трудности». Все присутствующие осознали серьёзность ситуации и решили провести публичное собрание, на котором должны были предложить и принять ряд резолюций. Для этой цели был арендован еврейский театр.

12. Появление сатьяграхи

Собрание, как и было запланировано, состоялось 11 сентября 1906 года. На нём присутствовали делегаты из разных уголков Трансвааля. Но я должен признаться, что даже сам я тогда не понимал и не мог оценить все возможные последствия резолюций, которые я помог сформулировать. В старом театре «Эмпайр» не было где упасть яблоку. На каждом лице читалось ожидание чего-то необычного, что должно было произойти. Председательствовал г-н Абдул Гани, председатель Британско-индийской ассоциации Трансвааля. Он был одним из старейших индийских жителей Трансвааля, партнёром и управляющим йоханнесбургского филиала известной фирмы Мамад Касам Камрудин. Самой важной из резолюций, принятых собранием, была знаменитая Четвертая резолюция, в которой индийцы торжественно решили не подчиняться Указу, если, вопреки их усилиям, он станет законом, и принять все наказания, связанные с таким неподчинением.

Я полностью объяснил собранию эту резолюцию и был выслушан с большим вниманием. Заседание велось на хинди и гуджарати, так что каждый из присутствующих мог следить за его ходом. Тамилам и телугу, не знавшим хинди, полностью всё объясняли на их родных языках. Резолюция была должным образом предложена и поддержана несколькими ораторами, включая Шетха Хаджи Хабиба. Он тоже был очень опытным старожилом Южной Африки и произнёс впечатляющую речь. Он был глубоко тронут и сказал, что мы должны принять эту резолюцию, призвав в свидетели Бога, и никогда не подчиняться, словно трусы, такому унижительному законопроекту. Затем он торжественно заявил во имя Божье, что никогда не подчинится этому закону, и посоветовал всем присутствующим сделать то же самое. Другие также произнесли сильные и гневные речи в поддержку этой резолюции. Когда в ходе своей речи Шет Хаджи Хабиб перешёл к торжественному заявлению, меня это сразу задело за живое. Только тогда я полностью осознал свою собственную ответственность, а также ответственность общины. Община уже принимала множество резолюций и вносила в них поправки в свете дальнейших размышлений или нового опыта. Были случаи, когда принятые резолюции не соблюдались всеми заинтересованными сторонами. Поправки в резолюциях и невыполнение резолюций со стороны тех, кто с ними первоначально согласился, является обычным делом в общественной жизни во всем мире. Но никто никогда не включает Божье имя в подобные резолюции. По-хорошему, не должно быть никакого различия между резолюцией и принесённой Богу клятвой. Когда разумный человек принимает осознанное решение, он никогда не отступает от него даже на волосок. Для него его решение имеет такой же вес, как и заявление, сделанное в присутствии Бога. Однако мир не обращает внимания на абстрактные принципы, и клятва именем Бога видится как особая гарантия. Обычно человек не стыдится, когда не следует принятому решению, но нарушивший клятву, данную Богу, не только стыдится себя, но и рассматривается обществом как грешник. Это воображаемое различие настолько глубоко укоренилось в человеческом сознании, что тот, кто делает заявление под присягой перед судом, по закону считается преступником, если его лжесвидетельство доказано, и получает суровое наказание.

Со всеми этими мыслями в моей голове, собственным большим опытом торжественных обещаний и извлечённой из них пользы, я был ошеломлён предложением Шета Хаджи Хабиба принести клятву. Я мгновенно обдумал всевозможные последствия этого. Моё недоумение сменилось энтузиазмом. И хотя я изначально не намеревался давать клятву или предлагать это сделать другим, я горячо одобрил предложение Шета. В то же время мне казалось, что людям следовало рассказать обо всех последствиях клятвы и чётко объяснить им её значение. Если даже и тогда они были готовы поклясться, их следовало к этому поощрить; в противном случае я собирался дать им понять, что они были ещё не готовы выдержать последнее испытание. Поэтому я попросил у президента разрешения объяснить собранию последствия предложения Шетха Хаджи Хабиба. Президент с готовностью мне это разрешил, и я поднялся, чтобы выступить перед собранием. Ниже привожу краткое изложение моего выступления в том виде, в котором могу вспомнить его сейчас:

«Мне бы хотелось объяснить этому собранию, что существует огромная разница между этой резолюцией и всеми прочими резолюциями, которые мы принимали до сих пор, и что также существуют большие различия в способе их принятия. Мы принимаем очень серьёзную резолюцию, поскольку наше существование в Южной Африке зависит от полного её соблюдения. Способ принятия резолюции, предложенный нашим другом, и нов, и торжественен. Я пришёл на это собрание не для того, чтобы добиваться принятия резолюции подобным образом. Это является заслугой Шетха Хаджи Хабиба, а также возлагает на него бремя ответственности. Я поздравляю его. Я глубоко ценю его предложение, но если вы его примете, вы также разделите его ответственность. Вы должны понимать, в чём заключается эта ответственность, и мой долг как советника и слуги общины вам это объяснить.

«Мы все верим в одного и того же Бога, несмотря на внешние различия между индуизмом и исламом. Поручительство или клятва во имя этого Бога, или призывание Его в свидетели – дело не шуточное. Если мы нарушим такую клятву, мы будем виновны перед Богом и людьми. Лично я считаю, что человек, который сознательно и добровольно даёт клятву, а потом её нарушает, лишается при этом своей человечности. И подобно тому, как обработанная ртутью медная монета не только теряет свою ценность, но и подвергает своего владельца наказанию, когда всё обнаруживается, – точно так же и тот, кто легкомысленно дал слово, а затем нарушил его, становится тем самым человеком из соломы и подвергает себя наказанию как здесь, так и в загробной жизни. Шет Хаджи Хабиб предлагает принести клятву очень серьёзного характера. В этом собрании нет никого, кого можно было бы отнести к категории младенцев или людей, не обладающих достаточным пониманием. Все вы уже в солидном возрасте и повидали жизнь; многие из вас являются делегатами и в той или иной степени несут какую-то ответственность. Поэтому никто из присутствующих не может надеяться оправдать себя, сказав, что он не знал, на что шёл, давая клятву».

«Я знаю, что обещания и клятвы можно и нужно давать в редких случаях. Человек, который время от времени даёт клятву, обязательно оступится. Но если и можно представить себе кризис в истории индийской общины Южной Африки, когда было бы действительно уместно давать клятву, то этот кризис, несомненно, наступил. Есть мудрость в том, чтобы предпринимать серьёзные шаги с большой

осмотрительностью и колебаниями. Осмотрительность и колебания имеют свои пределы, и мы их уже преступили. Правительство оставило всякое чувство приличия. Мы только выкажем свою ничтожность и трусость, если не поставим на карту всё перед лицом охватившего нас пожара и будем сидеть и смотреть на него, сложа руки. Поэтому нынешний момент, несомненно, является подходящим поводом для принятия на себя обязательств. Но каждый из нас должен сам для себя решить, есть ли у него желание и возможность это делать. Резолюции такого рода не могут быть приняты просто большинством голосов. Только тот, кто берет на себя подобное обязательство, может быть связан им. Это обязательство не должно приниматься просто с целью произвести на кого-то эффект. Дело совсем не в том, какое впечатление это может произвести на местные власти, имперское правительство или правительство Индии. Каждый должен искать ответ только в своём собственном сердце, и если внутренний голос убеждает его в том, что у него есть необходимые силы для прохождения через всё это, тогда только он должен что-то торжественно обещать, и только в таком случае это принесёт плоды».

«Теперь несколько слов о последствиях. Надеюсь на лучшее, мы можем сказать, что если большинство индийцев пообещают сопротивляться Указу, и если все давшие обещание окажутся верными своему слову, Указ может быть не принят или, вскоре после принятия, будет отменён. Может статься, что нам вообще не придётся страдать. Но если, с одной стороны, человек, дающий обещание, должен неизменно надеяться на лучшее, то, с другой стороны, он должен быть готов к худшему. Поэтому я хочу обрисовать вам это самое худшее, что может случиться с нами в нынешней борьбе. Представьте себе, что все мы, присутствующие здесь, а это не более 3 000 человек, взяли на себя обязательства. Представьте также, что остальные 10 000 индийцев не сделали того же. Вначале, мы только вызовем насмешки. Опять же, вполне возможно, что, несмотря на предупреждение, некоторые или многие, давшие торжественное обещание, дрогнут при первом же испытании. Возможно, нам придётся сесть в тюрьму, где нас будут оскорблять. Возможно, нам придётся голодать и терпеть сильную жару или холод. Нас могут отправить на каторгу. Нас могут выпороть грубые надзиратели. На нас могут наложить большой штраф, а наше имущество может быть конфисковано и выставлено на аукцион, если останется всего несколько сопротивляющихся. Сегодня мы богаты, а завтра можем оказаться в полной нищете. Нас могут депортировать. Страдая от голода и подобных лишений в тюрьме, некоторые из нас могут заболеть и даже умереть. Короче говоря, не исключено, что нам придётся пережить все трудности, какие только можно себе представить, и мудрость заключается в трезвом осознании, что нам придётся пережить всё это и даже ещё хуже. Если кто-то спросит меня, когда и как эта борьба закончится, то я отвечу, что если вся община мужественно выдержит это испытание, то это приблизит окончание борьбы. Если многие из нас отступят под натиском бури и стресса, борьба затянется. Но я могу смело и уверенно заявить, что пока остаётся хоть горстка людей, верных своему обещанию, у этой борьбы может быть только один исход, и это — победа».

«О моей личной ответственности. Предупреждая вас о связанных с этим рисках, в то же самое время я призываю вас дать обещание и полностью осознаю свою ответственность в этом вопросе.

Возможно, большинство присутствующих здесь в порыве энтузиазма или возмущения дадут клятву, но дрогнут в годину испытаний, и лишь немногие сохранят стойкость до самого конца. Даже в этом случае у такого человека, как я, всё же останется выход – умереть, но не подчиниться закону. Это маловероятно, но даже если все остальные дрогнут, оставив меня один на один с противостоящими нам силами, я уверен, что никогда своего обещания не нарушу. Пожалуйста, не поймите меня неправильно. Я говорю это не из тщеславия, а исключительно чтобы призвать всех вас, особенно лидеров на трибуне, трезво оценить наши возможности. Со всем уважением, если у кого-то из вас недостаточно воли или способности выдержать все испытания до конца, даже находясь в полном одиночестве, вы не только не должны давать обещания, но и заявить о своей неготовности к этому ещё до того, как резолюция будет вынесена на обсуждение и другие члены дадут свои обещания. Вы не должны становиться участником резолюции. Хотя мы собираемся дать обещание всем собранием, никто не должен полагать, что неисполнение обещанного одним или многими освобождает остальных от принятых на себя обязательств. Каждый должен полностью осознать свою ответственность и только затем давать обещание независимо от других. Каждый должен осознать, что лично он должен быть верен своему обещанию даже под угрозой смерти, независимо от чьих-либо ещё решений и поступков».

Произнеся эту речь, я вернулся на своё место. Собрание слушало каждое моё слово в полной тишине. Выступали и другие лидеры. Все говорили о своей собственной ответственности и об ответственности аудитории. Поднялся президент. Он тоже ясно обрисовал ситуацию, и наконец все присутствующие, стоя с поднятыми вверх руками, дали клятву, призвав Бога в свидетели, не подчиняться Указу, если он обретёт силу закона. Мне никогда не забыть эту сцену, предстающую перед моим мысленным взором и сейчас, пока я об этом пишу. Энтузиазм общины зашкаливал. На следующий день в театре произошёл какой-то несчастный случай, в результате чего он был полностью уничтожен огнём. Третьего дня друзья принесли мне эту весть о пожаре и поздравили общину с этим добрым предзнаменованием, означающим, что Акт постигнет та же самая участь, что и театр. Я никогда не был подвержен влиянию так называемых «знамений» и поэтому не придавал этому совпадению никакого значения. Я о нём упомянул, просто чтобы продемонстрировать мужество и веру общины. В последующих главах читатель найдет ещё немало подтверждений этих двух высоких качеств людей.

После этого великого собрания рабочие не сидели, сложа руки. Повсюду проходили собрания, и везде давались обещания сопротивляться. Главной темой обсуждения в *Индийском мнении* (индийская газета, *прим. перев.*) был теперь «Чёрный акт».

С другой стороны, были предприняты шаги, чтобы встретиться с местным правительством. Делегация нанесла визит мистеру Дункану, секретарю колонии, и рассказала ему, помимо прочего, о данных индийцами обещаниях. Шет Хаджи Хабиб, один из делегатов, сказал: «Я не смогу сдержаться себя, если какой-нибудь чиновник придёт ко мне в дом и начнёт снимать отпечатки пальцев моей жены. Я его убью на месте, хоть бы мне это и стоило жизни». Министр некоторое время изучал лицо Шета, после чего сказал: «Правительство пересматривает целесообразность применения этого

постановления к женщинам, и я могу сразу же заверить вас, что пункты, касающиеся женщин, будут оттуда исключены. Правительству понятны ваши чувства, и в этом вопросе оно хочет их уважить. Но что касается других пунктов, с сожалением должен вам сообщить, что правительство здесь остаётся непреклонным. Генерал Бота желает, чтобы после должного обсуждения вы согласились с этим законом. Правительство считает это необходимым для нормальной жизни европейцев. Они, безусловно, рассмотрят любые ваши предложения о деталях, сообразных с целями Постановления. Мой совет делегации: в ваших интересах согласиться с предложенным законом в целом и предлагать изменений только в отношении частных деталей». Я опускаю здесь подробности дискуссии с министром, поскольку все представленные ему аргументы уже были изложены: разница состояла лишь в выборе слов. Делегация удалилась, сообщив ему, что, несмотря на его совет, о согласии с предложенным законом не может быть и речи, а также поблагодарив правительство за намерение освободить женщин от положений закона. Трудно сказать, было ли исключение пункта о женщинах первым плодом шумихи, царящей в общине, или же правительство впоследствии пошло на эту уступку из практических соображений, которых не доставало в научных методах г-на Кертиса. Правительство утверждает, что оно приняло решение об исключении женщин независимо от реакции индийцев. Как бы то ни было, община к своему удовлетворению установила причинно-следственную связь между оживлённостью общины и исключением пункта о женщинах, и её боевой дух поднялся.

Никто из нас не знал, какое дать нашему движению название. Тогда я использовал для него термин «пассивное сопротивление». Мне не совсем были понятны последствия «пассивного сопротивления», как я его называл. Я лишь осознал, что зародился какой-то новый принцип. По ходу нашей борьбы фраза «пассивное сопротивление» приводила к путанице, и казалось постыдным, что эта великая борьба приобретала известность только под своим английским названием. Кроме того, эта иностранная фраза вряд ли могла получить широкий обиход в индийской общине. Поэтому в *Индийском мнении* был предложен небольшой приз читателю, придумавшему наилучшее название для нашей борьбы. Таким образом, поступило несколько вариантов названия. Цели борьбы к тому времени уже во всю обсуждались в *Индийском мнении*, и у претендентов на премию было достаточно материала, который мог послужить основой для их изысканий. Шри Маганлал Ганди был одним из участников конкурса, и он предложил слово «садаграха», что означает «стойкость в правильном деле». Мне понравилось это слово, но оно не полностью отражало весь смысл, вкладываемый мной в наше движение. Поэтому я исправил его на «сатьяграха». Истина (сатья) подразумевает любовь, а твёрдость (аграха) порождает силу и, следовательно, синонимично ей. Таким образом, я стал называть индийское движение «Сатьяграха», то есть Сила, рождающаяся из Истины и Любви или ненасилия. Поэтому я отказался использовать фразу «пассивное сопротивление», при чём настолько, что даже в английском письме мы часто избегали её использование, заменяя «сатьяграхой» или другим эквивалентным английским выражением. Так было положено начало движения, впоследствии известного как Сатьяграха, а также соответствующего термина. Прежде чем мы продолжим нашу историю, мы должны понять различие между пассивным сопротивлением и сатьяграхой, что является темой нашей следующей главы.

13. Отличие сатьяграхи от пассивного сопротивления

По мере развития движения англичане тоже стали с интересом за ним наблюдать. Хотя английские газеты в Трансваале обычно писали в поддержку европейцев и Чёрного акта, они охотно публиковали материалы известных индийцев. Они также публиковали полные или, как минимум, краткие тексты обращений индийцев к правительству, иногда посылали своих репортёров на важные собрания индийцев или, если таковое не случалось, предоставляли место для присылаемых нами кратких отчётов.

Эти удобства, конечно, были очень полезны для общины, но со временем некоторые ведущие европейцы стали проявлять заинтересованность к движению по мере его развития. Одним из них был мистер Хоскен, один из магнатов Йоханнесбурга. Он всегда был свободен от расовых предрассудков, но его интерес к индийскому вопросу усилился после начала Сатьяграхи. Европейцы из Джермистона, который является чем-то вроде пригорода Йоханнесбурга, выразили желание послушать меня. Встреча была проведена, и, представляя аудитории меня и движение, за которое я выступаю, мистер Хоскен заметил: «Индийцы Трансваала прибегли к пассивному сопротивлению, когда все другие способы добиться справедливости оказались бесполезны. Они не пользуются правом голоса. Численность их невелика. Они слабы и не имеют оружия. Поэтому они прибегли к пассивному сопротивлению, которое является оружием слабых». Эти замечания застали меня врасплох, и речь, которую я собирался произнести, приобрела совершенно иной оттенок. Возражая г-ну Хоскену, я определил наше пассивное сопротивление как «силу души». На этой встрече я убедился, что использование термина «пассивное сопротивление» может привести к ужасной путанице. Я попытаюсь провести различие между пассивным сопротивлением и силой души, развив аргументы, которые были сделаны мной до этой встречи, чтобы прояснить всё как можно лучше.

Я понятия не имею, когда и кем впервые было использовано выражение «пассивное сопротивление» на английском языке. Но когда в Англии какая-то малочисленная группа не одобряла возмутительный законодательный акт, вместо того чтобы поднимать восстание, она прибегала к пассивным либо более мягким мерам неподчинения этому закону и тем самым навлекала на свои головы наказание. Когда несколько лет назад британский парламент принял закон об образовании, его противники оказали пассивное сопротивление под руководством доктора Клиффорда. Великое движение английских женщин за право голоса также было известно как пассивное сопротивление. Именно в свете этих двух примеров мистер Хоскен назвал пассивное сопротивление оружием слабых или не имеющих права голоса. Доктор Клиффорд и его друзья имели право голоса, но поскольку в парламенте они были в меньшинстве, то не могли предотвратить принятие закона об образовании. Иными словами, в численном отношении они были слабы. Не то чтобы они были против применения оружия для достижения своих целей, но у них не было надежды добиться успеха силой оружия. Если

бы в хорошо регулируемом государстве время от времени обращались к оружию для защиты народных прав, это привело бы к дискредитации самой цели. Опять-таки, некоторые противники законов были в принципе против использования оружия, даже если это было практически целесообразно. У суфражисток не было никаких прав. Они были слабы как в численности, так и в физической силе. Таким образом, это повлияло на суждения г-на Хоскена. Суфражистское движение не отказывалось от применения физической силы как таковой. Некоторые суфражистки обстреливали здания и даже нападали на мужчин. Я не думаю, что они когда-либо намеревались кого-либо убить, но, при возможности, они были способны на физическое насилие, чтобы таким способом накалять обстановку.

Однако грубой силе не было места в индийском движении ни при каких обстоятельствах. Читатель увидит: как бы сильно сатьяграхи (участники движения Сатьяграха, *прим. перев.*) ни страдали, они никогда не применяли физическую силу, и это при том, что бывали случаи, когда они были очень даже в состоянии её применить. Опять-таки, хотя индийцы не имели права голоса и были слабы, эти соображения никак не сказались на организации сатьяграхи. Это не означает, что индийцы непременно приняли бы участие в сатьяграхе, будь у них оружие или право голоса. Возможно, если бы они смогли голосовать, никакой сатьяграхи бы просто не было, и если б у них было оружие, противоположная сторона дважды бы подумала, прежде чем с ними враждовать. Поэтому вполне объяснимо, что у вооружённых людей для сатьяграхи было бы меньше поводов. Всем этим я хочу сказать, что при планировании индийского движения никогда не было даже малейшей мысли о возможности или невозможности оказания вооруженного сопротивления. Сатьяграха – это сила души, чистая и простая; и в той степени, в какой остаётся возможность для использования оружия, физической силы или иного грубого воздействия, в такой же степени умаляются душевные силы. С моей точки зрения это совершенно противоположные силы, и я полностью осознавал этот антагонизм даже в период возникновения сатьяграхи.

Мы не будем здесь останавливаться на том, насколько правильны или неправильны эти взгляды. Мы лишь хотим отметить различие между пассивным сопротивлением и сатьяграхой, мы видим, что между ними существует фундаментальное отличие. Если этого не видеть, то путаница между пассивным сопротивлением и сатьяграхой (что уже само по себе несправедливо), может привести к нежелательным последствиям. Из-за того, что в Южной Африке мы использовали фразу «пассивное сопротивление», люди не стали нами восхищаться, приписывая нам храбрость и самопожертвование суфражисток. Скорее, в нас увидели угрозу личности и имущества, которая также исходила от суфражисток, и даже такой великодушный друг, как мистер Хоскен, счёл нас слабыми. Сила внушения такова, что человек в конце концов становится тем, кем он себя считает. Если мы сами будем продолжать верить и позволять верить другим, что мы слабы и беспомощны и потому прибегаем к пассивному сопротивлению, это никогда не сделает нас сильными, и при первой же возможности мы откажемся от пассивного сопротивления как от оружия слабых. С другой стороны, если мы сатьяграхи и предлагаем Сатьяграху, считая себя сильными, то это приводит к двум очевидным следствиям. Воспитывая в себе стойкость, мы с каждым днём будем становиться сильнее.

С ростом нашей силы сатяграха тоже будет становиться всё более эффективной, и мы никогда не будем искать способа отказаться от неё. Опять-таки, если в пассивном сопротивлении нет места для любви, то ненависти не только не должно быть места в сатяграхе, но она является полным нарушением её главного принципа. Если в пассивном сопротивлении, при удобном случае, могут применить оружие, в сатяграхе физическая сила запрещена даже при самых благоприятных для этого обстоятельствах. Пассивное сопротивление часто рассматривается как подготовка к применению насилия, в то время как сатяграха никогда не может быть использована в подобном ключе. Пассивное сопротивление может идти наряду с применением оружия. Сатяграха и грубая сила, будучи антагонистами, никогда не смогут идти вместе. Сатяграха может быть предложена самым близким и родным; пассивное сопротивление, если и может быть им предложено, то лишь в том случае, если они перестали быть дорогими людьми и превратились в объект ненависти. В пассивном сопротивлении всегда присутствует идея причинения вреда другой стороне и, одновременно, готовность претерпеть любые лишения, навлекаемые подобной деятельностью. В сатяграхе же нет ни малейшего поползновения причинить противнику вред. Сатяграха постулирует победу над противником через личные, а не его страдания.

Таковы различия между этими двумя силами. Однако я не хочу сказать, что перечисленные выше достоинства, или, если угодно, недостатки пассивного сопротивления характерны для каждого движения с таким названием. Но можно показать, что эти недостатки были подмечены во многих случаях пассивного сопротивления. Хотя Иисус Христос и был назван «принцем пассивных сопротивленцев», я утверждаю, что в этом случае пассивное сопротивление должно означать сатяграху и только сатяграху. В этом смысле в истории наберётся не так много случаев пассивного сопротивления. Один из них – случай с духоборами в России, описанный Львом Толстым. Фраза «пассивное сопротивление» не использовалась для обозначения терпеливого претерпевания гонений тысячами христиан-духоборов на заре христианства. Поэтому я бы отнёс их к сатяграхам. Если их поведение и можно описать как пассивное сопротивление, то здесь пассивное сопротивление становится синонимом сатяграхи. Моя цель в этой главе – показать, что сатяграха существенно отличается от того, что люди обычно подразумевают в английском языке под «пассивным сопротивлением» (*passive resistance*, *прим. перев.*)

Перечислив характеристики пассивного сопротивления, мне хотелось бы в то же самое время предостеречь читателя от несправедливого отношения к тем, кто когда-либо к подобному сопротивлению прибегал. Необходимо также отметить, что я вовсе не утверждаю, что люди, называющие себя сатяграхами, непременно обладают всеми достоинствами, приписанными мною сатяграхе. Мне известно, что многие так называемые сатяграхи совершенно не являются таковыми. Многие считают, что сатяграха – это оружие слабых. Другие говорят, что это является подготовкой к вооружённому сопротивлению. Но я должен ещё раз повторить, что моей целью было не описание сатяграхи как таковой, а изложение её последствий и характеристик такими, какими им *надлежит* быть.

Одним словом, нам пришлось изобрести новый термин, чтобы чётко обозначить движение индийцев в Трансваале и предотвратить путаницу с *пассивным сопротивлением*, как его обычно называли. В этой главе я попытался изложить принципы, которые в то время считались неотъемлемой частью этого термина.

14. Делегация в Англию

В самом Трансваале мы приняли все необходимые меры для противодействия «Чёрному акту», в том числе обращение к местному правительству с петициями и прочее. Законодательный совет исключил пункт, касающийся женщин, но остальная часть постановления была принята практически в первоначальном виде. Дух общины в то время был высок, и, сомкнув свои ряды, она единодушно выступила против этого указа. Так что никто и не думал унывать. Однако мы по-прежнему придерживались решения сперва исчерпать все конституционные средства нашей правовой защиты. Трансвааль всё ещё оставался колонией, не обладающей самоуправлением, поэтому Имперское правительство несло ответственность как за его законодательство, так и за исполнение. Поэтому согласие короля с мерами, принятыми законодательным органом, не было простой формальностью. Очень часто случалось так, что король, по совету своих министров, не давал своего согласия на подобные меры, если они противоречили духу британской конституции. В колониях же с независимым правительством королевское согласие на меры, принятые её законодательным органом, чаще всего является само собой разумеющимся.

Я предложил общине подумать над тем, что в случае отправки делегации в Англию она должна была очень хорошо осознавать свою ответственность в этом вопросе. С этой целью я сделал нашей Ассоциации три предложения. Во-первых, несмотря на то, что на собрании в театре «Эмпайр» мы сделали торжественные обещания идти в нашей борьбе до самого конца, нам нужно было ещё раз получить подобные заверения от индийских лидеров в индивидуальном порядке – таким образом наши слабости были бы выявлены заблаговременно. Одним из моих доводов в поддержку этого предложения было то, что если делегаты будут всецело опираться на принципы сатьяграхи, у них не останется никаких опасений и они смогут смело оповестить государственного секретаря по делам колоний о решении нашей общины. Во-вторых, необходимо было заранее позаботиться о покрытии расходов делегации. И в-третьих, необходимо было определить максимальное количество её членов. Я предложил этот последний пункт, чтобы развеять существующее заблуждение, что большее число членов непременно означало больше выполненной работы. Скорее, присоединение к делегации было вопросом не чести, а единодушной преданности делу. Все три предложения были приняты. Собрали и подписи. Многие подписали своё обещание, но всё же я видел, что даже среди тех, кто сделал устное обещание на собрании, некоторые подписать его не решились. Когда человек однажды сделал обещание, он не должен колебаться и обещать себе что-то по многу раз. Однако нередко можно наблюдать, как люди идут на попятную в отношении осознанно данных обещаний и впадают в недоумение, когда их просят изложить на бумаге обещанное ими устно. Необходимые средства тоже были изысканы. Но самая большая трудность возникла при подборе состава делегации. Ехать выпало мне, но кто должен был поехать со мной? Комитету потребовалось много времени, чтобы принять это решение. Прошла целая ночь, и мы в полной мере испытали на себе дурные привычки, присущие многим человеческим сообществам. Некоторые предлагали разрубить гордиев узел, предложив мне ехать одному, но я категорически отказался. На практике в Южной Африке не существовало

индусско-мусульманской проблемы. Однако было бы преувеличением утверждать, что между двумя партиями совсем не было разногласий. Если эти разногласия никогда не принимали острой формы, то, возможно, это в какой-то степени было связано с особыми условиями жизни в Южной Африке. В значительной степени это было связано с тем, что лидеры работали с преданностью и искренностью, и это в том числе отражалось на прекрасном руководстве общины. Я предложил, чтобы со мной поехал джентльмен-мусульманин, и таким образом состав делегации ограничился бы двумя людьми. Но индусы сразу же заявили, что поскольку я представлял индийскую общину в целом, то должен был ехать и представитель индусских интересов. Некоторые даже предложили выдвинуть по делегату от каждой этнической группы: один мусульманин конкани, один меман, один патидар, один анавала и так далее. По крайней мере, все понимали реальное положение вещей, и только двое из нас, г-н Х. О. Али и я, были избраны делегатами.

Х.О. Али можно было считать наполовину малайцем. Его отец был индийским мусульманином, мать – малайкой. Голландский, по сути, был его родным языком. Однако он получил прекрасное английское образование и одинаково хорошо говорил на голландском и английском. Он также преуспел в искусстве написания газетных статей. Он состоял членом Британско-индийской ассоциации Трансвааля и давно принимал участие в общественной жизни. Он также свободно говорил на хиндустани.

Мы приступили к работе, как только сошли на английский берег. Мы сдали в печатный набор прошение на имя государственного секретаря, который набросали на пароходе по пути в Англию. Лорд Элгин был государственным секретарем по делам колоний, а лорд (тогдашний мистер) Морли – государственным секретарем по делам Индии. Мы встретились с Дадабхаем и через него с британским комитетом Индийского национального конгресса. Мы изложили им наше дело и сообщили о своём намерении искать сотрудничества со всеми сторонами, как советовал Дадабхай. Комитет одобрил нашу политику. Аналогичным образом мы встретились с сэром Мунчерджи Бхоунугри, также оказавшим нам большую помощь. Как и Дадабхай, он посоветовал нам заручиться поддержкой какого-нибудь беспристрастного и хорошо известного англо-индийца, который представил бы нашу делегацию лорду Элгину. Сэр Мунчерджи тоже предложил несколько имён, одним из которых был сэр Лепел Гриффин. Сэра У. У. Хантера уже не было в живых. В противном случае, благодаря своему глубокому знанию положения индийцев в Южной Африке он сам бы мог возглавить делегацию или склонить к этому какого-нибудь влиятельного члена палаты лордов.

Мы познакомились с сэром Лепелом Гриффином. Он был противником тогдашних политических движений в Индии, но его очень заинтересовал наш вопрос, и он согласился возглавить делегацию не из вежливости, а во имя справедливости и правоты нашего дела. Он ознакомился со всеми материалами и благодаря этому получил представление о наших проблемах. Мы также переговорили с другими англо-индийцами, членами парламента и многими другими важными персонами в пределах нашей досягаемости. Делегация дождалась лорда Элгина, который внимательно нас выслушал, выразил нам своё сочувствие, упомянул о своих собственных трудностях и всё же пообещал сделать для нас всё, что было в его силах. Делегация встретила и с мистером Морли,

который также выразил нам своё сочувствие — его замечания в ответе делегации я уже кратко изложил. Сэр Уильям Уэддерберн помог созвать заседание Комитета Палаты общин по делам индийцев в гостиной Палаты, и мы, как сумели, изложили им наше дело. Мы встретились с мистером Редмондом, тогдашним лидером Ирландской партии. Короче говоря, мы встретились как можно с большим числом членов парламента независимо от их партийной принадлежности. Британский комитет Индийского национального конгресса оказался, конечно же, весьма полезным. Однако по английским обычаям в него входили люди, принадлежащие к определённой партии и придерживающиеся определённых взглядов, в то время как было множество тех, кто не имел никакого отношения к Комитету, но, тем не менее, оказал нам посильную помощь. Мы решили организовать постоянный комитет, в котором все эти люди могли бы объединиться и таким образом стать ещё более полезными в отстаивании наших интересов. Эта наша идея понравилась представителям всех партий.

Бремя деятельности учреждения в основном ложится на его секретаря. Секретарь должен не только полностью верить в цели и задачи учреждения, но и быть способным посвятить почти всё своё время достижению этих целей и обладать большой работоспособностью. Мистер Л. В. Ритч, уроженец Южной Африки, который ранее был моим стажёром и на тот момент времени являлся студентом коллегии адвокатов в Лондоне, отвечал всем этим требованиям. Он находился в Англии и тоже хотел взяться за работу. Поэтому мы решили создать Британско-индийский комитет Южной Африки.

В Англии и других западных странах существует один варварский, на мой взгляд, обычай торжественно объявлять о создании каких-то движений за ужином. Девятого ноября премьер-министр Великобритании произносит в Мэншн Хаус важную речь, в которой он излагает свою программу на год и даёт свой прогноз на будущее. Эта речь привлекает всеобщее внимание. Министры Кабинета министров, помимо прочих, приглашаются на обед лорд-мэром Лондона, и когда обед заканчивается, откупориваются бутылки вина, все присутствующие пьют за здоровье хозяина и гостей, и посреди всего этого веселья произносятся речи. Предлагается тост и за британский кабинет министров, а премьер-министр произносит уже упомянутую важную речь в ответ на этот тост. Человек, с которым предстоит важный разговор, по обычаю приглашается на ужин, и все вопросы обсуждаются либо за ужином, либо после него, либо с глазу на глаз, либо в присутствии других приглашённых. Нам тоже приходилось неоднократно соблюдать этот обычай. Конечно, мы никогда не прикасались ни к мясу, ни к спиртному. В общем, мы тоже пригласили на обед наших главных сторонников. На столах было расставлено около сотни приборов. Идея состояла в том, чтобы выразить нашим друзьям благодарность, попрощаться с ними, а также сформировать постоянный комитет. По обычаю, после обеда были произнесены речи; комитет был также организован. Таким образом, наше движение получило большую огласку.

Пробыв в Англии около шести недель, мы вернулись в Южную Африку. Добравшись до Мадейры, мы получили от мистера Ритча телеграмму, в которой говорилось о заявлении лорда Элгина не рекомендовать Его Величеству королю давать ход Азиатскому указу Трансвааля без дальнейшего разбирательства этого вопроса. Наша радость не знала границ. Пароходу потребовалось около двух

недель, чтобы добраться от Мадейры до Кейптауна, и в течение всех этих дней мы неплохо провели время и построили немало воздушных замков в надежде на скорое удовлетворение многих других наших претензий. Но пути Провидения неисповедимы. В следующей главе мы увидим, как старательно возводимые нами замки рухнули и канули в небытие.

Но прежде чем завершить эту главу, мне бы хотелось рассказать о паре священных для меня воспоминаний. Мы не потратили зря ни единой минуты нашего пребывания в Англии. Мы не могли в одиночку рассылать большое количество циркуляров и прочего, так что мы остро нуждались в помощи со стороны. Деньги оказались бы здесь большим подспорьем, но мой сорокалетний опыт научил меня, что купленная таким образом помощь не идёт ни в какое сравнение с чисто добровольным служением. К счастью для нас, у нас оказалось много помощников-добровольцев. Нас окружали многие молодые индийцы, приехавшие в Англию на учёбу, и некоторые из них помогали нам день и ночь безо всякого ожидания награды или славы. Я не помню, чтобы кто-либо из них хоть раз отказывался что-то делать, считая это ниже своего достоинства, будь то написание адресов, наклеивание марок или отправка писем. Но там был ещё один английский друг по имени Саймондс, превзошедший всех остальных. Все, кого любит Бог, умирают молодыми, что и случилось с этим доброжелательным англичанином. Впервые я встретил его в Южной Африке. К тому времени он уже был в Индии. Когда в 1897 году он был в Бомбее, он бесстрашно ходил среди поражённых чумой индийцев и выхаживал их. Для него стало чем-то само собой разумеющимся не бояться смерти при оказании помощи страдающим от инфекционных заболеваний. Он был совершенно свободен от каких-либо расовых или цветовых предрассудков. Он был независимым по своему темпераменту. Он верил, что истина всегда была на стороне меньшинства. Именно это его убеждение впервые привлекло его ко мне в Йоханнесбурге. Он часто с юмором заверял меня, что перестанет меня поддерживать, если я когда-либо окажусь в большинстве, ибо считал, что в руках большинства истина необратимо искажается. Он очень много читал; был личным секретарем сэра Джорджа Фаррара, одного из миллионеров Йоханнесбурга; являлся искусным стенографистом. Он оказался в Англии как раз во время нашего приезда. Я не знал, где он находится, но благородный англичанин сам узнал о нас, поскольку наша общественная работа освещалась местными газетами. Он выразил готовность сделать для нас всё, что было в его силах. «Я буду работать слугой, если хотите, – сказал он, – а если вам нужен стенографист, вы знаете, что вряд ли найдёте такого, как я». Мы нуждались в обоих этих видах помощи, и без преувеличения могу сказать, что этот англичанин трудился для нас день и ночь безо всякой оплаты. Он всегда работал на пишущей машинке до двенадцати или часа ночи. Саймондс разносил сообщения и отправлял письма с неизменной улыбкой на его губах. Его ежемесячный доход составлял около сорока пяти фунтов, но он тратил их все на помощь своим друзьям и другим людям. Ему было около тридцати лет. Он был холост и хотел оставаться в таком качестве всю свою жизнь. Я настойчиво уговаривал его принять хоть какую-нибудь плату, но он категорически отказался. Он сказал: «Я нарушу свой долг, если приму какое-либо вознаграждение за эту службу». Я помню, что в последнюю ночь он не спал до трёх часов, пока мы разбирались с последними делами и собирали вещи. Он расстался с нами на следующий день, проводив нас на

пароход. Это было грустное расставание. Я часто убеждался, что доброжелательность отнюдь не свойственна только лишь смуглокожим.

Для молодых людей, стремящихся к общественной работе, отмечу, что мы были настолько щепетильны в учёте расходов делегации, что сохранили даже такие пустяковые квитанции, как чеки за содовую воду на пароходах. Точно так же мы сохраняли квитанции на телеграммы. Я не помню, чтобы при составлении подробных отчётов я хоть раз занёс что-либо в статью «прочих расходов». Как правило, «прочие расходы» вообще не фигурировали в наших сметах, а если и фигурировали, то сводились к нескольким пенни или шиллингам, способ расходования которых мы так и не смогли припомнить к моменту подсчёта наших дневных трат.

В этой жизни я чётко проследил одну закономерность: мы способны распоряжаться чьими-то средствами или выступать ответственными лицами с того момента, когда достигаем зрелого возраста. Пока мы живем с родителями, то должны отчитываться перед ними за взятые от них деньги или порученные ими дела. Они могут быть уверены в нашей честности и не требовать от нас отчёта, но это не должно влиять на наше личное чувство ответственности. Когда мы становимся самостоятельными домохозяевами, возникает ответственность перед семьёй. Мы не являемся единоличными владельцами своего имущества; наша семья является его совладельцем. Ради неё мы должны отчитываться за каждый пирожок. Если такова наша ответственность в частной жизни, то в общественной она тем более возрастает. Я заметил, что работники-добровольцы склонны вести себя так, будто они не обязаны давать подробный отчёт о доверенных им делах или деньгах, поскольку считают себя, подобно жене Цезаря, вне всяких подозрений. Это полная чушь, поскольку ведение сметы приходов и расходов не имеет никакого отношения к благонадёжности или наоборот. Фиксирование приходов и расходов – это отдельная обязанность, выполнение которой требуется для чистоты работы, и если ведущие работники учреждения, которому мы добровольно служим, не просят нас отчитываться из чувства ложной вежливости или страха, то они тоже в равной степени виновны. Если наёмный служащий обязан отчитываться за проделанную работу и потраченные им деньги, то доброволец обязан делать это вдвойне, поскольку сама его работа является для него вознаграждением. Это очень важный вопрос, и поскольку, как мне известно, во многих учреждениях этому не уделяется достаточно внимания, я решил обсудить эти вещи здесь.

15. Бесчестная политика

Как только мы высадились в Кейптауне, а тем более когда добрались до Йоханнесбурга, мы увидели, что переоценили телеграмму с Мадейры. Мистер Ритч, её отправивший, не несёт за это ответственность. Он передал нам только то, что слышал, а именно, что закону не собирались давать ход. Как уже было отмечено, Трансвааль был тогда, то есть в 1906 году, колонией без самоуправления. Подобные колонии представляют в Англии специальные агенты, одна из обязанностей которых – инструктирование государственного секретаря по делам колоний по всем вопросам, затрагивающим их интересы. Трансвааль в то время представлял сэра Ричард Соломон, известный юрист Южной Африки. Лорд Элгин, посоветовавшись с ним, отклонил «Чёрный акт». Трансвааль должен был получить самоуправление 1 января 1907 года. Поэтому лорд Элгин заверил сэра Ричарда, что если та же самая мера будет принята законодательным органом Трансвааля, сформированным после предоставления самоуправления, ему не будет отказано в королевской санкции. Но пока Трансвааль являлся зависимой от короны колонией, Имперское правительство несло прямую ответственность за такое классовое законодательство. Поскольку расовая дискриминация являлась отступлением от фундаментальных принципов Британской империи, он не мог не посоветовать Его Величеству отклонить данную меру.

Поскольку мера запрещалась лишь номинально, и европейцы Трансвааля собирались устроить всё по-своему, у сэра Ричарда Соломона не было причин возражать против такого превосходного положения дел. Я назвал это бесчестной политикой, но считаю, что с полной справедливостью ей можно было дать более суровое название. Имперское правительство несёт прямую ответственность за законодательство своих зависимых колоний, и в его конституции нет места дискриминации по признаку расы или цвета кожи. И на том спасибо. Можно это было расценить и так, что имперское правительство не могло в одночасье отменить меры, принятые законодательными органами независимых колоний. Но проводить частные переговоры с колониальными агентами и заранее обещать королевское согласие на законодательство, открыто нарушающее имперскую конституцию – что это, как не подрыв доверия и несправедливость по отношению к тем, чьи права таким образом оказываются ущемлены? По сути, лорд Элгин своим заверением поощрил европейцев Трансвааля в их анти-индийской деятельности. Если он желал этого, то должен был прямо об этом заявить индийской делегации. На самом деле империя не может избежать ответственности даже за законодательство независимых колоний. Даже такие колонии обязаны следовать основополагающим принципам британской конституции. Например, ни одна колония не может возродить институт узаконенного рабства. Если бы лорд Элгин запретил «Чёрный акт» из-за его несоответствия британскому законодательству, этого основания вполне бы хватило, и его прямым долгом было бы тогда в частном порядке предупредить сэра Ричарда Соломона, что Трансвааль не мог принять такой незаконный акт после предоставления ему независимости, и если у него было такое намерение, имперское правительство было бы вынуждено пересмотреть целесообразность предоставления ему более высокого статуса. Или же он должен был бы сказать сэру Ричарду, что самоуправление могло

быть предоставлено только при условии, если права индийцев будут полностью защищены. Вместо того, чтобы следовать такой простой процедуре, лорд Элгин внешне демонстрировал дружелюбие к индийцам, тайно поддерживая правительство Трансвааля и поощряя его впоследствии принять тот же самый закон, на который он собственноручно наложил вето. Это не первый случай такой извилистой политики, проводимой Британской империей. Даже равнодушный к её истории человек легко припомнит подобные инциденты.

Так что единственной темой для разговоров в Йоханнесбурге был этот трюк, проделанный с нами лордом Элгином и имперским правительством. Наше разочарование в Южной Африке было столь же глубоким, как и наша радость на Мадейре. Однако непосредственным следствием этого обмана стало то, что община воодушевилась ещё больше. Все говорили, что мы должны были отбросить страхи, ибо наша борьба не зависела от помощи имперского правительства. Что мы должны были искать помощи только внутри себя самих и у того Бога, во имя Которого мы обязались сопротивляться. И что даже бесчестная или «кривая» политика со временем «выпрямится», если мы останемся верными себе.

Итак, Трансвааль стал независимой колонией. Первой мерой, принятой новым парламентом, стал бюджет; второй – Закон о регистрации азиатов, который, за исключением изменения даты в одном из его пунктов, был точной калькой самого первого постановления. Он прошёл все стадии принятия за одно заседание 21 марта 1907 года. Таким образом, все обещания не давать ход этому постановлению растаяли словно дым. Индийцы, как обычно, носились с прошениями и т.д., но кто их слушал? Закон объявили вступившим в силу с 1 июля 1907 года, и индийцев призвали подать заявление на регистрацию в соответствии с ним до 31 июля. Задержка с исполнением закона была вызвана не желанием сделать приятное индийцам, а чрезвычайными обстоятельствами. Должно было пройти некоторое время, прежде чем Корона могла официально санкционировать этот закон. Также требовалось время на подготовку форм, изложенных в графиках, и открытие офисов по выдаче разрешений в различных центрах. Поэтому задержка была связана исключительно с потребностями правительства Трансвааля.

16. Ахмад Мухаммад Качхалия

Когда делегация направлялась в Англию, я случайно заговорил об анти-азиатском законодательстве в Трансваале с одним обосновавшимся в Южной Африке англичанином. Когда я рассказал ему о цели нашего визита в Англию, он воскликнул: «Как я вижу, вы едете в Лондон, чтобы избавиться от собачьего ошейника». Он сравнил, таким образом, трансваальский законопроект с собачьим ошейником. Однако я не совсем тогда понял, да и сейчас, описывая этот случай, не могу точно сказать, хотел ли он таким образом выразить своё презрение к индийцам и радость в связи с их унижением, или же это просто была сильная эмоциональная реакция с его стороны. В соответствии с золотым правилом, согласно которому слова человека не должны быть истолкованы несправедливо по отношению к нему, я полагаю, что этот джентльмен использовал такой образный язык просто для выражения своих сильных чувств. Как бы то ни было, правительство Трансвааля, с одной стороны, готовилось набросить собачий ошейник на шею индийцев, а с другой – индийцы готовились дать отпор нечестивой политике этого правительства и согласовывали меры, которые бы укрепили их в решимости никому не позволить на себя этот ошейник одеть. Конечно, мы писали письма нашим друзьям как в Англии, так и в Индии, и пытались таким образом держать их в курсе текущей ситуации. Но борьба сатьяграхи мало зависит от помощи извне, и только внутренние средства являются подлинно эффективными. Поэтому время лидеров в основном уходило на поддержание всех сторон жизни общины на должном уровне.

Один из важнейших стоявших перед нами вопросов заключался в том, какую организацию нам следовало использовать для нашей борьбы. Ассоциация британских индийцев Трансвааля имела большое количество членов. Сатьяграхи ещё не было в помине, когда эта организация была создана. Ассоциация противостояла в прошлом и была готова противостоять в будущем не одному, а целому ряду возмутительных законов. Помимо организации противодействия подобным законам, она также должна была выполнять множество других функций политического и социального характера. Опять-таки, не все члены Ассоциации обязались противостоять «Чёрному акту» посредством сатьяграхи. В то же время, мы должны были учитывать внешние риски, которые навлекла бы на себя Ассоциация в случае её отождествления с борьбой сатьяграхи. Что если правительство Трансвааля объявит эту борьбу подстрекательской, а все организации, её ведущие – незаконными? В каком бы тогда положении оказались члены организации, которые сатьяграхами не являлись? И как насчёт средств, которые были внесены в то время, когда о сатьяграхе даже ещё не думали? Всё это были достаточно весомые соображения. Наконец, сатьяграхи были твёрдо убеждены, что они не только не должны были питать какой-либо вражды к тем, кто не присоединился к борьбе, будь то из-за нехватки веры, по малодушию или по любой иной причине, но должны были поддерживать с ними дружеские отношения и даже работать с ними бок о бок во всех других движениях, кроме сатьяграхи.

В свете всех этих соображений община пришла к выводу, что борьба сатьяграхи не должна была вестись на платформе какой-либо из существовавших организаций. Они могли оказать посильную

помощь и сопротивляться Чёрному акту всеми доступными им способами помимо сатьяграхи, поэтому сатьяграхи основали новый орган под названием «Ассоциация пассивного сопротивления». Читатель увидит, что слово «сатьяграха» ещё не было изобретено к моменту появления этой новой ассоциации. Как показало время, создание нового органа для этой работы оказалось полностью оправданным. Движение сатьяграхи, возможно, потерпело бы неудачу, примешайся к нему какая-либо из тогдашних организаций. Многочисленные члены присоединились к этой новой ассоциации, и община щедро снабжала её средствами.

Наученный опытом могу сказать, что ни одно движение не замедляется и не замирает из-за отсутствия средств. Это не означает, что любое временное движение может существовать без денег. Скорее смысл в том, что когда движение возглавляется хорошими людьми и во главу угла ставится истина, оно обязательно привлечёт к себе все необходимые средства. С другой стороны, я также заметил, что движение начинает затормаживаться из-за чрезмерно щедрой финансовой поддержки. Поэтому, когда государственным учреждением управляют с целью привлечения инвестиций, не смею назвать это грехом, но, по моему мнению, это в корне неправильный поход. Общественное благо должно быть целью всех государственных учреждений, и они не должны существовать ни на день дольше, чем того желает общество. Учреждение, управляемое в интересах накопленного капитала, перестаёт подчиняться общественному мнению и становится автократичным и самодовольным. Не буду здесь останавливаться на коррупции во многих социальных и религиозных учреждениях, финансируемых из постоянных фондов. Это явление настолько распространено, что очевидно каждому.

Но вернёмся к нашему повествованию. Юристы и люди с английским образованием отнюдь не пользуются монополией на буквоедство. Я видел, что даже необразованные индийцы в Южной Африке вполне способны проводить тонкие различия и находить изящные аргументы. Некоторые утверждали, что обещание, данное ими в театре Эмпайр, было исполнено, поскольку предыдущий указ был отменён, и те, кто пошёл с тех пор на попятную, оправдывали себя этим. Аргумент был не совсем лишён основания, но он не производил впечатления на тех, чьё сопротивление было направлено не на закон как таковой, а на лежащий в его основе порочный принцип. Тем не менее, было сочтено необходимым произнести обещание повторно из соображений безопасности, чтобы тем самым усилить мобилизацию общества и определить степень его слабости, если таковая имелаась. В этой связи повсюду были проведены собрания, на которых разъяснили текущее положение вещей. Снова были произнесены торжественные обещания, и дух общины, как и прежде, оказался высок.

Тем временем, судьбоносный июль постепенно подходил к концу, и в последний день этого месяца мы решили провести массовое собрание индийцев в Претории, столице Трансвааля. Делегаты из других областей также были приглашены. Собрание проходило под открытым небом на территории мечети Претории. После объявления сатьяграхи на наши собрания приходило так много людей, что ни одно здание не способно было их вместить. Всё индийское население Трансвааля не превышало 13000 человек, из которых более 10000 проживали в Йоханнесбурге и Претории. Посещаемость общественных собраний в две тысячи человек при общей численности населения в десять тысяч

читалась бы очень приличной и достаточной в любой части мира. Движение массовой сатьяграхи невозможно ни при каких других условиях. Там, где борьба полностью зависит от внутренней силы, она не может осуществляться без дисциплинированности масс. Поэтому рабочие не считали такое большое количество участников чем-то из ряда вон выходящим. С самого начала они решили проводить публичные собрания только под открытым небом, что практически не требовало расходов и никому бы не пришлось возвращаться с собрания разочарованным из-за нехватки места. Все эти собрания, опять-таки, в основном проходили очень спокойно. Аудитория всё внимательно слушала. Если кто-то находился далеко от платформы и потому не мог расслышать оратора, они просили его говорить погромче. Читателю вряд ли нужно объяснять, что на этих собраниях не было стульев. Все сидели на земле. Очень маленькая платформа была рассчитана на председателя, оратора и нескольких друзей; на ней стоял небольшой стол и несколько стульев или табуреток.

На этой встрече председательствовал г-н Юсуф Исмаил Миан, исполняющий обязанности председателя Ассоциации британских индийцев. Поскольку приближалось время выдачи разрешений в соответствии с «Чёрным актом», индийцы, несмотря на весь свой энтузиазм, естественно, волновались. Однако не меньше их волновались генерал Бота и генерал Сметс, несмотря на всю мощь правительства Трансвааля за их спиной. Никто не хотел силой подчинять целую общину. Поэтому генерал Бота послал на это собрание мистера Уильяма Хоскена, чтобы тот вразумил нас. Читатель уже познакомился с этим джентльменом в предыдущей главе. Собрание тепло его приняло, и он сказал: «Вы знаете, что я ваш друг. Мне не нужно говорить, что мои симпатии на вашей стороне в этом вопросе. Если бы я мог, я бы с радостью заставил ваших противников выполнить ваши требования. Но вам вряд ли нужно говорить об общей враждебности европейцев Трансвааля к вашей общине. Я здесь по просьбе генерала Боты. Он попросил меня передать его послание этому собранию. Он испытывает к вам уважение и понимает ваши чувства, но говорит, что «ничего не может поделать». Все европейцы в Трансваале единодушно просят принять этот закон, и он сам убеждён в его необходимости. Индийцы прекрасно знают, насколько могущественным является правительство Трансвааля. Закон был вновь одобрен Имперским правительством. Индийцы сделали всё, что было в их силах, и показали себя мужчинами. Но теперь, когда их сопротивление ни к чему не привело и закон оказался принят, община должна доказать свою лояльность и любовь к миру, подчинившись его требованиям. Генерал Сметс внимательно изучит любые ваши представления, предлагающие незначительные изменения в правилах в рамках закона о регистрации. Мой личный совет вам также заключается в том, что вы должны выполнить послание генерала. Я знаю, что правительство Трансвааля твёрдо придерживается этого закона. Сопrotивляться ему, значит биться головой о стену. Мне бы хотелось, чтобы ваша община не оказалась сломленной из-за этого бесплодного сопротивления и не навлекла на свою голову ненужные страдания». Я перевёл речь собранию слово в слово и ещё больше насторожил его уже со своей стороны. Мистер Хоскен удалился под аплодисменты.

Теперь настало время индийским ораторам выступить перед собранием. Одним из них был покойный Ахмад Мухаммад Качхалия, герой не только этой главы, но и всего нашего повествования. Я знал его

только как клиента и переводчика. До этого он никогда не принимал участия в общественной работе. Он хорошо знал английский язык, и свои языковые навыки он настолько улучшил практикой, что, приводя своих друзей к английским адвокатам, сам выступал в роли переводчика. Однако он занимался переводами не профессионально, а только для своих друзей. Сначала он торговал штучными товарами, а после занялся мелкой торговлей со своим братом. Он был сурти меманом (индийский субэтнос, *прим. перев.*) и пользовался в своём классе большим авторитетом. Его знания гуджарати также были ограничены, но и в этом он значительно продвинулся благодаря практике. У него был такой острый ум, что он легко схватывал всё налету. Он решал юридические проблемы с таким мастерством, что часто удивлял меня. Он с лёгкостью спорил о вопросах права даже с адвокатами, и очень часто к его аргументам прислушивались.

Ни в Южной Африке, ни в Индии я не встречал человека, который мог бы превзойти г-на Качхалию в мужестве и стойкости. Ради общества он жертвовал всем. Он всегда был человеком слова. Он был строгим ортодоксальным мусульманином и являлся одним из попечителей мечети сурти меманов. В то же время, у него было равное отношение к мусульманам и индусам. Я не помню, чтобы он хоть когда-то фанатично или неправомерно встал на сторону мусульман лишь потому, что они мусульмане. Совершенно бесстрашный и беспристрастный, он никогда не стеснялся указывать что индусам, что мусульманам на их недостатки, когда считал это необходимым. Его простота и смирение были достойны подражания. Благодаря моему близкому с ним общению на протяжении многих лет, я пришёл к твёрдому мнению, что община редко может похвастаться наличием в своей среде человека, подобного г-ну Качхалии.

Г-н Качхалия был одним из выступающих на собрании. Он произнёс очень короткую речь. Он сказал: «Каждый индиец знает, что такое «Чёрный акт» и что он подразумевает. Как и вы, я внимательно выслушал мистера Хоскена. Его речь только укрепила меня в моей решимости. Мы знаем, насколько могущественно правительство Трансвааля. Но оно не может сделать ничего большего, чем принять этот закон. Оно бросит нас в тюрьму, конфискует наше имущество, депортирует или повесит нас. Всё это мы перенесём с радостью, но мы не можем просто смириться с этим законом». Я заметил, что во время своей речи г-н Качхалия был глубоко взволнован. Его лицо покраснело, вены на шее и на голове вздулись от стремительного прилива крови, его тело дрожало, и, прижав пальцы правой руки к горлу, он громогласно произнес: «Клянусь именем Бога: пусть даже меня повесят, но я не подчинюсь этому закону – и я надеюсь, что все присутствующие поступят точно так же». С этими словами он сел на своё место. Когда он провёл пальцами по горлу, некоторые из сидящих на платформе улыбнулись, и я помню, что тоже присоединился к ним. Я очень сомневался, что Качхалия Шет сможет полностью воплотить в жизнь свои смелые слова. Мне стыдно за это сомнение сейчас и всякий раз, когда я о нём вспоминаю. Качхалия всегда был первым среди многих индийцев, которые буквально, не дрогнув ни на секунду, выполнили своё обещание в той великой борьбе.

Собрание поддерживало его, когда он выступал. Другие тогда знали его гораздо лучше, чем я, ибо многие из них были лично знакомы с этим малоизвестным героем. Они знали, что Качхалия говорит только то, что на самом деле думает, и думает перед тем, как что-то сказать. Были и другие яркие

выступления. Но выступление Качхалии Шета стоит здесь особняком, поскольку оказалось пророческим в его дальнейшей судьбе. Не все из этих энергичных ораторов выдержали последнее испытание. Этот великий человек умер в 1918 году, через четыре года после окончания борьбы, до последнего служа обществу.

Я завершу эту главу воспоминанием о Качхалии Шете, которому, возможно, не найдётся места в другой части книги. Позже читатель узнает о ферме Толстого, где жило несколько семей сатьяграхов. Шет отправил туда своего десяти или двенадцатилетнего сына Али на обучение в качестве примера для других и для того, чтобы мальчик смог воспитать в себе качества простоты и служения. Благодаря его примеру другие мусульмане также отправили на ферму своих мальчиков. Али был скромным, светлым, правдивым и прямолинейным мальчиком. Бог взял его к Себе раньше, чем его отца. Если бы ему было дано жить, не сомневаюсь, что он стал бы достойным сыном прекрасного отца.

17. Раскол

Наступило 1 июля 1907 года, и офисы по выдаче разрешений открылись. Община открыто решила пикетировать каждый офис, выставив добровольцев на ведущих к ним путях, и эти добровольцы должны были предостерегать слабовольных индийцев от расставленных для них там ловушек. Добровольцев снабдили значками и чётко проинструктировали не проявлять невежливость к индийцам, решившим получить разрешение. Они должны были узнавать их имена, но если те отказывались себя называть, то добровольцы ни в коем случае не должны были быть с ними грубы или жестоки. Каждому индийцу, приходящему в офис по выдаче разрешений, они должны были вручить распечатку с подробным описанием ущерба, который повлечёт за собой подчинение «Чёрному акту», и объяснить, что там написано. Добровольцам надлежало оказывать должное уважение и полиции. В случае полицейских издевательств или побоев они должны были спокойно их претерпевать; если это становилось невыносимым, они должны были покинуть своё место. Если бы полиция решила их арестовать, они должны были с радостью этому подчиниться. Каждый такой инцидент в Йоханнесбурге должны были довести до моего сведения. В других местах необходимо было информировать местных секретарей и спрашивать их о дальнейших инструкциях. Во главе каждой группы пикетчиков стоял старшина, чьи приказы должны были исполняться всеми остальными.

Это был первый подобный опыт для общины. В пикеты брали всех старше двенадцати лет, так что туда записалось много молодых людей от 12 до 18. Однако в пикеты не принимали никого, кого не знали бы местные рабочие. Помимо всех этих мер предосторожности, людей информировали объявлениями на каждом публичном собрании и другими способами, что если кто-то из желающих получить разрешение боялся пикетов, он мог попросить рабочих выделить ему добровольца, чтобы тот сопровождал его до офиса выдачи разрешений и обратно. Некоторые этим предложением воспользовались.

Добровольцы повсюду работали с безграничным энтузиазмом и сохраняли бдительность и предусмотрительность, выполняя свои обязанности. В целом со стороны полиции не было особых притеснений. Если иногда подобное и случалось, добровольцы сохраняли спокойствие. Они привносили в работу немало юмора, к чему иногда присоединялась и полиция. Они придумывали разные развлечения, чтобы скоротать время. Однажды их арестовали по обвинению в блокировании общественного движения. Поскольку отказ от сотрудничества не был частью борьбы сатяграхи, они могли защищаться в судах, хотя, как правило, защищающие их адвокаты не оплачивались из государственных средств. Суд признал добровольцев невиновными и оправдал их, и это их ещё больше воодушевило.

Хотя индийцы, желающие получить разрешение, избежали грубости и насилия со стороны добровольцев на публике, должен признать, что в связи с этим движением возникла группа людей,

которые, не будучи добровольцами, в частном порядке угрожали таким индийцам насилием и другими способами. Это было очень болезненное явление, и были приняты решительные меры, чтобы его пресечь. В результате угрозы почти прекратились, хотя и не были полностью искоренены. Угрозы не прошли без последствий и, как я мог видеть, нанесли делу ущерб. Те, кому угрожали, сразу же искали защиты у правительства и получали её. Таким образом, в общину проник яд, и те, кто уже был слаб, стали ещё слабее. Яд становился всё более опасным, поскольку слабые всегда склонны к мести. Эти угрозы, по большому счёту, имели очень малый вес. Сила общественного мнения, с одной стороны, и страх того, что имя человека станет известно общине благодаря работе добровольцев, с другой, действовали как мощные сдерживающие факторы. Я не знаю лично ни одного индийца, который счёл для себя возможным подчиниться «Чёрному акту». Те же, кто подчинился, сделали это из-за неспособности терпеть лишения или материальные потери, и потому стыдились самих себя. Это чувство стыда, а также страх ухудшения торговых дел из-за недовольства крупных индийских купцов, сильно давили на них, и некоторые индийские лидеры нашли выход из этого двойного затруднения. Они договорились с отделом выдачи разрешений, что офицер должен был встретиться с ними в частном доме после девяти или десяти часов вечера и выдать им разрешения. Они думали, что в этом случае никто не узнает об их покорности закону, по крайней мере, какое-то время, и, поскольку они были лидерами, другие последуют их примеру, облегчая тем самым их бремя позора. Их не волновало, узнают ли об этом впоследствии.

Но добровольцы были настолько бдительны, что община узнавала практически обо всём. Даже в бюро выдачи разрешений находились такие, кто сообщал сатяграхам подобную информацию. Другие, хотя и сами были слабы, не могли смириться с мыслью, что лидеры позорят себя таким образом, и сообщали о них сатяграхам с той верой, что они сами смогут без страха встретить невзгоды, если остальные будут тверды. Скажем, именно так община получила информацию о том, что такие-то люди собираются в такую-то ночь в таком-то магазине, чтобы получить разрешения. Община сначала попыталась отговорить этих людей. Магазин тоже пикетировали. Но человеческую слабость долго скрывать нельзя. Некоторые лидеры брали разрешения подобным образом в десять или одиннадцать часов вечера, и так в движении произошёл раскол. Уже на следующий день их имена были опубликованы общиной. Но чувство стыда имеет свои пределы. Соображения собственной выгоды вытесняют стыд и сбивают людей с прямого и узкого пути (отсылка к библейскому прямому и узкому пути, ведущему к Богу, *прим. перев*). Вскоре около пятисот человек получили разрешения. Некоторое время разрешения выдавались в частных домах, но по мере того, как чувство стыда иссякало, некоторые открыто шли в Азиатский офис и получали там свои свидетельства о регистрации.

18. Первый узник-сатьяграх

Когда Азиатский департамент обнаружил, что, несмотря на все их старания, они не могут заставить зарегистрироваться более, чем 500 индийцев, они решили кого-нибудь арестовать. В Джермистоне жило много индийцев, одним из которых был Пандит Рама Сундара. Этот человек имел мужественный вид и был наделён некоторым даром болтливости. Он знал наизусть несколько санскритских стихов. Будучи выходцем из Северной Индии, он, естественно, знал несколько *дох* и *чоп* из «Тулси Рамаяны», а благодаря тому, что его называли пандитом («учёный» с санскрита, *прим. перев.*), он пользовался определённой репутацией в народе. Там и тут он произнёс несколько зажигательных речей. Некоторые злонамеренные индийцы в Джермистоне подсказали Азиатскому департаменту, что многие индийцы получают там разрешения, если Рама Сундара будет арестован, и чиновники департамента не смогли устоять перед таким соблазном. Поэтому Рама Сундара был арестован, и это был первый случай такого рода, вызвавший сильное волнение как у правительства, так и у индийцев. Рама Сундара, ещё вчера известный только добрым жителям Джермистона, в один миг стал знаменитым на всю Южную Африку. Он стал объектом всеобщего внимания, словно великий человек, отданный под суд. Правительству не нужно было принимать особые меры для сохранения мира, однако оно на это пошло. В суде Рама Сундара пользовался должным уважением не как обычный заключенный, а как представитель своей общины. Зрители-индийцы заполнили зал суда. Рама Сундара был приговорен к месяцу простого тюремного заключения и содержался в отдельной камере в европейском отделении Йоханнесбургской тюрьмы. Людям было разрешено свободно встречаться с ним. Ему разрешалось получать еду извне, и каждый день его баловали деликатесами, приготовленными от имени общины. Ему давали всё, что он хотел. День, когда ему был вынесен приговор, прошёл с большим блеском. От депрессии не осталось и следа, а было лишь ликование и радость. Сотни людей были готовы отправиться в тюрьму. Сотрудники Азиатского департамента разочаровались в своих надеждах на огромный приток желающих зарегистрироваться. Даже из Джермистона они не получили ни одного человека. В выигрыше оказалась только индийская община. Месяц заключения быстро истёк. Рама Сундара был освобождён и, сопровождаемый процессией, доставлен к месту, где было назначено собрание. Были произнесены энергичные речи. Раму Сундару осыпали гирляндами цветов. Добровольцы устроили в его честь пир, и сотни индийцев завидовали удаче Рамы Сундары и сожалели, что не им довелось пережить тюремное заключение.

Но Рама Сундара оказался «пустышкой». Месячного заключения всё же избежать не удалось, поскольку его арест оказался для всех неожиданностью. В тюрьме он наслаждался роскошью, которая была чужда ему на воле. Для него, привыкшего к свободе и пристрастившегося к вредным привычкам, одиночество и ограничения тюремной жизни оказались слишком тяжёлым испытанием. Несмотря на всё внимание к нему со стороны тюремной администрации и общества, тюрьма показалась ему невыносимой, и он окончательно распрощался с Трансваалем и нашим движением. В каждой общине и в каждом движении есть хитрые люди, и наше не оказалось исключением из этого правила. Они знали Раму Сундару как облупленного, но из тех соображений, что даже такой человек

мог принести общине какую-то пользу, они не посвящали меня в его тайную историю до тех пор, пока его пузырь окончательно не лопнул. Впоследствии я узнал, что он был рабочим-контрактником, который бросил работу, не доработав свой срок. В том, что он был контрактником, не было ничего предосудительного. Читатель в конце увидит, что рабочие-контрактники оказались самым ценным приобретением для нашего движения, и какой большой вклад они внесли в нашу окончательную победу. Конечно же, с его стороны было неправильно не доработать положенный по контракту срок.

Я подробно описал всю историю Рама Сундара не для того, чтобы изобличить его недостатки, а чтобы вывести из этого мораль. Лидеры светлого движения обязаны следить за чистотой своих рядов. Однако, несмотря на всю их предусмотрительность, проникновение нежелательных элементов практически неизбежно. И всё же, если лидеры бесстрашны и искренни, случайное попадание в движение нежелательных лиц, в конечном счёте, не может повредить делу. Когда выяснили, что Рама Сундара – «человек из соломы», на него просто перестали полагаться. Община забыла его, но даже благодаря ему движение обрело новую силу. Тюремное заключение, перенесённое им за правое дело, зачислилось в нашу «копилку», а энтузиазм, вызванный судом над ним, никуда не ушёл. К тому же, следуя его примеру, слабаки добровольно ушли из нашего движения. Было ещё несколько случаев проявления подобной слабости, но я не собираюсь подробно на них останавливаться, ибо никакой пользы в этом нет. Чтобы читатель мог справедливо оценить силу и слабость общины, достаточным будет сказать, что в ней был не один, а несколько Рам Сундаров. И всё же я увидел, что движение даже из таких случаев извлекло для себя максимальную пользу.

Пусть читатель не смотрит на Раму Сундара презрительно. Все люди несовершенны, и когда в ком-то недостатки проявляются в большей степени, чем в других, люди склонны его осуждать. Но это несправедливо. Рама Сундара стал слабым не по своей воле. Человек может изменить свой темперамент, может контролировать его, но не способен до конца искоренить. Бог не дал ему такой свободы. Леопард может изменить лишь свои пятна, и только человек способен изменить свою духовную конституцию. Хотя Рама Сундара сбежал, может ли кто-то сказать, что он не был способен раскаяться в этой своей слабости? Или, скорее, не было ли само его бегство прямым доказательством его раскаяния? Ему не было бы нужды бежать, если б ему совершенно был чужд стыд. Он мог бы получить разрешение и избежать тюрьмы, подчинившись «Чёрному акту». Кроме того, он мог бы стать орудием Азиатского департамента, ввести в заблуждение своих друзей и стать для правительства *своим*. Почему бы нам не судить его менее строго? Можно ведь сказать, что вместо всех этих бессовестных действий, он, стыдясь своей слабости, скрылся из общины и даже оказал ей услугу.

19. «Индийское мнение»

Я предлагаю читателю ознакомиться со всеми видами оружия, как внутреннего, так и внешнего, которое использовалось в борьбе сатяграхи, и потому перехожу к повествованию об «Индийском мнении», еженедельном журнале, который издаётся в Южной Африке и по сей день. Заслуга в создании первой индийской типографии в Южной Африке принадлежит гуджаратскому джентльмену Шри Маданджиту Вьявахарику. После управления типографией в течение нескольких лет и всех связанных с этим трудностей, он задумался о выпуске газеты. Он посоветовался с покойным Шри Мансухлалом Назаром и со мной. Газета печаталась в Дурбане. Шри Мансухлал Назар вызвался стать редактором-волонтёром. Газета с самого начала работала в убыток. Наконец мы решили купить ферму, поселить на ней всех работников, которые должны были образовать своего рода содружество, и издавать газету оттуда. Выбранная для этой цели ферма расположена на красивом холме в тринадцати милях от Дурбана. Ближайшая железнодорожная станция Феникс находится от фермы на расстоянии трёх миль. Газета называлась и называется «Индийское мнение» (в ориг. «Indian Opinion», *прим. перев.*). Раньше она издавалась на английском, гуджарати, хинди и тамильском языках. Но со временем мы были вынуждены отказаться от разделов на хинди и тамильском, поскольку это налагало на нас слишком большое бремя. Мы не могли найти знатоков тамильского и хинди, желающих поселиться на ферме, и не могли их контролировать. Таким образом, когда началась борьба сатяграхи, газета выходила только на английском и гуджарати. Среди поселенцев на ферме были гуджаратцы, северные индийцы и тамильцы, а также англичане. После безвременной кончины Мансухлала Назара его место редактора занял наш английский друг Герберт Китчин. Затем должность редактора долгое время занимал мистер Генри С. Л. Полак, а во время нашего тюремного заключения редактором работал покойный преподобный Джозеф Доке. С помощью этой газеты у нас очень хорошо получалось распространять недельные новости среди общины. Английский раздел информировал о нашем движении индийцев, не знавших гуджарати, а для англичан в Индии, Англии и Южной Африке «Индийское мнение» служило еженедельным информационным бюллетенем. Я считаю, что борьба, опирающаяся в основном на внутренние силы, может вестись и без газеты, но я также осознаю, что, вероятно, мы не смогли просвещать местную индийскую общину или держать индийцев всего мира в курсе событий в Южной Африке каким-либо иным способом, и одновременно с такой же лёгкостью и успехом, как через «Индийское мнение». Таким образом, эта газета безусловно оказалась самым полезным и мощным оружием в нашей борьбе.

По мере того, как наша община трансформировалась в ходе борьбы, изменения происходили и в «Индийском мнении». Вначале мы принимали для него рекламу, а также выполняли типографские работы. Я посчитал, что некоторые из наших лучших людей должны были быть от этого освобождены. Когда мы получали рекламу для публикации, то постоянно сталкивались с трудностями выбора. Скажем, можно было отказаться от какого-то неприемлемого объявления, и всё же его были вынуждены принимать, поскольку рекламодатель был видным членом общины и мог, в противном случае, оскорбиться. Некоторых хороших сотрудников приходилось направлять на сбор

заказов и получение средств от рекламодателей, не говоря уже об умасливании последних, что они считали чем-то само собой разумеющимся. Более того, возникло мнение, что если газета издаётся не ради прибыли, а исключительно с целью служения, она не должна навязываться общине, а приниматься людьми добровольно. И самым ярким доказательством такого желания было бы количество подписчиков, достаточное, чтобы газета самоокупалась. Наконец, казалось, что для всех заинтересованных сторон будет во всех отношениях лучше, если мы обратимся ко всем членам общины и разъясним им их долг поддерживать свою газету вместо того, чтобы уговаривать нескольких торговцев размещать у нас свои объявления под предлогом оказания услуг. В связи со всем этим мы прекратили размещать в газете рекламу, что привело к приятному результату: сотрудники, занятые до того в рекламном отделе, теперь могли посвятить себя улучшению газеты. Община сразу же осознала свою причастность к «Индийскому мнению», а также свою ответственность за его материальную поддержку. Сотрудники газеты были освобождены в этом отношении от всех забот. Теперь их единственной заботой было вкладывать в газету самые лучшие свои силы, пока община в этом нуждалась, и они не только не стыдились просить любого индийца подписаться на «Индийское мнение», но даже считали это своим долгом. Внутренняя сила и характер газеты изменились: с ней теперь приходилось считаться. Число подписчиков, обычно до этого колебавшееся между двенадцатью и пятнадцатью сотнями, росло с каждым днём. Приходилось повышать стоимость подписки, и всё же, когда борьба была в самом разгаре, число подписчиков достигло 3500 человек. Число индийцев, которые могли читать «Индийское мнение» в Южной Африке, составляло 20000 человек, так что тираж более трёх тысяч экземпляров можно было считать вполне удовлетворительным. Община настолько уже считала газету *своей*, что когда её экземпляры не доходили до Йоханнесбурга в ожидаемое время, меня завалили жалобами. Газета обычно приходила в Йоханнесбург воскресным утром. Я знаю многих, которые, получив газету, сперва наперво полностью читали раздел на гуджарати. Кто-то один в компании читал, а остальные, окружив его, слушали. Не все желающие читать газету могли позволить себе подписаться на неё в одиночку, поэтому некоторые люди объединялись для этой цели.

Перестав давать рекламные объявления в газете, почти по тем же причинам мы прекратили и нашу обычную издательскую деятельность. У верстальщиков появилось свободное время, которое они теперь могли использовать для публикации книг. Поскольку и здесь не было намерения получить прибыль и книги печатались только для помощи в борьбе, они хорошо продавались. Таким образом, и газета, и издательство внесли свой вклад в борьбу, и по мере того, как сатьяграха постепенно пускала в обществе корни, очевидным становилось и связанное с этим моральное улучшение как газеты, так и издательства.

20. Серия арестов

Мы увидели, что правительство не смогло извлечь никакой выгоды из ареста Рамы Сундары. С другой стороны, они наблюдали, насколько быстро возрастал дух индийской общины. Сотрудники Азиатского департамента были прилежными читателями «Индийского мнения». В нашем движении мы намеренно не скрывали своих мыслей, целей и шагов. Таким образом, благодаря «Индийскому мнению» любой мог оценить силы и слабости общины, будь то друг, враг или занимающий нейтральное положение. Рабочие с самого начала осознали, что какой-либо секретности не должно быть места в движении, в котором нельзя ошибиться, в котором нет места двуличию или хитрости и в котором сила духа является единственной гарантией победы. В интересах самой общины было, чтобы для искоренения её слабостей их правильно диагностировали и придавали должной огласке. Когда чиновники увидели, что именно таковой была политика «Индийского мнения», газета стала для них верным зеркалом текущих дел в индийской общине. Таким образом, они сделали вывод, что сила движения не может быть сломлена до тех пор, пока определённые лидеры оставались на свободе. Поэтому на рождественской неделе 1907 года некоторые лидеры получили извещения об обязательной явке в магистрат. Следует признать, что это был акт вежливости со стороны соответствующих чиновников. При желании, они могли бы их арестовать просто на основании ордера. Вместо этого они выписали извещения, и это, кроме свидетельства об их учтивости, также говорило об их уверенности в том, что лидеры были готовы и желали ареста. Извещённые лидеры явились в суд в назначенный день, в субботу 28 декабря 1907 года. В суде они должны были назвать причину, по которой, не пройдя регистрацию как того требует закон, они всё ещё оставались в Трансваале.

Среди вызванных в суд был мистер Куинн, лидер китайских жителей Йоханнесбурга, которых насчитывалось от трёх до четырёх сотен. Все они были либо торговцами, либо фермерами. Индия славится своим сельским хозяйством, но я считаю, что мы в Индии не так далеко продвинулись в сельском хозяйстве, как китайцы. Современный прогресс сельского хозяйства в Америке и других странах ошеломляет, но я считаю, что оно всё ещё находится на экспериментальной стадии. Китай такая же древняя страна, как и Индия, и поэтому сравнение между Индией и Китаем будет назидательным. Я наблюдал за сельскохозяйственными методами китайцев в Йоханнесбурге, а также беседовал с ними на эту тему, и у меня сложилось впечатление, что китайцы более умны и трудолюбивы, чем мы. Мы часто позволяем земле лежать под паром, думая, что она бесполезна, в то время как китайцы выращивают на ней хорошие урожаи благодаря своему тонкому знанию различных почв.

«Чёрный акт» в равной степени распространялся на индийцев и китайцев. Последние, таким образом, также присоединили к борьбе сатяграхи. Однако от начала и до конца деятельность этих двух общин не смешивалась. Каждая из них работала через свою собственную независимую организацию. Это соглашение дало благотворный результат: до тех пор, пока обе общины стояли на своём, каждая из

них являлась источником вдохновения для другой. Если бы одна из них уступила, это не повлияло бы на моральный дух другой или, по крайней мере, не привело бы к полному её краху. Многие китайцы в конечном итоге оставили движение, поскольку их лидер вёл с ними нечестную игру. Он действительно не подчинился возмутительному закону. Но однажды утром кто-то пришел ко мне и сказал о бегстве китайского лидера, прихватившего с собой все учётные книги и деньги Китайской ассоциации. Последователям всегда трудно продолжать борьбу в отсутствие своего лидера, и их потрясение тем более велико, если лидер себя опозорил. Но когда начались аресты, китайцы находились в приподнятом состоянии духа. Почти никто из них не получил разрешения, и поэтому их лидера мистера Куинна известили, чтобы он явился в суд вместе с индийцами. В течение некоторого времени мистер Куинн выполнял очень полезную работу.

Я хотел бы познакомить читателя с одним из нескольких индийских лидеров, оказавшихся в первой партии заключённых – Шри Тхамби Найду. Тхамби Найду был тамильцем, рождённым в Маврикии. Его родители переехали туда из штата Мадрас. Он был обычным торговцем. Он практически не получил никакого формального образования, но его огромный опыт стал для него школой. Он очень хорошо говорил и писал по-английски, хотя его грамматика, возможно, не была свободна от недостатков. Подобным образом он изучил и тамильский язык. Он довольно хорошо понимал и говорил на хинди и немного знал телугу, хотя не знал алфавитов этих языков. Опять же, он очень хорошо знал распространённый на Маврикии креольский диалект, который является своего рода испорченным французским языком, и, конечно же, он знал язык негров. Рабочее владение несколькими языками не было редкостью для индийцев Южной Африки – количество индийцев, имевших общее знакомство со всеми этими языками, шло на сотни. Подобные люди становятся полиглотами почти без усилий, и это оттого, что их мозг не утомлён образованием, полученным на иностранном языке, их память остра, и они изучают различные языки, просто общаясь с их носителями и наблюдая за ними. Их мозг не перенапрягается, но, с другой стороны, лёгкие умственные упражнения приводят к естественному развитию их интеллекта. Именно так всё обстояло с Тхамби Найду. Он обладал очень острым интеллектом и новое схватывал на лету. Его всегдашняя сообразительность поражала. Он никогда не видел Индии, но его любовь к родине не имела границ. Патриотизм сквозил через его тело. Твёрдость его характера была прописана на его лице. Он был очень крепко сложен и обладал неутомимой энергией. Он одинаково себя держал, когда занимал место председателя и руководил собраниями и выполнял работу носильщика. Он не стыдился нести груз в общественных местах. Для него не стоял вопрос о времени суток, когда нужно было взяться за работу. Как никто другой, он был готов пожертвовать всем ради общины. Если бы Тхамби Найду не был так опрометчив и если бы он был свободен от гнева, этот храбрый человек мог бы легко взять на себя руководство общиной в Трансваале в отсутствие Качхалии. Пока длилась борьба в Трансваале, его раздражительность шла только на пользу, а его бесценные качества сияли подобно драгоценным камням. Позже я услышал, однако, что его гнев и безрассудство оказались его злейшими врагами и затмили его хорошие качества. Как бы то ни было, имя Тхамби Найду должно навсегда остаться в истории сатьяграхи в Южной Африке в ряду самых первых.

Магистрат рассмотрел каждое дело по-отдельности и повелел всем обвиняемым покинуть Трансвааль в течение сорока восьми часов либо в течение семи или четырнадцати дней в зависимости от каждого конкретного случая.

10 января 1908 года срок истёк, и в тот же день нас вызвали в суд для вынесения приговора.

Никому из нас не пришлось выступать в свою защиту. Все должны были признать себя виновными в неподчинении приказу покинуть Трансвааль в указанный срок на том основании, что обвиняемые не смогли предъявить свидетельств о своей регистрации.

Я попросил разрешения сделать короткое заявление и, когда эта моя просьба была удовлетворена, то заявил, что считал необходимым провести различие между моим делом и остальными. Мне только сообщили из Претории, что мои соотечественники там были приговорены к трём месяцам каторжных работ и оштрафованы на крупную сумму денег, неуплата которой означала ещё три месяца каторги. Если эти люди совершили преступление, то я совершил ещё большее преступление, и потому я попросил магистрат назначить мне самое суровое наказание. Однако, судья не согласился с моей просьбой и приговорил меня к двум месяцам простого тюремного заключения. Я испытывал некоторое чувство неловкости из-за того, что оказался обвиняемым в том самом суде, где я часто выступал в качестве адвоката. Но я хорошо помню, что считал первую роль гораздо более почётной, нежели вторую, и не испытывал ни малейших колебаний, занимая своё место на скамье подсудимых.

В суде передо мной находились сотни индийцев, а также собратья по коллегии адвокатов. После оглашения приговора я сразу же был взят под стражу и оказался в полном одиночестве. Полицейский попросил меня сесть на скамью для заключенных, закрыл передо мной дверь и ушел. Я был несколько взволнован и погрузился в глубокую задумчивость. Дом, суд, где я практиковал, общественное собрание – всё это улетучилось словно сон, и теперь я оказался заключённым. Что будет через два месяца? Придётся ли отбывать полный срок? Если бы люди массово выбирали тюремное заключение, как это было ими обещано, то вопрос об отбывании полного срока не стоял бы. Но если они не смогут заполнить собой тюрьмы, то два месяца покажутся такими же томительными, как и целая вечность. Все эти мысли пронеслись у меня в голове за какие-то доли секунды. И они наполнили меня стыдом. Как я был тщеславен! Я, который просил людей считать тюрьмы гостиницами Его Величества, страдания, связанные с неподчинением «Чёрному акту» – совершенным блаженством, а жертву всем и самой жизнью при сопротивлении ему – высшим наслаждением! Куда же подевались все эти знания? Эта вторая мысль подействовала на меня тонизирующе, и я начал смеяться над собственной глупостью. Я стал думать, какое наказание будет назначено остальным и будут ли они содержаться со мной в тюрьме. Но меня потревожил полицейский, который открыл ворота и сказал мне следовать за ним, что я и сделал. Затем мы поменялись местами и уже я шёл впереди, вплоть до закрытого фургона для заключённых, в котором я занял своё место. Меня отвезли в тюрьму Йоханнесбурга.

В тюрьме мне велели снять мою личную одежду. Я знал, что в тюрьме осужденных заставляют раздеваться. Как сат્યાграхи, мы все добровольно решили подчиняться всем тюремным правилам,

если они не шли вразрез с нашим чувством достоинства или религиозными убеждениями. Одежда, которую мне выдали, была очень грязной. Мне совсем не хотелось её надевать. Не без усилия над собой я всё же в неё облачился, с мыслью, что теперь придётся мириться с грязью. После того как офицеры записали моё имя и адрес, меня отвели в большую камеру, и через некоторое время ко мне присоединились мои соотечественники, которые со смехом рассказывали мне, что они получили такой же приговор, как и я, и о том, что происходило после моего отбытия. От них я узнал, что когда закончили с моим делом, индийцы, часть которых была несколько возбуждена, вышли на процессию с чёрными флагами. Полиция помешала процессии и выпорола некоторых её участников. Мы все были счастливы при мысли, что находимся в одной тюрьме и в одной камере.

Дверь камеры запиралась в 6 часов вечера. Дверь была не решётчатая, а монолитная, высоко в стене было небольшое отверстие для вентиляции, так что мы чувствовали себя, словно нас заперли в сейфе. Неудивительно, что администрация тюрьмы не обращалась с нами столь же хорошо, как и с Рамой Сундарой. Поскольку Рама Сундара был первым заключённым сатьяграхи, власти не имели представления о том, как с ним следовало обращаться. Наша партия была довольно многочисленной, и намечались новые аресты. Поэтому нас держали в отделении для негров. В Южной Африке признаются только два класса заключённых: белые и чёрные, то есть негры, поэтому индийцы были причислены к неграм.

На следующее утро мы обнаружили, что заключённые, не приговорённые к каторжным работам, имели право носить свою личную одежду, и если они не хотели воспользоваться этим правом, то им выдавалась специальная тюремная роба для этого класса заключённых. Мы решили не носить собственную одежду, а взять тюремную, о чём и сообщили властям. Нам выдали робу, предназначенную для негров-заключённых, которые не были приговорены к каторжным работам. Однако негров, отбывающих обычное заключение, всегда было в большом количестве. Поэтому как только стали прибывать другие индийцы, приговорённые к обычному заключению, возникла нехватка одежды. Поскольку индийцы не хотели церемониться в этом вопросе, они охотно принимали одежду, предназначенную для каторжных заключённых. Некоторые из тех, кто прибыл позже, предпочли остаться в своей собственной одежде, чем надевать робу каторжников. Я считал это неправильным, но не стал настаивать на своём мнении в этом вопросе.

Со второго или третьего дня заключённые сатьяграхи начали прибывать в больших количествах. В большинстве своём это были уличные торговцы и все они «напросились» на арест. В Южной Африке каждый уличный торговец, чёрный или белый, должен был получить лицензию, всегда иметь её при себе и предъявлять полиции по первому требованию. Почти каждый день какой-нибудь полицейский просил показать лицензию и арестовывал тех, у кого её не оказывалось. Община решила заполнить тюрьму после наших арестов, и уличные торговцы взяли на себя инициативу. Их было легко арестовать. Для этого им достаточно было отказаться показать свою лицензию. Таким образом, за одну неделю число заключённых сатьяграхов выросло более чем до ста человек. Поскольку каждый день обязательно прибывало по несколько заключённых, мы без газет ежедневно получали самые свежие новости. Когда сатьяграхов стали арестовывать в большом множестве, их приговаривали к

тюремному заключению с каторжными работами. Возможно, судьи просто потеряли терпение, либо, как мы думали, они получили какие-то инструкции от правительства. Сейчас я думаю, что мы были правы в своих догадках. Если опустить первые несколько приговоров к обычному тюремному заключению, после этого нас всегда приговаривали к каторжным работам, даже женщин. Если все судьи не получили одинаковых приказов или инструкций и по какому-то совпадению всех мужчин и женщин приговаривали к каторжным работам, это можно считать почти чудом.

В Йоханнесбургской тюрьме заключённые, не приговорённые к каторжным работам, получали по утрам мамалыгу (похлёбку из кукурузной муки, *прим. перев.*). В ней не было соли, но каждому заключённому давали немного соли отдельно. В полдень заключённым давали четыре унции риса, четыре унции хлеба, одну унцию топлёного масла и немного соли, а вечером снова была мучная паста и какой-нибудь овощ, в основном, картошка, одна большая или две маленькие картофелины. Никто из нас не был рад такой диете. Рис не варили рассыпчатым. Мы попросили у тюремного врача приправы и сказали ему, что в Индии в тюрьмах разрешены приправы. «Это вам не Индия» – последовал суровый ответ. «В тюремном рационе вкусы не учитываются, и поэтому приправы не могут быть разрешены». Мы попросили включить бобовые на том основании, что тюремная диета не способствовала укреплению мышц. «Заключённые не должны вести медицинские споры», – ответил врач. «Вы получаете пищу, способствующую укреплению мышц, поскольку два раза в неделю вам дают варёные бобы вместо кукурузы». Аргумент доктора был бы здоровым, если бы человеческий желудок мог извлекать различные элементы из различных продуктов, принимаемых в разное время в течение недельного или двухнедельного периода. На самом деле, у него не было ни малейшего намерения заботиться о нашем удобстве. Комендант тюрьмы разрешил нам готовить еду самим. Мы избрали Тхамби Найду нашим поваром, и в этом качестве ему пришлось вести множество сражений от нашего имени. Если в выданном овощном пайке не хватало веса, он настаивал на получении полного пайка. В овощные дни, коих было два в неделю, мы готовили дважды, а в другие дни только один раз, поскольку нам разрешалось готовить на обед другие блюда. После того, как мы начали готовить себе еду сами, нам несколько полегчало.

Но независимо от того, удалось бы нам получить все эти послабления или нет, каждый из нас был твёрд в своём намерении провести свой срок в тюрьме в совершенном счастье и покое. Число заключённых сатьяграхи постепенно превысило 150 человек. Поскольку все мы были простыми заключёнными, у нас не было никакой работы кроме поддержания чистоты в камерах. Мы попросили у коменданта работу, но он ответил: «Мне жаль, что не могу дать вам работы, ведь с моей стороны это будет считаться должностным преступлением. Но вы можете уделять поддержанию чистоты столько времени, сколько пожелаете». Мы попросили позволить нам участвовать в каких-нибудь физических упражнениях, к примеру, в строевом шаге, поскольку видели, что даже негров, приговорённых к каторжным работам, заставляли ходить строевым шагом в дополнение к их обычной работе. Комендант ответил: «Если у вашего надзирателя есть на это время, я не буду возражать; но я не буду от него этого требовать, поскольку у него и так много работы, которой стало ещё больше из-за вашего прибывания в таких больших количествах». Надзиратель был хорошим

человеком, и этого разрешения коменданта ему вполне хватило. Каждое утро он с большим интересом начинал проводить с нами занятия. Учения проводились на маленьком дворе перед нашими камерами и поэтому походили на карусель. Когда надзиратель заканчивал инструктаж и уходил, его подменял наш соотечественник-патхан по имени Навабхан, который смешил нас своим причудливым произношением английских команд. Он произносил «Stand at ease» («Вольно», *прим. перев.*) как «sundlies». Мы никак не могли понять, что это за слово на хинди, но потом до нас дошло, что это был не хинди, а своеобразный английский.

21. Первое соглашение

Мы просидели в тюрьме две недели, когда новые заключённые сообщили нам, что с правительством велись переговоры о достижении некоего компромисса. Через два или три дня меня навестил мистер Альберт Картрайт, редактор ежедневной йоханнесбургской газеты «Трансваальский лидер» (ориг. «The Transvaal Leader», *прим. перев.*).

Владельцами всех ежедневных газет, выходивших тогда в Йоханнесбурге, по совместительству были те или иные европейские владельцы золотых приисков. Но за исключением тех случаев, когда на карту ставились интересы этих магнатов, редакторы были свободны выражать свои собственные взгляды по всем общественным вопросам. В редакторы отбирали только очень способных и известных людей. Например, редактор «Дэили стар» (ориг. «The Daily Star», *прим. перев.*) ранее был личным секретарем лорда Милнера, а затем он уехал в Англию, чтобы занять место мистера Бакла в качестве редактора «Таймс» (ориг. «The Times» *прим. перев.*). Мистер Альберт Картрайт из «Трансваальского лидера» обладал широким кругозором и способностями. В своих колонках он почти всегда поддерживал индийское движение. Мы с ним очень сдружились. Он виделся с генералом Сматсом после того, как меня отправили в тюрьму. Генерал Сматс приветствовал его посредничество. После этого мистер Картрайт встретился с индийскими лидерами, которые сказали: «Мы ничего не знаем о юридических тонкостях и не можем говорить о компромиссе, пока Ганди находится в тюрьме. Мы желаем уладить эту ситуацию, но если правительство хочет того же, пока наши люди находятся в тюрьме, вам следует встретиться с Ганди. Мы пойдём на любое соглашение, которое он примет».

Итак, мистер Картрайт пришёл ко мне и принёс с собой условия соглашения, составленные или одобренные генералом Сматсом. Мне не понравилась расплывчатость его формулировок. Тем не менее, я был готов поставить под ним свою подпись за одним изменением. Однако я сказал мистеру Картрайту, что не могу подписать документ, предварительно не посоветовавшись со своими товарищами по заключению, даже с учётом карт-бланша, полученного мною от индийцев на свободе.

Суть предлагаемого соглашения сводилась к тому, что индийцы должны были зарегистрироваться добровольно, а не на основании какого-либо закона; что детали, которые должны были вноситься в новые свидетельства о регистрации, должны были согласовываться правительством с индийской общиной; и что если большинство индийцев пройдут добровольную регистрацию, правительство обязано будет отменить «Чёрный акт» и предпринять шаги в направлении легализации добровольной регистрации. В проекте не совсем чётко было прописано условие, обязывающее правительство отменить «Чёрный акт», поэтому я предложил изменения, которые, с моей точки зрения, внесли бы здесь полную ясность. Мистеру Картрайту не понравилось даже это небольшое дополнение, и он сказал: «Генерал Сматс считает этот проект окончательным. Я сам одобрил его и могу вас заверить, что если вы все пройдёте перерегистрацию, «Чёрный акт» будет отменён».

Я ответил: «Независимо от того, будет ли достигнуто соглашение или нет, мы всегда будем благодарны вам за вашу доброту и помощь. Я не хотел бы предлагать ни одного ненужного изменения в проекте. Я не возражаю против таких формулировок, которые могли бы поддержать престиж правительства. Но там, где сам я сомневаюсь в смысле, я непременно должен предложить поправки, и если, в конечном итоге, будет достигнуто соглашение, обе стороны должны иметь право вносить изменения в проект. Генералу Сматсу не нужно предъявлять нам ультиматум, заявляя о неизменности условий. Он уже направил на индийцев один пистолет в виде «Чёрного акта». Что он надеется получить, прицелившись во второй раз?».

Мистеру Картрайту нечего было на это возразить, и он пообещал передать мое предложение об изменениях генералу Сматсу.

Я посоветовался со своими товарищами по заключению. Им тоже не понравилась расплывчатость формулировок, но они выразили готовность пойти на соглашение, если генерал Сматс примет проект соглашения с моей поправкой. Вновь прибывшие в тюрьму принесли сообщение от лидеров на свободе, что я должен был принять любой подходящий компромисс, не дожидаясь их согласия. По моей просьбе м-р Люинг Куинн и м-р Тэмби Найду подписали проект вместе со мной и передали его мистеру Картрайту.

На второй или третий день, 30 января 1908 года, мистер Вернон, суперинтендант полиции Йоханнесбурга, отвез меня в Преторию на встречу с генералом Сматсом, и мы очень обстоятельно с ним побеседовали. Он сообщил мне о своём разговоре с мистером Картрайтом. Он поздравил меня с тем, что индийская община проявила стойкость даже после моего заключения, и сказал: «Я никогда не испытывал неприязни к вашему народу. Вы знаете, что я тоже адвокат. В своё время у меня было несколько индийских сокурсников. Но я должен выполнять свой долг. Европейцы хотят принять этот закон, и вы согласитесь со мной, что речь в основном идёт не о бурах, а англичанах. Я принимаю предложенные вами изменения в проекте соглашения. Я также посоветовался с генералом Ботой и заверяю вас, что отменю Азиатский закон, как только большинство из вас пройдут добровольную регистрацию. Когда законопроект, узаконивающий такую регистрацию, будет подготовлен, я вышлю вам его копию для внесения ваших правок. Мне не хотелось бы новых неприятностей, и я хочу уважить чувства вашего народа».

С этими словами генерал Сматс поднялся. Я спросил его: «Куда мне сейчас идти? А как насчёт других заключённых?»

Генерал рассмеялся и сказал: «Вы свободны с этой самой минуты. Я свяжусь с тюремным начальством, чтобы завтра утром освободили всех остальных. Но я бы посоветовал вам не устраивать слишком много митингов или демонстраций, поскольку это поставило бы правительство в неловкое положение».

Я ответил: «Вы можете быть уверены, что не будет ни одного собрания без существенной на то причины. Но мне, безусловно, придётся проводить собрания, чтобы разъяснить общине, как было достигнуто соглашение, каковы его характер и масштабы, и как оно скажется на нас».

«Подобные собрания, – сказал генерал Сматс, – можете проводить сколько угодно. Достаточно того, что вы поняли, чего я желаю в этом вопросе».

Было 7 часов вечера. В кармане у меня не было ни одного фартинга. Секретарь генерала Сматса дал мне деньги на проезд до Йоханнесбурга. Я счёл, что необходимости останавливаться в Претории и объявлять о соглашении тамошним индийцам не было. Все лидеры находились в Йоханнесбурге, который был нашей штаб-квартирой. До Йоханнесбурга оставался ещё один поезд, и я успел на него.

22. Противоборство и нападение

Я прибыл в Йоханнесбург около 9 часов вечера и отправился прямо к председателю Шету Юсуфу Миану. Ему было известно, что меня доставили в Преторию, и потому он с нетерпением меня ожидал. Тем не менее, для него и других оказалось приятным сюрпризом, что я пришёл без сопровождения надзирателя. Я предложил немедленно созвать собрание с таким количеством участников, которое возможно было собрать в кратчайшие сроки. Председатель и другие друзья согласились со мной. Большинство индийцев жили в одном квартале, так что оповестить их о намечающемся собрании было нетрудно. Дом председателя находился рядом с мечетью, и собрания обычно проводились на её территории. Таким образом, для проведения собрания не требовалось особых условий, достаточно было одного фонаря на платформе для выступающих. Собрание состоялось в тот же вечер, примерно в 11 или 12 часов. Несмотря на позднее уведомление и время, собралось около тысячи человек.

Перед началом собрания я объяснил присутствующим лидерам условия соглашения. Несколько человек выступили против него. Но все они осознали ситуацию, выслушав меня. Однако каждого из них мучило одно и то же сомнение: «А что, если генерал Сметс не сдержит слово? «Чёрный акт», возможно, не будет введён в действие, но он всегда будет висеть над нашими головами, словно дамоклов меч. Если мы добровольно регистрируемся, то тем самым сознательно сыграем на руку противнику и отдадим самый мощный наш козырь в сопротивлении закону. Правильный порядок улаживания ситуации заключается в том, чтобы сначала закон отменили, а уже затем призывали нас к добровольной регистрации».

Мне понравился этот аргумент. Я чувствовал гордость за здравомыслие, остроту ума и высокое мужество тех, кто его выдвигал, и видел, что именно из такого человеческого материала получаются сатьяграхи. В ответ на это я сказал: «Это прекрасный аргумент, и он заслуживает серьёзного рассмотрения. Было бы идеально, если бы мы зарегистрировались добровольно только после отмены Акта. Но в таком случае это не было бы компромиссом. Компромисс означает, что обе стороны идут на большие уступки во всём, кроме принципиальных вещей. Наш принцип заключается в том, что мы не подчинимся «Чёрному акту» и, следовательно, не будем делать даже таких вещей, которые в иных случаях не вызвали бы вопросов; и мы должны придерживаться этого принципа любой ценой. Правительство придерживается того принципа, что для предотвращения незаконного въезда индийцев в Трансвааль оно должно вынудить многих индийцев получить непередаваемые разрешения с опознавательными знаками и таким образом развеять подозрения и страхи европейцев. Правительство, в данном случае, будет твёрдо стоять на своём. До сих пор своим поведением мы признавали этот принцип правительства, и поэтому, даже если мы решим его опротестовать, мы не сможем этого делать, пока не найдём для этого новых оснований. Наша борьба была направлена не на подрыв этого принципа, а на снятие клейма, которое «Чёрный акт» накладывал на общину. Поэтому если мы сейчас на волне мощного движения, возникшего в нашей общине, предъявим какие-то новые

основания, это плохо скажется на нас как на сатьяграхах. У нас просто не окажется справедливых аргументов против теперешнего соглашения. Что касается аргумента о том, что мы должны оставаться во всеоружии вплоть до отмены Акта, то на него легко ответить. Сатьяграх должен распрощаться со своими страхами. Поэтому он никогда не побоится довериться своему противнику. Даже если противник обманет его двадцать раз, сатьяграх готов довериться ему в двадцать первый раз, ибо безоговорочное доверие к человеческой природе – его кредо. Опять-таки, разговоры о том, что, доверяя правительству, мы тем самым играем ему на руку, показывают незнание принципов сатьяграхи. Предположим, мы добровольно зарегистрировались, но правительство нарушило своё обещание и не отменило закон. Разве мы не можем тогда прибегнуть к сатьяграхе? Если мы будем отказываться предъявлять в надлежащее время свидетельства о регистрации, то наша регистрация не будет иметь никакого значения, и правительство не сможет отличить нас от индийцев, которые могут тайно проникнуть в Трансвааль. Поэтому, независимо от того, будет или не будет действовать закон, правительство не сможет осуществлять контроль над нами без нашего сотрудничества. Действие закона означает следующее: если мы отказываемся принять ограничение, которое правительство пытается с его помощью на нас наложить, мы подвергнемся наказанию, и, как правило, страх наказания действительно заставляет людей подчиняться ограничению. Но сатьяграх отличается от большинства людей тем, что если он подчиняется ограничению, то подчиняется добровольно, не потому что боится наказания, а потому что считает такое подчинение необходимым для общего блага. Именно такова наша позиция в отношении регистрации, на которую не может повлиять никакое вероломство, даже вопиющее, со стороны правительства. Мы сами являемся авторами этой нашей позиции, и только мы можем её изменить. Пока в наших руках оружие сатьяграхи, мы бесстрашны и свободны. И если кто-то полагает, что после этого община не будет такой же сильной, как сейчас, я должен сказать, что он не сатьяграх и не обладает никаким пониманием сатьяграхи. Это будет означать, что сегодняшняя сила общины не является реальной силой, а лишь результат сиюминутного возбуждения или опьянения, и если это так, то мы не заслуживаем победы. Даже если мы победим, плоды такой победы ускользнут из наших рук. Предположим, что правительство сначала отменит Акт, и мы добровольно регистрируемся. Предположим, что после этого правительство примет тот же самый возмутительный закон и заставит индийцев регистрироваться. Что тогда может помешать правительству продолжать действовать в том же духе? И если мы сомневаемся в своих силах сейчас, то же самое сомнение будет нас преследовать во всяком новом испытании. Поэтому, с какой бы точки зрения мы ни рассматривали это соглашение, можно сказать, что община не только не потеряет, но, напротив, выиграет от этого компромисса. И я также считаю, что когда наши оппоненты увидят наше смирение и чувство справедливости, они откажутся или, по крайней мере, смягчат свою позицию».

Таким образом мне удалось полностью удовлетворить одного или двух из маленькой группы несогласных, но тогда я даже помыслить не мог о буре, которой предстояло разразиться на нашем полуночном собрании. Я объяснил собранию все условия соглашения и сказал:

«Ответственность общины в значительной степени повышается благодаря этому соглашению. Мы должны зарегистрироваться добровольно, чтобы показать, что мы не намерены тайно или обманным путём завозить в Трансвааль хоть одного индийца. Если кто-то из нас не регистрируется, на данный момент он не будет наказан. Но это будет означать лишь то, что община не принимает это соглашение. Действительно необходимо, чтобы вы здесь подняли руки в знак принятия соглашения, но только этого будет недостаточно. Как только будут завершены мероприятия по новой регистрации, каждый из поднявших здесь свою руку должен будет сразу же получить свидетельство о регистрации. И точно так же, как многие из вас ранее добровольно вызвались объяснить нашим соотечественникам, почему они не должны были регистрироваться, так и сейчас вы должны будете объяснять общине, почему они должны это сделать. И только тогда, когда мы достойно выполним свою роль, мы пожнём настоящие плоды нашей победы».

Как только я закончил свою речь, поднялся мой друг-патхан и забросал меня кучей вопросов: «Должны ли мы сдавать отпечатки своих десяти пальцев в соответствии с соглашением?»

«И да, и нет. Я считаю, что все мы должны сдать отпечатки пальцев без малейших колебаний. Но те, кто, по соображениям совести, против их сдачи или считает, что это унизит их достоинство, не обязаны будут это делать».

«А как вы сами поступите?»

«Я решил сдать отпечатки десяти пальцев. Я не смогу не сдать их, советуя при этом делать это другим».

«Вы писали о об отпечатках десяти пальцев. Это вы говорили, что их требуют только от преступников. Это вы говорили, что борьба идёт вокруг отпечатков пальцев. Как всё это увязывается с вашим сегодняшним отношением?»

«И сейчас я полностью придерживаюсь всего того, что писал ранее об отпечатках пальцев. Даже сейчас я говорю, что в Индии отпечатки пальцев требуются от объявленных вне закона племён. Я говорил раньше и говорю сейчас, что было бы грехом давать даже наши подписи, не говоря уже об отпечатках пальцев, как того требует «Чёрный акт». Это правда, что я (и считаю, что поступил мудро) сделал большой акцент на том, чтобы убрали этот пункт об отпечатках пальцев. Было легче пробудить в общине чувство серьёзности ситуации, сославшись на такую новую и поразительную особенность закона, как отпечатки пальцев, чем на незначительные пункты, в которых мы уже пошли на уступки. И я убедился на собственном опыте, что община ситуацию сразу же осознала. Но теперь обстоятельства изменились. Я говорю со всей силой убеждения, на которую способен: то, что вчера было бы преступлением против народа, сегодня, в изменившихся обстоятельствах, является признаком джентльмена. Если вы потребуете от меня приветствовать вас силой и если я подчинюсь вам, я унижу себя в глазах общины, в ваших глазах, а также в своих собственных. Но если я по своей воле приветствую вас как брата или товарища, это свидетельствует о моем смирении и добром нраве,

и это будет засчитано мне как праведность перед Великим белым престолом (отсылка к «Откровению от Иоанна», *прим. перев.*). Поэтому я советую общине сдавать отпечатки пальцев».

«Мы слышали, что вы предали общину и продали её генералу Сматсу за 15000 фунтов. Мы никогда не сдадим отпечатки пальцев и не позволим сделать это другим. Пусть Аллах будет моим свидетелем: клянусь, что убью человека, который будет призывать других подавать заявление на регистрацию».

«Я могу понять чувства друзей-патханов. Я уверен, что никто другой больше не считает меня способным продать общину. Я уже сказал, что отпечатки пальцев не будут требовать у тех, кто поклялся их не сдавать. Я окажу всю возможную помощь любому патхану или другому человеку, который захочет зарегистрироваться, не сдавая отпечатков пальцев, и уверяю его, что он получит сертификат в полном порядке, без насилия над самим собой. Должен признаться, однако же, что мне не нравится угроза смерти, исходящая от друга. Я также считаю, что нельзя клясться убить другого во имя Всевышнего. Поэтому я полагаю, что этот друг дал клятву в сердцах. Как бы то ни было, независимо от того, выполнит он свою угрозу или нет, как главная сторона, ответственная за это соглашение, и как слуга общины, я считаю своим долгом взять на себя инициативу по сдаче отпечатков пальцев, и я молю Бога, чтобы Он милостиво позволил мне это сделать. Смерть от меня никуда не уйдёт. Смерть от руки брата, а не от болезни или какой другой причины, не может стать для меня поводом для печали. И если в этом случае я буду свободен от мыслей о гневе или ненависти к своему обидчику, знаю, что это только послужит моему вечному благу, и даже обидчик впоследствии осознает мою совершенную невиновность».

Вероятно, необходимо пояснить, почему были заданы все эти вопросы. Несмотря на то, что люди не испытывали ненависти к подчинившимся «Чёрному акту», их поступки жёстко и однозначно осуждались общиной, а также в «Индийском мнении». Так что жизнь с ними была не из приятных. Они и представить себе не могли, что основная часть общины «встанет на дыбы» и продемонстрирует такую мощь, которая заставит правительство пойти на компромисс. Но когда более 150 сатяграхов уже находились в тюрьме и начались разговоры о соглашении, для «черноногих» (ориг. «blacklegged» можно перевести и как «одураченные», *прим. перев.*) это уже было слишком. Среди них нашлись даже такие, кто желал, чтобы никакого соглашения не состоялось, и был готов всячески этому воспрепятствовать.

В Трансваале проживало всего несколько патханов, их общее число было едва более пятидесяти человек. Некоторые из них прибыли сюда как солдаты во время англо-бурской войны и, как и многие другие индийские и европейские солдаты, осели в этой стране. Некоторые из них были даже моими клиентами, и я также знал их и с других сторон. Патханы – неискушённый и доверчивый этнос. Они храбры «по умолчанию». Убить или быть убитым в их глазах – обычное дело, и если они на кого-нибудь разозлятся, то задают ему хорошую трёпку, а иногда даже убивают. В этом вопросе они не уважают человеческие права и всё такое. Даже с родным братом они поведут себя точно так же. Несмотря на то, что в Трансваале их было очень мало, всякий раз, когда они ссорились между собой, начиналась драка, и в таких случаях мне часто приходилось играть роль миротворца. Гнев патхана

становится особенно неконтролируемым, когда ему приходится иметь дело с тем, кого он считает предателем. Когда он пытается добиться справедливости, то происходит это только путём личного насилия. Эти патханы окунулись с головой в борьбу сатяграхи; никто из них не подчинился «Чёрному акту». Их было достаточно легко ввести в заблуждение. Скажем, достаточно было создать в их умах неправильное представление об отпечатках пальцев, чтобы тем самым их возбудить. Одного предположения о моей якобы коррумпированности, коль скоро я просил их сдать отпечатки пальцев, было достаточно, чтобы залить яд в уши патханов. В Трансваале также существовала другая часть индийцев, которые тайно въехали в без разрешения или были заинтересованы в том, чтобы тайно привозить туда других либо вовсе без разрешения, либо с поддельным разрешением. Эта партия также понимала, что соглашение повредит их интересам. Никому не нужно было предъявлять разрешение, пока длилась наша борьба, и поэтому эта группа могла без страха заниматься своим ремеслом и легко избегать тюрьмы. Чем дольше затягивалась борьба, тем для них было лучше. Таким образом, эта клика также могла подстрекать патханов. Теперь читатель должен понять, почему патханы так внезапно возбудились.

Однако вопросы патханов не произвели на собрание никакого впечатления. Я попросил собрание проголосовать по вопросу соглашения. Президент и другие лидеры были тверды. После этой моей перепалки с патханом президент произнёс речь, в которой объяснил суть соглашения и высказался о необходимости его одобрить. Затем он перешёл к выяснению мнений собравшихся, которые единогласно одобрило соглашение, за исключением нескольких присутствовавших патханов.

Я добрался до дома в два или три часа ночи. О сне не могло быть и речи, поскольку мне нужно было рано вставать и идти в тюрьму, чтобы освободить всех остальных. Я добрался до тюрьмы в семь утра. Суперинтендант получил необходимые распоряжения по телефону и уже ожидал меня. В течение часа все заключенные сатяграхи были освобождены. Председатель и другие индийцы тоже были там, чтобы их поприветствовать, и из тюрьмы все мы направились к месту проходящего в тот момент второго собрания. Тот день и несколько последующих дней прошли в пиршествах и разъяснениях общине условий соглашения. Хотя с течением времени, с одной стороны, смысл соглашения всё более прояснялся, с другой возникали всё новые и новые недоразумения. Мы уже обсуждали основные причины этого недопонимания. Кроме того, письмо, написанное нами генералу Сматсу, могло быть неверно истолковано. В дни борьбы единственные трудности возникают в отношениях с противником, и они всегда легко преодолимы. Все междоусобные распри и внутренние разногласия либо полностью прекращаются, либо теряют свою значимость пред лицом общей угрозы. Но с окончанием борьбы внутренняя ревность набирает прежнюю силу, и когда разногласия с противником улаживаются полюбовно, многие берутся за лёгкое и благодарное занятие – находить в этом урегулировании недостатки. В демократическом органе в порядке вещей давать исчерпывающие ответы на вопросы всех, от мала до велика. Даже после битвы с противником люди не усваивают этого ценного урока и им приходится улаживать недоразумения и конфликты с друзьями. В борьбе с противником есть своего рода опьянение и торжество. Но недоразумения и разногласия между друзьями – явление редкое и потому тем более болезненное. И всё же только в таких случаях человек

подвергается настоящему испытанию. Таков был мой опыт без каких-либо исключений, и я верю, что только благодаря прохождению через такие испытания я добился наибольшего прогресса в духовных вещах. Многие из тех, кто не понимал истинной природы нашей борьбы, пока она ещё продолжалась, полностью осознали её во время и после соглашения. Серьёзная оппозиция была ограничена патханами и не выходила за их круг. Регистратор Азиатского департамента вскоре был готов выдавать регистрационные свидетельства в соответствии с новым добровольным соглашением. Форма свидетельств была полностью изменена и согласована с сатьяграхами.

Утром 10 февраля 1908 года некоторые из нас собирались получить свидетельства о регистрации. Общине внушалась необходимость провести регистрацию с максимальной поспешностью. Было решено, что самыми первыми получат свидетельства лидеры, чтобы помочь другим преодолеть их робость, проверить, насколько были вежливы соответствующие служащие, и вообще проследить за всеми приготовлениями.

Когда я добрался до своего офиса, который по совместительству являлся офисом Ассоциации сатьяграхи, у входа я обнаружил Мира Алама и его спутников. Мир Алам был моим давним клиентом и часто обращался ко мне за советом во всех своих делах. Многие патханы в Трансваале нанимали рабочих для изготовления соломенных или койровых матрасов, которые они выгодно продавали, и Мир Алам не был здесь исключением. Его рост составлял около шести футов (около 180 см, *прим. перев.*), он был крупного и мощного телосложения. В тот день я впервые увидел Мир Алама не в офисе, а снаружи, и хотя наши глаза встретились, он впервые воздержался от приветствия. Я поприветствовал его, и он поприветствовал меня в ответ. Как обычно, я спросил его: «Как дела?», и насколько помню, он ответил, что всё в порядке. Однако, на его лице не было обычной улыбки. Я обратил внимание на его сердитый взгляд и мысленно это отметил. Я подумал, что что-то должно было произойти. Прибыл председатель г-н Юсуф Миан с другими друзьями, и мы отправились в Азиатский офис. Мир Алам и его спутники последовали за нами.

Регистрационный офис находился на площади Фон Брэндис, менее чем в миле от моего офиса. Направляясь к нему, мы должны были пройти по главным улицам. Когда мы шли по улице Фон Брэндис, возле дома господ Арнота и Гибсона, не более чем в трёх минутах ходьбы от регистрационного офиса, Мир Алам остановил меня и спросил: «Куда вы идёте?»

«Я собираюсь получить свидетельство о регистрации, сдав отпечатки десяти пальцев, — ответил я. Если вы пойдёте со мной, я устрою так, что сначала сертификат получите вы с отпечатками только двух больших пальцев, а затем тоже получу сертификат, предоставив свои отпечатки».

Едва я закончил последнее предложение, как на мою голову сзади обрушился сильный удар дубиной. Я тут же потерял сознание со словами «Хе Рама» (О, Боже!) и распластался на земле без малейшего понятия о том, что за всем этим последовало. Как я узнал потом, Мир Алам и его товарищи нанесли ещё несколько ударов и пинков, некоторые из которых были отбиты Юсуфом Мианом и Тхамби Найдун. В результате они тоже стали мишенью для их нападения. Шум привлек к месту происшествия нескольких европейских прохожих. Мир Алам и его спутники убежали, но были пойманы

европейцами. Тем временем, прибыла полиция и взяла их под стражу. Меня подхватили и отнесли в личный кабинет мистера Дж. К. Гибсона. Когда я пришёл в себя, то увидел склонившегося надо мной мистера Дока. «Как вы себя чувствуете?» – спросил он меня.

«Я в порядке, но чувствую боль в зубах и рёбрах. Где Мир Алам?»

«Его арестовали вместе с остальными».

«Их надо отпустить».

«Это всё очень хорошо. Однако же, Вы сейчас находите в чужом офисе с сильно попорченной губой и щекой. Полиция готова отвезти Вас в больницу, но если Вы поедете ко мне, мы с миссис Доук позаботимся о Вас, как только сможем».

«Да, пожалуйста, отвезите меня к себе. Поблагодарите полицейских за их предложение, но скажите им, что я предпочитаю поехать с Вами».

Мистер Чемни, регистратор азиатов, тоже прибыл на место. Меня перевезли в дом этого доброго священнослужителя на Смит-стрит и вызвали врача. Тем временем, я сказал мистеру Чемни: «Я намеревался прийти в ваш офис, сдать отпечатки десяти пальцев и получить первое свидетельство о регистрации, но Бог распорядился иначе. Однако теперь я вынужден вас попросить принести все бумаги ко мне и таким образом позволить мне зарегистрироваться. Я надеюсь, что Вы не позволите никому зарегистрироваться раньше меня».

«Зачем спешить?» – спросил мистер Чемни. «Доктор скоро будет на месте. Отдохните, пожалуйста, и всё будет хорошо. Я выдам сертификаты другим, но Ваше имя будет стоять во главе списка».

«Нет, не так», – ответил я. «Я обязался первым получить сертификат, если буду жив и если это будет угодно Богу. Поэтому я настаиваю на том, чтобы все бумаги принесли прямо сюда».

После этого мистер Чемни ушёл за бумагами.

Вторым делом я собирался отправить генеральному прокурору телеграмму, что я не считал Мира Алама и других виновными в нападении на меня, что в любом случае я не хотел, чтобы их преследовали, и выразить надежду, что ради меня их отпустят. Но европейцы из Йоханнесбурга направили генеральному прокурору решительное требование, в котором говорилось, что каких бы взглядов ни придерживался Ганди в отношении наказания преступников, они не могли быть реализованы в Южной Африке. Сам Ганди мог не предпринимать никаких шагов, но нападение было совершено не в укромном уголке, а в публичном месте, и поэтому являлось общественным преступлением. Несколько англичан тоже могли дать показания, и таким образом преступники должны были быть привлечены к ответственности. После этого генеральный прокурор вновь арестовал Мира Алама и одного из его товарищей, которые были приговорены к трём месяцам каторжных работ. Только меня не стали вызывать в качестве свидетеля.

Но вернёмся в больничную палату. Пока мистера Чемни отсутствовал, пришёл доктор Твэйтс. Он осмотрел меня и зашил раны на щеке и верхней губе. Он прописал какое-то лекарство для прикладывания к рёбрам и «приговорил» меня к молчанию до тех пор, пока не снимут швы. Он ограничил моё питание только жидкой пищей. Он заверил меня, что ни одна моя травма не являлась серьёзной и через неделю я смогу встать с постели и заняться своими обычными делами. Но ещё два месяца мне следовало соблюдать осторожность и избегать больших физических нагрузок. С этими словами он ушёл.

Таким образом общение мне было запрещено, но своим рукам я был по-прежнему хозяин. Я обратился к общине через председателя с короткой запиской следующего содержания и отправил её для публикации:

«Я чувствую себя хорошо в братских и сестринских руках мистера и миссис Доук. Надеюсь вскоре приступить к исполнению своих обязанностей.

Те, кто совершил этот поступок, не ведали, что творили. Они думали, что я поступаю неправильно. Они удовлетворили свои претензии единственным известным им способом. Поэтому я прошу не предпринимать против них никаких шагов.

В виду того, что нападение совершил мусульманин или мусульмане, индусы, возможно, почувствуют себя уязвленными. В этом случае они будут неправы перед миром и перед своим Создателем. Пусть пролитая сегодня кровь неразрывно скрепит две общины – искренне об этом молюсь. Да услышит меня Господь.

Что бы ни произошло, мой совет остаётся неизменным. Подавляющее большинство азиатов должны сдать отпечатки своих пальцев. Те, кто испытывает на этот счёт настоящие угрызения совести, будут освобождены от этой процедуры правительством. Просить большего – значит выставить себя детьми.

При правильно воспринятом духе сатьяграхи люди не должны бояться никого и ничего, кроме Бога. Поэтому никакая трусость не должна удерживать подавляющее большинство трезвомыслящих индийцев от выполнения своего долга. Было дано обещание отменить «Черный акт» в обмен на нашу добровольную регистрацию, и священный долг каждого добропорядочного индийца – оказать максимальную помощь правительству и колонии».

Мистер Чемни вернулся с бумагами, и я, не без боли, сдал отпечатки пальцев. Я увидел, что в глазах мистера Чемни стояли слёзы. Мне часто приходилось писать о нём с резкой критикой, но в тот момент я увидел, как сердце человека способно было смягчиться под влиянием обстоятельств.

Как, вероятно, понял читатель, всё это заняло не более нескольких минут. Мистер Док и его добрая жена очень хотели, чтобы я пребывал в полном спокойствии и мире, и потому им было больно наблюдать за моей умственной активностью после совершённого нападения. Они боялись, что это могло пагубно отразиться на моём здоровье. Поэтому они, подавая знаки и используя другие способы, удалили всех людей от моей кровати и попросили меня ничего не писать и не делать. Я всё

же написал просьбу, чтобы их дочь Олив, которая тогда была ещё маленькой девочкой, спела мне на сон грядущий мой любимый английский гимн «Веди, благой Свет» (ориг. «Lead, Kindly Light», *прим. перев.*). Мистеру Доуку это очень понравилось, и он с милой улыбкой выполнил мою просьбу. Он знаками подозвал Олив и попросил её встать у двери и спеть гимн в низком регистре. Вся эта сцена стоит перед моими глазами, пока я диктую эти воспоминания, и мелодичный голос маленькой Олив звучит в моих ушах.

Я включил в эту главу много такого, что читатель, вероятно, сочтёт не относящимся к моей основной теме. И всё же я не могу закончить эту главу без ещё одного воспоминания, слишком священного для меня, чтобы о нём не сказать. Как мне описать услугу, оказанную мне семьей Доук?

Мистер Джозеф Доке был баптистским священником, ему было тогда 46 лет. До приезда в Южную Африку он жил в Новой Зеландии. Примерно за шесть месяцев до этого нападения он пришёл ко мне в офис и вручил мне свою визитку. Увидев перед его именем слово «преподобный», я ошибочно решил, что он пришёл, как и некоторые другие священнослужители, чтобы обратить меня в христианство или посоветовать отказаться от нашей борьбы, или, быть может, выразить покровительственное сочувствие индийскому движению. Но не успели мы проговорить с мистером Доуком и минуты, как я увидел, насколько ошибочным оказалось моё впечатление о нём, и я мысленно перед ним извинился. Как выяснилось, благодаря газетам он был очень хорошо осведомлён о нашей борьбе. Он сказал: «Пожалуйста, считайте меня в этой борьбе своим другом. Я считаю своим религиозным долгом оказать вам посильную помощь. Если я и извлёк какой-то урок из жизни Иисуса, так это то, что нужно разделять и облегчать участь несущих тяжёлое бремя». Так состоялось наше знакомство, и каждый день знаменовал собой прогресс в нашей взаимной привязанности и близости. Имя мистера Доука будет ещё часто упоминаться по ходу этого повествования. Просто перед тем, как описывать ту нежную заботу, которой меня окружили Доуки, необходимо было сказать о нём несколько слов.

День и ночь тот или иной член семьи Доуков только и ждал, чтобы быть как-то мне полезным. Пока я там находился, дом превратился в «базар-вокзал». Все классы индийцев стекались туда, чтобы поинтересоваться моим здоровьем и, когда впоследствии доктор разрешил, меня навещали все, от скромного лоточника с корзиной в руках, в грязной одежде и пыльных ботинках, до председателя Ассоциации британских индийцев Трансвааля. Мистер Док принимал их всех в своей гостиной с неизменной вежливостью и вниманием. Пока я жил у Доков, всё их время было занято либо уходом за мной, либо приёмом сотен моих посетителей. Даже ночью мистер Доук тихонько заглядывал дважды или трижды в мою комнату. Живя под его гостеприимной крышей, я ни разу не почувствовала, что это не мой дом или что мои самые близкие могли бы позаботиться обо мне лучше, чем Доки.

Пусть читатель не подумает, что мистер Доук не страдал от того, что публично оказывал поддержку индийцам в их борьбе и приютил меня под своей крышей. Мистер Доук руководил баптистской церковью, и его средства к существованию зависели от пожертвований прихожан-европейцев, не все

из которых придерживались либеральных взглядов, и среди которых неприязнь к индийцам была, пожалуй, столь же распространена, как и среди прочих европейцев. Но мистера Дока это не волновало. Я обсуждал с ним эту деликатную тему в самом начале нашего знакомства. И он сказал: «Мой дорогой друг, что вы думаете о религии Иисуса? Я утверждаю, что являюсь смиренным последователем Того, который с радостью взойшёл на крест за веру, которая была в Нём, и чья любовь была широка, как мир. Я должен принять публичное участие в вашей борьбе, если вообще хочу представлять Христа европейцам, которые, как вы опасаетесь, из-за этого откажутся от меня. И я не буду жаловаться, если так и случится. Я действительно получаю от них средства к существованию, но Вы, конечно, не думаете, что моя жизнь неразрывно связана с ними, или что они являются моими попечителями. Мой хранитель – Бог, а они – всего лишь орудия Его всемогущей воли. Одним из неписанных условий моей связи с ними является то, что никто из них не может вмешиваться в мою религиозную свободу. Поэтому, пожалуйста, перестаньте беспокоиться на мой счёт. Я занимаю своё место рядом с Вами в этой борьбе не для того, чтобы обязать к чему-то индийцев, а по долгу службы. Дело, однако, в том, что я полностью обсудил этот вопрос со старшим священником. Я мягко сообщил ему, что если он не одобряет моих отношений с индийцами, то он может разрешить мне уйти в отставку и нанять вместо меня другого служителя. Но он не только попросил меня не беспокоиться об этом, но даже сказал несколько слов ободрения. Опять же, Вы не должны думать, что все европейцы одинаково питают ненависть к вашему народу. Вы не можете себе представить, сколь многие молчаливо сочувствуют вашим несчастьям, и Вы согласитесь со мной, что мне это должно быть известно доподлинно, учитывая мой статус (статус исповедника, *прим. перев.*)».

После этого дорогого моему сердцу объяснения я больше никогда не возвращался к этой теме. Позже, когда мистер Док погиб, выполняя своё святое призвание в Родезии, в то время, когда борьба сат্যাграхи всё ещё продолжалась, баптисты созвали собрание в своей церкви, на которое пригласили покойного мистера Качхалию и других индийцев, а также меня, и попросили меня выступить.

Спустя примерно десять дней я достаточно окреп, чтобы хорошо передвигаться, и тогда расстался с этой благочестивой семьей. Расставание было тяжелым испытанием не только для меня, но и для Доков.

23. Поддержка европейцев

Поскольку европейцев, активно поддерживающих индийцев в их борьбе, было довольно много, не будет лишним представить их читателю сразу, чтобы их имена по ходу дальнейшего повествования не вызвали лишних вопросов. Имена будут идти не в порядке оказанных заслуг или общественной популярности, которой пользовались их носители. Я упоминаю друзей в том порядке, в котором я лично с ними познакомился, а также с учётом различных направлений борьбы, в которых они помогали индийцам. Первый в списке – мистер Альберт Уэст, чьи отношения с общиной завязались ещё до начала нашей борьбы, а со мной – и того раньше. Когда я открыл свой офис в Йоханнесбурге, моей жены со мной не было. Читатель должен помнить, что в 1903 году я получил телеграмму из Южной Африки и покинул Индию незамедлительно, рассчитывая вернуться домой в течение года. Мистер Уэст часто посещал вегетарианский ресторан в Йоханнесбурге, где я регулярно обедал утром и вечером, и таким образом мы друг с другом познакомились. В то время он держал типографию в партнёрстве с другим европейцем. В 1904 году среди индийцев в Йоханнесбурге вспыхнула эпидемия чумы. Я был полностью занят уходом за больными, и мои посещения ресторана стали нерегулярны. Даже когда я туда приходил, то делал это раньше других гостей, чтобы уберечь их от опасности контакта со мной. Мистер Уэст забеспокоился, когда не застал меня там два дня подряд, поскольку узнал к тому времени из газет, что я ухаживал за чумными больными. На третий день, в 6 часов утра мистер Уэст постучал в мою дверь. Когда я открыл её, то увидел сияющее лицо мистера Уэста.

«Я так рад Вам!» – воскликнул он. «Я начал беспокоиться, когда перестал видеть Вас в ресторане. Скажите, могу ли я что-нибудь сделать для Вас?».

«Вы будете ухаживать за пациентами?» – спросил я в шутку. Он ответил: «Почему бы и нет? Я вполне готов».

Тем временем у меня уже были некоторые планы на его счёт: «Другого ответа я от Вас и не ожидал. Однако многие уже помогают ухаживать за больными, а кроме того, я хочу Вам предложить более тяжелую работу. Маданджит занимается чумой, так что некому сейчас присмотреть за типографией «Индийского мнения». Если Вы сможете поехать в Дурбан и возьмёте на себя хлопоты по типографии, это будет действительно большая помощь. Я, конечно, не могу Вам предложить особенно заманчивых условий. Десять фунтов в месяц и половина прибыли, если таковая будет – вот всё, что я могу предложить».

«Это довольно непростая задача. Я должен получить разрешение своего партнёра, а потом ещё нужно собрать кое-какие долги. Но неважно. Вы сможете подождать моего окончательного ответа до вечера?»

«Да, мы собираемся в парке в 6 часов».

Итак, мы встретились. Мистер Уэст получил разрешение своего партнёра. Он попросил меня позаботиться о сборе долгов и на следующий день вечерним поездом уехал в Дурбан. Через месяц я получил его отчёт о том, что типография не только не приносила прибыли, но являлась фактически убыточным предприятием. Там была большая задолженность, но бухгалтерский учёт вёлся плохо. Даже список имён и адресов подписчиков был неполным. Также имело место неэффективное управление в других отношениях. Мистер Уэст написал всё это не для того, чтобы пожаловаться. Поскольку его не заботила прибыль, он заверил меня, что не бросит начатое, но дал мне ясно понять, что газета ещё долго не будет окупаться.

Шри Маданджит приехал в Йоханнесбург, чтобы собрать подписчиков на газету, а также посоветоваться со мной по поводу управления типографией. Каждый месяц мне приходилось покрывать небольшой или большой дефицит, и поэтому я хотел иметь более точное представление о своих возможных обязательствах. У Маданджита не было опыта в печатном деле, и я с самого начала думал, что было бы неплохо прикрепить к нему опытного специалиста. В это время разразилась чума, и, поскольку Маданджит был подходящим человеком для таких экстренных ситуаций, я поручил ему ухаживать за больными. В конечном итоге, после моего неожиданного предложения мистеру Уэсту я попросил его взяться за типографию не просто на то время, пока длилась эпидемия, а на постоянной основе. Отсюда и его упомянутый отчёт о перспективах газеты.

Читатель знает, что и газету, и типографию перевезли в Феникс, где Уэст получал ежемесячное пособие в размере трёх, а не десяти фунтов, как это ранее было оговорено. Сам Уэст полностью согласился с этими новыми условиями. Я никогда не замечал в нём ни малейшего беспокойства по поводу денег. Я распознал в нём глубоко религиозный дух, хотя внешне он не был религиозен. Он был человеком совершенно независимого темперамента. Он говорил то, что думал, по любому поводу, и без колебаний называл вещи своими именами. В привычках он был достаточно прост. Когда мы впервые встретились, он не был женат, и я знаю, что он прожил жизнь в безупречной чистоте. Несколько лет спустя он поехал в Англию к родителям и вернулся оттуда женатым человеком. По моему совету он взял с собой жену, тещу и незамужнюю сестру, которые жили в крайней простоте и очень по-дружески общались с индийцами Феникса. Мисс Аде Уэст (или Девибехн, как мы её называли) сейчас тридцать пять лет, она всё ещё не замужем и ведёт самый благочестивый образ жизни. Она тоже оказывала новоприбывшим в Феникс немалые услуги. Она присматривала за маленькими детьми, учила их английскому языку, готовила на общей кухне, подметала в домах полы, вела счета, занималась сочинительством и другой работой в типографии. Она бралась за любую работу без малейших колебаний. Сейчас её уже нет в Фениксе, но это потому, что после моего возвращения в Индию работа в типографии не могла покрыть даже её небольшие личные расходы. Тёще Уэста сейчас более восьмидесяти лет. Она прекрасная швея и раньше помогала поселению своим портняжым мастерством. Все в Фениксе называли её бабушкой и чувствовали, что она действительно приходилась им родственницей. О миссис Уэст мне почти ничего не нужно говорить. Когда многие члены поселения в Фениксе оказались в тюрьме, Уэсты вместе с Маганлалом Ганди взяли на себя всё управление. Уэст занимался типографией и газетой, а в

отсутствие других, включая меня, отправлял Гокхале телеграммы, которые необходимо было послать из Дурбана. Когда даже Уэст был арестован (хотя его вскоре освободили), Гокхале заволновался и прислал Эндрюса и Пирсона.

Следом идёт мистер Ритч. Я уже писал о нём. Он начал работать в моём офисе ещё до начала нашей борьбы и затем отправился в Англию, чтобы мне в помощь заниматься адвокатской деятельностью. Он был движущей силой Южноафриканского комитета британских индийцев в Лондоне.

Третий – мистер Полак, с которым, как и с Уэстом, я случайно познакомился в ресторане. Он так же без колебаний оставил должность редактора отдела в «Трансваальском критике», чтобы присоединиться к сотрудникам «Индийского мнения». Все знают, как он ездил в Индию и в Англию в связи с нашей борьбой. Когда Ритч уехал в Англию, я вызвал Полака из Феникса в Йоханнесбург, где он стал моим помощником, а затем и полноправным адвокатом. Позже он женился. Люди в Индии знакомы с миссис Полак, которая не только никогда не чинила своему мужу препятствий, но и была ему идеальной помощницей во время борьбы. Полаки не во всём были согласны с нами в нашем движении несотрудничества, но они по-прежнему служат Индии в меру своих сил.

Следом идёт Герман Калленбах, с которым я тоже познакомился до начала нашей борьбы. По национальности он – немец, и если бы не разразившаяся большая война, сегодня он был бы в Индии. Этому человеку свойственны сильные чувства, широкие симпатии и детская простота. По профессии он архитектор, но нет такой работы, даже самой мелкой, выполнение которой он считал бы ниже своего достоинства. Когда я закрыл своё предприятие в Йоханнесбурге, то жил у него, но он обижался, когда я предлагал ему оплатить свою долю домашних расходов, и утверждал, что я способствовал значительной экономии в его домашнем хозяйстве. Это действительно было так. Но здесь не место описывать мои личные отношения с европейскими друзьями. Когда мы задумали разместить семьи заключённых сатяграхов в одном месте в Йоханнесбурге, Калленбах предоставил в пользование свою большую ферму без арендной платы. Но об этом позже. Когда Гокхале приехал в Йоханнесбург, община поселила его в коттедже Калленбаха, который очень понравился знаменитому гостю. Калленбах поехал со мной до Занзибара, чтобы проводить Гокхале. Он был арестован вместе с Полаком и перенёс тюремное заключение. Наконец, когда я покинул Южную Африку, чтобы встретиться с Гокхале в Англии, Калленбах был со мной. Но когда я вернулся в Индию, ему не разрешили поехать со мной в Индию из-за войны. Он, как и все другие немцы, был интернирован в Англию. Когда война закончилась, Калленбах снова поселился в Йоханнесбурге и вернулся к своей прежней профессии.

Теперь мне бы хотелось представить читателю благородную девушку, а именно мисс Соню Шлезин. Я не могу удержаться от соблазна привести здесь характеристику, данную ей Гокхале. Он обладал удивительной способностью распознавать людей. Я отправился с ним из залива Делагоа в Занзибар, и это путешествие дало нам прекрасную возможность побеседовать. Гокхале контактировал с индийскими и европейскими лидерами в Южной Африке, и когда он подробно анализировал для меня характеры главных действующих лиц разворачивающейся драмы, я прекрасно помню, что выше

всех европейцев и индийцев он оценил мисс Шлезин: «Я редко встречал такую чистоту, беззаветную преданность работе и огромную решимость, как в мисс Шлезин. Я был просто поражён тем, как она пожертвовала всем ради дела индийцев, не ожидая никакой награды. Если добавить ко всему этому её большие способности и энергию, то все эти качества в совокупности делают её бесценным активом для вашего движения. Это, конечно, будет лишним, но всё же я попрошу Вас её беречь». У меня была помощница, шотландская девушка мисс Дик, работавшая со мной в качестве стенографистки, которая являла собой образец преданности и чистоты. Много горького опыта выпало на мою долю, но среди помогавших мне людей мне также посчастливилось встретить большое количество европейцев и индийцев с высоким характером. Мисс Дик оставила меня, когда вышла замуж, и тогда мистер Калленбах представил мне мисс Шлезин и сказал: «Эту девушку доверила мне её мать. Она умна и честна, но очень озорна и импульсивна, возможно даже дерзка. Оставьте её себе, если сможете с ней справиться. Я отдаю её Вам не просто ради оплаты». Я был готов платить 20 фунтов в месяц хорошей стенографистке, но не имел ни малейшего представления о способностях мисс Шлезин. Мистер Калленбах предложил платить ей для начала 6 фунтов в месяц, и я охотно согласился. Мисс Шлезин вскоре познакомила меня со своей озорной натурой. Но уже через месяц она завоевала моё сердце. Она была готова работать в любое время дня или ночи. Для неё не было ничего непосильного или невозможного. Тогда ей было всего шестнадцать лет, но она покорила моих клиентов, а также коллег-сатьяграхов своей искренностью и готовностью служить. Эта юная девушка вскоре стала стражем и блюстителем нравственности не только моего офиса, но и всего движения. Всякий раз, когда у неё возникали сомнения в этической правильности какого-либо предлагаемого шага, она свободно обсуждала его со мной и не успокаивалась, пока не убеждалась в его необходимости. Когда все лидеры, кроме Шетха Качхалии, находились в тюрьме, мисс Шлезин контролировала крупные фонды и вела бухгалтерию. Она работала с работниками разных темпераментов. Даже Шет Качхалия обращался к ней за советом. Мистер Доук в то время руководил «Индийским мнением». Но даже он, джентльмен с почтенными сединами, не публиковал ничего без её согласия. Однажды он сказал мне: «Если бы мисс Шлезин не было рядом, не знаю, как бы я смог удовлетвориться даже своей собственной работой. Я не могу в достаточной мере оценить всю её помощь, и очень часто я принимал предложенные ею исправления или дополнения, вполне осознавая их уместность». Патханы, пателы, бывшие каторжники, индийцы всех классов и возрастов окружали её, искали её совета и следовали ему. Европейцы в Южной Африке обычно никогда не ездят в одном железнодорожном купе с индийцами, а в Трансваале им это даже запрещено. Однако мисс Шлезин, как и другие сатьяграхи, намеренно садилась в купе третьего класса для индийцев и даже оказывала сопротивление охранникам, которые пытались этому воспрепятствовать. Я боялся, а мисс Шлезин надеялась, что однажды её могут арестовать. Но хотя правительство Трансвааля знало о её способностях, её влиянии на «стратегию» движения и о той власти, которую она приобрела над сатьяграхами, они сочли нужным проявить рыцарство и не арестовывать её. Мисс Шлезин никогда не просила и не желала увеличения своего ежемесячного пособия в 6 фунтов. Я стал давать ей 10 фунтов, когда узнал о некоторых её желаниях. Это она тоже принимала с неохотой и категорически отказывалась получать больше. «Мне не нужно больше, и если я возьму что-то сверх необходимого, я

предам принцип, который привлёк меня к Вам», – говорила она, и мне нечего было возразить. Читатель, возможно, спросит, какое образование получила мисс Шлезин. Она сдала промежуточный экзамен в Капском университете и получила диплом первого класса по стенографии. Она закончила университет после окончания нашей борьбы и сейчас является директором правительственной школы для девочек в Трансваале.

Герберт Китчин был английским электриком с чистым, как хрусталь, сердцем. Он работал с нами во время англо-бурской войны и некоторое время был редактором «Индийского мнения». Он оставался брахмачари всю жизнь (сохранял обет безбрачия, *прим. перев.*).

Все лица, о которых я до сих пор упомянул, были в моём непосредственном, близком окружении. Их нельзя отнести к ведущим европейцам Трансвааля. Однако и от этого класса нам шла значительная помощь, и самым влиятельным здесь был г-н Хоскен, бывший президент Ассоциации торговых палат Южной Африки и член Законодательного собрания Трансвааля, с которым читатель уже знаком, и который был председателем Комитета европейских сторонников движения сатьяграхи. Когда наше движение было в самом разгаре, о прямых сношениях между сатьяграхами и местным правительством не могло быть и речи – не потому, что сатьяграхи принципиально возражали против такого общения, а потому, что правительство, естественно, не стало бы общаться с нарушителями своего закона. Этот Комитет выступал в качестве посредника между индийцами и правительством.

Я уже представил читателю мистера Альберта Картрайта. Ещё был преподобный Чарльз Филипс, который присоединился к нам и помогал нам так же, как и мистер Доук. Мистер Филипс долгое время был конгрегационным священником в Трансваале. Его добрая жена тоже оказывала нам большие услуги. Третьим священнослужителем, который отказался от своего духовного сана, чтобы стать редактором ежедневной газеты «Друг» в Блумфонтейне, и который поддерживал движение индийцев несмотря на сопротивление европейцев, был преподобный Дьюдени Дрю, один из лучших ораторов в Южной Африке. Таким же неожиданным для нас помощником оказался мистер Вир Стент, редактор газеты «Новости Претории». Однажды в ратуше Претории под председательством мэра состоялось массовое собрание европейцев с целью осудить индийское движение и поддержать «Чёрный акт». Мистер Вир Стент один выступил против подавляющего большинства противников индийцев и отказался сесть, несмотря на приказ президента. Европейцы угрожали ему расправой, но он стоял непоколебимо и вызывающе, как лев, и в конце концов собрание разошлось, не приняв своей резолюции.

Были и другие европейцы, чьи имена я мог бы назвать. Они никогда не упускали возможности оказать нам какую-то услугу, хотя формально не вступали ни в какие ассоциации. Но я предлагаю завершить эту главу несколькими словами о трёх дамах. Одной из них была мисс Хобхаус, дочь лорда Хобхауса, которая во время бурской войны попала в Трансвааль вопреки желанию лорда Милнера. Она одна из англичанок находилась среди бурских женщин, всячески их ободряла и призывала их стоять твёрдо, когда лорд Китченер создал свои знаменитые или, скорее, печально известные «концентрационные лагеря» в Трансваале и Свободном государстве. Она считала политику Англии в

отношении войны с бурами совершенно несправедной, и поэтому, как и покойный мистер Сид, желала и молила Бога о поражении Англии в этой войне. После всего этого служения бурам она была потрясена, узнав, что те же самые буры, которые совсем недавно всеми силами сопротивлялись несправедливости, теперь из-за невежественных предрассудков стали поступать несправедливо по отношению к индийцам. Буры смотрели на неё с большим уважением и привязанностью. Она была очень близка с генералом Ботой и делала всё возможное, чтобы убедить буров отменить «Чёрный акт».

Второй дамой была мисс Олив Шрайнер, о которой я уже упоминал в предыдущей главе. Фамилия «Шрайнер» настолько ассоциируется с Южной Африкой, что когда мисс Шрайнер вышла замуж, её муж взял её фамилию, чтобы (как мне сказали) её связь со Шрайнерами не была забыта среди южноафриканских европейцев. Это не было вызвано ложной гордостью, поскольку мисс Шрайнер была столь же проста в привычках и скромна духом, сколь и образованна. Мне посчастливилось быть знакомым с ней. Она не проводила никакого различия между собой и своими слугами-неграми. Будучи автором «Снов» и многих других произведений, она никогда не стеснялась готовить, мыть кастрюли или подметать пол. Она считала, что такой полезный физический труд не оказывает на неё отрицательного влияния, а стимулирует её литературные способности и способствует развитию чувства меры и разборчивости в мыслях и языке. Эта одарённая дама отдала делу индийцев все свои способности влиять на умы и сердца европейцев Южной Африки.

Третьей дамой была мисс Молтено, пожилая представительница древней южноафриканской семьи, которая также сделала всё возможное для индийцев.

Читатель, возможно, спросит, какие плоды принесло всё это сочувствие европейцев. Что ж, эта глава написана не для того, чтобы описать практические последствия их сочувствия. Работа некоторых из этих друзей, подробно описанная выше, по крайней мере свидетельствует о каких-то плодах. Сама природа сатяграхи такова, что плоды движения заключены уже в самом движении. Сатяграха основана на самопомощи, самопожертвовании и вере в Бога. Перечисляя имена наших европейских помощников, я лишь преследую цель выразить им благодарность сатяграхов. Это повествование поистине оказалось бы неполным без упоминания этих имён. Я далеко не исчерпал имена всех наших помощников, но выразил благодарность индийцев всем им, выбрав имена лишь нескольких. Во-вторых, как сатяграх я придерживаюсь веры в то, что любая деятельность, осуществляемая с чистым сердцем, обязательно принесёт плоды, независимо от того, видны они нам или нет. И последний, но не менее важный момент: я пытался показать, что все истинные движения спонтанно привлекают к себе всевозможную чистую и бескорыстную помощь. Если это ещё не ясно, я хотел бы пояснить, что во время борьбы за симпатии европейцев не было предпринято никаких других усилий, кроме тех (если это можно назвать усилиями), что связаны с приверженностью Истине и только Истине. Наши европейские друзья были привлечены силой, исходящей изнутри самого движения.

24. Дальнейшие внутренние сложности

Некоторое представление о наших внутренних сложностях читатель мог получить из 22-й главы. Когда на меня напали в Йоханнесбурге, моя семья жила в Фениксе и, естественно, они обо мне беспокоились. Но они не могли позволить себе поездки из Феникса в Йоханнесбург. Так что после выздоровления мне необходимо было с ними повидаться.

Я проводил много времени в разъездах между Трансваалем и Наталем в связи с работой. Из писем друзей из Наталя мне было известно, что в Натале также имело место глубокое недопонимание нашего соглашения с властями. Я получил целый ворох писем, адресованных «Индийскому мнению», в которых соглашение подвергалось жёсткой критике. Хотя борьба сатяграхи по-прежнему ограничивалась трансваальскими индийцами, мы должны были заручиться поддержкой и снискать симпатии индийцев Наталя. Борьба в Трансваале не была просто чем-то локальным, и трансваальские индийцы действительно вели борьбу от имени всех индийцев Южной Африки. Так что я должен был развеять царившее в Дурбане кривотолки и отправился туда при первой же возможности.

В Дурбане было созвано публичное собрание индийцев. Некоторые друзья заранее меня предупредили, что на этом собрании на меня могли напасть, и что мне следовало либо не присутствовать там вообще, либо, по крайней мере, принять какие-то меры для своей защиты. Но ни один из этих двух путей я не счёл для себя возможным. Если слуга из-за страха не откликается на зов хозяина, он лишается права называться слугой. Если боится наказания хозяина, он также не заслуживает и самого своего имени. Служение обществу ради самого служения – это как хождение по острию меча. Если слуга достаточно открыт к похвале, он не должен избегать критики. Так что я явился на собрание в назначенное время. Я объяснил собранию, как было достигнуто соглашение, а также ответил на вопросы собравшихся. Собрание состоялось в 8 часов вечера. Заседание уже почти закончилось, когда на платформу вбежал один из патханов с большой палкой. Одновременно с этим погас свет. Я мгновенно оценил ситуацию. Председатель Шет Дауд Мухамад встал на председательский стол и попытался унять беспорядки. Некоторые из находившихся на платформе окружили меня, чтобы защитить. Друзья, опасавшиеся нападения, пришли на собрание во всеоружии. У одного из них в кармане был револьвер, и он попытался сделать холостой выстрел. Тем временем Парси Рустомджи, заметивший сгущающиеся тучи, поспешил в полицейский участок и сообщил обо всём суперинтенданту Александру, который прислал полицейский отряд. Полицейские проложили ко мне путь через толпу и отвели меня к Парси Рустомджи.

На следующий день Парси Рустомджи собрал утром всех патханов Дурбана и попросил их изложить мне все свои претензии. Я встретился с ними и попытался с ними примириться, но без особого успеха. У них сложилось предвзятое мнение, что я предал общину, и пока существовал этот яд, с ними было бесполезно о чём-либо разговаривать. Раковую опухоль подозрительности нельзя вылечить аргументами и объяснениями.

В тот же день я выехал из Дурбана в Феникс. Друзья, охранявшие меня предыдущей ночью, не хотели отпускать меня одного и выразили своё намерение сопровождать меня. Я сказал: «Я не смогу помешать вам, если вы решите поехать. Но Феникс – это джунгли. И что вы сможете поделаться, если единственные обитатели этих джунглей не дадут нам даже еды?». Один из друзей ответил: «Это нас не испугает. Мы вполне можем сами о себе позаботиться. Кроме того, пока мы исполняем свою «воинскую повинность», кто нам помешает опустошить твой продуктовый склад?». В таком весёлом расположении мы отправились в Феникс.

Лидером моей самопровозглашённой личной гвардии был Джек Мудали, уроженец Наталя, тамилец, хорошо известный среди индийцев как тренированный боксер. Он и его товарищи считали, что ни один человек в Южной Африке, будь то белый или цветной, не мог сравниться с ним в этом виде спорта.

В Южной Африке у меня уже много лет была привычка спать под открытым небом, за исключением дождливых дней. В тот момент я также не был готов изменить этой привычке, и моя самопровозглашённая охрана решила дежурить всю ночь. Хотя я пытался отвлечь этих людей каким-то шутками, признаться, я был достаточно слаб, чтобы даже в их окружении чувствовать себя в безопасности. Мне интересно, смог ли бы я так же спокойно спать, если б у меня не было охраны? Полагаю, меня вполне мог напугать какой-нибудь шум. Я считаю, что у меня – непоколебимая вера в Бога. В течение многих лет я в своём сознании соглашался с утверждением, что смерть – это всего лишь большая перемена в жизни, и к ней всегда нужно быть готовым. Я сознательно и всеми силами пытался изгнать из своего сердца всяческий страх, включая страх смерти. И всё же я помню случаи в своей жизни, когда я не радовался при мысли о приближении смерти ровно так же, как можно было радоваться при встрече с давно потерянным другом. Так что человек часто остаётся слабым, несмотря на все свои усилия стать сильным, а знания, которые скапливаются у него в голове и не проникают в сердце, приносят мало пользы в критические жизненные моменты. Кроме того, сила внутреннего духа, как правило, сходит на нет, если человек получает и принимает внешнюю поддержку. Во всяких таких искушениях сат্যাграх должен быть всегда начеку.

В Фениксе у меня было только одно занятие: я много писал, чтобы устранить недоразумения в отношении нашего компромисса с властями, включая воображаемый диалог для «Индийского мнения», в котором я подробно разобрал озвученную против соглашения критику. Я считаю, что этот диалог произвёл хороший эффект. Недопонимания трансваальских индийцев достаточно быстро рассеялись, иначе они бы привели к действительно катастрофическим результатам. Им только оставалось либо принять, либо отвергнуть соглашение. Им предстояло испытание, как и мне, их лидеру и слуге. В конечном итоге почти не осталось индийцев, которые не зарегистрировались добровольно. Заявителей на регистрацию было так много, что правительственные чиновники были загружены работой, и за очень короткое время индийцы выполнили свою часть обязательств по соглашению. Даже правительство вынуждено было это признать, и я мог видеть, что недопонимание, хотя и очень острое, было весьма ограниченным по своим масштабам. Несомненно, было много шума, когда некоторые патханы довольно жёстко взяли правосудие в свои руки. Но при анализе

таких бурных проявлений часто оказывается, что они вообще не имеют под собой оснований и носят временный характер. И всё же это сила в сегодняшнем мире, поскольку мы склонны робеть пред лицом насилия. Однако если мы спокойно поразмыслим над этим, то обнаружим, что причин для беспокойства нет. Представим на минутку, что Мир Алам и его друзья не просто поранили моё тело, но убили его. Также предположим, что община решила сохранить спокойствие и невозмутимость и простила обидчиков, посчитав, что они, со всем их недомыслием, не могли поступить как-то иначе. Такое благородное отношение не только не повредило бы общине, но и принесло бы ей большую пользу. Все недоразумения исчезли бы, а у Мир Алама и его сторонников открылись бы глаза на ошибочность их пути. Что касается меня, то для сатьяграхи нет ничего лучше, чем встретить неожиданную смерть, совершая акт сатьяграхи, т.е. в стремлении к Истине. Все эти утверждения справедливы только для такой борьбы, как движение сатьяграхи, где нет места ненависти, где самодостаточность – в порядке вещей, где никто не полагается на другого, где нет лидеров и последователей, или где все являются лидерами и последователями, так что смерть борца, каким бы выдающимся он ни был, не ослабляет, а только усиливает борьбу. Такова чистая, исконная природа сатьяграхи, не реализованная на практике, поскольку не все из нас смогли отбросить ненависть. На практике секрет сатьяграхи понимают не все, и многие склонны несознательно следовать за немногими. Опять же, как заметил Толстой, борьба в Трансваале была первой попыткой применить принцип сатьяграхи к человеческим массам или телам. Я не знаю ни одного исторического примера чистой массовой сатьяграхи. Однако я не могу сформулировать какое-либо определённое мнение по этому вопросу, поскольку мои познания в истории ограничены. По сути, нам не нужны исторические прецеденты. Если принять основополагающие принципы сатьяграхи, то станет ясно, что описанные мною последствия неизбежно последуют за ней, как ночь за днём. Не стоит отвергать такую ценную силу на том основании, что её трудно или невозможно воплотить на практике. Грубая сила была доминирующим фактором в мире на протяжении тысячелетий, и человечество всё это время пожинало её горькую жатву. Мало надежды на то, что в будущем что-то может измениться. Если свет может возникнуть из тьмы, то и любовь может родиться из ненависти.

25. Вероломство генерала Сматса

Читатель уже кое-что узнал о наших внутренних сложностях, в описании которых мне, по большей части, пришлось говорить о событиях из своей собственной жизни. Однако этого нельзя было избежать, поскольку мои собственные сложности, связанные с сатяграхой, стали в равной степени и сложностями всего движения. Теперь вернёмся к внешним событиям.

Я стыжусь заголовка этой главы, как и её содержания, поскольку в ней идёт речь о косности человеческой природы. Уже в 1908 году генерал Сматс считался самым выдающимся лидером Южной Африки, а сегодня он занимает высокое положение среди политиков Британской империи и даже всего мира. Я не сомневаюсь в его больших способностях. Генерал Сматс – способнейший генерал, администратор и юрист. Многие другие политики приходили и уходили из Южной Африки, но с 1907 года и по сей день бразды правления практически всё время находились в руках этого джентльмена, и даже сегодня он занимает уникальное положение в стране. Прошло уже девять лет с тех пор, как я покинул Южную Африку. Я не знаю, как сейчас народ Южной Африки прозывает генерала Сматса. Его христианское имя – Ян, и в мою бытность в Южной Африке его называли «Стройный Янни». Многие английские друзья просили меня быть с генералом Сматсом настороже, поскольку он был очень умным человеком, и подлинный смысл его слов, как бы их ни истолковывали другие в выгодном для себя свете, был понятен только ему одному. Действительно, при случае он отбрасывал толкования обеих сторон, давал новое толкование, проводил его в жизнь и подкреплял такими хитроумными аргументами, что стороны на время убеждались в своей неправоте и, соответственно, правоте толкования генерала Сматса. Что касается событий, о которых сейчас пойдёт речь, мы верили и прямо говорили, что генерал Сматс нас обманул. Даже сегодня я рассматриваю произошедшее как вероломство по отношению к индийской общине. Однако я допускаю, что вероломство генерала, возможно, не было преднамеренным: а каком вероломстве может идти речь, если намерение отсутствует? Мой опыт общения с генералом Сматсом в 1913–1914 годах не казался мне отрицательным тогда и не кажется таковым и сегодня, если я вспоминаю о всём произошедшем с чувством отстранённости. Вполне возможно, что генерал Сматс не был виновен в преднамеренном вероломстве, ведя себя с индийцами так, как он это делал в 1908 году.

Все эти предварения были необходимы, чтобы не совершить по отношению к генералу Сматсу несправедливости, а также в оправдание слова «вероломство» в связке с его именем и с тем, о чём я собираюсь рассказать в данной главе.

В предыдущей главе мы увидели, как индийцы добровольно зарегистрировались, чтобы удовлетворить правительство Трансвааля. Теперь правительство должно было отменить «Чёрный акт», и если бы оно это сделало, борьба сатяграхи на этом бы и завершилась. Это бы не означало отмену всего антииндийского законодательства в стране или удовлетворение всех жалоб индийцев, которые должны были бы по-прежнему отстаивать свои права конституционными методами.

Сатьяграха была направлена исключительно на рассеивание новой зловещей тучи на горизонте в виде «Чёрного акта», который, в случае принятия его индийцами, унизил бы их и подготовил почву для их окончательного исчезновения сначала из Трансвааля, а затем и из всей Южной Африки. Но вместо того, чтобы отменить «Чёрный акт», т.е. сделать шаг назад, генерал Сметс сделал только шаг вперёд. Он сохранил «Чёрный акт» в своде законов и ввёл в законодательный орган меру, признающую действительной добровольную регистрацию, то есть были признаны сертификаты, уже выданные в соответствии с этим законом. Закон не распространялся на владельцев этих сертификатов, но сохранил все положения о регистрации азиатов. Таким образом, в силу вступили два параллельных законодательных акта, преследующих одну цель, а только что прибывшие индийцы, равно как и более поздние заявки на регистрацию, по-прежнему подпадали под действие этого закона.

Я был поражён, когда прочитал этот законопроект. Я не знал, как мне теперь показываться на глаза общине. Для друга-патхана, который жёстко раскритиковал меня на нашем полуночном собрании, теперь открывались широкие возможности. Однако я должен сказать, что этот удар не только не поколебал, но и укрепил мою веру в сатьяграху. Я созвал собрание нашего Комитета и объяснил им текущую ситуацию. Некоторые из членов комитета насмешливо сказали: "Ну вот! Мы часто говорили вам, что вы слишком наивны и верите всему, что вам говорят. Это не имело бы большого значения, если бы это касалось лично вас, но теперь вся община должна страдать от вашего легковерия в общественных вопросах. Сейчас очень трудно пробудить в людях тот же дух, что и раньше. Вы знаете, из какого теста слеплены индийцы, это люди, чей сиюминутный энтузиазм нужно ковать, лишь пока горячо. Если упустить этот момент, пиши пропало».

В этих колких словах не было злобы. Подобные слова звучали в мой адрес и в других случаях. Я ответил с улыбкой: «То, что вы называете моим легковерием, является неотъемлемой моей частью. Это не легковерие, а доверие, и долг каждого из нас, как ваш, так и мой, доверять своим товарищам. И даже если допустить, что это действительно мой недостаток, вы должны принимать меня таким, каков я есть, с моими недостатками не меньше, чем с моими достоинствами. Но я не могу согласиться с тем, что энтузиазм общества – это всего лишь какая-то временная вспышка. Вы должны помнить, что вы, как и я, являетесь членами общины. Я посчитаю себя оскорблённым, если вы так охарактеризуете мой личный энтузиазм. Я полагаю, что вы тоже считаете себя исключением из общего правила, которое вы пытаетесь сформулировать. Но если это не так, воображая других такими же слабовольными, как и вы сами, вы тем самым унижаете общину. В такой великой борьбе, как наша, всегда есть приливы и отливы. Каким бы полным ни было взаимопонимание с противником, что может помешать ему совершить предательство? Среди нас много таких, кто передаёт другим долговые расписки. Что может быть яснее и свободнее от сомнений, чем чья-то подпись под документом? И всё же на таких людей должны подавать в суд. Они, в свою очередь, будут возражать и применять всевозможные способы защиты. Наконец, появляются указания и постановления о наложении ареста, исполнение которых занимает много времени и стоит больших хлопот. Кто может гарантировать, что подобное вопиющее поведение не повторится? Поэтому я бы посоветовал вам терпеливо разобраться с проблемой, которая перед нами встала. Мы должны подумать, что мы можем

сделать в случае, если борьба будет возобновлена, то есть, что каждый сатьяграх может сделать независимо от поступков других. Лично я склонен думать, что если мы останемся верны себе, другие также не окажутся в проигрыше, и даже если они склонны поддаться слабости, их укрепит наш личный пример».

Я думаю, этого было достаточно, чтобы примирить благонамеренных скептиков, которые сомневались в возобновлении нашей борьбы. Примерно в это время г-н Качхалия начал проявлять свои способности и выходить на передний план. По каждому вопросу он высказывал своё взвешенное, очень немногословное мнение, а после придерживался его до конца. Я не помню ни одного случая, когда бы он проявил слабость или усомнился в конечном результате. Наступил момент, когда Юсуф Миан оказался не готов вести наш корабль через бушующий шторм. Все мы единогласно провозгласили нашим капитаном Качхалию, и с тех пор он непоколебимо стоял на своём капитанском мостике, со всем бременем ответственности, до самого конца. Он бесстрашно переносил трудности, которые испугали бы почти любого другого человека на его месте. В ходе борьбы наступил момент, когда для некоторых посадка в тюрьму оказывалась чем-то вроде заслуженного отдыха, в то время как оставшиеся на свободе должны были досконально во всём разбираться, принимать те или иные меры и иметь дело со всеми типами людей, что было гораздо сложнее.

Позже европейские кредиторы Качхалии поймали его словно в петлю. Многие индийские торговцы полностью зависят в своей торговле от европейских фирм, которые продают им товары на многие сотни тысяч рупий в кредит под простое личное поручительство. Сам факт, что европейцы настолько доверяют индийским торговцам, является прекрасным доказательством честности индийских торговцев, подавляющей их массы. Качхалия также задолжал крупные суммы многим европейским фирмам, которые сразу же попросили его исполнить обязательства, будучи прямо или косвенно подстрекаемы к этому правительством. Эти фирмы дали Качхалии понять, что они не будут требовать немедленной оплаты, если он оставит движение сатьяграхи. В противном случае они боялись потерять свои деньги, так как он мог быть арестован в любой момент, и поэтому потребовали немедленной выплаты наличными. Качхалия мужественно ответил, что его участие в индийской борьбе – это его личное дело, которое не имеет никакого отношения к его торговле. Он считал, что его религия, честь его общины и его собственное чувство достоинства были связаны с этой борьбой. Он поблагодарил своих кредиторов за поддержку, которую они ему оказали, но отказался придавать чрезмерное значение этой поддержке, как и своей торговле. Их деньги были в полной безопасности, и пока он был жив, он собирался вернуть их сполна любой ценой. Однако если бы с ним что-нибудь случилось, его акции, как и причитающиеся ему долговые расписки, оказались бы в их распоряжении. Поэтому он хотел, чтобы его кредиторы продолжали доверять ему, как и прежде. Это был совершенно справедливый аргумент, и твёрдость Качхалии была дополнительной причиной для кредиторов доверять ему, но в данном случае она не произвела на них впечатления. Можно пробудить ото сна человека, который действительно спит, а не того, кто только притворяется спящим. Именно так обстояло дело с этими европейскими торговцами, единственной целью которых было оказать чрезмерное давление на Качхалию. За свои деньги никакого страха у них не было.

Собрание кредиторов состоялось в моём офисе 22 января 1909 года. Я ясно дал им понять, что давление, которое они оказывают на Качхалию, являлось чисто политическим и было недостойно торговцев, и они были в ярости от этого моего замечания. Я показал им баланс Качхалии Шета и доказал, что они могут получить всё, что им причиталось. Опять же, если бы кредиторы захотели продать дело кому-то другому, Качхалия был готов передать покупателю товары и долговые расписки. Если бы это их всё ещё не устроило, кредиторы могли бы забрать запасы товаров из магазина Качхалии по себестоимости, а если какая-то часть их долгов оставалась бы при этом непокрытой, они могли забрать причитающиеся ему долговые расписки, достаточные для покрытия дефицита. Читатель может видеть, что, согласившись на это, европейские купцы ничего бы не потеряли. Я уже не раз заключал подобные соглашения с кредиторами некоторых моих клиентов, оказавшихся в тяжёлом положении. Но торговцы не искали справедливости. Они хотели сломить Качхалию. Он не поддался, против него была возбуждена процедура банкротства, и он был объявлен несостоятельным, хотя его имущество показывало значительное превышение активов над обязательствами.

Это банкротство не стало для Качхалии пятном позора, скорее, наоборот. Оно повысило его престиж в обществе, и все поздравляли его с твёрдостью и мужеством. Но такой героизм встречается редко. Обычный человек неспособен понять, что финансовая несостоятельность не означает непременно общую несостоятельность или позор, но может оказаться честью и украшением. Качхалия же понял это сразу. Многие торговцы подчинились «Чёрному акту» лишь из страха оказаться неплатёжеспособными. При желании Качхалия мог бы избежать банкротства, не оставляя при этом борьбу (об этом не могло быть и речи) и просто заняв у своих многочисленных индийских друзей, которые с радостью помогли бы ему преодолеть этот кризис. Но спасти свою торговлю подобными средствами было не в его правилах. Он разделял со всеми сатяграхами опасность в любой момент оказаться за решёткой. Поэтому вряд ли было бы правильно занимать у товарища-сатяграха, чтобы расплатиться со своими европейскими кредиторами. Среди его друзей были и некоторые «черноногие» (подчинившиеся «Чёрному акту», *прим. перев.*), которые были готовы прийти ему на помощь. Более того, один или два из них эту помощь ему предложили. Но принять их предложение было бы равносильно признанию возмутительного закона, его справедливости. Поэтому он решил от их помощи отказаться.

Опять-таки, мы подумали, что если Качхалия позволит объявить себя несостоятельным, то его несостоятельность послужит щитом для других, ибо если не во всех, то, по крайней мере, в подавляющем большинстве случаев объявления несостоятельности кредитор что-то теряет. Он вполне доволен, если получает 10 шиллингов с каждого фунта, а 15 считает не хуже 20. Крупные торговцы в Южной Африке обычно получают прибыль в 25 процентов. Поэтому они считают, что 15 шиллингов с фунта не хуже полной оплаты. Но поскольку 20 шиллингов с фунта почти никогда не удаётся получить из имущества банкрота, кредиторы не стремятся довести своего должника до состояния неплатёжеспособности. В этой связи, как только Качхалия был объявлен несостоятельным, существовала полная вероятность того, что европейские торговцы перестанут угрожать другим

торговцам-сатяграхам, которые были их должниками. Именно так и произошло. Европейцы хотели заставить Качхалию либо отказаться от борьбы, либо полностью расплатиться с ними наличными. Им не удалось достичь ни того ни другого, и фактический результат оказался противоположным тому, на который они рассчитывали. Они были ошеломлены этим первым случаем банкротства уважаемого индийского торговца, и это чувство их потом не оставляло. Через год кредиторы получили 20 шиллингов с каждого фунта из торгового запаса Качхалии Шета, и это был первый случай в Южной Африке, насколько мне известно, когда кредиторам было полностью выплачено из имущества несостоятельного должника. Таким образом, даже во время борьбы Качхалия пользовался большим уважением среди европейских купцов, готовых предоставить ему любое количество товаров несмотря на то, что он стоял во главе движения. Но Качхалия с каждым днём набирал силу и разумно оценивал ход борьбы. Никто теперь не мог сказать, как долго борьба могла продлиться. Поэтому после процедуры банкротства мы решили, что Шет не должен брать на себя никаких крупных торговых обязательств и умерить свою деятельность рамками, достаточными для обеспечения себя хлебом насущным. Поэтому он не воспользовался предложением европейских купцов.

Нет необходимости говорить, что все эти события в жизни Качхалии Шета произошли не сразу после заседания Комитета, о котором говорилось выше. Хронологически Качхалия стал председателем через некоторое время после возобновления борьбы (10 сентября 1908 года), а несостоятельным его объявили примерно через пять месяцев.

Но вернёмся к заседанию Комитета. Когда заседание закончилось, я написал письмо генералу Сматсу, в котором говорилось, что его новый законопроект являлся нарушением достигнутого нами компромисса, и обратил его внимание на следующий отрывок из его речи в Ричмонде, произнесённой им через неделю после заключения соглашения: «Второе условие индийцев заключалось в том, что они никогда не зарегистрируются, пока закон не будет отменён. Он сказал им, что закон не будет отменён до тех пор, пока в стране находится хоть один незарегистрированный азиат. Пока каждый индеец в стране не регистрируется, закон не будет отменён». Политики вообще не отвечают на вопросы, которые ставят их в затруднительное положение, а если и отвечают, то прибегают к иносказаниям. Генерал Сматс был мастером этого искусства. Вы можете писать ему сколько угодно раз, можете произносить любое количество речей, но вы не сможете вывести его из себя. Закон вежливости, требующий от джентльмена отвечать на полученные письма, не связывал генерала Сматса, и я не получил ни одного удовлетворительного ответа на свои письма.

Я встретился с Альбертом Картрайтом, нашим посредником. Он был глубоко потрясён и сказал: «Я совершенно не понимаю этого человека. Я прекрасно помню, что он обещал отменить Азиатский закон, что он сделает всё возможное, но вы знаете, что ничто не может сдвинуть генерала Сматса с места, когда он уже занял определённую позицию. Газетные статьи он ни во что ни ставит. Поэтому, боюсь, что не смогу вам ничем помочь». Я также встретил мистера Хоскена, который написал генералу Сматсу, но получил лишь очень неудовлетворительный ответ. Я писал статьи в «Индийское мнение» под заголовком «Нечестная игра», но что это было для грозного генерала? К философу или бессердечному человеку можно применить любые горькие эпитеты, но что ему они? Он будет

следовать своему пути без колебаний. Я не знаю, какое из этих двух названий подошло бы генералу Сматсу. Я должен признать, что в его поведении есть некая философия. Когда я переписывался с ним и писал в газете против него, я помню, что считал генерала Сматса бессердечным человеком. Но это было только началом борьбы, только второй её год, тогда как ей суждено было продлиться целых восемь лет, в течение которых у меня было множество случаев встретиться с ним. После наших последующих бесед у меня часто было ощущение, что общее мнение в Южной Африке о хитрости генерала Сматса, возможно, не соответствовало действительности. Однако, я уверен в двух вещах. Во-первых, у него есть некоторые принципы в политике, которые не совсем аморальны. Во-вторых, в его политике есть место и для хитрости, а иногда — для извращения истины.

26. Возобновление борьбы

С одной стороны, мы пытались убедить генерала Сматса выполнить его часть соглашения; с другой – с энтузиазмом занимались просвещением общины. Повсюду мы находили людей, готовых возобновить борьбу и сесть в тюрьму. Повсюду проводились собрания, где мы объясняли содержание переписки, которую мы вели с правительством. Еженедельная колонка в «Индийском мнении» держала индийцев в курсе текущих событий. Таким образом они были предупреждены о предстоящем провале добровольной регистрации и были призваны сжечь свои сертификаты, если «Чёрный акт» не будет в конечном итоге отменён, дабы показать правительству свою твёрдость, бесстрашие и готовность отправиться в тюрьму. Отовсюду собирали сертификаты с тем, чтобы сжечь их в костре.

Правительственный законопроект, о котором мы упоминали в предыдущей главе, должен был пройти через законодательный орган. Туда от имени индийской общины была отправлена петиция, но тщетно. Наконец, сатьяграхи направили правительству «ультиматум». Это слово принадлежит не сатьяграхам, а генералу Сматсу, который именно так охарактеризовал адресованное ему письмо, демонстрирующее решимость общины. Генерал сказал: «Люди, которые таким образом угрожают правительству, не имеют ни малейшего представления о его мощи. Мне жаль только, что некоторые агитаторы пытаются возбудить бедных индийцев, которые плохо закончат, поддавшись на эти уговоры». Как писали по этому поводу газетные репортёры, многие члены Трансваальской ассамблеи стали красными от гнева из-за этого «ультиматума». Единодушно и с энтузиазмом они приняли законопроект, предложенный генералом Сматсом.

Так называемый ультиматум можно резюмировать следующим образом: «Суть соглашения между индийцами и генералом Сматсом заключалась в том, что если индийцы добровольно зарегистрируются, то он, со своей стороны, внесёт в Законодательное собрание законопроект о подтверждении этой регистрации и отмене Азиатского закона. Хорошо известно, что индийцы добровольно регистрировались к удовлетворению правительства, и потому Азиатский закон должен быть отменён. Община направила множество писем генералу Сматсу и предприняла все возможные юридические шаги, чтобы добиться справедливости, но пока безрезультатно. В то время, как законопроект проходит через Законодательное собрание, индийские лидеры обязаны сообщить правительству о сильном недовольстве, которым охвачена большая часть общины. Мы с сожалением вынуждены заявить, что если Азиатский закон не будет отменён в рамках соглашения, и если решение правительства на этот счёт не будет сообщено индийцам до определённой даты, собранные индийцами сертификаты будут сожжены, и они смиренно, но твёрдо примут на себя последствия этого».

Одна из причин, по которой это письмо считалось ультиматумом: в нём был указан срок для ответа. Другая причина заключалась в том, что европейцы считали индийцев дикарями. Если бы европейцы

сочли индийцев равными себе, это письмо показалось бы им совершенно вежливым, и они отнеслись бы к нему со всей серьезностью. Но тот факт, что европейцы считали индийцев варварами, стал достаточной причиной для написания подобного письма. Индийцы должны были либо признать себя варварами и согласиться на то, чтобы их в таком качестве притесняли, либо предпринять какие-то активные контршаги. Это письмо было первым из таких шагов. Если бы за письмом не стояла железная решимость действовать в соответствии с ним, его сочли бы дерзостью, а индийцы показали бы себя безрассудной, глупой расой.

Читатель, возможно, обратит внимание на то, что обвинение нас в варварстве оказалось беспочвенным ещё в 1906 году, когда была дана клятва сатьяграхи. А раз так, в этом письме не было ничего такого, что придало бы ему какое-то особое значение. Однако если призадуматься, несостоятельность обвинения нас в варварстве была продемонстрирована именно этим письмом. Следует помнить, что клятва сатьяграхи имела место почти случайно, а последующие тюремные заключения стали неизбежным её следствием. Тогда община в значительной степени возмужала, но бессознательно. Когда же писалось это письмо, было сознательное намерение претендовать на полноту знания и высокий статус. В тот момент, как и прежде, целью была отмена «Чёрного акта». Однако изменился стиль языка, выбранные методы работы и многое другое. Когда раб приветствует хозяина, а друг – друга, форма в обоих случаях одна и та же, но между ними существует различие, позволяющее стороннему наблюдателю сразу распознать, раб это или друг.

После того, как был отправлен ультиматум, мы провели немало времени в обсуждениях. Не сочтут ли наше требование дать ответ в течение указанного срока наглостью? Не случится ли так, что это только вызовет у правительства раздражение, и оно отвергнет наши условия, которые, в противном случае, могли бы быть им приняты? Не было ли бы достаточным опосредованно объявить правительству о решении общины? Приняв во внимание все эти соображения, мы единогласно пришли к выводу, что должны были поступить так, как сочли нужным и правильным. Мы должны были рискнуть быть обвинёнными в невежливости. Мы должны были пойти на риск, что правительство в порыве гнева отвергнет то, на что, в противном случае, оно бы согласилось. Если мы не признавали свою неполноценность как человеческих существ в любом смысле этого слова, и если мы верили, что обладали неограниченной способностью выдержать любые страдания в течение любого периода времени, мы должны были безо всяких колебаний идти по намеченному нами прямому курсу.

Читатель, возможно, увидит, что в этом предпринятом нами шаге была некоторая новизна и своеобразие. Он вызвал резонанс в Законодательном собрании и в европейских кругах за его пределами. Одни поздравляли индийцев с их мужеством, другие очень сердились и требовали наказать индийцев за их дерзость. И те, и другие своим поведением признали новизну нашего шага. Это письмо вызвало даже больший ажиотаж, чем возникновение движения сатьяграхи, которое, в своё время, тоже было чем-то новым. Причина очевидна. Когда только начиналась сатьяграха, никто не знал, на что были способны индийцы, и поэтому ни подобное письмо, ни язык, на котором оно было написано, для начального этапа бы не подошли. Но сейчас община уже прошла своё боевое

крещение. Все увидели, что индийцы были способны претерпевать трудности, связанные с исправлением своих недостатков и ошибок, и поэтому язык «ультиматума» выглядел вполне уместным и естественным в данных обстоятельствах.

27. Костёр из сертификатов

Срок ультиматума истекал в тот же день, когда новый Азиатский законопроект должен был утвердиться Законодательным собранием. Через два часа после истечения срока было создано собрание для проведения публичной церемонии сожжения сертификатов. Комитет сатяграхи посчитал, что собрание не будет бесплодным, даже если вдруг правительство даст положительный ответ, поскольку в таком случае собрание можно было бы использовать, чтобы объявить общине о положительном решении правительства.

Однако комитет полагал, что правительство вообще не ответит на ультиматум. Мы все прибыли на место встречи заранее и договорились, что ответ правительства, если таковой случится, будет нам телеграфирован и оперативно доставлен на встречу, назначенную на четыре часа на территории мечети Хамидия в Йоханнесбурге (16 августа 1908 года). Каждый сантиметр пространства был занят индийцами всех классов. Негры Южной Африки обычно принимают пищу с четырёхножных железных котлов. Один такой котёл самого большого размера, который можно было только найти на рынке, взяли из лавки индийского торговца и водрузили на платформу в углу для сжигания сертификатов.

К самому началу собрания на велосипеде подъехал доброволец с телеграммой от правительства, в которой выражалось сожаление по поводу решимости индийской общины и заявлялось о невозможности изменить избранный правительством курс. Телеграмма была зачитана собравшимся, которые приняли её с одобрением, словно радуясь благоприятной возможности сжечь сертификаты, что было бы невозможно, если бы правительство пошло на сформулированные в ультиматуме требования. Трудно высказать какое-либо категоричное суждение о правильности или неправильности такого прилива радости, не зная мотивов, побудивших каждого из собравшихся встретить ответ правительства аплодисментами. Однако можно точно сказать, что эти аплодисменты были взрывом энтузиазма. Теперь индийцы в какой-то мере осознали свою силу.

Собрание началось. Председатель настроил собравшихся на серьёзный лад и изложил им всю ситуацию. Были приняты соответствующие резолюции. Я подробно описал различные этапы затянувшихся переговоров и сказал: «Если есть такой индиец, который отдал свой сертификат на сожжение, но сейчас передумал это делать, пусть он выйдет вперёд и получит его. Простое сжигание сертификатов не является преступлением и не сыграет на руку тем, кто желает вас засадить в тюрьму. Сжигая сертификаты, мы лишь заявляем о своём торжественном решении никогда не подчиняться «Чёрному акту» и лишаем себя возможности даже показывать сертификаты. Но завтра каждый может получить копию сертификата, который сегодня может быть обращён в пепел, и если есть здесь люди, помышляющие о таком трусливом поступке или сомневающиеся в своей способности выдержать это испытание, у них еще есть время получить свои сертификаты обратно, и они будут им возвращены. Никто не должен стыдиться, если ему возвратят сертификат, ведь таким образом он проявит

определённое мужество. Но было бы не только стыдно, но и вредно для интересов общины получить копию сертификата после его сожжения. Снова-таки, нам стоит учесть, что это будет длительная борьба. Мы знаем, что некоторые выпали из рядов нашей марширующей армии, и бремя оставшихся от этого стало ещё более тяжёлым. Я бы посоветовал вам обдумать все эти соображения и только потом решиться на предложенный сегодня шаг».

Даже во время моего выступления раздавались голоса: «Мы не хотим возвращать сертификаты, сожгите их». Наконец, я предложил, что если кто-то хочет выступить против нашей резолюции, то он должен выйти вперёд, но никто не встал. Мир Алам тоже присутствовал на этом собрании. Он заявил, что поступил неправильно, когда он напал на меня в тот день, и, к великой радости собравшихся, передал оригинал своего [старого] сертификата для сожжения, поскольку добровольный сертификат он не получал. Я взял его руку, с радостью сжал её и еще раз его заверил, что никогда не держал на него зла.

Комитет уже получил около 2000 свидетельств, которые подлежали сожжению. Все они были брошены в промазанный парафином котёл и подожжены г-ном Юсуфом Мианом. Все собравшиеся поднялись, и, пока горело пламя, пространство наполнилось звуками их непрерывных возгласов. Некоторые из тех, кто все ещё удерживал свои сертификаты, принесли их в большом количестве на платформу, и они также были преданы огню. Когда одного из этих друзей спросили, почему он отдал свой сертификат лишь в последний момент, он ответил, что посчитал это более уместным и хотел произвести большее впечатление на собравшихся. Другой откровенно признался, что ему не хватало смелости, и он подумал, что сертификаты, в конечном итоге, не будут сжигать. Но он не смог удержаться после того, как увидел костёр, и отказался от сертификата из того соображения, что судьба всех должна была стать его собственной судьбой. Подобная откровенность нередко встречалась во время нашей борьбы.

Репортёры английских газет, присутствовавшие на собрании, были глубоко впечатлены всей этой сценой и в ярких красках описали наше собрание в своих газетах. Это описание было также послано в газету «The Daily Mail» (Лондон) её корреспондентом в Йоханнесбурге, где он сравнил сожжение индийцами своих сертификатов с Бостонским чаепитием. Не думаю, что это сравнение было таким уж справедливым: если в Америке вся мощь Британской империи была направлена против сотен тысяч способных о себе позаботиться европейцев, то здесь, в Южной Африке, беспомощная община из 13000 индийцев бросила вызов могущественному правительству Трансвааля. Единственным оружием индийцев была вера в праведность своего дела и в Бога. Несомненно, это оружие является достаточным и поистине могущественным для набожных людей, но до тех пор, пока обыватель так не считает, 13000 безоружных индийцев меркнут в сравнении с хорошо вооружёнными европейцами Америки. Поскольку Бог – это сила слабых, это ещё одна причина, по которой мир презирает их.

28. Обвинение в нагнетании ситуации

В том же году, когда был принят «Чёрный акт», генерал Сматс провёл через Законодательное собрание другой законопроект под названием «Закон об ограничении иммигрантов Трансвааля» (Закон 15 от 1907 года). Этот закон якобы имел общее применение, но был направлен, главным образом, против индийцев. Закон в целом вторил аналогичному закону в Натале, но в соответствии с ним в иммиграции должны были отказывать тем, кто хотя и смог сдать языковой тест, не имел права на регистрацию в соответствии с Азиатским законом. Таким образом, закон косвенно становился инструментом, препятствующим въезду каждого новоприбывшего индийца.

Для индийцев было крайне важным противостоять этому новому посягательству на их права, но вопрос заключался в том, следовало ли включать это в борьбу сатьяграхи. Община не была связана в том, когда и по какому поводу можно было прибегать к сатьяграхе. В принятии своих решений она должна была лишь не преступать пределов, предписанных мудростью, и трезво оценивать собственные возможности. Сатьяграха, используемая по поводу и без повода, таким образом низвелась бы до Дураграхи (Duragraha, вольный перевод с санскрита: упорство в глупости, *прим. перев.*). Если кто-либо прибегает к сатьяграхе, не соизмерив своих сил, и после этого терпит поражение, то он не только позорит себя, но и своей глупостью бросает тень на превосходное оружие сатьяграхи.

Комитет сатьяграхи понимал, что сатьяграха индийцев была направлена только против «Чёрного акта», и что если он будет отменён, то Закон об ограничении иммиграции утратит своё «жалюзи». Тем не менее, если бы индийцы не предприняли никаких шагов в отношении Закона об иммиграции из тех соображений, что в создании ещё одного движения не было особой необходимости, их молчание могло быть неправильно истолковано как согласие с полным запретом индийской иммиграции в будущем. Поэтому необходимо было также выступить и против Закона об иммиграции, и единственный вопрос заключался в следующем: должно ли это было также стать частью борьбы сатьяграхи? По мнению общины, сатьяграха должна была распространяться на любые новые посягательства на их права на протяжении нашей борьбы. Если они не чувствовали себя достаточно сильными для этого, это уже было совсем другое дело. Лидеры сошлись на том, что отсутствие или нехватка сил не могла быть оправданием бездействия в отношении Закона об иммиграции, и что сатьяграха должна была распространяться и на этот закон.

Так что по этому вопросу с правительством велась переписка. Мы так и не смогли убедить генерала Сматса изменить закон. Скорее, это только дало ему лишний повод для очернения нашей общины. Генералу Сматсу было известно, что многие европейцы, помимо тех, кто нам помогал открыто, втайне симпатизировали нашему движению, и он, естественно, хотел, чтобы эти симпатии, по возможности, сошли на нет. Поэтому он обвинил меня в нагнетании ситуации и сообщил нашим сторонникам, в том числе письменно, что, в отличие от него, они не знали истинного меня. Мол, если

бы он дал мне воли на палец, я бы откусил целую руку, и поэтому он не стал отменять Азиатский закон. Мол, когда начиналась Сатьяграха, не было никакого вопроса о новых иммигрантах. Теперь же, когда он принимал закон, чтобы предотвратить въезд новых индийцев в интересах Трансвааля, я и здесь стал угрожать Сатьяграхой. Мол, он больше не мог мириться с этой «хитростью». Мол, что бы я ни предпринимал, и пусть бы даже каждый индиец из-за этого разорится, но он не отменит Азиатский закон, и правительство Трансвааля не откажется от его политического курса в отношении индийцев, и что будет только справедливым, если правительство заручится поддержкой всех европейцев.

Не нужно особого ума, чтобы увидеть, насколько несправедливым и аморальным был этот аргумент. Когда закона об ограничении иммигрантов или чего-то подобного ему ещё не существовало в помине, как могли индийцы или сам я ему противостоять? Генерал Сметс с удовольствием рассказывал о своём опыте того, что он называл моей «хитростью», и всё же не мог привести ни одного примера в поддержку этого своего утверждения. И я не помню, чтобы я когда-либо прибегал к хитрости в течение всех тех лет, что прожил в Южной Африке. Более того, без малейших колебаний могу сказать, что ни разу не прибегал к хитрости за всю свою жизнь. Я считаю, что хитрость не только морально неправильна, но и политически нецелесообразна, и поэтому всегда отвергал её использование даже с практической точки зрения. Вряд ли мне нужно здесь защищать себя. Мне было бы даже стыдно защищать себя перед теми читателями, для которых всё это написано. Если до сих пор они не увидели, что хитрость мне совершенно не свойственна, ничто из того, что я мог бы написать в свою защиту, не смогло бы их убедить. Я написал эти несколько предложений только для того, чтобы читатель составил представление о трудностях, с которыми нам пришлось столкнуться во время сатьяграхи, и о неминуемой опасности для нашего движения, если бы индийцы хоть на волосок отклонились от прямого пути. Канатоходец, балансируя на канате на высоте двадцати футов, должен концентрировать всё внимание на канате, и малейшая ошибка будет означать для него смерть, с какой бы стороны он ни оступился. Мой восьмилетний опыт сатьяграхи в Южной Африке научил меня, что сатьяграх должен быть, по возможности, ещё более целеустремлённым, чем канатоходец. Друзья, перед которыми генерал Сметс попытался меня опорочить, хорошо меня знали, и поэтому все обвинения произвели на них эффект, прямо противоположный ожидаемому. Они не только не отказались ни от меня, ни от нашего движения, но горячее поддержали нас, и индийцы позже увидели, что их ждали бы ещё большие неприятности, если бы их сатьяграха не распространилась и на Закон об иммиграции.

Мой опыт научил меня, что закон поступательного движения применим к любой праведной борьбе. Но в случае с сатьяграхой этот закон является чем-то непреложным. По мере продвижения Ганги, в неё вливаются другие потоки, и поэтому в устье она становится такой широкой, что не видно ни её конца, ни края, а плывущий по реке не может понять, где кончается река и начинается море. Так и в борьбе сатьяграхи: по мере продвижения вперёд многие другие элементы способствуют её течению, и постоянно вырастают всё новые её плоды. Это действительно неизбежно и связано с основополагающими принципами Сатьяграхи. Ведь в Сатьяграхе минимум – это также и максимум, а поскольку это неделимый на части минимум, то не может быть и речи об отступлении. Таким

образом, единственное возможное движение – это движение вперёд. В других видах борьбы, даже праведных, первоначальные требования немного завышаются, чтобы в будущем их можно было снизить, и потому закон поступательного движения не применим абсолютно во всех случаях. Но здесь я должен заметить, что закон поступательного движения вступает в свои права, когда минимум одновременно является максимумом, как это имеет место быть в сатьяграхе. Ганга не покидает своего русла в поисках притоков. Так и сатьяграх не сходит со своего пути, острого как меч. Однако как притоки спонтанно присоединяются к Ганге по мере её продвижения, точно также происходит и с сатьяграхой. Узнав, что сатьяграх распространилась и на Закон об иммиграции, некоторые индийцы, не знающие принципов сатьяграхи, настаивали на том, чтобы аналогичным образом поступить со всем корпусом антииндийского законодательства в Трансваале. Другие снова предложили мобилизовать индийцев по всей Южной Африке и провести сатьяграху против всех антииндийских законов в Натале, Капской колонии, Оранжевом свободном государстве и т.д., пока идёт борьба в Трансваале. Оба предложения были связаны с нарушением принципов. Я ясно дал понять, что было бы нечестно воспользоваться этой возможностью и занять позицию, которая не рассматривалась, когда сатьяграх только начиналась. Независимо от того, насколько мы были сильны в тот момент, наша борьба должна была закончиться, как только требования, ради которых начиналось наше движение, удовлетворились. Я уверен, что если бы мы не придерживались этого принципа, то вместо победы мы бы не только потерпели поражение по всем фронтам, но и потеряли бы симпатии многих нам сочувствующих. С другой стороны, если противник сам создаёт для нас новые трудности, борьба автоматически распространяется и на них. Сатьяграх ничуть не поступит своими принципами, если не проигнорирует новые трудности, возникшие на его пути. Противник не может быть сатьяграхом. Сатьяграх же против сатьяграхи невозможна и не связывается никакими максимальными или минимальными пределами. Поэтому противник, при желании, может попытаться напугать сатьяграху новыми вызовами. Но сатьяграх отбрасывает всяческий страх, он преодолевает с помощью сатьяграхи как старые, так и новые трудности, и верит, что сможет выстоять вопреки всему. Поэтому даже если борьба сатьяграхи затягивается противником, как раз противник оказывается в проигрыше даже с его точки зрения, а сатьяграх – в выигрыше. Мы увидим другие примеры действия этого закона на более поздних этапах нашей борьбы.

29. Сорабджи Шапурджи Ададжания

Теперь, когда сатьяграха стала распространяться и на Закон об иммиграции, сатьяграхи должны были проверить, имели ли образованные индийцы право въехать в Трансвааль. Комитет решил, что для этой проверки не подойдёт обычный индиец. Идея заключалась в том, что индиец, не подпадавший под приемлемое для общины определение запрещённого иммигранта в новом Законе, должен был въехать в Трансвааль и попасть в тюрьму. Таким образом мы должны были показать, что сатьяграха – это сила, содержащая в себе семена всё более возрастающего самоограничения. В законе был раздел о том, что любой человек, не владеющий европейским языком, должен был рассматриваться как запрещённый иммигрант. Поэтому Комитет предложил, чтобы в страну въехал какой-нибудь индиец, знающий английский язык, но не бывавший ранее в Трансваале. Для этой цели вызвались несколько молодых индийцев, из которых был выбран Сорабджи Шапурджи Ададжания.

Сорабджи был парсом, коих во всей Южной Африке насчитывалось не более сотни. В Южной Африке я придерживался тех же взглядов в отношении парсов, что и в Индии. Во всём мире – не более ста тысяч парсов, и только это говорит об их высоком характере. Эта маленькая община долгое время сохраняла свой престиж, держалась за свою религию и доказала, что не имеет себе равных в мире по благотворительности. Но Сорабджи оказался чистым золотом. Я был знаком с ним совсем немного до того, как он присоединился к нашей борьбе. Его письма об участии в сатьяграхе произвели на меня хорошее впечатление. Поскольку я являюсь поклонником великих качеств парсов, я не знал и не знаю некоторых недостатков их общины. Поэтому я сомневался, сможет ли Сорабджи проявить стойкость в критический момент. Но у меня было правило не придавать значения собственным сомнениям, когда заинтересованная сторона сама утверждала обратное. Поэтому я рекомендовал комитету поверить Сорабджи на слово, и в итоге Сорабджи показал себя первоклассным сатьяграхом. Он не только оказался одним из тех сатьяграхов, которые перенесли самые длительные сроки заключения, но так глубоко изучил нашу борьбу, что его взгляды вызывали всеобщее уважение. Его советы всегда отличались твёрдостью, мудростью, милосердием и обдуманностью. Он медленно формировал свое мнение, равно как и менял уже сформированное. Он был настолько же индийцем, как и парсом, и был совершенно свободен от шор узкообщинных интересов. После окончания нашей борьбы доктор Мехта предложил стипендию для того, чтобы какой-нибудь хороший сатьяграх мог отправиться в Англию для обучения адвокатскому делу. Отбор было поручено провести мне. Было два или три достойных кандидата, но все друзья чувствовали, что не было никого, кто мог бы приблизиться к Сорабджи по зрелости суждений и мудрости, поэтому выбор пал именно на него. Идея заключалась в том, что по возвращении в Южную Африку он должен был занять моё место и служить общине. С благословения общины Сорабджи отправился в Англию и был должным образом принят в адвокатуру. Он уже общался с Гокхале в Южной Африке, а в Англии его отношения с ним стали ещё более тесными. Сорабджи очаровал Гокхале, который предложил ему вступить в Общество слуг Индии по его возвращению на родину. Сорабджи стал чрезвычайно популярен среди студентов. Он разделял горести всех, и его душа не была запятнана роскошью и

искусственностью Англии. Когда он отправился в Англию, ему было уже за тридцать, и он знал только английский язык. Но трудности исчезают, когда человек противопоставляет им своё упорство. Сорабджи жил чистой жизнью студента и успешно сдал экзамены. В моё время экзамены на адвоката были лёгкими. Сегодняшним студентам приходится гораздо тяжелее. Но Сорабджи не знал слова «поражение». Когда в Англии был создан санитарный корпус, он был одним из первых записавшихся туда, а также одним из тех, кто оставался там до последнего. Этому корпусу также пришлось прибегнуть к сатяграхе; многие её участники отступили, но Сорабджи был во главе тех, кто не сдался. Я лишь вскользь упомяну о том, что эта сатяграха санитарного корпуса также увенчалась успехом.

После получения статуса адвоката в Англии Сорабджи вернулся в Йоханнесбург, где начал заниматься юридической практикой и служить общине. Каждое письмо, которое я получал из Южной Африки, рстачало похвалы в адрес Сорабджи: «У него очень простые привычки и он начисто лишён тщеславия. Он общается со всеми, и с богатыми, и с бедными». Но Бог, похоже, настолько же суров, насколько и милосерден. Сорабджи заразился тяжёлой формой туберкулёза и через несколько месяцев умер. Индийцам же, чью любовь он завоевал, пришлось только оплакивать эту потерю. Таким образом, за очень короткий период Бог лишил общину двух выдающихся личностей – Качхалии и Сорабджи. Если бы меня попросили выбрать между ними, я бы, честно говоря, растерялся. На самом деле, каждый из них был непревзойдённым в своей области. Сорабджи был настолько же хорошим индийцем, как и хорошим парси, равно как и Качхалия был таким же хорошим индийцем, как и хорошим мусульманином.

Итак, Сорабджи въехал в Трансвааль, предварительно уведомив правительство о своём намерении проверить, мог ли он остаться в стране в соответствии с Законом о регистрации иммигрантов. Правительство было совершенно к этому не готово и не могло сразу решить, что делать с Сорабджи, который открыто пересёк границу и въехал в страну. Чиновник по ограничению иммиграции знал его лично. Сорабджи сказал ему, что намеренно въезжает в Трансвааль для проверки и попросил допросить его на английском или арестовать, если тому было угодно. Офицер ответил, что вопрос об экзамене не стоял, поскольку ему было известно, что тот владеет английским языком. У него не было приказа арестовывать Сорабджи. Поэтому он мог въехать в страну, и правительство по своему усмотрению могло арестовать его уже где-то на месте.

Таким образом, вопреки нашим ожиданиям, Сорабджи достиг Йоханнесбурга, и мы приветствовали его в своём кругу. Никто не надеялся, что правительство позволит ему продвинуться хоть на дюйм дальше, чем пограничная станция Фольксруст. Очень часто, когда мы делаем наши шаги сознательно и бесстрашно, правительство не готово нам противостоять. Причина этого кроется в самой природе правительства. Правительственный чиновник, как правило, не проявляет особого рвения в своём департаменте с тем, чтобы там во всех делах царил полный порядок и проводилась соответствующая подготовка. Опять же, чиновник должен заниматься не одним, а многими вопросами, и его мысли разбросаны между ними. В-третьих, чиновника пьянит власть, поэтому он беспечно думает, что для властей справиться с любым движением – детская забава. С другой стороны, общественный деятель

осознаёт свой идеал, а также средства достижения цели, и если у него есть определённые планы, он полностью готов их осуществить, а его работа – единственный объект его мыслей днём и ночью. Поэтому, если он предпринимает правильные шаги и принимает правильные решения, он всегда опережает правительство. Многие движения терпят неудачу не потому, что правительства наделены какой-то экстраординарной силой, а потому, что лидерам не хватает упомянутых качеств.

Короче говоря, по небрежности или по замыслу правительства Сорабджи добрался до Йоханнесбурга, а местный офицер не имел ни малейшего представления о своих шагах в подобном случае, ни указаний от начальства на этот счёт. Прибытие Сорабджи усилило наш энтузиазм, и некоторые молодые люди решили, что правительство потерпело поражение и скоро пойдет на уступки. Однако очень скоро они убедились в собственной неправоте. Они также осознали, что соглашение можно было лишь купить ценой самоотверженности многих молодых людей.

Сорабджи сообщил о своём прибытии суперинтенданту полиции в Йоханнесбурге и дал ему понять, что считает себя вправе остаться в Трансваале в соответствии с новым Законом об иммиграции, поскольку владеет английским языком на уровне обычного и готов сдать экзамен офицеру, если тот того пожелает. Ответа на это письмо не последовало, вернее, ответ пришёл через несколько дней в виде повестки.

Дело Сорабджи разбиралось судом 8 июля 1908 года. Зал суда был переполнен индийцами. Перед началом рассмотрения дела мы провели собрание индийцев, присутствовавших на территории суда, и Сорабджи произнес зажигательную речь. Он заявил о своей готовности сесть в тюрьму столько раз, сколько потребуется для нашей победы, и смело идти на любые опасности и риск. Тем временем, я достаточно хорошо познакомился с Сорабджи и убедился в том, что он будет полезен общине. В положенный срок магистрат принял дело к рассмотрению. Я защищал Сорабджи и сразу же попросил освободить его от ответственности на том основании, что повестка была неполной. Прокурор также выступил с аргументами, но 9-го числа суд поддержал мою позицию и освободил Сорабджи, который однако сразу же получил повестку явиться в суд на следующий день, в пятницу 10 июля 1908 года.

10-го числа магистрат повелел Сорабджи покинуть Трансвааль в течение семи дней. После вручения ему постановления суда Сорабджи сообщил суперинтенданту Дж. А. Г. Вернону, что уезжать он куда не собирался. В связи с этим он был доставлен в суд ещё раз, 20 числа, обвинен в неподчинении приказу магистрата и приговорен к месячному тюремному заключению с каторжными работами. Правительство однако не стало арестовывать местных индийцев, поскольку уже увидело, что от арестов дух индийцев лишь возрастал. Иногда индийцев освобождали благодаря юридическим формальностям в возбуждённых против них делах, и это также усиливало энтузиазм общины. Правительство провело через законодательный орган все нужные ему законы. Да, многие индийцы сожгли свои сертификаты, но своей регистрацией они доказали своё право на пребывание в стране. Правительство не видело смысла преследовать и сажать их, ибо считало, что из-за их мастерского бездействия рабочие попросту охладели, не найдя выхода своей энергии. Однако правительство

просчиталось. Индийцы предприняли новые шаги, чтобы испытать терпение правительства, и вскоре это терпение лопнуло.

30. Шет Дауд Мухамед и другие вступают в борьбу

Когда индийцы осознали, что правительство пыталось их изнурить тактикой выжидания, они почувствовали, что обязаны предпринять какие-то дальнейшие шаги. Сатьяграх никогда не устаёт, пока он способен страдать. Поэтому индийцы были в состоянии спутать карты правительства.

В Натале проживало несколько индийцев, которые обладали давнишними правами на постоянное проживание в Трансваале. У них не было необходимости въезжать в Трансвааль для дел, связанных с торговлей, но община считала, что у них было право на въезд. Они также немного знали английский. Опять же, не было никакого нарушения принципов сатьяграхи в том, что образованные индийцы, как, например, Сорабджи, въедут в Трансвааль. Поэтому мы решили, что в Трансвааль должны въехать два класса индийцев: во-первых, те, кто ранее проживал в этой стране, и во-вторых, имеющие английское образование.

Из них Шет Дауд Мухамед и Парси Рустомджи были крупными торговцами, а Сурендра Медх, Праджи Кхандубхай Десаи, Ратанси Мулджи Содха, Харилал Ганди и другие были «образованными» людьми. Дауд Шет приехал несмотря на то, что его жена была серьёзно больна.

Позвольте представить читателю Шета Дауда Мухамеда. Он был президентом Натальского индийского конгресса и одним из старейших индийских торговцев, приехавших в Южную Африку. Он был суннитом Вора из Сурата. Мне встречались в Южной Африке лишь несколько индийцев, которые могли бы сравниться с ним своим тактом. У него был прекрасно развит интеллект. У него не было особого гуманитарного образования, но он хорошо говорил по-английски и по-голландски. Он был искусен в деловом общении с европейскими торговцами. Его либеральность была широко известна. Около пятидесяти гостей обедали у него каждый день. Он был одним из главных спонсоров индийских коллекций. У него была бесценная драгоценность – сын, который намного превосходил его по характеру. Сердце мальчика было чистым, как хрусталь. Дауд Шет никогда не препятствовал стремлениям своего сына. Действительно, не будет преувеличением сказать, что отец почти боготворил сына. Он желал, чтобы ни один из его собственных недостатков не проявился в мальчике, и отправил его в Англию для получения образования. Но Дауд Шет потерял это сокровище в расцвете сил. Туберкулёз избрал Хусейна своей жертвой. Это была тяжелая рана, которая так и не зажила. Вместе с Хусейном умерли большие надежды, которые на него возлагали индийцы. Он был самым правдивым парнем, а индусы и мусульмане для него были словно левый и правый глаз. Даже Дауда Шета нет больше с нами. Разве есть кто в целом мире, способный избежать объятий смерти?

Я уже представил читателю Парси Рустомджи. Имена нескольких других друзей, присоединившихся к этому «азиатскому нашествию», я опустил, поскольку пишу эти строки, не обращаясь к каким-либо документам, и надеюсь, что они меня за это простят. Я взялся за эту книгу не для того, чтобы увековечить чьи-то имена, а чтобы раскрыть секрет сатьяграхи, показать, каким образом она преуспела, какие препятствия стояли на её пути и как они были устранены. Если я и упоминаю какие-

то имена, то лишь для того, чтобы показать, как люди, которых можно считать неграмотными, отличились в Южной Африке; как индусы, мусульмане, парсы и христиане гармонично работали вместе; и как торговцы, «образованные» и не очень, выполняли свой долг. Там, где говорится о чьих-то высоких заслугах, дань отдаётся именно заслугам, а не конкретной личности.

Когда Дауд Шет со своей «армией» сатяграхов оказался на границе Трансвааля, правительство было готово ко встрече с ними. Правительство стало бы объектом насмешек, если бы позволило такому большому отряду проникнуть в Трансвааль, и поэтому обязано было арестовать их. Так что они были арестованы и 18 августа 1908 года предстали перед магистратом, который повелел им покинуть Трансвааль в течение семи дней. Они, конечно же, не подчинились приказу, были вновь арестованы в Претории 28-го числа и депортированы без суда и следствия. Они вновь въехали в Трансвааль 31-го числа и, наконец, 8 сентября были приговорены в Фольксрусте к штрафу в пятьдесят фунтов или к трём месяцам тюремного заключения с каторжными работами. Нет нужды говорить о том, что они с радостью предпочли отправиться в тюрьму.

Индийцы Трансвааля были воодушевлены. Если они не смогли добиться освобождения своих соотечественников из Наталя, то уж точно должны были разделить с ними тюремные тяготы. Поэтому они стали искать способы, чтобы самим попасть в тюрьму. Существовало несколько путей, благодаря которым они могли добиться желаемого результата. Если проживающий в стране индеец не предъявлял свидетельство о регистрации, ему не выдавали лицензию на торговлю, а если он торговал без лицензии, то это считалось правонарушением с его стороны. Опять-таки, если кто-то хотел въехать в Трансвааль из Наталя, он должен был предъявить свидетельство, и если у него его не оказывалось, то его арестовывали. Сертификаты уже были сожжены, так что эта линия поведения была вполне оправданной. Индийцы использовали оба этих метода. Одних стали ловить без лицензии, а других арестовывали за то, что они при въезде в Трансвааль не предъявляли сертификаты.

Теперь движение находилось в полном разгаре. Судили всех. Другие индийцы из Наталя последовали примеру Шета Дауда Мухамеда. Много арестов было и в Йоханнесбурге. Дело дошло до того, что любой желающий мог сам себя арестовать. Тюрьмы стали заполняться, «захватчики» из Наталя получили три месяца, а трансваальские уличные торговцы – от четырёх дней до трёх месяцев.

Среди тех, кто таким образом добился своего ареста, был наш «Имам Сахеб», т.е. имам Абдул Кадар Бавазир, который был арестован за торговлю без лицензии и приговорён 21 июля 1908 года к тюремному заключению на четыре дня с каторжными работами. Здоровье имама Сахеба было настолько слабым, что люди только смеялись, услышав о возможности его ареста. Некоторые приходили ко мне и просили не брать имама Сахеба, опасаясь, что он мог опозорить общину. Я проигнорировал это предупреждение. Это было не моё дело – оценивать силу или слабость Имама Сахеба. Имам Сахеб никогда не ходил без обуви, любил земные блага, был женат на малайке, имел благоустроенный дом и передвигался в конной повозке. Всё это было так, но кто мог прочесть глубины его ума? После освобождения Имам Сахеб снова попал в тюрьму, жил там как идеальный

заключенный и после каторжных работ съедал положенную ему порцию. Дома у него каждый день были новые блюда и деликатесы, а в тюрьме он ел мамалыгу и благодарил за это Бога. Он не только не был сломлен, но и приобрёл простые привычки. В тюрьме он дробил камни, работал подметальщиком и стоял в очереди с другими заключёнными. В Фениксе он носил воду и даже набирал шрифты в типографии. Каждый в ашраме «Феникс» должен был овладеть искусством набора текста. Имам Сахед научился печатать в меру своих способностей. Сейчас он вносит свой вклад в нашу борьбу в Индии.

Однако было много таких, кто получил опыт самоочищения в тюрьме.

Джозеф Ройппен, адвокат, выпускник Кембриджского университета, родился в Натале у родителей-контрактников, но полностью перенял европейский стиль жизни. Он не ходил без обуви даже в своём доме в отличие от имама Сахиба, который должен был мыть ноги перед молитвой и также молиться босиком. Ройппен забросил свои книги по праву, взял корзину с овощами и был арестован как не имеющий лицензии торговец-лоточник. Он также подвергся тюремному заключению. «Но должен ли я ехать третьим классом?» – спросил Ройппен. «Если вы едете первым или вторым классом, как я могу просить остальных ехать третьим? Кто в тюрьме узнает, что вы – адвокат?» – ответил я, и этого было достаточно, чтобы удовлетворить Ройппена.

Многие шестнадцатилетние подростки попадали в тюрьму. Некому Моханлалу Манджи Гелани было всего четырнадцать.

Тюремные власти не оставляли попыток притеснять индийцев, которым поручали работу мусорщиков, но они делали это с улыбкой на лице. Их просили разбивать камни, и они разбивали камни с именем Аллаха или Рамы на устах. Их заставляли копать резервуары и работать киркой в каменистой почве. Их руки огрубели от этой работы. Некоторые из них даже теряли сознание от невыносимых условий труда, но не сдавались.

Не следует думать, что тюрьма – это место, свободное от зависти и каких-то взаимных претензий. Еда – это вечное яблоко раздора, но мы успешно избегали ссор даже из-за еды.

Меня тоже снова арестовали. Одно время в тюрьмах Фольксруста содержалось до семидесяти пяти индийских заключённых. Мы сами готовили себе еду. Я стал поваром, поскольку только я мог разрешить различные претензии на выдаваемый нам паёк. Благодаря своей любви ко мне, мои товарищи без ропота принимали недоваренную кашу, которую я готовил без сахара.

Правительство решило, что если они отделят меня от других заключённых, то, возможно, это послужит для меня наказанием, равно как и для других. Поэтому они переправили меня в тюрьму Претории, где я был заключён в одиночную камеру, предназначенную для опасных заключённых. Меня выводили на прогулку только два раза в день. В тюрьме Претории индийцам, в отличие от тюрьмы в Фольксрусте, не предоставляли гхи (очищенное топлёное масло, *прим. перев.*). Но я не

собираюсь здесь распространяться о наших тюремных тяготах. Всех интересующихся этими подробностями отсылаю к своему рассказу о тюремной жизни в Южной Африке.

В общем и целом индийцы не признали своего поражения. Правительство оказалось в затруднительной ситуации. Сколько индийцев можно было отправить в тюрьму? Это означало дополнительные расходы. Правительство начало искать другие способы решения.

31. Депортации

Возмутительные акты предусматривали три вида наказания: штраф, тюремное заключение и депортацию. Суды были уполномочены назначать все наказания одновременно, а магистраты – максимальную степень наказания. Сначала депортация означала вывоз «преступника» в Наталь, Оранжевое свободное государство или Португальскую Восточную Африку за пределы Трансвааля и просто оставление его там. Например, индийцев, пересекших границу из Наталья, вывозили за станцию Фольксруст и оставляли там на произвол судьбы. Подобная депортация была фарсом в чистом виде, поскольку она была сопряжена лишь с небольшими неудобствами, и вместо того, чтобы расстроить индийцев, она только больше их раззадоривала.

Поэтому местному правительству пришлось искать новые способы преследования индийцев. Тюрьмы уже были переполнены. Правительство считало, что индийцы будут основательно деморализованы и сдадутся, если их депортировать в Индию. Это мнение правительства имело под собой некоторые основания, поэтому оно отправило большую партию индийцев на родину. Эти депортированные испытывали большие трудности. Им нечего было есть, кроме того, что правительство решило предоставить им на пароходах, и все они были отправлены в качестве палубных пассажиров. Опять же, у некоторых из них были земельные владения, а также другая собственность и бизнес в Южной Африке, многие имели там свои семьи, а другие были ещё и в долгах. Не многие готовы потерять всё и превратиться в полных банкротов.

Несмотря на всё это, многие индийцы сохранили стойкость. Однако ещё больше индийцев пошли на попятную и перестали активно стремиться в тюрьму, хотя оробели не настолько, чтобы получить дубликаты сгоревших свидетельств. Некоторые были так запуганы, что заново прошли регистрацию.

Тем не менее, было значительное число стойких и настолько храбрых, что некоторые из них, полагаю, пошли бы на виселицу с улыбкой на лице. И если они мало заботились о своей жизни, то ещё меньше – о своём имуществе.

Но многие из тех, кто был депортирован в Индию, были бедными, простыми людьми, которые присоединились к движению просто из веры. То, что их так сильно притесняли, было почти невыносимо. Однако было трудно понять, как мы могли им помочь. Мы обладали скудными средствами. Кроме того, существовала опасность проиграть борьбу, если бы мы стали оказывать денежную помощь. Ни одному человеку не было позволено присоединиться к движению из денежных побуждений, так как в противном случае движение захлебнулось бы в корыстолюбцах. Однако мы считали себя обязанными помочь депортированным хотя бы своими симпатиями.

Я убедился на собственном опыте, что деньги не помогают так, как помогают сочувствие, слова ободрения и добрый взгляд. Если человек, стремящийся к богатству, получает его благодаря кому-то, к кому он не испытывает симпатии, в конце концов он отречётся от него. И наоборот: тот, кого

покорила любовь, готов разделять и преодолевать любые трудности вместе с тем, кто ему эту любовь подарил.

Поэтому мы решили сделать для депортированных всё, на что была способна доброта. Мы утешали их тем, что в Индии для них будут сделаны все надлежащие приготовления. Читатель должен помнить, что многие из них были бывшими контрактниками и не имели никаких родственников в Индии. Некоторые даже родились в Южной Африке, и для всех Индия была чем-то вроде чужой земли. Было бы просто жестоко, если бы эти беспомощные люди после высадки в Индии были оставлены на произвол судьбы. Поэтому мы заверили их, что в Индии для них будет сделано всё необходимое.

Но этого было недостаточно. Депортируемых нельзя было бы утешить, если бы с ними не отправился кто-нибудь в качестве спутника и проводника. Это была первая партия депортируемых, и их пароход должен был отправиться через несколько часов. Времени на выбор было мало. Я подумал о П.К. Найду, одном из моих коллег, и спросил его:

«Вы смогли бы сопроводить наших бедных братьев в Индию?».

«Почему бы и нет?»

«Но пароход вот-вот отправляется».

«Ну и пусть».

«А как же ваша одежда? И еда?»

«Что касается одежды, то костюма, который на мне, будет достаточно, а еду я достану на пароходе».

Это стало для меня почти сюрпризом, нужно сказать, приятным. Наш разговор состоялся дома у Парси Рустомджи. Там же для Найду я раздобыл одежду и одеяла и отправил его в путь.

«Позаботься и присмотри за этими братьями по дороге. Позаботься сначала об их комфорте, а потом о своём собственном. Я связываюсь со Шри Натесаном в Мадрасе, ты должен будешь следовать его указаниям».

«Я постараюсь показать себя настоящим солдатом».

Сказав это, П.К. Найду отправился на пристань. Я подумал, что с такими доблестными бойцами наша победа была обеспечена. Найду родился в Южной Африке и никогда раньше не бывал в Индии. Я дал ему рекомендательное письмо ко Шри Натесану, а последнему послал телеграмму.

В те дни Шри Натесан, пожалуй, единственный в Индии рассматривал жалобы индийцев за рубежом, был их ценным помощником, а также систематически и очень информированно выражал их интересы. Я вёл с ним регулярную переписку. Когда депортированные прибыли в Мадрас, Шри Натесан оказал им всестороннюю помощь. Его задача облегчалась тем, что среди депортированных

был такой способный человек, как Найдю. Он не позволил этим людям ни на секунду почувствовать, что они были депортированы.

Эти депортации правительства Трансвааля были столь же незаконны, сколь и жестоки. Людям обычно не ведомо, что правительства часто сознательно нарушают свои собственные законы. В условиях чрезвычайной ситуации нет времени для принятия нового законодательства. Поэтому правительства нарушают законы и делают всё, что им только заблагорассудится. После этого они либо принимают новые законы, либо заставляют народ забыть о своих нарушениях.

Индийцы начали мощную агитацию против этого беззакония местного правительства, которое было негативно воспринято и в Индии, так что правительству с каждым днём становилось всё труднее депортировать бедных индийцев. Индийцы предприняли все возможные юридические шаги и успешно обжаловали депортацию, в результате чего правительству пришлось прекратить практику депортации в Индию.

Однако политика депортации не могла не сказаться на «армии» сатьяграхи. Не все смогли преодолеть страх быть депортированными в Индию. Многие отпали, и остались только настоящие бойцы.

Это был не единственный шаг, предпринятый правительством, чтобы сломить дух общины. Как я уже говорил в предыдущей главе, правительство сделало всё возможное, чтобы притеснять заключённых сатьяграхов, которых заставляли выполнять различную работу, включая дробление камней. Однако это ещё было не всё. Поначалу все заключённые содержались вместе. Но затем правительство избрало курс на разделение заключённых и жестокое обращение с ними в каждой тюрьме. Зима в Трансваале очень суровая: холод такой лютой, что руки почти замерзают во время утренней работы. Поэтому зима становилась тяжёлым испытанием для заключённых, некоторые из которых содержались в дорожном лагере, куда доступ для посетителей был закрыт. Одним из таких заключённых был молодой сатьяграх восемнадцати лет по имени Свами Нагаппан, который соблюдал тюремные правила и выполнял порученные ему задания. Рано утром его брали на дорожные работы, где он заболел двусторонней пневмонией, от которой умер после освобождения (7 июля 1909 года). Соратники Нагаппана говорят, что до последнего вздоха он думал только о борьбе. Он никогда не раскаивался в том, что попал в тюрьму, и принял смерть ради своей страны так, как принял бы дорого друга. По нашим меркам, Нагаппан был «неграмотным». Благодаря опыту общения он научился говорить по-английски и по-зулусски. Возможно, он также писал на ломаном английском, но его ни в коей мере нельзя было бы назвать образованным человеком. И всё же, учитывая его стойкость, терпение, патриотизм и твёрдость, в том числе на смертном одре, не остаётся ничего, что мы могли бы ему пожелать. Движение сатьяграхи продолжалось успешно, хотя к нему не присоединились высокообразованные люди. Но где бы оно было без таких солдат, как Нагаппан?

Нагаппан умер от жестокого обращения в тюрьме; тяготы депортации обернулись смертью Нараянасвами (16 октября 1910 года). И всё же община стояла непреклонно, и только слабые покинули наши ряды. Но даже слабые сделали всё, что было в их силах. Давайте не будем их презирать. Идущие впереди обычно склонны смотреть свысока на тех, кто отстывает, и считают себя

очень храбрыми, хотя зачастую всё происходит как раз наоборот. Если человек, который может позволить себе внести пятьдесят рупий, ограничивается двадцатью пятью, а тот, кто может позволить себе заплатить только пять рупий, полностью вносит эту сумму, то тот, кто даёт пять рупий, должен считаться более щедрым жертвователем, чем давший в пять раз больше. И всё же, очень часто тот, кто вносит двадцать пять рупий, радуется из-за ложного представления о своём превосходстве над тем, кто мог позволить себе дать лишь пять. Так же и здесь: если человек, отпавший от движения из-за слабости, сделал всё возможное, он действительно превосходит того, кто остался, но не вкладывает в борьбу всю свою душу. Поэтому даже те, кто отпал, когда дело «запахло жареным», оказали услугу общине. Наступило время, когда от нас требовалось всё больше терпения и мужества. Но индийцы Трансвааля и в эту годину не ударили лицом в грязь. Стоявшие на своих постах индийцы были достойны возложенной на них службы.

Таким образом, день ото дня испытания индийцев становились всё более суровыми. Правительство проявляло жёсткость пропорционально той стойкости, на которую отваживалась община. Всегда существуют специальные тюрьмы, где содержатся опасные заключённые или заключенные, которых правительство желает сломить, и Трансвааль здесь не был исключением. Одной из таких тюрем была каторжная тюрьма Дипклооф, где был суровый тюремщик и тяжелые условия труда. И всё же там были индийцы, которые успешно выполняли порученные им задания. Однако, хотя они и были готовы работать, они не хотели мириться с оскорблениями этого тюремщика и поэтому объявили голодовку. Они торжественно заявили, что не будут принимать пищу, пока либо тюремщик не исчезнет из тюрьмы, либо их самих не переведут в другую тюрьму. Это была совершенно законная забастовка. Забастовщики были вполне честны и вряд ли бы стали принимать пищу тайком. Читатель должен помнить, что в Трансваале не было такой же возможности для общественного резонанса, какая в подобном случае предоставилась бы в Индии. Опять же, тюремные правила в Трансваале были особенно строгими. Общение посторонних с заключёнными не допускалось даже в таких случаях. Оказавшись в тюрьме, сатьяграх, как правило, должен был сам позаботиться о себе. Борьба шла от имени бедняков и велась как движение бедняков. Поэтому клятва, которую дали эти забастовщики, была сопряжена с большим риском. Однако они были тверды и после семидневного голодания добились своего перевода в другую тюрьму. Поскольку в те дни голодовки были редкостью, эти сатьяграхи заслуживают особой похвалы как первопроходцы (ноябрь, 1910).

32. Вторая делегация

Таким образом, сатьяграхи попадали в тюрьму или депортировались. Иногда наступало затишье, которое сменялось бурей, но обе стороны несколько ослабли. Правительство увидело, что оно не могло подчинить себе сторонников сатьяграхи, отправляя их в тюрьму, а политикой депортации оно только поставило себя в неудобное положение. Правительство также проиграло несколько дел, переданных в суд. Индийцы, со своей стороны, также были не в состоянии оказывать мощное сопротивление. Для этого не было достаточного количества сатьяграхов. Некоторые индийцы были утомлены борьбой, а другие стали полными пораженцами и поэтому смотрели на стойких сатьяграхов как на слабоумных. Однако «слабоумные» осознавали свою мудрость и полностью верили в Бога, в своё дело и в праведность средств, которые были выбраны для борьбы. Они были уверены в величии Истины и в том, что она в конце концов восторжествует.

Тем временем в южноафриканской политике происходило какое-то непрестанное движение. Буры и англичане стремились добиться более высокого статуса на субконтиненте путём объединения различных колоний. Генерал Херцог выступал за полный разрыв связей с Британской империей, в то время как другие предпочитали сохранять с ней номинальную связь. Англичане никогда бы не согласились на их полное отделение, а любой более высокий статус мог быть получен только через посредство британского парламента. Поэтому буры и англичане Южной Африки решили направить в Англию делегацию, которая бы представила их дело британскому кабинету.

Индийцы посчитали, что в случае объединения колоний их положение только ухудшится. Все колонии всегда стремились подавить индийцев, и, учитывая эти антииндийские настроения, было ясно, что при их сближении индийцам придётся очень туго. Чтобы прозондировать обстановку, индийцы решили снова послать в Англию свою делегацию, хотя существовала большая вероятность того, что их слабый голос будет заглушён громким рёвом британских и бурских львов. По этому случаю Шета Хаджи Хабиба, джентльмена-мемона из Порбандара, назначили моим коллегой по делегации. Шет давно занимался торговлей в Трансваале и обладал большим житейским опытом. Он не получил английского образования, но легко понимал английский, голландский, зулусский и другие языки. Он симпатизировал сатьяграхам, но его самого нельзя было назвать полноценным сатьяграхом. Мистер Мерриман, известный государственный деятель-ветеран Южной Африки, был нашим попутчиком на борту парохода «Кенилворт Касл», который вёз нас в Англию, выйдя из кейптаунского порта 23 июня 1909 года. Мистер Мерриман направлялся туда с целью объединения колоний. Генерал Сметс и другие уже находились в Англии. Отдельная делегация индийцев из Наталя также посетила Англию примерно в это же время в виду их особых претензий.

В это время лорд Кру был государственным секретарем по делам колоний, а лорд Морли – государственным секретарем по делам Индии. Было много дискуссий, и мы опросили большое количество людей. Вряд ли найдётся журналист или член любой из палат, с которым мы, при

возможности, не встретились. Лорд Ампитилл оказал нам неоценимую помощь. Он часто встречался с г-ном Мерриманом, генералом Ботой и другими, и, в конце концов, передал нам послание от генерала. Он сказал: «Генерал Бота понимает ваши чувства в этом вопросе и готов удовлетворить ваши незначительные требования. Но он не готов отменить Азиатский закон или внести поправки в Закон об ограничении иммигрантов. Он также отказывается отменить цветовой барьер, установленный в законодательстве страны. Сохранение расового барьера является для генерала принципиальным вопросом, и даже если бы он захотел отменить его, южноафриканские европейцы никогда бы его не послушали. Генерал Сметс придерживается того же мнения, что и генерал Бота, и это их окончательное решение и предложение вам. Если вы попросите большего, вы только создадите проблемы как для самих себя, так и для своего народа. Поэтому, каковы бы ни были ваши намерения, вы должны учесть эту позицию бурских лидеров. Генерал Бота попросил меня передать это вам, в том числе чтобы вы представляли свою ответственность».

После этого лорд Ампитилл сказал: «Вы видите, что генерал Бота уступает всем вашим практическим требованиям, а в этом мире, полном ежедневных хлопот, мы всегда должны идти на какие-то компромиссы. Мы не можем получать всё, что хотим. Поэтому я настоятельно советую вам принять это предложение. Если вы хотите бороться ради принципа, вы можете сделать это позже. Обдумайте это с Шетом, и пожалуйста сообщите мне ваш ответ в удобное для вас время».

Выслушав это, я обернулся к Шету Хаджи Хабибу, который сказал: "Передайте ему от меня, что я принимаю предложение генерала Боты от имени партии примирения. Если он пойдёт на эти уступки, мы будем удовлетворены на данный момент, а в дальнейшем будем бороться за принцип. Я не хочу, чтобы община страдала ещё больше. Партия, которую я представляю, составляет большинство общины, и ей также принадлежит большая часть её богатств».

Я перевёл предложения Шета слово в слово, а затем от имени сатьяграхов сказал: «Мы оба очень благодарны вам за то, что вы взяли на себя этот труд. Мой коллега прав, когда говорит, что он представляет численно и финансово более могущественную часть индийского населения. Индийцы, от имени которых говорю я, сравнительно бедны и уступают в численности, но они полны решимости и даже готовы пойти на смерть. Они борются не только за какие-то практические послабления, но и за принцип. Если они будут вынуждены отказаться от одного из этих двух, они откажутся от первого и будут бороться за второе. Мы имеем представление о силе генерала Боты, но мы придаём ещё большее значение данным нами торжественным обещаниям, и поэтому мы готовы принять даже самое худшее, чтобы его выполнить. Мы будем терпеливо пребывать в уверенности, что если мы и дальше не отступим от своих обещаний, то Бог, во имя которого мы их приносили, поможет их осуществить».

Я полностью понимаю вашу позицию. Вы многое сделали для нас. Мы несколько не обидимся, если вы откажете в поддержке горстке сатьяграхов. Мы также не забудем о долге благодарности, который вы на нас возложили. Но мы надеемся, что вы простите нас за то, что мы не можем принять ваш совет. Вы, конечно, можете передать генералу Боте, как Шет и я отнеслись к его предложению, и

сообщить ему, что сатяграхи, хотя они и в меньшинстве, будут пытаться соблюсти свои обещания и надеются, в конце концов, смягчить его сердце своим долготерпением и побудить его отменить Азиатский закон».

Лорд Ампитилл ответил:

«Пожалуйста, не думайте, что я откажусь от вас. Я так же должен оставаться джентльменом. Англичане не готовы сразу же отказываться от задачи, за которую взялись. Ваша борьба праведна, и вы сражаетесь чистым оружием. Как я могу отказаться от вас? Но вы можете понять моё деликатное положение. Страдания, если таковые будут, должны нести только вы, и поэтому мой долг – посоветовать вам принять любое соглашение, возможное в данных обстоятельствах. Но если вы, тем не менее, готовы ради принципа пойти на любые страдания, я должен не только пойти вам навстречу, но даже поздравить вас. Поэтому я останусь председателем вашего Комитета и буду помогать вам в меру своих сил. Но вы должны помнить, что я всего лишь младший член Палаты лордов и не обладаю большим влиянием. Однако, вы можете быть уверены, что то небольшое влияние, которым я обладаю, будет постоянно использоваться на ваше благо».

Нам обоим было приятно услышать эти слова ободрения.

Возможно, от читателя не ускользнула одна восхитительная деталь этого разговора. Как я уже отмечал, мы с Шетом Хаджи Хабибом придерживались разных взглядов, но между нами существовала такая дружба и взаимное доверие, что Шет без колебаний выразил через моё посредство своё мнение, отличное от моего. Он полагался на то, что я смогу правильно представить его дело лорду Ампитиллу.

Я завершу эту главу не вполне уместным абзацем. Во время своего пребывания в Англии я имел возможность общаться со многими индийскими анархистами. Моя брошюра «Самоуправление Индии», написанная на обратном пути в Южную Африку на борту судна Kildonan Castle (ноябрь 1909 года) и опубликованная вскоре после этого в «Индийском мнении», родилась из необходимости ответить на их аргументы, а также разрешить трудности индийцев в Южной Африке, придерживавшихся аналогичных взглядов. Я также обсудил основные положения брошюры с лордом Ампитиллом, чтобы он ни на секунду не почувствовал, что я злоупотребил его именем и его помощью для своей работы в Южной Африке. Эта беседа с лордом Ампитиллом навсегда запечатлелась в моей памяти. Он нашёл время встретиться со мной, несмотря на болезнь в его семье, и хотя он не был согласен с моими взглядами, изложенными в «Хинд сварадж» («Самоуправление Индии», *прим. перев.*), он до последнего поддерживал нашу борьбу, и наши с ним отношения всегда оставались сердечными.

33. Ферма Толстого

Делегация не привезла из Англии хороших новостей. Но меня не беспокоило, какие выводы сделает община из наших бесед с лордом Ампилом. Я знал, кто будет поддерживать нас до самого конца. Мои представления о сатьяграхе уже созрели, и я осознал её универсальность и совершенство. Так что я был совершенно спокоен. «Хинд Сварадж» была написана, чтобы показать возвышенность сатьяграхи, эта книга – подлинное свидетельство моей веры в её эффективность. И я был совершенно равнодушен к численному составу наших бойцов.

Однако я не совсем был свободен от финансовых беспокойств. Вести затяжную борьбу, не имея на то достаточных средств, было действительно трудно. Тогда я не понимал настолько же ясно, как сейчас, что борьбу можно вести без средств, что деньги очень часто вредят праведной борьбе, и что Бог никогда не даёт сатьяграху или мумукшу (хинд. ищущему просветления или освобождения, *прим. перев.*) ничего сверх его скромных потребностей. Но у меня была вера в Бога, который даже тогда не оставил меня, а поднял из трясины уныния. Если, с одной стороны, по прибытию в Южную Африку я должен был сказать индийцам, что наша миссия провалилась, то, с другой стороны, Бог избавил меня от финансовых затруднений. Как только я ступил на землю Кейптауна, я получил телеграмму из Англии о том, что мистер (впоследствии сэр) Ратанджи Джамшеджи Тата передал в фонд Сатьяграхи 25000 рупий. Этой суммы вполне хватило на покрытие наших самых неотложных нужд, так что мы могли двигаться дальше.

Но этот или даже самый большой из возможных денежных даров сам по себе не мог помочь в продвижении сатьяграхи, борьбы за Истину, состоящей главным образом в самоочищении и обретении самодостаточности. Борьба сатьяграхи невозможна без «капитала» в виде характера. Как великолепный дворец, покинутый его обитателями, похож на руины, так выглядит и человек без характера, несмотря на всё его материальное имущество. Сатьяграхи могли теперь видеть, что никто не мог сказать, насколько затянется борьба. С одной стороны были бурские генералы, решившие не уступать и пяди земли, а с другой – горстка сатьяграхов, обязавшихся сражаться до победы или смерти. Это было похоже на войну муравьёв со слоном, который мог раздавить тысячи муравьёв одной своей ногой. Сатьяграхи не могли установить временные рамки для своей борьбы. Продлилась она год или много лет, для них это не имело значения. Для них сама борьба уже знаменовала собой победу. Борьба означала для них тюремное заключение или депортацию. Но как насчёт их семей? Никто не стал бы брать на работу человека, который постоянно сидит в тюрьме, а при освобождении как он должен был содержать себя и тех, кто от него зависел? Где он должен был жить и откуда брать деньги на аренду жилья? Даже сатьяграха можно извинить, если он испытывает душевную тревогу из-за нехватки хлеба насущного. В мире найдётся не так уж много людей, которые будут бороться за правое дело, даже если из-за этого им придётся обречь своих близких на те же крайние лишения, от которых страдают они сами.

До сих пор семьи сидящих в тюрьме сатьяграхов содержались за счёт системы ежемесячных денежных пособий в соответствии с их потребностями. Выдавать всем одинаковую сумму было бы нецелесообразно. Сатьяграх, имеющий на иждивении семью из пяти человек, не мог быть поставлен в один ряд с брахмачари (хинд. не состоящем в браке или соблюдающем обет целомудрия, *прим. перев.*), не имеющим никаких семейных обязательств. Также невозможно было набрать в нашу «армию» одних только брахмачари. Принцип, которым мы обычно руководствовались, заключался в том, что каждую семью просили назвать минимальную сумму, соответствующую её потребностям, и выплачивали эту сумму на основе доверия. Здесь было большое пространство для мошенничества, которым некоторые жулики, конечно, могли воспользоваться. Другие, честные, но привыкшие вести определённый образ жизни, естественно ожидали той помощи, какая и дальше позволила бы им жить в том же духе. Я видел, что при таких темпах движение не могло просуществовать длительный срок. Всегда существовал риск несправедливости по отношению к достойным и необоснованного преимущества недобросовестных. У этой проблемы было только одно решение, а именно: все семьи должны были находиться в одном месте и стать членами своего рода кооперативного содружества. Таким образом исключалась возможность мошенничества и несправедливости к кому бы то ни было. Государственные средства могли быть в значительной степени сэкономлены, а семьи сатьяграхов приучены к новой и простой жизни в гармонии друг с другом. Индийцы, принадлежащие к различным провинциям и исповедующие различные вероисповедания, получили бы опыт совместной жизни.

Но где следовало искать место, подходящее для подобного поселения? Городская жизнь была подобна процеживанию мошки, но проглатыванию верблюда (аллюзия на Евангелие от Матфея, *прим. перев.*). Одна только плата за жильё могла составить ту же сумму, что и расходы на питание, и было нелегко жить простой жизнью среди разнообразных соблазнов города. Опять-таки, в городе невозможно было найти место, где многие семьи могли бы заниматься чем-то полезным в своих домах. Так что было ясно, что выбранное место должно было быть не слишком далеко от города, но и не слишком близко к нему. Конечно же, таким местом мог быть Феникс, где печаталась газета «Индийское мнение», и где выращивались некоторые культуры. Феникс был удобен во многих других отношениях, но он находился в трёхстах милях от Йоханнесбурга, до которого нужно было добираться тридцать часов. Поэтому было трудно и дорого везти семьи на такое расстояние и возвращать их обратно. Кроме того, семьи не были готовы покинуть свои дома ради такого далёкого места, и даже в случае их готовности казалось невозможным отправить их туда, равно как и сатьяграхов после их освобождения из тюрьмы.

Необходимое нам место должно было находиться в Трансваале и недалеко от Йоханнесбурга. Мистер Калленбах, с которым читатель уже знаком, купил ферму площадью около 1100 акров и предоставил её сатьяграхам в бесплатное пользование (30 мая 1910 года). На ферме было около тысячи плодоносящих деревьев и небольшой дом у подножия холма, рассчитанный на полдюжины человек. Вода поступала из двух колодцев, а также из родника. Ближайшая железнодорожная станция Лоули

находилась примерно в миле, а Йоханнесбург – в двадцати одной миле от фермы. Мы решили построить там дома и предложить переселиться туда семьям сатяграхов.

34. Ферма Толстого (продолжение)

Апельсины, абрикосы и сливы росли на ферме в таком изобилии, что в течение сезона сатяграхи могли наесться фруктами досыта, и ещё при этом оставались излишки.

Родник находился примерно в 500 ярдах от наших жилищ, и воду приходилось носить на коромыслах.

Здесь мы настояли на том, чтобы у нас не было слуг ни для работы по дому, ни, насколько это возможно, даже для сельскохозяйственных и строительных работ. Поэтому всё, от приготовления пищи до уборки мусора, мы делали своими руками. Что касается жилья для семей, мы с самого начала решили, что мужчины и женщины должны были жить отдельно. Поэтому дома строились по два, как два отдельных блока, на некотором расстоянии друг от друга. На тот момент считалось, что достаточно обеспечить жильем десять женщин и шестьдесят мужчин. Кроме того, нужно было построить дом для господина Калленбаха и рядом с ним школу, а также мастерскую для столяров, сапожных и других работ.

Поселенцы прибыли из Гуджарата, Тамилнада, Андхрадеша и Северной Индии; среди них были индусы, мусульмане, парсы и христиане. Всего было около сорока молодых мужчин, два или три старика, пять женщин и от двадцати до тридцати детей, из которых четыре или пять были девочками.

Христианки и другие женщины были мясоедками. Мы с господином Калленбахом считали желательным исключить мясо из рациона фермы. Но как мы могли просить отказаться от мяса, пусть и на время, тех людей, которые не имели никаких угрызений совести в этом вопросе, которые с детства привыкли есть мясо и которые приехали сюда в тяжелые дни? Но если бы мы стали давать им мясо, не увеличило ли бы это стоимость нашей жизни? Опять же, нужно ли было давать говядину тем, кто к ней привык? Сколько отдельных кухонь нужно было иметь в этом случае? Какова была бы моя роль в этом вопросе? Оказав денежную помощь этим семьям, я уже поддержал как мясоедов вообще, так и тех, кто ел говядину (в традиционном индуизме это считается чем-то очень нежелательным или греховным, *прим. перев.*).

Если бы я установил правило, что мясоедам не следовало помогать, мне пришлось бы вести борьбу сатяграхи с одними вегетарианцами, что было бы абсурдно, поскольку движение было организовано от имени всех классов индийцев. Я не сразу ясно представил себе свои действия в этих обстоятельствах. Если христиане и мусульмане просили даже говядину, то и это должно было им быть предоставлено. Не принять их на ферме было бы абсолютной ошибкой.

Но где любовь, там и Бог. Друзья-мусульмане дали мне добро на чисто вегетарианскую кухню. Теперь мне нужно было обратиться к христианским сёстрам, чьи мужья или сыновья находились в

тюрьме. Я часто вступал в тесный контакт с христианскими друзьями, которые находились в тюрьме и в подобных случаях давали согласие на вегетарианскую диету. Но это был первый раз, когда мне пришлось очень близко общаться с их семьями в их отсутствие. Я представил сёстрам трудности с жильем и финансами, а также свои собственные глубокие чувства в этом вопросе. В то же время я заверил их, что даже говядина будет им предоставлена, если они того пожелают. Сёстры любезно согласились отказаться от мяса, и приготовление пищи было передано в их ведение. Мне, с помощником или без него, было поручено им помогать. Моё присутствие на кухне сдерживало мелкие препирательства. Еда должна была быть максимально простой. Время и количество приёмов пищи было чётко регламентировано. Кухня должна была быть одна, и все должны были обедать в одном ряду. Каждый должен был мыть за собой посуду и другие вещи. Общую посуду должны были чистить по очереди. Должен сказать, что сатьяграхи долгое время жили на ферме Толстого, но ни женщины, ни мужчины ни разу не просили мяса. Пить, курить и т.д., конечно же, было полностью запрещено.

Как я уже говорил, мы хотели быть самостоятельными насколько это было только возможно, даже в проектировании зданий. Нашим архитектором был, конечно, мистер Калленбах, и он нашёл европейского каменщика. Плотник из Гуджарати, Нараяндас Дамания, предоставил свои услуги бесплатно и привлёк к работе других плотников по сниженным расценкам. Что касается неквалифицированного труда, то поселенцы работали своими руками. Некоторые из нас, у кого были крепкие руки, буквально творили чудеса. Прекрасный сатьяграх по имени Вихари выполнял половину плотнической работы. Лев среди людей, Тхамби Найду отвечал за санитарию и закупку товаров, для чего ему приходилось ездить в Йоханнесбург.

Одним из поселенцев был Праджи Кхандубхай Десаи, который всю свою жизнь не испытывал особых неудобств, но здесь ему пришлось мириться с лютым холодом, жарким солнцем и проливными дождями. Вначале, около двух месяцев, мы жили в палатках, пока строились здания. Все строения были из гофрированного железа, поэтому их возведение много времени не заняло. Дерево всех необходимых размеров также доставлялось уже в готовом виде. Всё что нам нужно было сделать – распилить его в соответствии с нашими замераами. Нам не нужно было много дверей и окон. Поэтому за такой короткий промежуток времени можно было возвести довольно много строений. Но этот физический труд был очень тяжёлым бременем для Праджи. Работа на ферме была, конечно, тяжелее, чем в тюрьме. Однажды Праджи упал в обморок от изнеможения и жары. Но он был не из тех, кто легко сдавался. Он натренировал своё тело настолько, что в конце концов встал вровень с лучшими работниками на ферме.

Ещё был Джозеф Ройппен, адвокат, лишённый адвокатской специ. Очень тяжёлая работа была ему не по плечу. Ему было трудно спускать грузы с железнодорожного состава и перевозить их на тележке, но он делал это как мог.

На ферме Толстого слабые стали сильными, и труд для всех оказался тонизирующим средством.

Всем приходилось ездить в Йоханнесбург по тем или иным поручениям. Дети любили ездить туда просто так. Мне тоже приходилось ездить туда по делам. Поэтому мы установили правило, что ездить туда по железной дороге можно было только по общественным делам нашего маленького содружества, да и то третьим классом. Тот, кто хотел отправиться в увеселительную поездку, должен был идти пешком и брать с собой домашнюю провизию. В городе никто не мог тратить ничего на еду. Если бы не эти жёсткие правила, деньги, сэкономленные за счёт жизни в сельской местности, были бы потрачены на проезд по железной дороге и городские пикники. Провизия была самой простой: домашний хлеб из пшеничной муки грубого помола, из которой не удалялись отруби, арахисовое масло, также собственного изготовления, и домашний же мармелад. Мы приобрели железную ручную мельницу для помола пшеницы. Арахисовое масло делалось путём обжаривания и последующего измельчения арахиса; оно было в четыре раза дешевле обычного масла. Что касается апельсинов, то они у нас на ферме были в изобилии. Коровьего молока на ферме почти не было, так что мы обходились сгущённым молоком.

Но вернёмся к «походам». Тот, кто хотел попасть в Йоханнесбург, ходил туда пешком один или два раза в неделю и возвращался на ферму в тот же день. Как я уже говорил, путь в одну сторону составлял двадцать одну милю. Мы сэкономили сотни рупий благодаря этому единственному правилу ходить пешком, и те, кто так делал, извлекли из этого большую пользу. Некоторые лишь недавно приобрели привычку ходить пешком. Как правило, путешественник вставал в 2 часа ночи и отправлялся в путь в 2:30. За шесть-семь часов он добирался до Йоханнесбурга. Рекорд по минимальному времени, затраченному на дорогу, составил 4 часа 18 минут.

Пусть читатель не думает, что эта практика была для поселенцев тяжёлым испытанием. Напротив, она была принята всеми с радостью. Но если бы она навязывалась, ни один поселенец не согласился бы с такой дисциплиной. Молодёжи очень нравилось работать на ферме и выполнять поручения в городе. Их было трудно при этом удержать от каких-то шалостей. Им не давали больше работы, чем они могли охотно и с радостью выполнить, и я ни разу не обнаружил, чтобы выполненная таким образом работа была неудовлетворительной количественно или качественно.

Отдельный абзац можно посвятить нашим санитарным условиям. Несмотря на большое количество поселенцев, нигде на ферме нельзя было найти и пятнышка грязи. Весь мусор закапывался в вырытые специально для этой цели траншеи. Не разрешалось выливать воду на дороги. Все хозяйственные стоки собирались в вёдра и использовались для полива деревьев. Пищевые и растительные отходы использовались в качестве удобрений. Рядом с домом была вырыта квадратная яма глубиной в полтора фута для фекалий. Она полностью покрывалась выкопанной землёй и поэтому не издавала никакого запаха. Так что нельзя было предположить, что именно там закопано. Таким образом, мы не только избавились от неприятного запаха, но и превратили его возможный источник в бесценное удобрение для фермы. При правильном использовании фекалий мы получали удобрения, эквивалентные стоимости навоза в десятки тысяч рупий, а также обеспечивали себе иммунитет от ряда заболеваний. Своими плохими привычками мы портим священные берега рек и создаем прекрасные условия для размножения мух, в результате чего эти самые мухи, которые по нашей

преступной небрежности садятся на испражнения, оскверняют затем наши тела после омовений. Маленькая лопата – это средство спасения от большой неприятности. Оставлять фекалии на виду, ковыряться в носу или плевать на дорогу – это грех против Бога и человечества, все эти вещи выдают прискорбное невнимание к другим. Человек, который не скрывает свои продукты жизнедеятельности, заслуживает сурового наказания, даже если живёт в лесу.

Перед нами стояла задача превратить ферму в оживлённый промышленный центр, чтобы тем самым сэкономить деньги и в конечном итоге сделать семьи самодостаточными. Достигнув этой цели, мы могли бы сражаться с правительством Трансвааля сколь угодно долго. Нам пришлось потратить немного денег на обувь. Ношение обуви в жарком климате вредно, поскольку весь пот впитывается в ноги, которые от этого становятся ранимыми. В Трансваале, как и в Индии, носки не нужны, но мы считали, что ноги должны быть защищены от колючек, камней и тому подобных вещей. Поэтому мы решили научиться делать сандалии. На холме Мариан недалеко от города Пайн есть монастырь немецких католических монахов-траппистов, где занимаются подобным производством. Мистер Калленбах отправился туда и овладел искусством изготовления сандалий. После возвращения он обучил этому искусству меня, а я, в свою очередь, других работников. Таким образом несколько молодых людей научились изготавливать сандалии, и мы начали продавать их друзьям. Нет нужды говорить, что многие из моих учеников легко превосходили меня в этом искусстве. Ещё одним ремеслом было плотницкое дело. Основав что-то вроде деревни, мы нуждались во всевозможных больших и малых вещах, от скамеек до ящиков, и производили всё это сами. Уже упомянутые бескорыстные плотники помогали нам в течение нескольких месяцев. Господин Калленбах был начальником столярного цеха, и в этом качестве служил образцом аккуратности и мастерства.

Для подростков и детей была необходима школа. Это была самая трудная из наших задач, и мы до последнего не могли добиться здесь полного успеха. Бремя педагогической работы в значительной степени легло на плечи господина Калленбаха, а также на мои. Школьные занятия могли проводиться только во второй половине дня, когда мы оба были совершенно измотаны утренним трудом, равно как и наши ученики. Поэтому и учителя, и ученики часто дремали на уроках. Мы освежали лицо водой и пытались тем самым взбодрить детей и самих себя, но порою тщетно. Тело требовало отдыха и не принимало ничего другого. Но это была лишь наименьшая из многочисленных трудностей. Ведь занятия проводились несмотря ни на что. Чему и как мы должны были учить учеников, говорящих на трёх языках – гуджарати, тамильском или телугу? Я очень хотел сделать эти языки средством обучения. Я немного знал тамильский, чего нельзя было сказать о телугу. Но что мог сделать один учитель в таких обстоятельствах? Я попытался использовать некоторых молодых людей в качестве учителей, но эксперимент не увенчался успехом. Конечно же, потребовались услуги Прагджи. Некоторые молодые люди были очень озорными и ленивыми и всегда были не в ладах со своими учебниками. С такими учениками учитель не мог рассчитывать на большой успех. Кроме того, нашим занятиям не хватало регулярности. Мистеру Калленбаху или мне приходилось иногда уезжать по делам в Йоханнесбург.

Ещё одной непростой задачей было преподавание религии. Мне хотелось, чтобы мусульмане читали Коран, а парсы – Авесту. Был один ребёнок кходжа (индийская мусульманская секта, *прим. перев.*), отец которого возложил на меня обязанность обучить его небольшой книге этой секты. Я собирал книги по исламу и зороастризму. Я выписал фундаментальные доктрины индуизма в соответствии с моими представлениями – сейчас я уже забыл, было это сделано для моих собственных детей или для всей Фермы Толстого. Если бы этот документ был сейчас в моём распоряжении, я бы вставил его в эту книгу как веху моего духовного прогресса. Но на протяжении своей жизни я выбросил или сжёг много подобных вещей. Я избавлялся от них, когда считал, что не было необходимости их сохранять, или когда сфера моей деятельности расширялась. Я не сожалею об этом, поскольку сохранение всех этих документов было бы слишком обременительно и дорогостояще для меня. Я был бы вынужден держать для них целые шкафы и груды коробок, что стало бы бельмом на глазу для давшего обет бедности.

Но этот педагогический эксперимент не был бесплодным. Дети были спасены от заразы нетерпимости и научились относиться к религиям и обычаям друг друга с искренней доброжелательностью. Они научились жить вместе, как родные братья. Они усвоили уроки взаимного служения, вежливости и трудолюбия. И из того немногого, что я знаю о последующей деятельности некоторых детей на Ферме Толстого, я уверен, что образование, которое они там получили, не было напрасным. Даже если оно и было несовершенным, это был продуманный религиозный эксперимент, и среди самых приятных воспоминаний о ферме этот эксперимент не менее приятен, чем все прочие.

Но этим воспоминаниям должна быть посвящена другая глава.

35. Ферма Толстого (завершение)

В этой главе я предлагаю собрать воедино несколько воспоминаний о ферме Толстого. Они получились довольно разрозненными, поэтому я прошу читателя быть снисходительным.

Учителям вряд ли когда-либо приходилось преподавать в таком разнородном классе, какой выпал на мою долю. Там были ученики всех возрастов и обоих полов, от мальчиков и девочек семи лет до двадцатилетних юношей и двенадцати-тринадцатилетних девушек. Некоторые из этих мальчиков были необузданными озорниками.

Чему я должен был учить эту разношёрстную группу? Как я мог удовлетворить потребности каждого ученика? И на каком языке я должен был с ними разговаривать? Тамилы и телугу знали свой родной язык, английский и немного голландский. Я мог говорить с этими детьми только на английском. Я разделил класс на две части: с гуджаратской частью я должен был говорить на гуджарати, а с остальными – на английском. В основном обучение строилось на том, что я рассказывал или читал им какие-то интересные истории. Я также старался, чтобы между ними установился тесный контакт в духе дружбы и служения. Также необходимо было дать им общие знания по истории и географии, а в некоторых случаях – по арифметике. Помимо этого, они обучались письму и некоторым бхаджанам (хинд. религиозным песнопениям, *прим. перев.*), которые входили в наши молитвы и к которым я старался приобщить и тамильских детей.

Мальчики и девочки свободно общались друг с другом. Мой эксперимент по совместному обучению на Ферме Толстого был самым бесстрашным в своём роде. Сегодня я уже не посмею позволить детям пользоваться и наслаждаться той же свободой, которую я предоставил классу на нашей ферме. Я часто чувствовал, что мой тогдашний ум был более невинным, чем сегодняшний, и это было связано, возможно, с моим невежеством. С тех пор я получил горький опыт и иногда сильно обжигался. Люди, которых я считал совершенно невинными, оказались испорченными. Я обнаружил корни зла и глубоко в своём собственном существе; с тех пор робость стала моей второй натурой.

Я не раскаиваюсь в том, что решился на этот эксперимент. Моя совесть свидетельствует, что он не принёс никакого вреда. Но как ребёнок, который, однажды обжёгшись горячим молоком, дует даже на сыворотку, сейчас я соблюдаю повышенную осторожность.

Человек не может позаимствовать веру или мужество у других. Сомневающимся, как сказано в Гите, суждено быть уничтоженными. Моя вера и мужество достигли наивысшей точки на Ферме Толстого. Я молил Бога позволить мне вновь достичь той высоты, но молитва ещё не была услышана, ибо подобным просителям пред Великим Белым Престолом нет числа. Единственное моё утешение в том, что у Бога столько ушей, сколько и просителей. Поэтому я полностью полагаюсь на Него и знаю, что моя молитва будет принята, когда я подготовлю себя для этой благодати.

Это был мой эксперимент. Я отправлял мальчиков, которых считали озорниками, и невинных девочек купаться в одном и том же месте в одно и то же время. Я полностью объяснил детям, знакомым с моей доктриной сатьяграхи, о необходимости самоограничения. Я знал, и дети это также знали, что я любил их материнской любовью. Читатель помнит, что на некотором расстоянии от кухни был родник. Не глупо ли было позволять детям собираться там для купания и при этом ожидать от них невинности? Я всегда следил за девочками, как мать следит за своими дочерьми. Было специально отведённое время, когда все мальчики и девочки шли вместе купаться. В этом был элемент безопасности, поскольку никто не шёл поодиночке. Как правило, в то время у источника находился и я.

Все мы спали на открытой веранде. Мальчики и девочки располагались вокруг меня. Между любыми двумя кроватями едва ли было расстояние в три фута. Кровати расставлялись с некоторой осторожностью, но любая такая осторожность оказалась бы бесполезной в случае нечестивого ума. Теперь я вижу, что только Бог хранил честь этих мальчиков и девочек. Я провёл этот эксперимент из убеждения, что мальчики и девочки могут жить вместе без вреда, и родители с их безграничной верой в меня позволили мне его провести.

Однажды один из юношей дурно подшучивал над двумя девушками, и сами девушки или кто-то из детей мне об этом сообщили. Эта новость заставила меня содрогнуться. Я навёл справки и выяснил, что это было правдой. Я поговорил с молодыми людьми, но этого было недостаточно. Я пожелал, чтобы у обеих девушек был какой-нибудь знак как предупреждение, чтобы никакой юноша не мог на них дурно посмотреть, а также и как урок каждой девушке, чтобы никто не смел посягать на их чистоту. Страстный Равана не мог даже прикоснуться к Сите с дурным умыслом, пока Рама находился за тысячи миль (отсылка к Рамаяне, *прим. перев.*). Какой знак должны носить девушки, чтобы дать им чувство безопасности и в то же время очистить взгляд грешника? Этот вопрос не давал мне уснуть всю ночь. Утром я мягко попросил девочек разрешить мне отрезать их прекрасные длинные волосы. На ферме мы брили и стригли друг друга, и поэтому у нас хранились ножницы и машинки для стрижки. Сначала девочки не хотели меня слушать. Я уже объяснил ситуацию пожилым женщинам, которые не могли смириться с моим предложением, но вполне понимали мои мотивы, и они, в конце концов, меня поддержали. Они обе были благородными девушками. Одной из них, увы, уже нет. Она была очень смыслёной и разумной. Другая жива и по сей день, она ведёт своё собственное хозяйство. В конечном итоге они согласились, и та же самая рука, которая пишет эти строки, принялась стричь их волосы. После я обстоятельно объяснил классу эту процедуру и получил при этом прекрасные результаты. Больше я никогда не слышал о каких-либо подшучиваниях. Девушки, о которых идёт речь, несколько от этого не потеряли, и лишь Бог знает, сколько приобрели. Я надеюсь, что молодые люди всё ещё помнят об этом случае и сохраняют свои глаза от греха.

Эксперименты, подобные тем, о которых я рассказываю, не предназначены для повторения. Любой учитель, решивший их повторить, подверг бы себя серьёзному риску. Я привожу их здесь только для того, чтобы показать, как далеко в определённых обстоятельствах может зайти человек, и подчеркнуть чистоту борьбы сатьяграхи. Именно эта чистота была залогом её победы. Прежде чем

приступать к подобным экспериментам, учитель должен быть одновременно отцом и матерью для своих учеников и быть готовым ко всяким неожиданностям. Помимо этого, только суровая духовная дисциплина может подготовить учителя к этим вещам.

Этот мой поступок не мог не отразиться на всей жизни поселенцев на ферме. Поскольку мы намеревались сократить расходы до самого минимума, мы изменили и нашу одежду. В городах индийские мужчины, включая сатьяграхов, одевались в европейскую одежду. На ферме такая изысканная одежда была не нужна. Мы все стали рабочими и потому носили рабочую одежду, но в европейском стиле, то есть рабочие брюки и рубашки, имитировавшие форму заключённых. Мы все пользовались дешёвыми брюками и рубашками из грубого синего сукна. Большинство женщин умели хорошо шить и занимались пошивом одежды.

Что касается еды, то обычно мы ели рис, дал (блюдо из бобовых, *прим. перев.*), овощи и роти (пшеничные лепёшки, *прим. перев.*), иногда кашу. Всё это подавалось на одном блюде, которое на самом деле было не блюдом, а чем-то вроде миски, как у заключённых в тюрьме. Деревянные ложки мы сделали сами. Мы принимали пищу три раза в день. В шесть утра мы ели хлеб и домашний пшеничный «кофе», в одиннадцать – рис, дал и овощи, а в половине пятого вечера – пшеничную кашу и молоко или хлеб с «кофе». После вечерней трапезы в семь или в половине седьмого мы молились. Во время молитвы мы пели бхаджаны, иногда читали Рамаяну или книги по исламу. Бхаджаны были на английском, хинди и гуджарати. Иногда мы исполняли по одному бхаджану на каждом из трёх языков, а иногда только один. Все ложились спать в 9 часов.

На ферме многие соблюдали пост Экадаши. Там к нам присоединился Шри П.К. Котвал, имевший большой опыт поста, и некоторые из нас стали соблюдать чатурмы вслед за ним (в индуизме, священный период с июля по октябрь, *прим. перев.*). В это же время наступил Рамадан. Среди нас была мусульманская молодёжь, и мы чувствовали, что должны были поощрять их к соблюдению поста. Мы организовали для них приём пищи вечером и рано утром. Вечером для них готовили кашу и прочее. Разумеется, не было никакой дополнительной еды, да никто и не просил. Чтобы составить компанию мусульманским друзьям, остальные тоже принимали пищу только один раз в день вечером. Как правило, мы заканчивали вечернюю трапезу до захода солнца, поэтому единственная разница заключалась в том, что остальные заканчивали свой ужин примерно тогда, когда мусульманские мальчики начинали свой. Эти мальчики были настолько деликатны, что во время поста не доставляли никому лишних хлопот. Кроме того, тот факт, что немусульманские дети поддерживали их в их посте, произвёл на всех хорошее впечатление. Я не помню, чтобы между индусскими и мусульманскими мальчиками когда-либо возникали ссоры, а тем более расколы на почве религии. С другой стороны, я знаю, что хотя они и придерживались своих собственных убеждений, все относились друг к другу с уважением и помогали друг другу в соблюдении религиозных обрядов.

Хотя мы жили вдали от удобств городской жизни, у нас не было даже самых простых средств борьбы с болезнями. В те дни я верил, что природа излечивает болезни, и верил в невинность детей. Я думал,

что у нас не должно было быть никаких болезней, поскольку мы жили простой жизнью, но если они появлялись, я был уверен, что мог справиться с ними. Моя брошюра о здоровье – это дневник моих экспериментов и моей живой веры в то время. Я был достаточно горд, чтобы верить, что мог справиться с любыми болезнями. Я считал, что практически всё можно было вылечить землёй и водой, голоданием или изменением диеты. На ферме не случилось ни одного заболевания, которое бы вынудило нас обратиться к лекарствам или к помощи врачей. У нас был один семидесятилетний старик из Северной Индии, который страдал от астмы и кашлял, но я смог его вылечить простым изменением диеты и водолечением. Сейчас во мне поубавилось смелости, а в связи с двумя моими тяжёлыми болезнями я чувствую, что на подобные эксперименты у меня нет больше права.

Гокхале прибыл в Южную Африку, когда мы ещё жили на ферме. Его тур будет описан в другой главе, но здесь я приведу некоторые полусладкие, полугорькие воспоминания. Читатель теперь имеет представление о том, какую жизнь мы вели на ферме. Там не было ни одной раскладушки, но мы одолжили одну для Гокхале. Не было комнаты, где он бы мог уединиться. Для сидения у нас не было ничего, кроме наших школьных скамеек. И всё же как мы могли удержаться от соблазна привезти на ферму Гокхале, несмотря на его слабое здоровье? Да и как он мог не увидеть её? Я был достаточно глуп, чтобы полагать, что Гокхале сможет смириться с неудобством ночи и пройти полторы мили от станции до фермы. Я спросил его заранее, и он согласился на всё без раздумий благодаря своей простоте и непомерному доверию ко мне. В тот день, по воле судьбы, шёл дождь, и я вдруг оказался беспомощным что-то в этом отношении предпринимать. Я никогда не забуду, на какие трудности я обрёк Гокхале в тот день из-за своей невежественной привязанности. Ему пришлось слишком тяжело, и он простудился. Мы не могли отвести его на кухню и в столовую. Его поселили в комнате мистера Калленбаха. Пока мы несли обед из кухни в его комнату, обед успевал остыть. Я готовил для него специальный суп, а Котвал – специальный хлеб, но их невозможно было доставить горячими. Мы справлялись, как могли. Гокхале не проронил ни слова, но по его лицу я понял, какую я совершил глупость. Когда Гокхале узнал, что все мы спим на полу, он убрал принесённую для него раскладушку и на полу устроил себе кровать. Вся эта ночь превратилась для меня в ночь раскаяния. У Гокхале было правило в жизни, которое показалось мне не очень хорошим. Он не позволял никому, кроме слуги, ему прислуживать. Во время его поездки слуги с ним не было. Мы с г-ном Калленбахом умоляли его позволить нам помассировать ему ноги. Но он не позволил нам даже прикоснуться к нему и полушутя, полусердито сказал: «Вы, кажется, думаете, что родились, чтобы терпеть трудности и неудобства, а такие люди, как я, родились, чтобы быть изнеженными. Сегодня вы должны понести наказание за этот ваш «экстремизм». Я не позволю вам даже прикоснуться ко мне. Неужели вы думаете, что пока вы будете справлять нужду на улице, я буду пользоваться индивидуальным ночным горшком? Я вынесу любые трудности, но смирю вашу гордость». Эти слова прозвучали как удар грома и глубоко опечалили нас с г-ном Калленбахом. Единственным утешением было то, что Гокхале всё время улыбался. Кришна, несомненно, часто был глубоко оскорблён Арджуной, «не ведающим о Его величии и небрежно относящимся к Его любви», но вскоре он забывал об этих инцидентах. Гокхале помнил только наше желание услужить, хотя и не удостоил нас этой высокой милости. Наполненное глубокой любовью письмо, которое он написал мне из Момбасы, до сих пор хранится в

моём сердце. Гокхале бодро всё переносил, но до последнего не соглашался на услуги, которые мы были в силах ему оказать. Ему приходилось принимать от нас еду, но здесь у него не оставалось выбора.

На следующее утро он не давал покоя ни себе, ни нам. Он исправил все свои речи, которые мы предложили ему издать в виде книги. Когда ему нужно было что-то написать, он имел привычку ходить взад-вперёд, обдумывая это. Ему нужно было написать короткое письмо, и я полагал, что у него много времени это не отнимет. Но я ошибся. Пока я подтрунивал над ним, он прочитал мне небольшую нотацию: «Вы не знаете моего образа жизни. Я не буду делать в спешке даже самую незначительную вещь. Вначале я решу, в чём состоит моя главная мысль. Затем я обдумаю, какой язык приличествует для её изложения, а только потом уже начну писать. Если бы все поступали так, как я, какая была бы огромная экономия времени! И нация была бы спасена от лавины недопечённых идей, которая сейчас готова её захлестнуть».

Как воспоминания о Ферме Толстого будут неполными без рассказа о посещении её Гокхале, точно так же будет упущением, если я не расскажу кое-что о характере и поведении г-на Калленбаха. Было действительно удивительно, как он жил на ферме среди наших людей, словно он был одним из нас. Гокхале был не из тех людей, которых привлекали обычные вещи. Но даже он был сильно впечатлён революционными переменами в жизни Калленбаха. Калленбах был воспитан в роскоши и никогда не знал, что такое лишения. По правде, самопотакание было его религией. Он наслаждался всеми удовольствиями жизни и не стеснялся приобретать для своего комфорта всё, что можно было купить за деньги.

Для такого человека было непросто жить, передвигаться и существовать на ферме Толстого и стать одним целым с индийскими поселенцами. Это было приятным сюрпризом для индийцев. Некоторые европейцы считали Калленбаха либо сумасшедшим, либо глупцом; другие же уважали его за дух самоотречения. Калленбах никогда не считал это самоотречение чем-то болезненным для себя. На самом деле он наслаждался им даже больше, чем удовольствиями жизни. Он с восторгом описывал блаженство простой жизни, и на мгновение у слушателей возникало искушение присоединиться к нему. Он с такой любовью общался как с молодыми, так и со стариками, что разлука с ним даже на короткое время оставляла в их жизни ощутимую пустоту. Господин Калленбах очень любил фруктовые деревья, поэтому он всерьёз занялся садоводством. Каждое утро он привлекал к уходу за фруктовыми деревьями как детей, так и взрослых. Он заставлял их много работать, но у него был такой веселый нрав и улыбчивое лицо, что все любили этим заниматься. Когда в два часа ночи группа путников отправлялась с фермы в Йоханнесбург, мистер Калленбах всегда был в их числе.

У нас с мистером Калленбахом были частые беседы на религиозные темы, которые обычно сводились к таким фундаментальным основам, как ненасилие, любовь, истина и тому подобное. Когда я сказал, что убивать змей и других животных – это грех, господин Калленбах был потрясен, как и другие мои многочисленные европейские друзья. Но, в конце концов, в целом он признал истинность этого принципа. В самом начале нашего с ним общения господин Калленбах убедился в правильности и

необходимости осуществления на практике всех принципов, в которых он был убеждён интеллектуально, и поэтому он смог без колебаний осуществить важные изменения в своей жизни. Теперь, если не следует убивать змей и тому подобных животных, нужно искать с ними дружбу, думал г-н Калленбах. Поэтому сначала он собирал книги о змеях, чтобы определить различные виды рептилий. Так он прочитал, что не все змеи ядовиты, а некоторые из них действительно служат защитниками полевых культур. Он научил всех нас распознавать разные виды змей и, в конце концов, приручил огромную кобру, которую нашли на ферме. Господин Калленбах каждый день кормил её из своих рук. Я мягко возразил ему: «Хотя Вы делаете всё это в дружеском духе, Ваше дружелюбие может быть не совсем понятно кобре, тем более что Ваша доброта не лишена страха. Ни у Вас, ни у меня не хватит смелости играть с ней, будь она на воле, а нам следует воспитывать в себе именно такую смелость. Поэтому, хотя в этом акте укрощения кобры есть дружелюбие, в нем нет любви. Наше поведение должно быть таким, чтобы кобра могла видеть наши намерения насквозь. Мы ежедневно видим, что все животные сразу понимают, любит их кто-то или боится. Опять же, Вы не считаете кобру ядовитой и посадили её в тюрьму, чтобы изучить её повадки и привычки. Это своего рода самопотакание, которому не должно быть места в настоящей дружбе».

Мои доводы пришлись по душе господину Калленбаху, но он не мог заставить себя сразу же отпустить кобру. Я не оказывал на него никакого давления. Я тоже интересовался жизнью кобры, и дети, конечно, получали от этого огромное удовольствие. Никому не разрешалось беспокоить кобру, которая, однако, металась в поисках путей к спасению. То ли дверца клетки по неосторожности осталась открытой, то ли кобра сумела её открыть, но через несколько дней мистер Калленбах обнаружил клетку пустой, когда однажды утром пришёл навестить своего друга. Мистер Калленбах был рад этому, и я тоже, но благодаря этому эксперименту приручение змей стало частой темой наших разговоров. Господин Калленбах привёл на ферму бедного немца-инвалида по имени Альбрехт, который был настолько горбатым, что не мог ходить без палки. Альбрехт обладал безграничным мужеством и, будучи образованным человеком, глубоко интересовался сложными проблемами. Он тоже стал одним целым с индийскими поселенцами и свободно находил со всеми общий язык. Он начал бесстрашно играть со змеями. Он приносил молодых змей в руке и позволял им играть на своей ладони. Если бы наше пребывание на Ферме Толстого затянулось, Бог знает, чем бы закончились приключения Альбрехта.

В результате этих экспериментов мы уже не боялись змей так сильно, как могли бы. Однако не следует думать, что на ферме никто не боялся змей, или что существовал полный запрет на их убийство. Быть убеждённым, что какое-то поведение характеризуется насилием или грехом – это одно; иметь силу действовать в соответствии с этим убеждением – совсем другое. Человек, боящийся змей и не готовый отказаться от собственной жизни, не может избежать их убийства в случае крайней необходимости. Я помню один такой случай на ферме. Читатель, наверное, уже понял, что наша ферма можно сказать кишела змеями. Когда мы заняли ферму, на этой земле не было людей, и она находилась в этом заброшенном состоянии в течение некоторого времени. Однажды в комнате мистера Калленбаха нашли змею в таком месте, что казалось невозможным её поймать или прогнать

оттуда. Её увидел один из учеников. Он позвал меня и спросил, что нам нужно делать. Он попросил у меня разрешения убить её. Он мог бы убить её и без такого разрешения, но поселенцы, будь то ученики или кто-то другой, обычно не решались на такой шаг, сперва не посоветовавшись со мной. Я видел, что моим долгом было разрешить ученику убить змею, и я разрешил ему это сделать. Даже сейчас, когда я пишу эти строки, я не чувствую, что сделал что-то неправильное, дав это разрешение. У меня не хватило смелости схватить змею рукой или как-то иначе устранить опасность для поселенцев, и я не воспитал в себе такой смелости до сих пор.

Излишне говорить, что на ферме происходил приток и отток сатяграхов, одни из которых ожидали отправки в тюрьму, а другие уже были оттуда освобождены. Однажды случилось так, что на ферму приехали два сатяграха, которые были освобождены мировым судьей под личное поручительство и должны были явиться на следующий день в суд, чтобы выслушать свой приговор. Они были поглощены беседой, в то время как время подходило к последнему поезду, на который они должны были успеть. Встал вопрос, успеют ли они на него. Оба они были молодыми людьми и хорошими спортсменами. Они бежали изо всех сил вместе с теми из нас, которые хотели их проводить. Еще в пути я услышал свисток поезда, который входил на станцию. Когда раздался второй свисток, свидетельствующий о его отправлении, мы уже достигли территории вокзала. Молодые люди с каждым мгновением увеличивали скорость, и я отстал от них. Поезд тронулся. К счастью, начальник станции увидел, как они подбежали, и остановил движущийся поезд, что позволило им всё-таки сесть на него. Я поблагодарил начальника станции, когда добрался до вокзала. Из этого инцидента вытекают два момента: во-первых, рвение сатяграхов сесть в тюрьму и выполнение своих обещаний, а во-вторых, милые отношения, которые сатяграхи поддерживали с местными чиновниками. Если бы молодые люди опоздали на поезд, они не смогли бы присутствовать на следующий день в суде. От них не потребовали ни поручительств, ни денежного залога. Их отпустили только под честное слово джентльмена. Сатяграхи приобрели такой авторитет, что мировые судьи не считали нужным просить их о залоге, поскольку те сами стремились попасть в тюрьму. Поэтому молодые сатяграхи были глубоко удручены перспективой опоздать на поезд и неслись подобно ветру. В начале борьбы сатяграхи подвергались некоторому преследованию со стороны чиновников, а тюремные власти в некоторых местах были излишне к ним суровы. Но по мере развития движения мы обнаружили, что чиновники смягчились, а в некоторых случаях горечь сменилась сладостью. В тех случаях, где отношения поддерживались уже долгое время, нам даже стали помогать, как уже упомянутый мной начальник станции. Пусть однако читатель не думает, что сатяграхи подкупали этих чиновников в какой-либо форме, чтобы добиться от них послаблений. Сатяграхи никогда даже не мыслили о покупке таких сомнительных удобств. Но там, где эти вещи предлагались из вежливости, сатяграхи свободно их принимали, и это происходило во многих местах. Если начальник станции плохо настроен, он может притеснять пассажиров различными способами, не выходя при этом за рамки правил и своих служебных обязанностей. На подобное притеснение нельзя подать жалобу. С другой стороны, если чиновник настроен доброжелательно, без нарушения правил он может предоставить множество удобств. Все эти удобства мы смогли получить от начальника станции Лоули, и это благодаря вежливости сатяграхов, их терпению и способности к самопожертвованию.

Возможно, здесь будет не лишним отметить один не относящийся к делу случай. Последние тридцать пять лет я увлекаюсь экспериментами в области диетологии с религиозной, экономической и гигиенической точек зрения. Это пристрастие к реформе питания сохраняется и по сей день. Люди вокруг меня, естественно, испытывали на себе влияние моих экспериментов. Параллельно с диетологией я проводил эксперименты по лечению болезней только природными лечебными средствами, такими как земля и вода, не прибегая при этом к лекарствам. Когда я занимался адвокатской практикой, у меня с клиентами устанавливались тёплые, можно сказать, родственные отношения. Поэтому мои клиенты делились со мной своими радостями и печалью. Некоторые из них обращались ко мне за советом, зная о моих экспериментах с лечением природой. Случалось, что на Ферму Толстого приезжали пациенты именно этого класса. Одним из них был Лутаван, пожилой клиент родом из Северной Индии, когда-то приехавший в Южную Африку в качестве контрактника. Ему было более семидесяти лет, и он страдал от хронической астмы и кашля. К тому времени он уже перепробовал множество порошков вайдьев (аюрведических специалистов, *прим. перев.*) и врачебных микстур. В те дни я безгранично верил в эффективность своих методов лечения болезней, поэтому согласился не лечить его, а опробовать на нём свои эксперименты, если он будет жить на ферме и следовать всем моим указаниям. Лутаван на всё согласился. Одним из условий было отказ от табака, к которому у него было сильное пристрастие. Я заставил его поститься в течение 24 часов. Каждый день в полдень я делал ему ванну *кухне* на солнце, так как погода тогда была не слишком жаркой. В пищу он употреблял немного риса, немного оливкового масла, мёд, а вместе с медом – кашу и сладкие апельсины, иногда виноград и пшеничный кофе. Соль и все приправы избегались. Лутаван спал в том же строении, что и я, но во внутренних покоях. Для сна каждому давали два одеяла, одно в качестве простыни, другое для укрывания, а также деревянную подушку. Прошла неделя. В теле Лутавана ощущался приток энергии. Астма и кашель доставляли ему меньше беспокойств, но ночью приступы случались чаще, чем днём. Я заподозрил, что он тайком курит, и спросил его об этом. Лутаван всё отрицал. Прошло несколько дней, и поскольку улучшения не происходило, я решил тайно понаблюдать за ним. Все спали на полу. Поскольку на ферме было полно змей, господин Калленбах дал мне электрический фонарик, оставив второй себе. Когда я спал, этот фонарик всегда был поблизости. Однажды ночью я решил не засыпать. Моя кровать стояла на веранде рядом со входной дверью, а Лутаван спал внутри, но тоже рядом со входом. В полночь Лутаван кашлянул, зажёг сигарету и начал курить. Я медленно подошел к его кровати и включил фонарик. Лутаван всё понял и занервничал. Он перестал курить, встал и коснулся моих ног. «Я совершил большую ошибку» – сказал он. «Отныне я больше никогда не буду курить. Я обманул Вас. Пожалуйста, простите меня». При этих словах он чуть не разрыдался. Я утешил его и сказал, что в его интересах было не курить. Я пояснил, что по моим расчётам его кашель должен был излечиться, и когда выяснилось, что он всё ещё страдает от него, я заподозрил, что он тайно курит. Лутаван бросил курить. Через два-три дня его астма и кашель ослабли, а через месяц он полностью излечился. Теперь он был полон сил и покинул ферму.

У двухлетнего сына начальника станции был приступ тифа. Этот джентльмен тоже знал о моих методах лечения и обратился ко мне за советом. В первый день я не давал ребёнку никакой еды, а со

второго дня – только половину банана, хорошо размятого с ложкой оливкового масла и несколькими каплями сладкого апельсинового сока. На ночь я прикладывала к животу ребёнка холодный грязевой компресс, и в этом случае моё лечение тоже было успешным. Возможно, врач ошибся в своём диагнозе и это был не брюшной тиф.

Я проводил много подобных экспериментов на ферме и не помню, чтобы хоть один случай закончился неудачей. Но сегодня я не решился бы на такое лечение. Сейчас я бы содрогнулся от мысли, что при брюшном тифе нужно будет давать банан и оливковое масло. В 1918 году у меня самого был приступ дизентерии, и я не смог его вылечить самостоятельно. И по сей день не могу сказать, связано ли было с моей неуверенностью в себе или с разницей в климате то, что лечение, которое оказалось эффективным в Южной Африке, в Индии не увенчалось успехом. Но что я могу сказать с уверенностью: домашнее лечение болезней и простота нашей жизни на Ферме Толстого позволили сэкономить, по меньшей мере, два-три сотни тысяч государственных денег. Поселенцы научились смотреть друг на друга как на членов одной семьи, у сатяграхов было чистое пристанище, не осталось места для нечестности или лицемерия, и пшеница была отделена от плевел. Описанные мной диетические эксперименты делались с гигиенической точки зрения, но я провёл самый важный эксперимент на себе, который был чисто духовным по своей природе.

Я глубоко размышлял и много читал о том, имеем ли мы, вегетарианцы, право употреблять молоко. Но когда я жил на ферме, мне в руки попала какая-то книга или газета, в которой я прочитал о бесчеловечном обращении с коровами в Калькутте, чтобы выдоить из них последнюю каплю молока, и наткнулся на описание жестокого и ужасного процесса пхука (насильственное нагнетание воздуха в вагину коровы с тем, чтобы выдоить больше молока, *прим. перев.*). Однажды я обсуждал с мистером Калленбахом необходимость употребления молока, и в ходе беседы рассказал ему об этой ужасной практике, указал на несколько других духовных преимуществ, вытекающих из отказа от молока, и заметил, что желательно отказаться от молока, если это возможно. Мистер Калленбах со свойственным ему рыцарским духом сразу же был готов приступить к эксперименту по отказу от молока, поскольку он высоко оценил мои размышления. В тот же день мы оба отказались от молока и в конце концов ограничились диетой из свежих и сушёных фруктов, отказавшись также и от варёной пищи. Я не буду здесь вдаваться в дальнейшую историю этого эксперимента или рассказывать, чем он закончился, но могу сказать, что за пять лет чисто фруктовой жизни я никогда не чувствовал себя слабым и не страдал от каких-либо болезней. Опять-таки, в течение этого периода я обладал полной способностью к физическому труду, настолько, что однажды прошёл 55 миль пешком, а 40 миль были для меня обычной дневной нормой. Я твёрдо убежден, что этот эксперимент дал прекрасные духовные результаты. Я всегда сожалел, что был вынужден несколько видоизменить свою фруктовую диету, и если бы я был свободен от своей политической деятельности, даже в моём теперешнем возрасте и с риском для своего тела, я бы вернулся к той диете, чтобы исследовать её духовные возможности. Отсутствие духовной проницательности у врачей и вайдьева также было препятствием на моём пути.

Но сейчас я должен завершить главу приятных и важных воспоминаний. Такие опасные эксперименты могли иметь место только в борьбе, суть которой заключалась в самоочищении. Ферма Толстого стала центром духовного очищения и дисциплины для нашей последней кампании. У меня есть серьёзные сомнения в том, что мы смогли бы продолжать кампанию в течение восьми лет и снискать больше средств, и что тысячи людей, участвовавших в последней фазе борьбы, смогли бы вынести все испытания, если бы не Ферма Толстого. Эта ферма никогда не была в центре внимания, но будучи учреждением, этого внимания заслуживающим, она привлекла к себе симпатии общины. Индийцы увидели, что поселенцы фермы делали то, что они сами были не готовы делать, они смотрели на это как на непосильные тяготы. Это общественное доверие стало большим подспорьем для нашего движения, когда оно было реорганизовано в крупных масштабах в 1913 году. Никогда нельзя сказать, когда и чем именно отзовутся подобные вещи. Но я не допускаю и прошу также читателя не допускать и тени сомнения в том, что подобный «скрытый капитал» проявляет себя в назначенное Богом время.

* «Безвредный и питательный заменитель чая, кофе или какао можно приготовить следующим образом. Даже знатоки кофе не заметили никакой разницы во вкусе между кофе и этим заменителем. Прожаривайте хорошо очищенную пшеницу на огне, пока она не станет красной и не начнёт темнеть. Затем измельчите её в порошок, как кофе. Возьмите ложку этого порошка в чашку и залейте кипятком. Желательно поддержать на огне минуту, добавить молоко и сахар по вкусу, но можно пить и без них». Из авторской брошюры на гуджарати о здоровье, глава V. «Индийское мнение», 8 марта 1913 г.

36. Тур Гокхале

Таким образом, сатьяграхи продолжали вести размеренный образ жизни на Ферме Толстого и готовились к тому, что их ожидало в будущем. Они не знали, да их и не волновало, когда завершится эта борьба. У них было только одно обязательство – отказ подчиниться «Чёрному акту» и претерпевать все трудности, связанные с этим неповиновением. Для борца сама борьба – уже победа, ибо он получает удовольствие от самой борьбы. И поскольку именно от него зависит продолжение борьбы, он считает, что победа или поражение, удовольствие или боль зависят только от него самого. В его словаре нет такого слова, как «боль» или «поражение». Говоря словами Гиты, удовольствие и боль, победа и поражение для него суть одно.

Время от времени отдельные сатьяграхи попадали в тюрьму. Но когда повода для тюремного заключения не было, любому, кто наблюдал за деятельностью фермы со стороны, с трудом верилось, что там живут сатьяграхи или что они готовятся к борьбе. Когда какой-то скептик случайно посещал нашу ферму, если он был другом, то он жалел нас, а если недругом, то критиковал. «Эти ребята, – говорил он, – совсем обленились и потому бездельничают в этом уединённом месте. Им надоело сидеть в тюрьме, и поэтому они наслаждаются жизнью в этом фруктовом саду вдали от городского шума и суеты». Как можно было объяснить этому критику, что сатьяграх не может попасть в тюрьму через безнравственный поступок, что само его миролюбие и самоограничение являются подготовкой к «войне», и что сатьяграх, не думая о помощи людей, полагается на Бога как на единственное прибежище? В конце концов, произошли события (или Бог устроил так, чтобы они произошли), которых никто не ожидал. Также неожиданно пришла и помощь. Испытания были неожиданными, и в конце концов была достигнута ощутимая и очевидная для всех победа.

Я попросил Гокхале и других лидеров приехать в Южную Африку и изучить состояние индийских поселенцев на месте. Но я сомневался, что кто-либо из них действительно приедет. Мистер Ритч пытался добиться того, чтобы какой-нибудь индийский лидер посетил африканский субконтинент. Но кто решился бы поехать в то время, когда наша борьба очень ослабла? Гокхале был в Англии в 1911 году. Он изучал нашу борьбу в Южной Африке. Он инициировал дебаты в Законодательном совете Индии и выдвинул резолюцию (25 февраля 1910 года) в пользу запрета найма контрактных рабочих в Натале, которая была принята. Всё это время я поддерживал с ним связь. Он встретился с государственным секретарем по делам Индии и сообщил ему о своем намерении отправиться в Южную Африку и ознакомиться с фактическим положением вещей из первых рук. Министр одобрил миссию Гокхале. Он написал мне письмо с просьбой организовать программу шестинедельного тура и указал последнюю дату, когда он должен покинуть Южную Африку. Мы были просто вне себя от радости. Ни один индийский лидер до этого не был в Южной Африке, как и в любом другом месте за пределами Индии, куда эмигрировали индийцы, с целью изучения их положения. Поэтому мы осознавали важность визита такого великого лидера, как Гокхале, и решили устроить ему приём, которому могли бы позавидовать даже принцы, и показать ему главные города Южной Африки.

Сатьяграхи и другие индийцы с радостью принялись за грандиозные приготовления к приёму гостя. Европейцев также приглашали присоединиться к приёму, и они, как правило, присоединялись. Мы также решили, что в ратушах, где только возможно, должны были проводиться общественные собрания, а мэры городов, в случае их согласия – занять на них место председателей. Мы взяли на себя обязательство украсить главные станции на железнодорожной линии, и в большинстве случаев нам удалось получить необходимое разрешение. Обычно же такое разрешение не даётся. Однако наши грандиозные приготовления произвели впечатление на власти, которые проявили столько сочувствия в этом вопросе, сколько могли. Например, только в Йоханнесбурге оформление станции Парк заняло около двух недель, включая большую приветственную декоративную арку по проекту г-на Калленбаха.

В самой Англии Гокхале получил представление о том, что представляет собой Южная Африка. Государственный секретарь по делам Индии сообщил союзному правительству о высоком звании Гокхале, его положении в империи и т.д. Но кому пришло бы в голову заказать для него билет или забронировать для него хорошую каюту? У Гокхале было настолько слабое здоровье, что ему нужна была удобная каюта, где он мог бы уединиться. Руководство пароходной компании категорически заявило, что такой каюты у них не было. Я не помню точно, сам ли Гокхале или кто-то из его друзей сообщил об этом в Индийский офис. Оттуда было направлено письмо руководству пароходной компании, и в распоряжение Гокхале была предоставлена лучшая каюта, которой до этого как бы не оказалось в наличии. Из этого первоначального зла вышло добро. Капитан парохода получил инструкции хорошо относиться к Гокхале, и поэтому он счастливо и спокойно доплыл до Южной Африки. Гокхале был настолько же весел и шутлив, насколько серьёзен. Он участвовал в различных играх и развлечениях на пароходе и стал очень популярен среди других пассажиров. Правительство Союза предложило Гокхале своё гостеприимство во время его пребывания в Претории и предоставило в его распоряжение государственный салон-вагон. Он проконсультировался со мной по этому вопросу и затем принял предложение.

Гокхале высадился в Кейптауне 22 октября 1912 года. Его здоровье оказалось гораздо более слабым, чем я ожидал. Он ограничивал себя в питании и не мог переносить сильное переутомление. Программа, которую я наметил, оказалась слишком для него тяжела, поэтому я сократил её настолько, насколько это было возможно. Гокхале же был готов на всю программу в её первоначальном виде, если бы не было возможности её изменить. Я глубоко раскаивался в своей глупости, что составил столь обременительную программу, предварительно с ним не посоветовавшись. Некоторые изменения были внесены, но многое пришлось оставить как есть. Я не понимал необходимости обеспечения абсолютной конфиденциальности Гокхале, и мне с величайшим трудом удалось этого добиться. Тем не менее, в интересах истины я должен со всей скромностью сказать, что, поскольку я любил и умел принимать больных и пожилых людей, как только я осознал свою глупость, то сразу пересмотрел все сделанные приготовления, чтобы обеспечить Гокхале уединение и покой. На протяжении всего тура я выполнял функции его секретаря. Волонтёры, одним из которых был мистер Калленбах, всегда были наготове, и я не думаю, что Гокхале испытывал

какой-либо дискомфорт или трудности из-за отсутствия помощи. Было ясно, что в Кейптауне нас ждала замечательная встреча. Я уже писал о Шрайнерах. Я попросил сенатора В. П. Шрайнера, главу этой прославленной семьи, занять по этому случаю место председателя, и он дал своё согласие. Состоялась грандиозная встреча, на которой присутствовало большое количество индийцев и европейцев. Г-н Шрайнер поприветствовал Гокхале в изысканных выражениях и выразил своё сочувствие индийцам Южной Африки. Гокхале произнес речь, краткую, полную здравых суждений, твёрдую, но вежливую, которая порадовала индийцев и очаровала европейцев. Фактически, Гокхале завоевал сердца самых разных людей Южной Африки в тот самый день, когда он ступил на южноафриканскую землю.

Из Кейптауна Гокхале должен был отправиться в Йоханнесбург на поезде, проведя в пути два дня. Трансвааль был полем битвы. Когда мы выехали из Кейптауна, первой крупной пограничной станцией Трансвааля был Клерксдорп. Поскольку в каждом из этих мест проживало значительное количество индийцев, Гокхале пришлось сделать остановку и посетить встречу в Клерксдорпе, а также на промежуточных станциях Потchefструм и Крюгерсдорп, расположенных между Клерксдорпом и Йоханнесбургом. Поэтому он выехал из Клерксдорпа специальным поездом. На встречах председательствовали мэры этих городов, и ни на одной из станций поезд не останавливался дольше одного-двух часов. Поезд прибыл в Йоханнесбург с точностью до минуты. На платформе стоял специально возведённый для этого случая помост, устланный богатыми коврами. Вместе с другими европейцами присутствовал мэр Йоханнесбурга г-н Эллис, который предоставил в распоряжение Гокхале свой автомобиль на время его пребывания в Золотом городе. На самой станции Гокхале было вручено обращение. Обращения, разумеется, вручались ему повсюду. Обращение в Йоханнесбурге было выгравировано на массивной золотой пластине в форме сердца на рэнде (южноафриканская монета, *прим. перев.*) в оправе из родезийского тика (местная порода дерева, *прим. перев.*). На пластине была изображена карта Индии и Цейлона, а по обе её стороны шли две золотые таблички: на одной из них изображался Тадж-Махал, а на другой – характерная индийская сцена. Индийские сцены были также красиво вырезаны на деревянных изделиях. Представление Гокхале всем присутствующим, чтение обращения, ответ и принятие других обращений – всё это заняло не более двадцати минут. Обращение было достаточно коротким, чтобы его можно было прочитанным за пять минут. Ответ Гокхале занял примерно столько же времени. Волонтеры поддерживали такой отличный порядок, что на платформе собралось не больше людей, чем она могла вместить. Не было никакого шума.

На улице собралась огромная толпа, но никому не препятствовали входить и выходить со станции.

Гокхале поселили в прекрасном доме, принадлежащем мистеру Калленбаху, который располагался на вершине холма в пяти милях от Йоханнесбурга. Гокхале очень понравилось это место из-за его живописности и умиротворяющей атмосферы. К тому же дом, хотя и вполне простой, был полон картин. В городе для Гокхале был арендован специальный офис для приёма всех посетителей. Там было три комнаты: личная комната для Гокхале, приёмная и комната ожидания. Гокхале был приглашён на частные встречи с некоторыми выдающимися людьми города. Была организована

частная встреча с ведущими европейцами, чтобы дать Гокхале полное представление об их позиции. Кроме того, в честь Гокхале был устроен банкет, на который были приглашены четыреста человек, в том числе около ста пятидесяти европейцев. Индийцы пропускались по специальным билетам, стоимость каждого из которых составляла гинёю. Это позволило нам покрыть расходы на банкет. Меню было исключительно вегетарианским, алкоголя не было. Приготовлением пищи занимались добровольцы. Поистине трудно передать атмосферу всего происходившего там. Индусы и мусульмане в Южной Африке не соблюдают ограничений в отношении совместных обедов. Но вегетарианцы не употребляют мясо. Некоторые из индийцев были христианами, с которыми я общался так же тесно, как и с остальными. Эти христиане в своей основной массе – потомки контрактников, и многие из них зарабатывают на жизнь, работая официантами в отелях. Именно с их помощью можно было организовать столь масштабные кулинарные мероприятия, когда счёт на оплату включал около пятнадцати позиций. Для европейцев Южной Африки было в диковинку сидеть за одним столом с таким количеством индийцев, иметь чисто вегетарианское меню и полностью обходиться без алкогольных напитков. Для многих из них все эти три особенности были чем-то новым, а две – новыми абсолютно для всех.

На этом собрании Гокхале произнес свою самую длинную и важную речь в Южной Африке. Готовясь к этой речи, он подверг нас очень тщательному расспросу. Он заявил, что это было практикой всей его жизни – не игнорировать точку зрения местных людей и даже пытаться соответствовать ей, насколько это было в его силах, и поэтому он спросил меня, что бы я хотел услышать от него в этой речи. Я должен был изложить это на бумаге и не обижаться, если он впоследствии не воспользуется ни одним словом или идеей из моего черновика. Моё изложение должно было быть ни слишком коротким, ни слишком длинным, но содержать в себе все существенные моменты. Сразу скажу, что Гокхале вообще не использовал мои языковые конструкции. Действительно, я даже не мог ожидать, что такой мастер английского языка, каким был Гокхале, возьмёт на вооружение мою фразеологию. Также не могу сказать, что Гокхале воспринял мои идеи. Но он признал важность моих взглядов. Я считал само собой разумеющимся, что он должен был каким-то образом включить мои идеи в свои высказывания. Действительно, ход мыслей Гокхале был таков, что никогда нельзя было сказать, было ли в нём место для чьих-то идей или нет. Я слушал каждую речь Гокхале, но не припомню ни одного случая, когда я бы желал, чтобы он не высказал какую-то мысль или упустил какое-то прилагательное. Ясность, твёрдость и учтивость высказываний Гокхале проистекали из его неустанного труда и непоколебимой преданности истине.

В Йоханнесбурге нам также пришлось провести многолюдное собрание, в котором участвовали только индийцы. Я всегда настаивал на том, чтобы говорить либо на родном языке, либо на хиндустани, главном языке Индии, и благодаря этой настойчивости мне удалось установить тесные отношения с индийцами в Южной Африке. Поэтому я обеспокоился тем, чтобы Гокхале тоже говорил с индийцами на хиндустани. Мне были известны взгляды Гокхале на этот вопрос. Ломаный хинди его не устраивал, и поэтому он говорил либо на маратхи, либо на английском. Ему казалось неестественным говорить в Южной Африке на маратхи, и даже если бы он говорил на этом языке, его

речь должна была бы быть переведена на хиндустани в интересах гуджарати и североиндийских членов аудитории. И если всё будет так, какой вред в том, что он будет говорить по-английски? К счастью для меня, у меня был один аргумент, который Гокхале принял бы как убедительный в пользу произнесения его речи на маратхи. В Йоханнесбурге было много мусульман-конкани, а также несколько индусов из Махараштры. Все они очень хотели услышать выступление Гокхале на маратхи и просили меня попросить Гокхале выступить на их родном языке. Я сказал Гокхале, что эти друзья будут очень рады, если он будет говорить на маратхи, а я переведу его маратхи на хиндустани. Гокхале разразился смехом и сказал: «Я получил неплохое представление о Вашем знании хиндустани – достижение, с которым Вас нельзя не поздравить. Но теперь Вы предлагаете перевести маратхи на хиндустани. Могу я узнать, откуда у Вас такие глубокие познания в маратхи?». Я ответил: «То, что верно в отношении моего хиндустани, в равной степени верно и в отношении моего маратхи. Я не знаю ни слова на маратхи, но уверен, что смогу понять суть Вашей речи на маратхи, коль скоро буду знаком с темой выступления. В любом случае, Вы увидите, что неправильно я Вас не переведу. Есть и другие люди, хорошо знающие маратхи, и они вполне могли бы выступить в качестве переводчиков. Но Вы, возможно, не одобрите такой вариант. Поэтому, пожалуйста, потерпите меня и выступите на маратхи. Я тоже хочу услышать вашу речь на маратхи в общении с друзьями-конкани». «Вы всегда будете всё делать по-своему», – сказал Гокхале, – «И здесь я совершенно беспомощен, ибо нахожусь тут по Вашей милости». Так Гокхале согласился с моим предложением, и с этого момента вплоть до поездки в Занзибар он всегда говорил на маратхи на подобных встречах, а я был его специально назначенным переводчиком. Я не знаю, удалось ли мне убедить Гокхале в том, что вместо того, чтобы говорить на идеальном идиоматическом английском, более желательным было говорить, по возможности, на родном языке и даже на ломаном хинди. Но я точно знаю, что в Южной Африке, чтобы доставить мне удовольствие, он говорил на маратхи. После произнесения им нескольких речей, я увидел, что он также был удовлетворён результатами этого эксперимента. Гокхале своим поведением в Южной Африке показал, что иногда стоит угождать своим последователям, конечно, не в случаях, связанных с принципиальными вопросами.

37. Тур Гокхале (завершение)

После Йоханнесбурга Гокхале посетил Наталь, а затем отправился в Преторию, где правительство Союза разместило его в отеле «Трансвааль». Здесь он должен был встретиться с министрами правительства, включая генерала Боту и генерала Сматса. Обычно я информировал Гокхале обо всех назначенных на день встречах рано утром или, по его просьбе, накануне вечером. Предстоящая беседа с министрами Союза была очень важным делом. Мы пришли к выводу, что мне не следовало идти туда вместе с Гокхале, да и вообще предлагать ему свою компанию. Моё присутствие создало бы своего рода барьер между Гокхале и министрами, которые были бы ограничены в возможности высказываться без обиняков о том, что они считали ошибочным в действиях местных индийцев, включая и мои ошибки. Кроме того, они не могли бы спокойно делать какие-либо заявления о будущей политике, если бы они того пожелали. Поскольку по всем этим причинам Гокхале должен был идти один, это в значительной степени увеличивало бремя его ответственности. Что, если бы Гокхале случайно допустил какую-то фактологическую ошибку, или если бы ему нечего было сказать по поводу какого-то факта, озвученного министрами, который заблаговременно не довели до его сведения, или если бы ему пришлось пойти на какое-то соглашение от имени индийцев в отсутствие кого-либо из их ответственных лидеров? Но Гокхале сразу же разрешил эту трудность. Он попросил меня подготовить краткую историческую справку о состоянии индийцев по сегодняшний день, а также изложить в письменном виде, как далеко мы готовы были пойти. Гокхале сказал, что готов будет признать своё невежество, если во время общения вдруг выяснится что-либо выходящее за рамки этой «записки», и перестал беспокоиться. Теперь мне оставалось только подготовить записку, а ему – её прочитать. Однако изложить все перипетии истории индийцев в четырех колониях за последние 18 лет было невозможно, если только не на десяти или двадцати страницах, а времени на ознакомление у Гокхале почти не оставалось. Опять-таки, возникло бы множество вопросов, которые он хотел бы нам задать после прочтения записки. Но Гокхале обладал бесконечным терпением и имел исключительную память. Всю ночь он не давал спать ни себе, ни другим, подробно останавливаясь на каждом пункте и перечитывая весь материал, чтобы убедиться, что он всё правильно понял. В конце концов, он был удовлетворён. Что касается меня, то у меня не было никаких страхов.

Беседа Гокхале с министрами длилась около двух часов. Когда он вернулся, то сказал следующее: «Вы должны вернуться в Индию через год. Всё уже решено. «Чёрный акт» будет отменён. Расовый барьер уберут из закона об эмиграции. Налог в три фунта тоже отменят». «Я очень в этом сомневаюсь» – ответил я. И пояснил: «Вы не знаете министров так, как их знаю я. Поскольку я сам оптимист, мне нравится Ваш оптимистический настрой, но после множества разочарований я смотрю на эти вещи иначе, чем Вы. В то же время, у меня также нет и опасений. Мне достаточно того, что Вы получили это обещание от министров. Мой долг – бороться тогда, когда это необходимо, и показать, что наша борьба праведна. Данное Вам обещание послужит доказательством справедливости наших требований и удвоит наш боевой дух, если дело всё-таки дойдет до борьбы. Но я не думаю, что смогу вернуться в Индию через год или до того, как многие другие индийцы окажутся в тюрьме».

Гокхале сказал: «То, что я Вам сказал, обязательно случится. Генерал Бота обещал мне, что «Чёрный акт» будет отменен, так же как и налог в три фунта. Вы должны вернуться в Индию в течение двенадцати месяцев, и я не приму никаких Ваших отговорок».

Во время своего визита в Наталь Гокхале контактировал со многими европейцами в Дурбане, Марицбурге и других местах. Он также посетил алмазные прииски в Кимберли. Там, как и в Дурбане, общественные обеды организовывались встречающими его комитетами, где присутствовало много европейцев. Таким образом, завоевав сердца как индийцев, так и европейцев, Гокхале покинул Южную Африку 17 ноября 1912 года. По его желанию г-н Калленбах и я сопровождали его до Занзибара. На пароходе мы позаботились о том, чтобы у него была подходящая еда. На обратном пути в Индию ему устроили овации в заливе Делагоа, Инхамбане, Занзибаре и других портах.

На пароходе наши разговоры в основном сводились к Индии или долгу перед родиной. Каждое слово Гокхале светилось его нежным чувством, правдивостью и патриотизмом. Я заметил, что даже в играх, в которые он играл на борту парохода, Гокхале руководствовался патриотическими мотивами, а не простым желанием развлечься, и его целью было совершенство.

У нас также было достаточно времени, чтобы поговорить по душам. В этих беседах Гокхале подготовил меня к возвращению в Индию. Он проанализировал для меня характеры всех лидеров Индии, и его анализ был настолько точным, что я почти не ощутил разницы между оценкой Гокхале и моим личным опытом общения с ними.

Есть много священных воспоминаний, связанных с поездкой Гокхале в Южную Африку, которые можно было бы здесь привести. Но я буду вынужден удержаться от этого, поскольку они не имеют отношения к истории сатьяграхи. Расставание в Занзибаре было глубоко болезненным для Калленбаха и меня. Однако, памятуя о том, что самые близкие отношения смертных людей должны когда-нибудь подойти к концу, мы как-то примирились с нашим расставанием и надеялись, что, как нам напроорочил Гокхале, мы оба сможем приехать в Индию через год. Но этому не суждено было сбыться.

Однако визит Гокхале в Южную Африку укрепил нашу решимость, а последствия и значимость его поездки стали яснее, когда борьба снова перешла в активную фазу. Если бы Гокхале не приехал в Южную Африку, и если бы он не встретился с министрами Союза, отмена налога в три фунта не могла бы стать одним из пунктов нашей программы.

Если бы борьба сатьяграхи завершилась отменой «Чёрного акта», потребовалась бы новая кампания против трёхфунтового налога. Индийцы в этом случае не только столкнулись бы с бесконечными проблемами, но и вряд ли смогли бы быстро подготовиться к новой и тяжёлой борьбе. Свободные индийцы должны были добиться отмены налога. Для этого были использованы все конституционные средства, но тщетно. Налог выплачивался с 1895 года. Но когда несправедливость, какой бы вопиющей она ни была, продолжается в течение длительного времени, люди к ней привыкают, и становится трудно пробудить в них чувство долга ей противостоять. Не менее трудно убедить мир и в

том, что это вообще является несправедливостью. Обязательство, данное Гокхале, расчистило путь для сатьяграхи. Правительство должно было отменить налог в соответствии со своим обещанием. Если же оно не собиралось этого делать, то нарушение обещания оказалось бы самой веской причиной для продолжения борьбы. Именно так всё и произошло. Правительство не только не отменило налог в течение года, но и неоднократно заявило, что налог не мог быть отменён ни при каких обстоятельствах.

Таким образом, поездка Гокхале не только помогла нам сделать налог в три фунта одной из целей нашей сатьяграхи, но и привела к тому, что его признали как особого авторитета в южноафриканском вопросе. Его взгляды на Южную Африку теперь имели больший вес благодаря личному знакомству с южноафриканскими индийцами, он понимал сам и мог объяснить матери-Индии, какие шаги ей следовало предпринять. Когда борьба возобновилась, Индия оказала щедрую помощь фондам сатьяграхи, а лорд Хардиндж порадовал сатьяграхов, выразив им свою глубокую и горячую симпатию (декабрь 1913 года). Из Индии в Южную Африку приехали господа Эндрюс и Пирсон. Всё это было бы невозможно без миссии Гокхале.

Нарушение обещания министров и последствия этого станут темой следующей главы.

38. Нарушение обещания

В своей дальнейшей борьбе Сатьяграхи индийцы были очень осторожны, не предпринимали ни одного шага, идущего вразрез с их принципами, и всегда помнили, что не должны были пользоваться никакими незаконными преимуществами перед правительством. Например, поскольку действие «Чёрного акта» было ограничено индийцами Трансвааля, только индийцы Трансвааля были допущены к участию в нашей борьбе. Не только не было предпринято попыток рекрутировать новых членов в Натале, Капской колонии и т.д., но и предложения извне Трансвааля были вежливо отклонены. Борьба также ограничивалась отменой упомянутого акта. Это ограничение не было понято ни европейцами, ни индийцами. На ранних стадиях индийцы время от времени просили, чтобы помимо «Чёрного акта» наша борьба распространялась и на другие претензии. Я терпеливо объяснял им, что такое расширение было бы направлено против истины, о чём нельзя было и помыслить в движении, исповедующем истину и только истину. В чистой борьбе борцы никогда не выйдут за пределы изначальной цели, даже если в ходе борьбы намного прибавят сил, но, с другой стороны, не откажутся от своей цели, обнаружив, что их силы убывают. Этот двойной принцип был полностью соблюден в Южной Африке. Как уже было сказано, сила общины, на которую мы рассчитывали, определяя свою цель в начале борьбы, не оправдала наших ожиданий. И всё же оставшаяся горстка сатьяграхов по-прежнему не покидала свой пост. Сражаться в одиночку пред лицом превосходящих сил было сравнительно несложно. При большом подкреплении нам пришлось бы труднее, так как это потребовало от нас большей сдержанности, чтобы не примешать к борьбе дополнительные цели. Подобные искушения часто возникали перед нами в Южной Африке, но я могу категорически заявить, что мы ни разу им не поддались. И поэтому я часто говорил, что у сатьяграха есть единственная цель, от которой он не может отступить и за пределы которой он не может перейти; её нельзя ни расширить, ни сузить. Мир учится применять к человеку те стандарты, которые он применяет к себе. Когда правительство увидело, что сатьяграхи заявили о следовании этим прекрасным принципам, оно стало оценивать поведение сатьяграхов в этом свете, хотя сами они, очевидно, никакими принципами не были связаны. Кроме того, они несколько раз обвиняли сатьяграхов в нарушении своих принципов. Даже ребёнку понятно, что если после «Чёрного акта» было бы принято новое антииндийское законодательство, оно должно было быть включено в программу сатьяграхи. И всё же, когда были введены новые ограничения на индийскую иммиграцию и потребовалось расширить нашу программу действий, правительство выдвинуло против нас совершенно необоснованное обвинение в том, что мы поднимали новые вопросы. Если были введены новые ограничения на индийских иммигрантов, мы имели полное право вербовать их для участия в нашем движении, и потому, как уже видел читатель, Сорабджи и другие въехали в Трансвааль. Правительство не могло с этим мириться, но мне не составило труда убедить беспристрастных людей в правильности этого шага. Ещё один подобный случай произошёл после отъезда Гокхале. Он полагал, что налог в три фунта будет отменён через год, а соответствующий законопроект будет внесён на следующей сессии союзного парламента. Вместо этого генерал Сметс заявил со своего

места в Палате собрания, что поскольку европейцы в Натале были против отмены этого налога, правительство Союза не могло принять противоречащий этому закон. Это однако не соответствовало действительности. Представители от Наталя сами по себе ничего не могли сделать в органе, в котором были представлены четыре колонии. Опять-таки, генерал Сматс должен был внести необходимый законопроект в Ассамблею от имени кабинета министров, а затем оставить эту меру на волю случая. Но он не сделал ничего подобного, и это позволило нам счесть возмутительный налог как один из поводов к «войне». Для этого было две причины. Во-первых, если бы в ходе борьбы правительство дало обещание, а затем отказалось от него, наша программа, естественно, была бы расширена таким образом, чтобы включить в себя и этот отказ. Во-вторых, нарушение обещания, данного такому представителю Индии, как Гокхале, было не только личным оскорблением для него, но и для всей Индии, с чем невозможно было мириться. Если бы существовала только одна причина, т.е. первая, сатьяграхи, почувствовав себя неспособными справиться с этой задачей, вполне объяснимо могли бы не начинать сатьяграху против налога в три фунта. Но невозможно было проглотить оскорбление, нанесённое родине. Поэтому мы посчитали, что сатьяграхи должны были включить в свою программу налог в три фунта, и когда этот налог стал частью нашей борьбы, индийцы-контрактники получили возможность принять в ней участие. Читатель должен был заметить, что до сих пор этот класс оставался в стороне от нашей борьбы. Эта новая ориентация нашей политики, с одной стороны, увеличила бремя нашей ответственности, а с другой – получила новый источник пополнения рядов нашей «армии».

До сих пор сатьяграха не особенно затрагивала контрактников; ещё менее они были подготовлены к участию в ней. Будучи неграмотными, они не могли читать «Индийское мнение» и другие газеты. И всё же выяснилось, что эти бедняки внимательно следили за ходом нашей борьбы и понимали причины нашего движения, хотя некоторые из них сожалели, что не могли к нему присоединиться. Но когда министры Союза нарушили данное ими слово, и отмена налога в три фунта также была включена в нашу программу, мне было совершенно неизвестно, захочет ли кто-либо из них принять участие в нашей борьбе.

Я написал Гокхале о нарушении данного нам обещания, что для него стало крайне болезненной новостью. Я попросил его не о чём не беспокоиться и заверил, что мы будем бороться на смерть, но вырвем отмену налога из упорствующих рук правительства Трансвааля. Однако от идеи моего возвращения в Индию через год пришлось отказаться, и невозможно было сказать, когда я смогу поехать. Гокхале был в высшей степени человеком цифр. Он попросил меня сообщить ему максимальную и минимальную численность нашей армии мира, а также имена бойцов. Насколько я сейчас помню, я отправил Гокхале список в 65–66 имён как максимальное количество и 16 – как минимальное, а также дал ему понять, что, в связи с таким незначительным нашим числом, не ожидал от Индии денежной помощи. Я попросил его отбросить страхи и не подвергать чрезмерному напряжению свои физические ресурсы. Из газет и других источников я узнал, что после возвращения Гокхале в Бомбей из Южной Африки на него посыпались обвинения в слабости и т.д. Поэтому я хотел, чтобы Гокхале не пытался собрать для нас средства в Индии. Но вот что он мне ответил: «Мы

в Индии имеем некоторое представление о своём долге, так же как и вы осознаёте свои обязательства в Южной Африке. Мы не позволим указывать нам, что нам следует или не следует делать. Я лишь хотел узнать ситуацию в Южной Африке, но не просил Вашего совета о том, что мы можем сделать». Я понял смысл слов Гокхале и в дальнейшем никогда не говорил и не писал ни слова на эту тему. В том же письме были слова утешения и предостережения. Он опасался, что, учитывая нарушение обещаний, наша борьба может затянуться надолго, и сомневался, что горстка людей сможет долго противостоять такой наглой и грубой силе как союзное правительство. В Южной Африке мы начали подготовку. В предстоящей кампании нельзя было сидеть сложа руки. Было ясно, что нам грозили длительные тюремные сроки. Было решено закрыть Ферму Толстого. Некоторые семьи после освобождения кормильцев вернулись в свои дома. Остальные в основном были из Феникса, который и был выбран в качестве будущего главного штаба сатяграхов. Другая причина, по которой предпочтение было отдано Фениксу, заключалась в том, что если контрактники присоединятся к нашей борьбе против налога в три фунта, то встречать их будет удобнее из Наталя.

Пока шла подготовка к возобновлению борьбы, возникло новое недовольство, давшее возможность даже женщинам внести в борьбу свою лепту. Некоторые смелые женщины ещё ранее хотели присоединиться к борьбе, а когда сатяграхи попали в тюрьму за торговлю без лицензии, их жены выразили желание последовать их примеру. Но тогда мы сочли неправильным в чужой стране отправлять женщин в тюрьму. Казалось, не было достаточных оснований посылать их на линию огня, а я, со своей стороны, не мог набраться храбрости взять их с собой на фронт. Другим аргументом было то, что для нашего мужского достоинства было унижением жертвовать своими женщинами, борясь с законом, направленным только против мужчин. Но затем произошло событие, особенно оскорбившее женщин, и поэтому у нас не осталось никаких сомнений в том, что ими также следовало пожертвовать.

39. Когда брак – не брак

Незримый никем, Бог словно готовил ингредиенты для победы индийцев и ещё более наглядно демонстрировал несправедливость европейцев в Южной Африке, о чём в т.ч. свидетельствовало событие, которого никто не ожидал. Многие женатые мужчины приехали в Южную Африку из Индии, а некоторые индийцы заключили брак в самой Южной Африке. В Индии не существует закона о регистрации обычных браков, и для придания им законной силы достаточно религиозной церемонии. Подобный обычай должен был распространяться и на индийцев в Южной Африке. Хотя индийцы жили в Южной Африке на протяжении всего лишь сорока лет, законность браков, заключённых по обрядам различных религий Индии, никогда не ставилась под сомнение. Но 14 марта 1913 года господин судья Сёрл из Капского Верховного суда вынес решение о том, что все браки в Южной Африке объявлялись незаконными, за исключением тех, которые были заключены по христианским обрядам и зарегистрированы Регистратором браков. Таким образом, это ужасное решение одним росчерком пера аннулировало в Южной Африке все браки, заключённые по индуистским, мусульманским и зороастрийским обрядам. Многие замужние индийские женщины в Южной Африке, согласно этому решению, перестали считаться жёнами своих мужей и были низведены до ранга наложниц, а их потомство было лишено права наследовать родительское имущество. Эта ситуация для женщин была невыносимой не менее, чем для мужчин, и индийцы в Южной Африке были глубоко взволнованы.

По своему обычаю я написал правительству. Я спросил их, были ли они согласны с решением судьи Сёрла и, если судья его истолковал именно так, как мы это поняли, внесут ли они изменения в закон, чтобы признать законность индийских браков, освящённых в соответствии с религиозными обычаями сторон и признанных законными в Индии. Правительство тогда не было настроено меня слушать и не пошло мне на встречу.

Ассоциация сатьяграхов провела собрание, чтобы рассмотреть вопрос о том, насколько было целесообразно подавать апелляцию на решение судьи Сёрла. Собравшиеся пришли к выводу, что по вопросу такого рода апелляция была невозможна. Если апелляция и могла иметь место, то её должно было подать правительство или, если бы они того пожелали, индийцы на том условии, что правительство открыто встанет на их сторону в лице своего генерального прокурора. Подавать апелляцию при несоблюдении означенных условий было равносильно тому, чтобы мириться с признанием недействительности индийских браков. Пришлось бы прибегнуть к сатьяграхе, даже если бы подобная апелляция была подана и отклонена. Поэтому в данных обстоятельствах казалось, что лучше было не подавать апелляцию против этого невыразимого оскорбления.

Наступил кризис, когда уже нельзя было ждать какого-то благоприятного дня или часа. Уже невозможно было терпеть оскорбление, нанесённое нашим женщинам. Мы решили прибегнуть к жёсткой сатьяграхе, независимо от числа наших бойцов. Теперь женщинам не только не возбраняли

присоединяться к нашей борьбе, но мы решили даже пригласить их встать в один ряд с мужчинами. Сначала мы пригласили сестёр, которые жили на Ферме Толстого. Как выяснилось, они были очень рады присоединиться к нашей борьбе. Я рассказал им о риске, сопряжённым с таким участием. Я объяснил им, что им придётся мириться с ограничениями в еде, одежде и личных передвижениях. Я предупредил их, что в тюрьме им могут дать тяжелую работу, заставить стирать одежду и даже подвергнуть оскорблениям со стороны надзирателей. Но эти сёстры были храбрыми и не боялись таких вещей. Одна из них была беременна, а у шестерых на руках были маленькие дети. Но все они желали к нам присоединиться, и я просто не мог встать у них на пути. Все эти сёстры, за одним исключением, были тамилками. Вот их имена:

1. Миссис Тхамби Найду. 2. Миссис Н. Пиллай. 3. Миссис К. Муругаса Пиллай. 4. Миссис А. Перумал Найду. 5. Миссис П.К. Найду. 6. Миссис К. Чиннасами Пиллай. 7. Миссис Н.С. Пиллай. 8. Миссис Р.А. Мудалингем. 9. Миссис Бхавани Даял. 10. Мисс Миначи Пиллай. 11. Мисс Байкум Муругаса Пиллай.

Легко попасть в тюрьму, совершив преступление, но непросто туда попасть, будучи невиновным. Когда преступник пытается избежать ареста, полиция преследует его и арестовывает. Но они могут задержать невиновного человека, который по собственной воле идет под арест, только когда нет иного выхода. Первые попытки этих сестёр не увенчались успехом. Они въехали в Трансвааль через Веринихин без разрешения, но их не арестовали. Они начали торговать без лицензии, но полиция по-прежнему игнорировала их. Невозможность попасть в тюрьму стала для женщин проблемой. Мужчин, готовых отправиться в тюрьму, было не так много, а те, кто был готов, не могли легко осуществить это желание.

Тогда мы решили пойти на шаг, который откладывали до последнего; в итоге, он полностью оправдал наши ожидания. Я размышлял над тем, чтобы в критический момент принести в жертву всех поселенцев в Фениксе. Это должно было стать моей последней жертвой Богу Истины. Поселенцы в Фениксе были, в основном, моими близкими коллегами и родственниками. Идея заключалась в том, чтобы отправить их всех в тюрьму, за исключением нескольких человек, необходимых для проведения собраний индийцев, и детей младше шестнадцати лет. Это была максимальная жертва, на которую я мог пойти в сложившихся обстоятельствах. Шестнадцать человек, о которых я упоминал в письме Гокахале, были одними из первых поселенцев в Фениксе. Было предложено, чтобы эти друзья пересекли границу Трансвааля; их должны были сразу же арестовать за въезд в страну без разрешения. Мы опасались, что правительство не арестует их, если мы заранее объявим о своём намерении, и поэтому никого не посвятили в этот секрет, за исключением нескольких друзей. Когда новоприбывшие поселенцы въезжали в Трансвааль, полицейский спрашивал их имена и адреса. По нашему плану, они не должны были сообщать эту информацию из-за опасения, что если идентифицирует их личности, полиция, таким образом, узнает, что это мои близкие, и потому не станет их арестовывать. Отказ назвать имя и адрес офицеру также считался отдельным правонарушением. В то время как группа «Феникс» въезжала в Трансвааль, сёстры, которые тщетно пытались добиться своего ареста в Трансваале, должны были въехать в Наталь. Поскольку въезд в

Трансвааль из Наталь без разрешения являлся преступлением, въезд в Наталь из Трансвааля был точно таким же преступлением. Если бы сестёр арестовали при въезде в Наталь – хорошо и прекрасно. Но в случае, если бы их не стали арестовывать, было решено, что они должны были добраться до Ньюкасла, крупного центра угледобычи в Натале, и призвать тамошних контрактников устроить забастовку. Родным языком сестёр был тамильский; кроме того, они немного говорили на хиндустани. Большинство рабочих на угольных шахтах были родом из штата Мадрас и говорили на тамильском или телугу, хотя также было и много выходцев из Северной Индии. Если бы рабочие устроили забастовку в ответ на призыв сестёр, правительство должно было арестовать их вместе с рабочими, которые тем самым, вероятно, воспылали бы ещё большим энтузиазмом. Такова была стратегия, которую я продумал и предложил сёстрам в Трансваале.

Я отправился в Феникс, чтобы обсудить свои планы с тамошними поселенцами. Прежде всего, я провёл консультации с живущими там сёстрами. Я знал, что такой шаг, как отправка женщин в тюрьму, был сопряжен с серьёзным риском. Большинство сестёр в Фениксе говорили на гуджарати. У них не было такой подготовки или опыта, как у трансваальских сестёр. Более того, большинство из них были связаны со мной родственными узами и могли сесть в тюрьму только из-за моего влияния на них. Если бы последствия они дрогнули во время суда или не выдержали тюрьмы, скажем, их могли заставить извиниться, это не только бы нанесло серьёзный удар лично мне, но и всему нашему движению. Я решил не обсуждать эту тему с женой, поскольку она не могла сказать «нет» на ни одну из моих просьб; если б она сказала «да», то я бы не знал точно, как понимать это её согласие. Я знал, что в таком серьёзном вопросе муж должен был оставить жене право на любой шаг по её собственной инициативе и не обижаться, даже если б никакого шага не последовало. Я всё обсудил с другими сёстрами, которые охотно согласились с моим предложением и выразили готовность отправиться в тюрьму. Они заверили меня, что отсидят свой срок в тюрьме, несмотря ни на что. Моя жена подслушала мой разговор с сёстрами и, обращаясь ко мне, сказала: «Мне жаль, что ты не делишься этим со мной. Что во мне такого, что не позволяет мне сидеть в тюрьме? Я тоже хочу встать на путь, на который ты призываешь других». «Ты знаешь, что я последний человек, который захочет причинить тебе боль» – ответил я. «Я абсолютно тебе доверяю. Я буду только рад, если ты попадёшь в тюрьму, но это не должно выглядеть так, словно ты угодила туда по моей просьбе. В таких делах каждый должен действовать, полагаясь только на свои силы и мужество. Если бы я попросил тебя об этом, ты, возможно, пошла бы на этот шаг просто ради того, чтобы угодить мне. И если бы ты дрогнула в суде или испугалась трудностей заключения, я бы ни в чём тебя не обвинил, но как насчёт меня? Как я смогу укрывать тебя или смотреть миру в лицо? Именно такие опасения не позволили мне предложить тебе тюрьму». «Ты будешь волен расстаться со мной, – сказала она, – если я не выдержу тюремного заключения и добьюсь своего освобождения, извинившись. Если ты можешь переносить трудности, как и мои мальчики, то почему не смогу я? Я обязана присоединиться к борьбе». «Тогда я обязан принять тебя в наши ряды» – сказал я. «Ты знаешь мои условия и мой темперамент. Даже сейчас ты по-прежнему вольна пересмотреть своё решение, и если после должного размышления придёшь к выводу не присоединяться к движению, то сможешь свободно пойти на попятную. И ты должна понимать, что в этом не будет ничего постыдного».

«Мне не о чем размышлять, я уже приняла решение» – сказала она.

Я предложил и другим поселенцам, чтобы каждый принял своё решение независимо от других. Снова и снова, разными способами я доводил до них ту мысль, что никто не должен был отступить, окажется ли борьба короткой или затянется надолго, будет ли поселение в Фениксе процветать или придёт в упадок, сохранит ли кто-то крепкое здоровье или заболеет в тюрьме. Все были готовы. Единственным членом партии за пределами Феникса был Рустомджи Дживанджи Горходу, от которого эти разговоры невозможно было утаить, а Какаджи, как его ласково называли, был не тем человеком, который мог упустить такую возможность. Он уже побывал в тюрьме, но настоял на том, чтобы нанести туда повторный визит. Группа «вторжения» состояла из следующих членов:

1. Миссис Кастурбай Ганди. 2. Миссис Джаякунвар Манилал Доктор. 3. Госпожа Каши Чхаганлал Ганди. 4. Госпожа Санток Маганлал Ганди. 5. Парси Рустомджи Дживанджи Горкходу. 6. Чхаганлал Кхушалчанд Ганди. 7. Равджибхай Манибхай Патель. 8. Маганбхай Харибхай Патель. 9. Соломон Ройшпен, 10. Раджу Говинду. 11. Рамдас Мохандас Ганди. 12. Шивпуджан Бадари. 13. В. Говиндараджулу. 14. Куппусвами Мунайт Мудалиар. 15. Гокулдас Хансрадж. 16. Ревашанкар Ратанси Содха.

Продолжение – в следующей главе.

40. Женщины в тюрьме

Эти «вторженки» должны были отправиться в тюрьму за пересечение границы и въезд в Трансвааль без разрешения. Читатель поймёт, что если бы имена этих женщин были известны заранее, полиция, вероятно, не стала бы арестовывать их. Так, к примеру, произошло со мной. Меня арестовывали два или три раза, но после этого полиция перестала задерживать меня при пересечении границы. Никто не был проинформирован о том, что эта группа отправилась в путь, и новость, конечно же, не попала в газеты. Более того, членам группы было приказано не называть своих имён даже полиции и заявить, что они раскроют свои личности только в суде.

Полиции были известны подобные случаи. После того как индийцы взяли за привычку самим напрашиваться на арест, они часто не называли своих имён просто ради забавы, и поэтому полиция не увидела ничего странного в поведении партии из Феникса, которая была соответствующим образом арестована. Затем их судили и приговорили к трём месяцам лишения свободы с каторжными работами (23 сентября 1913 года).

Сёстры, не имевшие успеха в Трансваале, теперь въехали в Наталь, но также не были арестованы за въезд в страну без разрешения. Поэтому они отправились в Ньюкасл и начали свою работу в соответствии с ранее намеченными планами. Их влияние распространялось как лесной пожар. Патетическая история о несправедливостях, причиняемых налогом в три фунта, растрогала рабочих, и они объявили забастовку. Обо всём этом мне телеграфировали, и я был озадачен новостями не меньше, чем обрадован. Что я должен был теперь делать? Я не был готов к этому чудесному пробуждению. У меня не было ни людей, ни денег, которые позволили бы мне справиться с предстоящей работой. Но я очень ясно представлял себе свой долг. Я должен был поехать в Ньюкасл и сделать всё, что было в моих силах. И я незамедлительно отправился туда.

Правительство не могло больше позволить храбрым сёстрам из Трансвааля оставаться на свободе и продолжать свою деятельность. Они также были приговорены к тюремному заключению на тот же трёхмесячный срок и содержались в той же тюрьме, что и группа «Феникс» (21 октября 1913 года).

Эти события до глубины души взволновали сердца индийцев не только в Южной Африке, но и на родине. Сэр Ферозешах до сих пор оставался безучастным. В 1901 году он настоятельно советовал мне не ехать в Южную Африку. Он считал, что ничего нельзя было сделать для индийских эмигрантов за морем до тех пор, пока Индия сама не добьётся свободы, и движение сатьяграхи в его начальной стадии не произвело на него особого впечатления. Но заключение женщин в тюрьму подействовало на него, как ничто другое. Как он сам выразился в своей речи в Бомбейском магистрате, его кровь закипала при мысли о том, что этим женщинам приходилось лежать в тюрьмах вместе с обычными преступниками, поэтому Индия не могла больше откладывать решение этого вопроса.

Храбрость этих женщин не поддавалась описанию. Всех их держали в тюрьме Марицбурга, где они подвергались серьёзным притеснениям. Их кормили самой худшей пищей, а в качестве работы им поручали стирку. Почти до конца срока им не разрешалось получать пищу извне. Одна сестра дала религиозный обет ограничить себя в питании. После больших трудностей администрация тюрьмы разрешила ей эту диету, но даваемая ей пища была непригодна для употребления. Эта сестра очень нуждалась в оливковом масле. Сначала она его не получала, а когда получила, то масло оказалось старым и прогорклым. Она предложила достать оливковое масло за свой счёт, но ей сказали, что тюрьма – это не постоянный двор, и она должна принимать ту пищу, которую ей дают. Когда эту сестру выпустили, она была сплошь кожа да кости, и её жизнь удалось спасти только благодаря громадным усилиям.

Другая сестра вернулась из тюрьмы со смертельной лихорадкой, от которой скончалась через несколько дней после освобождения (22 февраля 1914 года). Как я могу забыть её? Валлиамма Р. Мунусвами Мудалиар была молодой девушкой из Йоханнесбурга, ей было всего шестнадцать лет. Когда я её навестил, она была прикована к постели. Поскольку она была высокой девушкой, её истощённое тело являло собой ужасное зрелище.

«Валлиамма, ты не жалеешь о том, что попала в тюрьму?» – спросил я.

«Жалею? Даже сейчас я готова снова сесть в тюрьму, если меня арестуют» – ответила Валлиамма.

«Но что, если это приведёт к твоей смерти?» – продолжил я.

«Я не возражаю. Кто не согласится умереть за свою родину?» – был её ответ.

Через несколько дней после этого разговора Валлиаммы уже не было в живых, но она оставила нам своё бессмертное имя. В разных местах прошли поминальные собрания, и индийцы решили возвести «Зал Валлиаммы» в память о высшей жертве этой дочери Индии. К сожалению, этот проект до сих пор не воплотился в жизнь. Было множество трудностей. Общину раздирали внутренние противоречия, главные наши деятели уходили один за другим. Но независимо от того, соорудили зал или нет, служение Валлиаммы нетленно. Она построила свой храм служения собственными руками, и её славный образ и поныне занимает своё место в сердцах многих людей. Имя Валлиаммы будет жить в истории южноафриканской сатьяграхи до тех пор, пока жива Индия.

Это была абсолютно чистая жертва, принесённая этими сёстрами, которые не были искушены в юридических формальностях и, во многих случаях, не имели представления о своей родине; их патриотизм основывался на чистой вере. Некоторые из них были неграмотны и не могли читать газет. Но они знали, что по чести индийцев наносился смертельный удар, и их тюремное заключение было криком агонии и молитвой, возносимой от всего сердца. Это была чистейшая из всех жертв. Такая молитва, исходящая из сердца, всегда угодна Богу. Жертва приносит плоды лишь когда она чиста. Бог жаждет в человеке преданности. Он с радостью принимает крохотное подношение вдовы, совершённое с преданностью, то есть без корыстных побуждений, и вознаграждает его сторицей.

Неискушённый Судама предложил горсть риса, но это небольшое подношение положило конец многолетней нужде и голоду (отсылка на историю о Судаме и Кришне в Махабхарате, *прим. перев.*). Тюремное заключение многих могло оказаться бесплодным, но самоотверженная жертва одной чистой души никогда не бывает напрасной. Никто не может сказать, чья жертва в Южной Африке была угодна Богу и принесла плоды. Но мы знаем, что жертва Валлиаммы принесла плоды, как и жертвы других сестёр.

Бесчисленные души жертвовали собой в прошлом, жертвуют собой в настоящем и будут жертвовать собой в будущем в своём служении стране и человечеству, и это в порядке вещей, поскольку никто не знает, чьи поступки чисты. Но сатьяграхи могут быть уверены, что если среди них есть хотя бы один, чистый как кристалл, его жертвы достаточно для достижения поставленной цели. Мир покоится на фундаменте сатьи, или истины. Асатья, то есть неправда, помимо прочего означает «несуществующее»; сатья же, то есть истина, означает то, что есть. Если неправда не существует, то о её победе не может быть и речи. А истина, будучи сущей, никогда не может быть уничтожена. Такова, вкратце, доктрина сатьяграхи.

41. Поток рабочих

Заключение женщин в тюрьму подействовало на рабочих на шахтах вблизи Ньюкасла как мановение волшебной палочки: они побросали свои инструменты и потоками устремились в город. Как только я получил эту новость, я отправился из Феникса в Ньюкасл.

У этих рабочих нет своих собственных жилищ. Владельцы шахт строят для них дома, освещают дороги и снабжают их водой, в результате чего рабочие оказываются в полной зависимости. А как сказал Тулсидас, зависимый человек не может быть счастливым даже во сне.

Забастовщики пришли ко мне со множеством жалоб. Некоторые сказали, что владельцы шахт отключили свет или воду; другие утверждали, что их домашние пожитки вышвырнули на улицу. Сайяд Ибрагим, патхан, показал мне свою спину и сказал: «Посмотрите, как жестоко они меня избили. Я отпустил этих негодяев только ради Вас, таков был Ваш приказ. Я – патхан, а патханы никогда не терпят побоев, только наносят их».

«Молодец, брат» – ответил я. «Я считаю подобное поведение чистой храбростью. Мы победим благодаря людям, подобным тебе».

Я поздравил его, но про себя подумал, что забастовка не сможет продолжаться, если многие подвергнутся такому же обращению, как этот патхан. Оставляя вопрос о порке в стороне, было бы очень затруднительно продолжать забастовку, если бы хозяева шахт решили отключить свет, водоснабжение и другие удобства, которыми пользовались бастующие. Но независимо от того, были ли жалобы обоснованными, забастовщики не могли долго продержаться в подобных обстоятельствах, и я должен был найти выход из этого затруднительного положения. В противном случае было бы лучше, чтобы они признали себя побеждёнными и сразу же вернулись к работе, чем возобновлять работу после периода томительного ожидания. Но советы пораженцев были не по мне. Поэтому я предположил, что единственно верным решением станет, если рабочие покинут заводские жилища и продолжат путь как паломники.

Счёт рабочих шёл не на десятки, а на сотни и мог легко перерасти в тысячи. Как я должен был разместить и накормить эту постоянно растущую толпу людей? Я не стал обращаться за денежной помощью к Индии. Золотая река, которая впоследствии потекла с родины, на тот момент была ещё слабым ручейком. Индийские торговцы были смертельно запуганы и совсем не были готовы помогать мне публично, поскольку у них были торговые отношения с владельцами угля и другими европейцами. Когда бы я ни приезжал в Ньюкасл, я всегда останавливался у них. Но на этот раз, поскольку я поставил бы их в неловкое положение, я решил остановиться в другом месте.

Как я уже говорил, сёстры из Трансвааля в большинстве своём были тамилками. Они поселились в Ньюкасле у мистера Д. Лазаря, тамильца-христианина среднего класса, который владел небольшим участком земли и двух- или трёхкомнатным домом. Я тоже решил поселиться в этой семье, которая

приняла меня с распростёртыми объятиями. Бедняки ничего не боялся. Хозяин дома принадлежал к семье контрактников, а значит он или его родственники должны были заплатить налог в три фунта. Неудивительно, что он и близкие ему люди были знакомы с бедами контрактников и поэтому глубоко им сопереживали. Другим всегда было нелегко принимать меня под своей крышей, но сейчас это был равносильно тому, что навлечь на свою голову финансовый крах или даже, возможно, подвергнуться тюремному заключению. Мало кто из состоятельных торговцев захотел бы оказаться в подобном затруднительном положении. Я понимал их ограничения, как и свои собственные, и потому держался от них на приличном расстоянии. Бедный Лазарь пожертвовал бы своим заработком, если бы до этого дошло дело. Он охотно бы сел в тюрьму, но как бы он смог мириться со злодеяниями, которые творили по отношению к контрактникам, ещё более бедным, чем он сам? Лазарь видел, что гостившие у него сёстры из Трансвааля прибыли на помощь к контрактникам и за это подверглись тюремному заключению. Он понял, что и он находился в долгу перед этими рабочими, и потому приютил меня у себя. Мало того, он всецело отдался этому делу. Когда я там остановился, дом превратился в «базар-вокзал». Самые разные люди постоянно приходили и уходили, там колыхался целый океан голов. Огонь на кухне не затихал ни днём, ни ночью. Миссис Лазарь трудилась словно рабыня целыми днями, и всё же её лицо, как и лицо её мужа, всегда было озарено улыбкой, как неиссякающим солнечным светом.

Однако Лазарь не мог прокормить сотни рабочих. Я сказал рабочим, что им лучше было настроиться на длительную забастовку и покинуть жилища, предоставленные их хозяевами. Они должны были продать все свои вещи, на которые нашёлся бы покупатель. Остальное они должны были оставить в домах. Владельцы угольных шахт вряд ли бы тронули их вещи, но если бы из мести они решили вышвырнуть их на улицу, то рабочие должны были пойти и на этот риск. Приходя ко мне, они не должны были иметь при себе ничего, кроме одежды и одеял. Я обещал жить и питаться вместе с ними всё время забастовки и пока они находились вне тюремных стен. Они могли продолжать свою забастовку и одержать победу только на таких условиях. Те, у кого не хватило бы мужества придерживаться этой линии поведения, должны были вернуться на работу. Никто не должен был презирать или как-то преследовать их. Нужно сказать, что никто из рабочих не стушевался перед этими моими условиями. С того самого дня, как я сделал это объявление, начался непрерывный поток паломников, которые «из жизни домашней вступили в жизнь бездомную» вместе со своими жёнами, детьми и с узелками одежды на головах.

У меня не было возможности предоставить им жильё, так что небо было единственной их крышей. К счастью для нас, погода была благоприятной, не было ни дождя, ни холода. Я был уверен, что класс торговцев не откажется нас накормить. Торговцы Ньюкасла предоставили кастрюли для приготовления пищи и мешки с рисом и далом. Из других мест нам также прислали рис, дал, овощи, приправы и другие вещи. Помощь превзошла все мои ожидания. Не все были готовы пойти в тюрьму, но все сопереживали нашему делу и были готовы внести свой вклад в наше движение в меру своих возможностей. Те, кто не мог что-либо дать, работали добровольцами. Известные и умные добровольцы должны были присматривать за этими безвестными и необразованными людьми, и они

были готовы помочь. Они оказали неоценимые услуги, и многих из них арестовали. Таким образом, каждый по мере своих сил облегчал наш путь.

В лагере скопилось огромное количество людей, и постоянно прибывали новые. Удерживать их всех в одном месте и присматривать за ними, пока у них не было работы, было опасной, если не невыполнимой задачей. Они, как правило, не знали законов санитарии. Некоторые из них сидели в тюрьме за уголовные преступления, такие как убийство, кража или супружеская измена. Но я не считал себя вправе судить о нравственности забастовщиков. С моей стороны было бы глупо пытаться отличить «козлов» от «овец». Моим делом было только проведение забастовки, которую нельзя было смешивать ни с какой другой реформаторской деятельностью. Да, я должен был следить за соблюдением порядка в лагере, но невозможно было выяснить подноготную каждого забастовщика. Если такую разношёрстную толпу собрать в одном месте и ничем её не занять, то обязательно будут преступления. Удивительно, но за те несколько дней, пока мы находились в лагере, не произошло ни одного происшествия. Все вели себя так, словно прекрасно понимали всю серьёзность сложившейся ситуации.

Я придумал, как решить эту проблему. Мне нужно было переправить эту «армию» в Трансвааль и проследить, чтобы их посадили в тюрьму, как и группу из Феникса. Армия должна быть разделена на небольшие группы, каждая из которых должна была по-отдельности пересечь границу. Но я сразу же отказался от этой идеи, поскольку её реализация заняла бы слишком много времени, а поочерёдное заключение в тюрьму небольших групп не дало бы эффекта массового движения.

Численность «армии» составляла около пяти тысяч человек. У меня не было средств, чтобы оплатить железнодорожный проезд такому большому количеству людей, и потому их нельзя было перевезти по железной дороге. Кроме того, если бы я их отправил по железной дороге, у меня не было бы возможности проверить их моральные качества. Граница Трансвааля находится в тридцати шести милях от Ньюкасла. Пограничные деревни Наталя и Трансвааля – Чарльстаун и Фолькскрафт соответственно. В конце концов, я решил идти пешком. Я посоветовался с рабочими, с которыми были их жёны и дети, и некоторые из них не решились последовать моему предложению. У меня не оставалось другого выхода, кроме как мужаться и объявить забастовщикам, что все желающие могли вернуться на рудники. Но никто из них не воспользовался этой свободой.

Мы решили, что всех калек следовало отправить по железной дороге, а все трудоспособные выразили свою готовность отправиться в Чарльзтаун пешком. Марш нужно было совершить за два дня. В итоге все были рады, что наш поход состоялся. Рабочие понимали, что это было некоторым облегчением для бедного Лазаря и его семьи. Европейцы в Ньюкасле ожидали вспышки чумы и предпринимали всевозможные шаги, чтобы её предотвратить. Решившись на этот шаг, мы вернули им душевное спокойствие, а также избавили себя от неприятных мер, которые бы они к нам применили.

Пока шла подготовка к маршу, я получил приглашение встретиться с владельцами угольных компаний и направился в Дурбан. Эта конференция и последующие события будут описаны в следующей главе.

42. Конференция и её итоги

По приглашению владельцев шахт я встретился с ними в Дурбане. Я заметил, что забастовка произвела на них некоторое впечатление, но я не ожидал, что из нашей конференции выйдет что-то значительное. Однако скромность сатяграха безгранична. Он не упускает ни одной возможности для мирного урегулирования, и его не беспокоит, что кто-то посчитает его робким человеком. Тому, кто верит в себя и в силу, которая проистекает из этой веры, безразлично, если на него смотрят свысока. Он полагается исключительно на свою внутреннюю силу. Поэтому он вежлив со всеми и таким образом привлекает симпатию мира к тому, что делает.

В этой связи я принял приглашение владельцев угольных шахт и, встретившись с ними, увидел, что атмосфера была накалена до предела. Вместо того, чтобы узнать о моём видении ситуации, их представитель приступил к перекрёстному допросу. Я отвечал так, как считал нужным.

«В ваших руках положить конец забастовке» – сказал я. «Мы не чиновники» – последовал ответ.

«Вы можете заключить соглашение, хоть вы и не чиновники» – сказал я. «Вы можете вести борьбу рабочих от их имени. Если вы попросите правительство отменить налог в три фунта, не думаю, что оно вам откажет. Вы также можете просветить европейцев по этому вопросу».

«Но какое отношение к забастовке имеет налог в три фунта? Если у рабочих есть какие-либо претензии к владельцам угольных шахт, обратитесь к ним надлежащим образом за возмещением».

«Я не вижу, чтобы у рабочих было другое оружие, кроме забастовки. Налог в три фунта также был введён в интересах владельцев шахт, которые хотят, чтобы на них работали контрактники, а не вольнонаёмные рабочие. Поэтому, если забастовка рабочих проводится для того, чтобы добиться отмены налога, я не вижу в этом ничего предосудительного или несправедливого по отношению к владельцам шахт».

«Вы не посоветуете рабочим вернуться на работу?» «К сожалению, не смогу».

«Вы знаете, каковы будут последствия?»

«Знаю, я полностью осознаю свою ответственность».

«Да, действительно. Вам нечего терять. Но возместите ли вы ущерб заблуждающимся рабочим, который они из-за вас понесут?»

«Рабочие объявили забастовку после тщательного обдумывания и с полным осознанием тех убытков, которые им придётся понести. Я не могу представить себе большей потери для человека, чем потеря самоуважения, и меня глубоко удовлетворяет тот факт, что рабочие осознали этот фундаментальный принцип».

И так далее. Я не могу сейчас вспомнить весь наш разговор. Я вкратце изложил запомнившиеся мне моменты. Я видел, что владельцы шахт осознавали свою слабость, поскольку они уже вели к тому времени переговоры с правительством.

Во время моего путешествия в Дурбан и обратно я видел, что забастовка и мирное поведение забастовщиков произвели прекрасное впечатление на железнодорожную охрану и других людей. Как обычно, я ехал третьим классом, но даже там охранники и другие чиновники окружали меня, обо всём расспрашивали и желали мне успехов. Они предоставляли мне различные мелкие удобства. Я неукоснительно поддерживал безупречную чистоту своих отношений с ними и не дал им ни малейшего повода подумать, что я в чём-то нуждался. Я был рад их вежливости, но не пытался её «купить». Эти чиновники были поражены тем, что бедные, неграмотные и невежественные рабочие проявили такую великолепную стойкость. Твёрдость и мужество – качества, которые обязательно оставят отпечаток даже на противнике.

Я вернулся в Ньюкасл. Рабочие по-прежнему стекались со всех сторон. Я подробно объяснил «армии» сложившуюся ситуацию. Я сказал, что они все, при желании, ещё могли вернуться к работе. Я рассказал им об угрозах владельцев угольных шахт и обрисовал им возможные риски. Я также дал им понять, что было неизвестно, насколько затянется наша борьба. Я описал им тяготы тюрьмы, однако они не дрогнули. Они бесстрашно ответили, что никогда не падут духом, пока я сражаюсь рядом с ними, и попросили меня не беспокоиться за них, поскольку они привыкли к трудностям.

Теперь нам только оставалось отправиться в поход. Рабочим сообщили, что рано утром следующего дня (28 октября 1913 года) они должны были начать марш, и зачитали им правила, которые они должны были соблюдать в пути. Управлять толпой в пять или шесть тысяч человек было делом нешуточным. Я не имел представления о точном количестве участников, не знал их имён и адресов. Я просто довольствовался тем, что многие из них решили присоединиться к движению. В качестве ежедневного пайка я мог выдавать не более полутора фунтов хлеба и унции сахара каждому «солдату». Я планировал раздобыть ещё что-нибудь по дороге у индийских торговцев. Но если бы мне это не удалось, они должны были довольствоваться хлебом и сахаром. Мой опыт бурской войны и зулусского восстания пришёлся здесь очень к месту. Никто из «вторженцев» не должен был иметь при себе больше одежды, чем того требовалось. Никто в пути не должен был посягать на чьё-либо имущество. Они должны были терпеливо сносить, если какой-нибудь европейский чиновник или просто европеец станет издеваться над ними или даже выпорот. Они должны были позволить арестовать себя, если таковым будет желание полицейских. Даже в случае моего ареста марш должен был продолжаться. Все эти пункты были разъяснены участникам, и я также объявил имена тех, кто должен был поочерёдно возглавлять «армию» вместо меня.

Люди уяснили полученные инструкции, и наш караван благополучно достиг Чарльзтауна, где торговцы оказали нам большую помощь. Они предоставили нам в пользование свои дома и разрешили готовить пищу на территории мечети. Когда мы добрались до лагеря, выдаваемый на марше рацион был исчерпан, поэтому нам нужны были котелки для приготовления пищи. Их с

радостью предоставили торговцы. У нас был большой запас риса и т.д., и торговцы также внесли свой вклад.

Чарльзтаун был небольшим поселением, насчитывающим едва ли тысячу жителей, и он никогда бы не смог вместить несколько тысяч паломников. Только женщины и дети поселились в домах. Все остальные жили в лагере под открытым небом.

О нашем пребывании в Чарльзтауне сохранилось много приятных и немного горьких воспоминаний. Приятные воспоминания связаны с санитарным отделом и окружным санитарным врачом доктором Бриско, который был весьма встревожен феноменальным ростом населения. Однако вместо того, чтобы принять какие-то жёсткие меры, он встретился со мной, дал несколько советов и предложил свою помощь. Европейцы осмотрительны, а мы небрежны в трёх вещах: чистоте воды, чистоте дорог и чистоте санузлов. Доктор Бриско попросил меня следить за тем, чтобы воду не выливали на дороги, не загаживали окрестности и не бросали где попало мусор. Он также предложил, чтобы наши люди оставались в пределах выделенной нам территории, и чтобы я отвечал за её чистоту. Я с благодарностью принял его предложения, которые меня полностью удовлетворили.

Мне было очень трудно заставить наших людей соблюдать эти правила. Но паломники и мои товарищи облегчили эту задачу. Я постоянно убеждаюсь в том, что многое можно сделать, если слуга действительно служит, а не пытается диктовать что-то другим. Если слуга трудится сам, другие последуют его примеру. Так оказалось и в этом случае. Я и мои товарищи без колебаний подметали, убирали мусор и делали подобную работу, в результате чего другие также принимались за неё с энтузиазмом. В отсутствие такой разумной практики бесполезно отдавать приказы другим. Все будут стараться поучать других, и в результате ничего не будет сделано. Но когда сам лидер становится слугой, никто не будет пытаться перехватить это лидерство.

Из моих товарищей в Чарльзтауне уже находился Калленбах. Там же была и мисс Шлезин, чьи трудолюбие, точность и честность были выше всяких похвал. Из индийцев я сейчас вспоминаю покойного Шри П. К. Найдун и Шри Альберта Кристофера. Кроме них были и другие, которые много работали и оказывали ценную помощь.

Наш рацион состоял из риса и дала. У нас был большой запас овощей, которые нельзя было готовить отдельно из-за нехватки времени и кастрюль, поэтому их смешивали с далом. Кухня работала двадцать четыре часа в сутки, поскольку голодные люди приходили в любое время дня и ночи. Ни один рабочий не должен был задерживаться в Ньюкасле. Все знали, куда мы направлялись, и потому, оставив шахты, напрямик направлялись в Чарльзтаун.

Когда я думаю о терпении и стойкости этих людей, меня охватывает чувство Божьего величия. Я руководил кухней. Иногда в дале было слишком много воды, иногда он был недостаточно прожарен. Овощи и даже рис иногда были плохо приготовлены. Я не видел в мире много людей, которые с таким же удовольствием поглощали бы эту пищу. С другой стороны, в южноафриканских тюрьмах я наблюдал, что даже те, кто производит впечатление образованных людей, теряли самообладание,

когда им давали еды чуть меньше положенного или еду, приготовленную на масле, или когда немного запаздывали с раздачей еды.

Разносить еду было ещё сложнее, чем готовить, и это было исключительно моей обязанностью. Я нёс ответственность за качество приготовленной еды. Кроме того, я должен был удовлетворить всех присутствующих, урезая индивидуальный рацион, когда еды было слишком мало, а количество обедающих превышало ожидаемое. Я никогда не забуду сердитый взгляд, которым сёстры одарили меня на мгновение, когда я дал им слишком мало еды, и который тут же сменился улыбкой, когда они поняли всю неблагодарность избранной мною самим задачи. «Я здесь совершенно беспомощен» – говорил я. «Количество приготовленной пищи невелико, а поскольку мне нужно накормить так много людей, я должен разделить еду между всеми поровну». После этого они входили в моё положение, улыбались и отвечали, что всем были довольны.

До сих пор речь шла о приятных воспоминаниях. Что касается неприятных, то я обнаружил, что когда у мужчин было немного свободного времени, они занимались выяснением отношений. Хуже того, были случаи супружеской измены. Была страшная скученность: и мужчин и женщин приходилось держать вместе. Животная страсть не знает стыда. Как только подобное случалось, я прибывал на место. Пристыженных виновных разделяли. Но кто может сказать, сколько было таких случаев? Нет смысла дальше останавливаться на этой теме. Я привёл этот пример для того, чтобы показать, что не всё было в идеальном порядке и что даже когда кто-то оступался, не было никаких проявлений наглости. Во многих подобных случаях я видел, насколько воспитанными становятся люди в благоприятной атмосфере, даже если до того они были полу-варварами и не слишком следовали моральным нормам. Гораздо важнее и полезнее осознать эту истину.

43. Пересечение границы

Мы прибыли на границу в начале ноября 1913 года. Но прежде, чем мы продолжим, стоит отметить два события. Баи Фатима Мехтаб из Дурбана потеряла покой, когда тамильские сёстры получили свои тюремные сроки в Ньюкасле. Поэтому она вместе со своей матерью Ханифой Баи и семилетним сыном отправилась в Фольксруст, чтобы также предстать перед судом. Мать и дочь были арестованы, но правительство отказалось арестовывать мальчика. В полицейском участке от Фатимы Баи потребовали сдать отпечатки пальцев, но она бесстрашно отказалась подчиниться этому унижительному требованию. В итоге её и её мать отправили в тюрьму на три месяца (13 октября 1913 года).

В это время забастовка рабочих была в самом разгаре. Мужчины и женщины находились в пути между шахтёрским районом и Чарльзтауном. Среди них были две женщины с маленькими детьми, один из которых умер от переохлаждения во время марша. Другой ребёнок выпал из рук матери, когда она переправлялась через реку, и утонул. Но отважные матери не пали духом и продолжили свой поход. Одна из них сказала: «Мы не должны тосковать по мёртвым, которые не вернутся к нам за всем нашим горем. Мы должны работать ради живых». Мне часто встречались среди бедняков такие примеры героизма, твёрдой веры и спасительного знания. Мужчины и женщины в Чарльзтауне стойчески стояли на своём полном трудностей посту. Ведь в эту приграничную деревню нас привела не миссия мира. Если кто-то и хотел мира, он должен был искать его внутри себя. Снаружи словно бы повсюду мелькали лозунги «Здесь мира нет». Но именно посреди такой бури преданная Мирабай с весёлым спокойствием подносит к губам чашу с ядом, а Сократ спокойно принимает смерть в тёмной и одинокой камере, посвящая своих друзей, а заодно и всех нас, в таинственное учение о том, что ищущие мира должны искать его в самих себе.

С таким невыразимым покоем, царящим в лагере, сатьяграхи жили, не заботясь о завтрашнем дне.

Я написал правительству примерно следующее: мы не собирались въезжать в Трансвааль с целью получения постоянного места жительства, но делаем это в качестве активного протеста против нарушения министром своих обещаний, и чтобы показать наше душевное смятение, вызванное оскорблённым чувством достоинства. Правительство избавило бы нас от всех беспокойств, если бы у них хватило ума арестовать нас там, где мы в то время находились, то есть в Чарльзтауне. Но если они решат нас не арестовывать, и если бы кто-то из нас тайно проник в Трансвааль, ответственность за это лежала бы не на нас. В нашем движении не было никакой тайны. Ни у кого из нас не было личной корысти. Нам не хотелось, чтобы кто-то из нас тайно проник в Трансвааль. Но мы не могли считать себя ответственными за подобные действия, поскольку нам приходилось иметь дело с тысячами неизвестных людей, и мы не могли получить никакой иной санкции, кроме санкции любви. Наконец, я заверил правительство, что если оно отменит налог в три фунта, то забастовка будет

отменена, а контрактники вернутся к работе, поскольку мы не стали бы их вовлекать в общую борьбу, связанную с остальными нашими претензиями.

Таким образом, наше положение оставалось весьма неопределённым, и было неизвестно, когда правительство решит нас арестовать. Но в кризисном положении, подобном нашему, мы не могли днями напролёт ожидать ответа от правительства. Не получив ответа в течение срока, достаточного для ответного письма, мы решили покинуть Чарльзтаун и сразу же отправиться в Трансвааль, если правительство нас не арестует. Если бы нас не арестовали в пути, «армия мира» должна была в течение восьми дней ежедневно проходить от двадцати до двадцати четырех миль, чтобы достичь Фермы Толстого, где мы бы оставались до самого окончания нашей борьбы, поддерживая себя фермерским хозяйством. Господин Калленбах сделал все необходимые приготовления. Идея заключалась в том, чтобы построить глинобитные хижины при помощи самих паломников. Пока хижины будут строиться, старики и немощные должны будут жить в небольших палатках, а трудоспособные – под открытым небом. Единственная трудность заключалась в том, что вот-вот ожидалось дожди, и у каждого должен был быть навес над головой. Но г-н Калленбах, с присущим ему мужеством, был уверен, что так или иначе решит эту проблему.

Мы также сделали другие приготовления к походу. Добрый доктор Бриско смастерил для нас небольшой медицинский сундучок и дал нам несколько инструментов, которыми мог орудовать даже такой непрофессионал, как я. Сундучок нужно было нести в руках, поскольку паломники не должны были пользоваться транспортом. Поэтому мы взяли с собой минимальное количество лекарств, едва достаточное, чтобы лечить за раз сотню человек. Но это не имело значения, так как мы планировали каждый день останавливаться возле какой-нибудь деревни, где надеялись пополнять недостающие лекарства; кроме того, больных и инвалидов мы договорились оставлять в деревнях по пути.

Наш рацион состоял из хлеба и сахара, но как нам было обеспечить необходимый запас хлеба для восьмидневного путешествия? Хлеб нужно было раздавать паломникам каждый день, мы не могли держать его про запас. Единственным решением этой проблемы было то, что кто-то должен был снабжать нас хлебом на каждом этапе пути. Но кто? Индийских пекарей вообще не было.

Невозможно было найти пекаря в деревнях, которые обычно зависели от городов в плане снабжения хлебом. Так что хлеб должен был поставлять какой-то пекарь и отправлять его по железной дороге на назначенную станцию. Фольксраст был примерно вдвое больше Чарльзтауна, и крупная европейская пекарня охотно заключила контракт на поставку хлеба в каждый указанный нами населённый пункт. Пекарь не воспользовался нашим уязвимым положением и не взял с нас плату выше рыночной. Кроме того, хлеб делали из отличной муки. Хлеб своевременно отправляли по железной дороге, и железнодорожники, тоже европейцы, не только честно нам его доставляли, но и заботились о его сохранности во время перевозки, а также оказывали нам иные услуги. Они знали, что мы не питали в сердце вражды, не желали зла ни одной живой душе и искали возмещения своих претензий только через собственное страдание. Таким образом, атмосфера вокруг нас оставалась чистой. Любовь, которая пребывает во всём человечестве, хоть и в дремлющем состоянии, была пробуждена к

действию. Все, будь то христиане, евреи, индусы, мусульмане или кто-либо другой, осознали себя братьями и сёстрами.

Когда все приготовления к походу были завершены, я предпринял ещё одну попытку урегулировать ситуацию. Я уже слал письма и телеграммы. Теперь я решил позвонить по телефону, даже рискуя тем, что на мои предложения ответят оскорблением. Из Чарльзтауна я позвонил генералу Сматсу в Преторию. Я дозвонился до его секретаря и сказал: «Передайте генералу Сматсу, что мы полностью готовы к походу. Европейцы в Фольксрусте взволнованы и возможно даже посягнут на наше здоровье и жизни. Конечно же, от них может исходить подобная угроза. Я уверен, что даже генерал не захотел бы, чтобы события приняли такой неприятный оборот. Если он пообещает отменить налог в три фунта, я остановлю марш, поскольку не намерен нарушать закон просто ради того, чтобы его нарушить. Меня побуждает к этому лишь крайняя необходимость. Не удовлетворит ли генерал эту маленькую просьбу?». Через полминуты я получил такой ответ: «Генерал Сматс не желает иметь с вами никаких сношений. Вы можете поступать так, как считаете нужным». Этим сообщение исчерпывалось.

Я вполне ожидал такого результата, хотя и не был готов к такому резкому ответу. Я надеялся на вежливый ответ, поскольку мои политические отношения с генералом после организации движения сатьяграхи продолжались уже шесть лет. Но как меня не растрогала бы его вежливость, так и не задела его грубость. Прямой и узкий путь, по которому я должен был идти, ясно лежал предо мною. На следующий день (6 ноября 1913 года) в назначенный час (6.30) мы вознесли молитвы и начали наше шествие во имя Бога. Группа паломников состояла из двух тысяч тридцати семи мужчин, сто двадцати семи женщин и пятидесяти семи детей.

44. Великий марш

Итак, караван паломников стартовал точно в назначенный час. В одной миле от Чарльзтауна есть небольшой участок, перейдя который можно попасть в Фольксруст или Трансвааль. У пограничных ворот дежурил небольшой патруль конных полицейских. Я подошёл к ним, перед этим проинструктировав «армию» начать переход границы только по моему сигналу. Но пока я разговаривал с полицейскими, паломники внезапно повалили через границу. Полиция окружила их, но нахлынувшую толпу было нелегко контролировать. Полиция не собиралась нас арестовывать. Я успокоил паломников и заставил их выстроиться в ровные ряды. Через несколько минут всё было приведено в порядок, и началось шествие в Трансвааль.

За два дня до этого европейцы из Фольксруста провели собрание, на котором озвучивались всевозможные угрозы в адрес индийцев. Некоторые заявили, что будут стрелять в индийцев, если те войдут в Трансвааль. Г-н Калленбах посетил это собрание, чтобы вразумить европейцев, которые, однако, не были готовы его слушать. Более того, некоторые из них даже хотели на него напасть. Господин Калленбах – спортсмен, прошедший физическую подготовку у Сэндоу, и запугать его было непросто. Один европеец вызвал его на дуэль. Господин Калленбах ответил: «Поскольку я принял религию мира, я не принимаю Ваш вызов. Пусть всякий желающий сделает со мной всё, что захочет. Но я буду продолжать требовать, чтобы меня выслушали на этом собрании. Вы публично пригласили всех европейцев, и я здесь, чтобы вам сообщить, что не все европейцы готовы подвергать насилию невинных людей. Есть один европеец, который хотел бы сообщить вам, что обвинения, выдвигаемые вами против индийцев, ложные. Индийцы хотят не того, что вы себе вообразили. Индийцы не собираются оспаривать ваше положение правителей. Они не хотят воевать с вами или заселять страну. Они лишь хотят чистой и простой справедливости. Они собираются войти в Трансвааль не для того, чтобы поселиться здесь, а только в качестве протеста против несправедливого налога, который с них взимается. Это храбрые люди. Они не причинят вам вреда, ни физического, ни имущественного, они не будут с вами драться, но в Трансвааль они войдут, даже под вашим обстрелом. Они не из тех, кто убоится ваших пуль или ваших копий. Они хотят растопить, и я знаю, что они растопят ваши сердца собственным страданием. Это всё, что я могу сказать. Я высказался и считаю, что оказал вам услугу. Будьте осторожны и воздержитесь от совершения зла». С этими словами господин Калленбах вернулся на своё место. Собравшиеся были весьма смущены. Задира, пригласивший господина Калленбаха на поединок, стал его другом. Мы слышали об этой встрече и были готовы к любым проделкам европейцев в Фольксрусте. Возможно, большое количество полицейских, скопившихся на границе, должно было их удержать. Как бы то ни было, наша процессия спокойно прошла через это место. Я не помню, чтобы кто-то из европейцев попытался даже пошутить. Все вышли посмотреть на это новое зрелище, а в глазах некоторых из них был даже дружеский огонёк.

В первый день мы должны были остановиться на ночь в Палмфорде, примерно в восьми милях от Фольксруста. Мы добрались туда около пяти часов вечера. Паломники, взяв свои пайки хлеба и сахара, расположились под открытым небом. Одни разговаривали, другие пели бхаджаны. Некоторые женщины были сильно измотаны походом. Они осмелились нести своих детей на руках, но дальше идти было невозможно. Поэтому я, как было решено заранее, оставил их на ночлег у хорошего индийского лавочника, который обещал отправить их на Ферму Толстого, если нам позволят до неё дойти, или к себе домой в случае нашего ареста.

С наступлением ночи все звуки стихли, и я тоже готовился ко сну, когда вдруг услышал шаги. Я увидел европейца, который шёл с фонарем в руке. Я понял, что это значило, но ничего не успел предпринять. Полицейский сказал:

«У меня есть ордер на ваш арест. Я хочу вас арестовать. «Когда?» – спросил я.

«Немедленно».

«Куда вы меня доставите?»

«На ближайшую железнодорожную станцию, а затем в Фольксруст, когда придёт поезд».

«Я пойду вместе с вами, но мне нужно оставить кое-какие инструкции одному из моих коллег».

«Вы можете это сделать».

Я разбудил П. К. Найду, который спал рядом со мной. Я сообщил ему о своём аресте и попросил не будить паломников до утра. На рассвете они должны были, как обычно, продолжить марш. Они должны были тронуться в путь до восхода солнца, и когда подойдёт время отдыха и получения пайка, он должен был сообщить им о моём аресте. Он мог сообщить об этом любому, кто справится обо мне ещё до остановки. Если паломников захотят арестовать, они должны были позволить это сделать. А если нет, они должны были продолжать марш как было заранее обговорено. У Найду не возникло никаких страхов. Я также рассказал ему, что нужно делать в случае его ареста. Г-н Калленбах также в это время находился в Фольксрусте.

Я пошёл с полицейским, и на следующее утро мы сели на поезд до Фольксруста. Там я предстал перед судом, но прокурор сам попросил отложить дело до 14-го числа, поскольку у него не были готовы доказательства. Дело было отложено. Я попросил об освобождении меня под залог, поскольку у меня на попечении находилось более двух тысяч мужчин, сто двадцать две женщины и пятьдесят детей, которых я хотел доставить к месту назначения во время отсрочки. Прокурор возразил против этого моего ходатайства. Но магистрат был беспомощен в этом вопросе, поскольку каждый заключённый, не обвиняемый в совершении тяжёлого преступления, по закону имел право на внесение залога, и я не мог быть лишён этого права. Поэтому они отпустили меня под залог в пятьдесят фунтов. Мистер Калленбах приготовил для меня машину и сразу же отвёз обратно к «вторженцам». Специальный корреспондент газеты «Трансвааль Лидер» пожелал поехать с нами. Мы

взяли его с собой, и он опубликовал красочное описание суда, нашего путешествия и встречу с паломниками, которые встретили меня с восторгом. Мистер Калленбах сразу же вернулся в Фольксруст, так как должен был присматривать за уже остановившимися и новоприбывшими индийцами в Чарльзтауне.

Мы продолжили марш, но правительство не хотело оставлять меня на свободе. Поэтому 8-го числа я был вновь арестован в Стэндертоне. Стэндертон – относительно более крупное поселение. Обстоятельства этого моего ареста были довольно странными. Я раздавал хлеб паломникам. Индийские кладовщики в Стэндертоне подарили нам несколько банок мармелада, и поэтому раздача заняла больше времени, чем обычно. Тем временем, появился магистрат (мировой судья, *прим. перев.*) и встал рядом со мной. Он дождался окончания раздачи пайков, а затем отозвал меня в сторону. Я знал этого джентльмена, который, как я подумал, просто хотел со мной поговорить. Он рассмеялся и сказал:

«Вы мой пленник».

«Похоже, я получил повышение в звании – сказал я – раз магистраты берут на себя труд арестовать меня вместо простых полицейских. Судите меня прямо на месте».

«Следуйте за мной – ответил магистрат – судебная сессия ещё не закончилась».

Я попросил паломников продолжать свой марш, а затем ушёл с магистратом. Добравшись до зала суда я обнаружил, что пятеро моих коллег также были арестованы: П. К. Найду, Бихарилал Махарадж, Рамнараян Синха, Рагху Нарасу и Рахимхан.

Меня сразу же доставили в суд, и я подал ходатайство об освобождении под залог на тех же основаниях, что и в Фольксрусте. Прокурор решительно возражал против этого ходатайства, но здесь меня тоже отпустили под подписку о невыезде и залог в пятьдесят фунтов, а слушание дела перенесли на 21-е число. Индийские торговцы заранее приготовили для меня коляску, и я снова присоединился к паломникам, едва успевшим пройти три мили. Паломники думали, как и я сам, что теперь-то мы доберёмся до Фермы Толстого. Но этому не суждено было случиться. Однако большим достижением было уже то, что «вторженцы» привыкли к моим арестам. Пятеро моих коллег, тем временем, находились в тюрьме.

45. Все в тюрьме

Мы были уже недалеко от Йоханнесбурга. Читатель должен помнить, что наше паломничество было разделено на восемь этапов. До сих пор мы совершали наши «марш-броски» в точности по намеченной программе, и теперь нам предстоял четырёхдневный переход. Но если наше настроение поднималось день ото дня, то правительство всё больше и больше тревожилось о том, как им справиться с вторжением такого количества индийцев. Их обвинили бы в слабости и неделикатности, если бы они арестовали нас после того, как мы добрались до места назначения. Если мы должны были быть арестованы, то до того, как достигнем «обетованной земли».

Правительство увидело, что мой арест не расстроил и не напугал паломников, не заставил их нарушить мир. Если бы они начали бунтовать, у правительства была бы прекрасная возможность превратить их в пушечное мясо. Наша твёрдость в сочетании с миролюбием очень огорчала генерала Смэтса, и он даже сказал об этом. Как долго можно преследовать мирного человека? Как можно убивать тех, кто избрал смерть добровольно? Нет никакой изюминки в убийстве того, кто сам идёт на смерть, поэтому солдаты стремятся захватить врага живым. Если бы мышь не стала убегать от кошки, кошка была бы вынуждена искать себе другую добычу. Если бы все ягнята добровольно ложились ко льву, лев был бы вынужден отказаться от такого блюда. Великие охотники отказались бы от охоты на льва, если бы лев прибегнул к непротивлению. Наша победа заключалась в сочетании двух качеств – ненасилия и решимости.

Гокхале телеграфировал нам, что Полаку следовало отправиться в Индию и помочь ему обрисовать ситуацию перед индийским и имперским правительствами. Характер Полака был таков, что он везде оказывался полезным. Его полностью поглощала задача, за которую он брался. Так что мы готовились отправить его в Индию. Я написал ему, что он мог ехать. Но он не хотел уезжать, предварительно не встретившись со мной лично и не получив от меня исчерпывающих инструкций. Он предложил мне встретиться во время нашего марша. Я написал ему, что он мог приехать, если того хотел, хотя при этом рисковал быть арестованным. Настоящие борцы никогда не колеблются, идя на необходимый риск. Основопологающим принципом нашего движения было то, что каждый должен был быть готовым к аресту, если правительство обратит на него своё внимание, и должен был приложить все физические и моральные усилия, чтобы правительство именно так и поступило. Поэтому Полак предпочёл приехать даже несмотря на угрозу ареста.

Господин Полак присоединился к нам 9-го числа в Тикворте между Стэндертоном и Грейлингстадом. Мы уже почти закончили наше совещание. Было около трёх часов дня. Мы с Полаком шли во главе процессии паломников. Некоторые из коллег прислушивались к нашему разговору. Полак должен был ехать вечерним поездом из Дурбана. Но Бог не всегда позволяет человеку осуществить свои планы. Раме пришлось удалиться в лес в тот самый день, когда должна была состояться его коронация. Пока мы беседовали, перед нами остановилась коляска из Кейпа, из которой вышел

мистер Чамни, главный иммиграционный офицер Трансвааля, и офицер полиции. Они отвели меня в сторону, и один из них сказал: «Вы арестованы».

Таким образом, за четыре дня я был арестован трижды. «А как же участники марша?» – спросил я. «Мы позаботимся об этом» – последовал ответ.

Больше я ничего не сказал. Я попросил Полака взять на себя ответственность за паломников и идти вместе с ними. Полицейский разрешил мне только сообщить участникам марша о моём аресте. Когда я стал просить их соблюдать мир, офицер прервал меня и сказал: «Вы теперь заключённый и не можете произносить никаких речей».

Я осознавал своё положение, но в этом не было необходимости. Как только я замолчал, офицер приказал водителю гнать коляску на полной скорости. Через мгновение паломники исчезли из виду.

Офицер понимал, что на тот момент я владел ситуацией, поскольку, доверившись нашему ненасилию, он находился один на один с двумя тысячами индийцами в безлюдной местности. Он также знал, что я сдался бы ему, если бы он просто прислал мне письменную повестку. Так что ему не было нужды напоминать мне, что я – его пленник. Совет же, который я дал бы паломникам, послужил бы целям правительства не меньше, чем нашей цели. Но как мог офицер отказаться от возможности, пусть и на мгновение, воспользоваться своими полномочиями? Должен сказать, однако, что многие офицеры понимали нас лучше, чем этот джентльмен. Они знали, что мы не только не боялись ареста, но, напротив, приветствовали его как врата свободы. Поэтому они предоставляли нам всю законную свободу и были благодарны нам за наше сотрудничество в удобном и быстром проведении арестов. На этих страницах читатель ещё столкнётся с примерами обоих видов обращения.

Меня отвезли в Грейлингстад, а затем через Бальфур в Гейдельберг, где я провёл ночь.

Паломники во главе с Полаком возобновили свой марш и остановились на ночь в Грейлингстаде. Там их встретили Шет Ахмад Мухаммад Качхалия и Шет Амад Бхайят, которым стало известно, что всё было готово для ареста всей группы паломников. Полак подумал, что поскольку ответственность за паломников после их ареста будет с него снята, он сможет добраться до Дурбана, пусть даже на день позже, и сесть на пароход на Индию. Но Бог распорядился иначе. Около девяти часов утра 10-го числа паломники добрались до Балфура, где на станции стояли три специальных поезда, чтобы их забрать и выслать в Наталь. Там паломники стали сопротивляться. Они просили позвать меня и обещали, что позволят себя арестовать и сядут в поезд, если я дам им соответствующий совет. Это была неправильная позиция. Это могло испортить всю игру и повредить нашему движению. Зачем я нужен был паломникам, когда их отправляли в тюрьму? Со стороны солдат негоже заявлять, что они избирают своих командиров, или настаивать на том, чтобы они будут подчиняться только одному из них. Мистер Чамни обратился к мистеру Полаку и Качхалии Шету с просьбой помочь ему их арестовать. У этих друзей возникли трудности при объяснении ситуации участникам марша. Они сказали им, что целью паломников является тюрьма, и поэтому они должны были ценить действия правительства, когда оно было готово арестовать их. Только так сатьяграхи могли проявить свои

качества и довести свою борьбу до победного конца. Они должны были понять, что никакие иные действия с их стороны не получили бы моего одобрения. Порядок среди паломников был восстановлен, и все мирно отправились в путь.

Меня же снова доставили в магистрат. Я ничего не знал о происходящем после того, как меня отделили от паломников. Я снова попросил отпустить меня под залог. Я сказал, что решение об избрании такой меры пресечения уже принималось двумя судами, и что нам осталось совсем немного, чтобы добраться до места назначения. Поэтому я попросил, чтобы правительство либо арестовало паломников, либо мне разрешили доглядеть, чтобы они в полном порядке разместились на Ферме Толстого. Магистрат не выполнил мою просьбу, но обещал немедленно передать её правительству. На этот раз меня арестовали по ордеру из Данди, где я должен был предстать перед судом по основному обвинению в том, что я склонял рабочих-контрактников покинуть провинцию Наталь. Так что меня в тот же день доставили в Данди по железной дороге. Господина Полака не только не арестовали в Балфуре, но и поблагодарили за помощь, оказанную им властям. Господин Чамни даже сказал, что правительство не намеревалось его арестовывать. Но это было мнение самого г-на Чамни или мнение правительства в той мере, в какой оно было известно этому офицеру. На самом деле правительство то и дело меняло своё мнение. И в конце концов они пришли к выводу, что не следовало разрешать господину Полаку отплывать в Индию и что его необходимо было арестовать вместе с господином Калленбахом, который очень энергично отстаивал интересы индийцев. Так что г-н Полак был арестован в Чарльзтауне, пока он ожидал поезд. Г-н Калленбах также был арестован, и этих двух друзей посадили в тюрьму в Фольксрусте.

Меня судили в Данди 11 числа и приговорили к девяти месяцам тюремного заключения с каторжными работами. Мне ещё предстоял второй суд в Фольксрусте по обвинению в пособничестве и содействии въезду запрещённых лиц в Трансвааль. Поэтому из Данди 13-го числа меня доставили в Фольксруст, где я был рад встретиться в тюрьме с Калленбахом и Полаком.

14-го числа я предстал перед судом Фольксруста. Прелесть этого дела заключалась в том, что в обвинении против меня были использованы только свидетельства, представленные мной самим в Кромдрае. Полиция могла бы найти свидетелей, но это потребовало бы усилий. Так что они обратились за помощью ко мне. Здешние суды не осуждают заключенного только на том основании, что он признаёт свою вину.

В отношении меня всё было ясно, но кто смог бы свидетельствовать против господ Калленбаха и Полака? При отсутствии улик осудить их было невозможно, а сразу найти свидетелей против них также было затруднительно. Господин Калленбах намеревался признать себя виновным, поскольку хотел быть вместе с паломниками. Но господин Полак направлялся в Индию, и на тот момент не хотел угодить в тюрьму. Поэтому после совместного обсуждения мы трое решили, что не должны были говорить ни «да», ни «нет» в случае, если нас спросят, виновен ли господин Полак в преступлении, в котором его обвиняют.

На суде я дал показания против г-на Калленбаха и выступал в качестве свидетеля против г-на Поляка. Мы не хотели, чтобы наши дела затягивались, и поэтому сделали всё возможное, чтобы каждое дело было рассмотрено в течение одного дня. Процесс против меня был завершён 14-го числа, против Калленбаха – 15-го, а против Поляка – 17-го, и мировой судья приговорил нас троих к трём месяцам тюремного заключения. Мы думали, что вместе проведём эти три месяца в тюрьме Фольксруста. Но правительство судило иначе.

Тем временем, нам удалось провести там несколько счастливых дней. В тюрьму каждый день поступали новые заключенные и приносили новости о том, что происходило снаружи. Среди заключённых-сатьяграхов находился один старик по имени Харбатсинх, которому было около 75 лет. Харбатсинх не работал на шахтах. Его контракт истёк много лет назад, так что забастовщиком он не был. После моего ареста индийцы очень активизировались, и многие из них были арестованы при попытке пересечь границу между Наталем и Трансваалем. Харбатсинх был одним из этих энтузиастов.

«Как вы оказались в тюрьме?» – спросил я Харбатсинха. «Я не зазывал сюда таких пожилых людей, как вы».

«Разве у меня был выбор, когда ты сам, твоя жена и даже твои мальчики попали в тюрьму ради нас?» – ответил Харбатсинх.

«Но Вы не сможете выдержать тяготы тюремной жизни. Я бы посоветовал Вам выйти отсюда. Могли ли я похлопотать о Вашем освобождении?»

«Пожалуйста, не нужно. Я не выйду из тюрьмы. Скоро я должен умереть, и я буду счастлив умереть в тюрьме!»

Пытаться поколебать такую решимость было не в моих силах. Моя голова склонилась в почтении перед этим неграмотным мудрецом. Желание Харбатсинха исполнилось – он умер в дурбанской тюрьме 5 января 1914 года. Его тело с большими почестями кремировали по индуистским обрядам в присутствии сотен индийцев. Подобных Харбатсинху в нашей борьбе было множество, но большая удача умереть в тюрьме выпала ему одному, и потому он имеет право на то, чтобы его со всем уважением упомянули в истории южноафриканской сатьяграхи.

Правительству не понравилось, что людей таким образом «заманивали» в тюрьму, как и то, что заключённые после освобождения передавали мои послания наружу. Поэтому они решили разделить Калленбаха, Полака и меня, увезти нас подальше от Фольксруста, а меня, в частности, упрятать в такое место, где ни один индеец не смог бы со мной встретиться. Меня переправили в тюрьму в Блумфонтейн, столицу Оранжевой Республики, где проживало не более 50 индийцев, и все они служили официантами в гостиницах. Я был там единственным заключённым-индийцем, остальные были европейцами и неграми. Меня не беспокоила эта изоляция, скорее, я воспринял её как благословение. Теперь мне не нужно было держать глаза и уши открытыми, и я был рад новому

опыту. Опять-таки, в течение последних нескольких лет у меня не было времени на учёбу, особенно с 1893 года, и перспектива возобновить мои занятия наполняла меня радостью.

Я добрался до тюрьмы в Блумфонтейне, где у меня было столько возможности уединиться, сколько я только мог пожелать. Было немало неудобств, но все они были терпимыми, так что я не стану описывать их читателю. Должен здесь сказать, что я подружился с тюремным медиком. Тюремщики только и думали о своей власти, в то время как врач стремился поддержать заключённых в их правах. В те дни я был исключительно фруктоедом. Я не употреблял ни молока, ни гхи, ни зерновых. Мою диету составляли бананы, помидоры, сырой арахис, лаймы и оливковое масло. Если хоть один из этих продуктов был плохого качества, для меня это означало недоедание. Поэтому доктор был очень внимателен, заказывая их, и добавил в мой рацион миндаль, грецкие и бразильские орехи. Он лично проверял всё, что мне было предписано в тюрьме. В отведённой мне камере не было достаточной вентиляции. Доктор изо всех сил пытался добиться, чтобы двери камеры оставались открытыми, но тщетно. Тюремщик угрожал, что уйдет в отставку, если двери будут открыты. Он не был плохим человеком, но он двигался по колее, с которой не мог сойти. Ему приходилось иметь дело со строптивыми заключёнными, и если бы он стал делать поблажки такому безобидному заключенному, как я, был риск, что буйные заключённые перестали бы с ним считаться. Я полностью понимал точку зрения тюремщика, и в спорах между доктором и тюремщиком насчёт меня мои симпатии всегда были на стороне тюремщика, который был человеком опытным, прямым и видящим ясно свой путь.

Мистера Калленбаха отправили в тюрьму Претории, а мистера Полака – в тюрьму Джермистона.

Правительство могло бы избежать всех этих неприятностей. Они были похожи на миссис Партингтон, которая попыталась метлой остановить океанский прилив. Индийские рабочие Наталя уже пробудились, и никакая сила на земле не могла сдержать их.

46. Испытание

Ювелир трёт золото о пробирный камень. Если мастер всё еще не уверен в чистоте слитка, он кладет его в огонь, бьёт молотком и тем самым удаляет какую-либо окалину, чтобы в итоге осталось только чистое золото. Индийцы в Южной Африке проходили через подобное испытание. Их били молотом, пропускали через огонь, и только когда они выходили невредимыми из всех этапов проверки, им присваивался знак качества.

Паломников везли на специальных поездах не на пикник, а на крещение огнём. По дороге правительство не позаботилось даже о том, чтобы накормить их, а когда они достигли Наталя, их сразу же осуждали и отправляли в тюрьму. Мы предвидели и даже желали этого. Но правительство таким образом понесло бы дополнительные расходы и могло сыграть на руку индийцам, удерживая тысячи рабочих в тюрьме. Ведь в это время пришлось бы закрыть угольные шахты. Если бы такое положение вещей продлилось сколько-нибудь долго, правительство было бы вынуждено отменить налог в три фунта. Поэтому они разработали новый план. Окружив шахты проволоочной сеткой, правительство объявило их тюрьмами Данди и Ньюкасла, а надзирателями назначило европейский персонал владельцев шахт. Таким образом, они заставили рабочих спуститься под землю против их воли, и шахты снова заработали. Разница между статусом слуги и раба заключается в том, что если слуга покидает свой пост, против него можно подать только гражданский иск, в то время как раба, покинувшего своего хозяина, можно принудить к работе силой. Таким образом, рабочие теперь были низведены до самых настоящих рабов.

Но это ещё не всё. Рабочие были храбрыми людьми, и они категорически отказались работать на шахтах, в результате чего получали удары плетью. Бессовестные люди, на краткий срок получившие над ними власть, пинали их, издевались над ними и совершали иные бесчинства, о которых не осталось никаких письменных свидетельств. Но бедные рабочие терпеливо переносили все эти невзгоды. Телеграммы об этих вопиющих событиях посылались в Индию на имя Гокхале. Если он не получал в день хотя бы одного подробного сообщения, он сам делал запрос. Гокхале узнавал новости на больничной койке, поскольку в то время был серьёзно болен. Однако, несмотря на болезнь, он настоял на том, чтобы заниматься южноафриканскими делами, и делал это днём и ночью. В конце концов, вся Индия была глубоко взбудоражена южноафриканским вопросом, он стал злободневной темой.

Именно тогда (в декабре 1913 года) лорд Хардинг произнёс в Мадрасе свою знаменитую речь, которая произвела фурор как в Южной Африке, так и в Англии. Вице-король не имеет права публично критиковать других членов империи, но лорд Хардинг не только подверг резкой критике правительство Союза, но и всецело поддержал действия сатяграхов, их гражданское неповиновение несправедливому и неправомерному законодательству. Поведение лорда Хардинга вызвало ряд негативных комментариев в Англии, но и тогда он нисколько не усомнился в абсолютной

правильности того шага, на который его вынудили. Твёрдость лорда Хардинга произвела хорошее впечатление на всех.

Оставим на время этих храбрых, но несчастных рабочих, томящихся в своих шахтах, и рассмотрим ситуацию в других частях Наталя. Шахты были расположены на северо-западе Наталя, но наибольшее число индийских рабочих было занято на северном и южном побережьях. Я был довольно близко знаком с рабочими на северном побережье, то есть в Фениксе, Веруламе, Тонгаате и окрестностях. Многие из них служили со мной во время англо-бурской войны. С рабочими на южном побережье от Дурбана до Исипинго и Умзинто я был знаком не так близко, и у меня было мало коллег в тех краях. Но новости о забастовке и арестах распространились повсюду с молниеносной скоростью, и тысячи рабочих неожиданно вышли на улицу как на южном, так и на северном побережье. Некоторые из них продавали своё домашнее имущество, осознавая, что это будет долгая, затяжная борьба, и полагались только на свои собственные средства к существованию. Когда меня посадили в тюрьму, я предупредил своих сослуживцев, чтобы они больше не позволяли рабочим бастовать. Я надеялся, что победа может быть одержана только при помощи шахтёров. Если бы всех рабочих – а их было около шестидесяти тысяч – призвали бы к забастовке, поддерживать их было бы трудно. У нас не было средств, чтобы из такого количества людей организовать марш; у нас не было ни людей, чтобы ими управлять, ни денег, чтобы их кормить. Кроме того, с таким большим количеством людей было бы невозможно предотвратить нарушение общественного порядка.

Но когда шлюзы открыты, невозможно остановить всеобщего затопления. Рабочие повсюду начинали действовать по собственной инициативе, а добровольцы отправлялись, чтобы за ними присматривать.

Правительство избрало политику кнута. Они подавили забастовку рабочих при помощи грубой силы. Конные полицейские преследовали бастующих и возвращали их на работу. На малейшие волнения со стороны рабочих отвечали огнём из винтовок. Часть бастующих сопротивлялась попыткам насильно вернуть их на работу. Некоторые даже бросали камни. По ним открывался огонь, многие были ранены, кто-то был убит. Но рабочие не сдавались. Добровольцы с большим трудом предотвратили забастовку возле Верулама. Но никто из рабочих не вернулся к рабочим местам. Некоторые попрытались от страха.

Один случай заслуживает отдельного упоминания. Многие рабочие вышли на забастовку в Веруламе и не возвращались на работу, несмотря на все усилия властей. Генерал Лукин находился там со своими солдатами и собирался уже приказать своим людям открыть по рабочим огонь. Храбрый Сорабджи, сын покойного Парси Рустомджи, которому тогда едва исполнилось 18 лет, ранее прибыл туда из Дурбана. Он схватил поводья генеральской лошади и воскликнул: «Не надо стрелять! Я обещаю уговорить своих людей мирно вернуться к работе». Генерал Лукин был очарован смелостью молодого человека и дал ему время, чтобы тот испробовал свой метод любви. Сорабджи вразумил рабочих, и они вернулись к работе. Таким образом, смертоубийства были предотвращены благодаря присутствию духа, храбрости и нежной заботливости одного молодого человека.

Как читатель, должно быть, заметил, эта стрельба и такое обращение правительства с забастовщиками на побережье были совершенно незаконными. В действиях правительства в отношении шахтёров, которые были арестованы не за забастовку, а за въезд в Трансвааль без соответствующих документов, была хотя бы видимость законности. Однако на северном и южном побережье сам акт забастовки рассматривался как преступление не в силу какого-либо закона, а просто потому, что так решило правительство и имело на то власть. В каких-то крайних случаях власть занимает место закона. В английском праве существует максима, согласно которой король непогрешим. Удовлетворение сильных мира сего, в конечном счёте, становится законом. Это в равной степени относится ко всем правительствам. На самом деле соображения законности могут отходить иногда на второй план. Когда власть, призванная служить общественному благу, находится под угрозой уничтожения из-за наложенных на неё ограничений, она вправе по своему усмотрению этими ограничениями пренебречь. Но такие случаи должны быть исключением, а не правилом. Если власть имеет привычку часто переходить установленные для неё пределы, она не может нести общее благо. В рассматриваемом здесь случае у властей не было никаких оснований действовать так, как оно действовало. Рабочие пользуются правом на забастовку с незапамятных времен. У правительства было достаточно сведений, чтобы понять, что забастовщики не замыслили ничего дурного. Максимум, к чему могла привести эта забастовка – отмена налога в три фунта. Против мирных людей допустимо использовать только мирные методы. Опять-таки, власть в Южной Африке не служила общему благу, а существовала исключительно в интересах европейцев, в целом враждебно настроенных к индийцам. И поэтому нарушение ограничений со стороны такой предвзятой власти никогда не может быть правильным и оправданным.

Таким образом, на мой взгляд, здесь имело место явное злоупотребление властью. Идущие на такое никогда не достигают поставленных целей. Иногда случается кратковременный успех, но долгосрочное решение не может быть достигнуто такими сомнительными методами. В Южной Африке тот самый налог в три фунта, ради которого правительство совершало все эти бесчинства, пришлось отменить в течение шести месяцев после стрельбы по бастующим. Таким образом, боль часто становится предвестником радости. Боль индийцев в Южной Африке была слышна повсюду. Я убеждён, что как всякая деталь имеет своё место в механизме машины, так и всякая характерная черта не случайна в общественном движении; и как машина засоряется ржавчиной и грязью, так и движение людей затрудняется рядом факторов. Мы всего лишь орудия Высшей Воли, и часто не знаем, что помогает нам двигаться вперёд, а что служит препятствием. Поэтому нам следует заботиться только о чистоте средств, а цель сама позаботится о себе.

В этой борьбе я заметил, что её окончание приближалось по мере того, как страдания борцов становились всё более интенсивными, а невинность страждущих – все более очевидной. Я также видел, что в такой чистой, невооруженной и ненасильственной борьбе в нужный момент появлялись средства для её ведения, будь то люди, деньги или «оружие». Многие добровольцы, чьи имена мне неизвестны и по сей день, оказывали спонтанную помощь. Такие работники, как правило, бескорыстны и незаметно оказывают услуги даже помимо своей воли. Никто не обращает на них

внимания, никто не награждает их почётной грамотой. Некоторые из них даже не знают, что их безымянные и безвестные, но бесценные акты любви не ускользают от неусыпной бдительности ангела, всё записывающего.

Индийцы Южной Африки успешно выдержали испытание, которому они подверглись. Они вошли в огонь и вышли из него невредимыми. Переход к завершению борьбы заслуживает отдельной главы.

47. Подвижки к завершению

Читатель увидел, что индийцы приложили столько усилий, сколько могли, и даже больше, чем от них можно было ожидать. Он также увидел, что подавляющее большинство этих сопротивленцев были бедными, угнетёнными людьми, на которых нельзя было особенно надеяться. Читатель также помнит, что все ответственные работники в поселении Феникс, за исключением двух или трёх, находились в тюрьме. Одним из них был Мангалал Ганди. Из работников за пределами Феникса на свободе всё ещё оставался покойный Шет Ахмед Мухаммад Качхалия, а также мистер и мисс Уэст. Качхалия Шет осуществлял общее руководство. Мисс Шлезин вела все счета Трансвааля и присматривала за индийцами, которые пересекали границу. Мистер Уэст отвечал за английский раздел «Индийского мнения» и переписку с Гокхале, которая велась при помощи телеграфа. В условиях, когда ситуация постоянно принимала новый оборот, о переписке по почте не могло быть и речи. Необходимо было отправлять телеграммы, которые по длине были как обычные письма, и ответственность за это деликатное дело легла на плечи мистера Уэста.

Как и Ньюкасл в том его районе, где располагались шахты, Феникс стал центром забастовщиков на северном побережье, и туда стекались сотни людей в поисках совета и убежища. Поэтому этот район, естественно, привлёк внимание правительства и сердитые взгляды проживающих там европейцев. Жить в Фениксе стало несколько рискованно, но даже дети там мужественно выполняли опасные задания. Тем временем, мистер Уэст был арестован, хотя, по сути, для его ареста не было никаких оснований. Мы понимали, что мистер Уэст и Маганлал Ганди не только не должны были стремиться быть арестованными, но должны были, насколько это возможно, избегать любого для этого повода. Поэтому мистер Уэст не дал правительству никаких оснований для ареста. Вряд ли можно было ожидать, что правительство станет считаться с удобством сатяграхов; кроме того, ему не нужно было искать какого-то особого повода для ареста тех, чья свобода действовала им на нервы. Само желание властей предпринять тот или иной шаг являлось вполне достаточным для этого основанием. Как только новость об аресте Уэста дошла до Гокхале, он принялся отправлять в Южную Африку способных людей из Индии. Когда в Лахоре проходило собрание в поддержку сатяграхов Южной Африки, мистер К.Ф. Эндрюс отдал на их нужды все деньги, которыми располагал, и с тех пор Гокхале не упускал его из виду. Не успел Гокхале узнать об аресте Уэста, как тут же телеграфировал Эндрюсу. Он спросил у него, был ли тот готов немедленно отправиться в Южную Африку. Эндрюс ответил утвердительно. Его близкий друг Пирсон также оказался готовым, и друзья отправились из Индии в Южную Африку на первом же пароходе.

Но наша борьба уже была близка к завершению. У союзного правительства не было возможности держать в тюрьме тысячи невиновных людей. Вице-король не потерпел бы этого, и весь мир ждал, что предпримет генерал Сматс. Правительство Союза поступило так, как обычно поступают все правительства в подобном положении. Никакого расследования на самом деле не требовалось. О совершенных проступках и бесчинствах было хорошо известно всем, и все понимали, что ситуацию

необходимо было исправлять. Генерал Сметс тоже понимал, что имела место несправедливость, и что необходимо что-то делать. Но он находился в таком же затруднительном положении, как и змея, которая схватила крысу, но не может ни проглотить, ни отпустить её. Он должен был вершить правосудие, но утратил способность вершить правосудие, поскольку дал понять европейцам в Южной Африке, что не отменит налог в три фунта и не проведёт никаких реформ. И теперь он чувствовал себя вынужденным отменить этот налог, а также принять другие законы, чтобы исправить создавшееся положение. Государства, идущие на поводу у общественного мнения, выходят из таких неловких положений, назначая комиссию, которая проводит лишь номинальное расследование, поскольку её рекомендации уже предreshены. Обычно рекомендации такой комиссии принимаются государством, и поэтому под видом выполнения рекомендаций правительства вершат правосудие, от которого они первоначально отступили. Генерал Сметс назначил комиссию из трёх человек. Индийцы сказали, что не будут иметь ничего общего с этой комиссией до тех пор, пока их требования в отношении неё не будут удовлетворены правительством. Одним из этих требований было освобождение заключенных сатяграхов; согласно другому, хотя бы одним членом комиссии должен был быть индеец. В определённой мере первое требование исходило от самой комиссии, которая «в целях обеспечения более тщательного расследования» рекомендовала правительству освободить г-на Калленбаха, г-на Полака и меня в безоговорочном порядке. Правительство приняло эту рекомендацию и освободило одновременно нас троих (18 декабря 1913 года) после почти шестинедельного заключения. Арестованный Уэст также был освобождён, так как правительство не могло что-либо вменить ему в вину.

Всё это произошло ещё до прибытия Эндрюса и Пирсона, которых я смог поприветствовать, когда они сошли на берег в Дурбане. Они были приятно удивлены, увидев меня, поскольку ничего не знали о произошедших за время их путешествия событиях. Это была моя первая встреча с этими благородными англичанами.

Все трое из нас после освобождения были разочарованы. Мы ничего не знали о событиях за пределами тюремных стен. Известие о комиссии стало для нас неожиданностью, но мы видели, что не можем с ней сотрудничать ни в какой форме. Мы чувствовали, что индийцам непременно должны были позволить выдвинуть хотя бы одного своего представителя в комиссию. Поэтому наша тройка, добравшись до Дурбана, 21 декабря 1913 года направила генералу Сметсу следующее письмо:

«Мы приветствуем назначение комиссии, но категорически возражаем против включения в её состав господ Эсселена и Вайли. Мы ничего не имеем против них лично. Они известные и способные граждане. Но поскольку оба они часто выражали свою неприязнь к индийцам, существует вероятность того, что они совершат несправедливость, сами того не сознавая. Человек не может мгновенно изменить свой характер. Предположение, что эти джентльмены вдруг изменятся, противоречит законам природы. Однако мы не требуем исключить их из состава комиссии. Мы лишь предлагаем, чтобы в дополнение к ним были назначены беспристрастные люди, и в этой связи мы хотели бы упомянуть сэра Джеймса Роуза Иннеса и почтенного мистера У.П. Шрайнера. Оба они – известные люди, отмеченные чувством справедливости. Во-вторых, мы требуем освободить

всех заключенных сатяграхов. Если этого не будет сделано, нам будет трудно оставаться на свободе. Сейчас нет причин удерживать сатяграхов в тюрьме. В-третьих, если мы представим необходимые сведения комиссии, нам должны разрешить посещать шахты и фабрики, где работают контрактники. Если эти просьбы не будут выполнены, мы сожалеем, но нам придётся искать новые пути, чтобы попасть в тюрьму».

Генерал Сметс отказался назначать новых членов в комиссию и заявил, что комиссия назначается не в интересах какой-либо партии, а просто для удовлетворения правительства. Получив этот ответ 24 декабря, у нас не было другого выхода, кроме как готовиться к тюремному заключению. Поэтому мы опубликовали уведомление для индийцев о том, что партия индийцев, желающих попасть в тюрьму, начнёт свой поход из Дурбана 1 января 1914 года.

Но в ответе генерала Сметса было одно предложение, которое побудило меня написать ему ещё раз, а именно: «Мы назначили в комиссию беспристрастных и рассудительных людей, и при их назначении мы не советовались не только с индийцами, но и с владельцами угольных шахт или сахарных заводов». Я написал генералу личное письмо с просьбой встретиться с ним и изложить ему некоторые факты, если правительство желало восстановить справедливость. Генерал Сметс удовлетворил мою просьбу о встрече, и марш был отложен на несколько дней.

Когда Гокхале узнал, что рассматривалась возможность нового похода, он послал длинную телеграмму, в которой говорил, что такой шаг с нашей стороны поставит лорда Хардинга и его самого в неловкое положение, и настоятельно советовал нам отказаться от похода и помогать комиссии, предоставляя ей все необходимые свидетельства.

Перед нами стояла дилемма. Индийцы обещали бойкотировать комиссию, если её состав не будет расширен так, как они того требовали. Возможно, лорд Хардинг мог быть недоволен, а Гокхале – огорчён, но как мы могли отказаться от данного нами слова? Мистер Эндрюс предложил нам подумать о чувствах Гокхале, его хрупком здоровье и о том шоке, который могло вызвать у него наше решение. Но эти соображения никак не выходили у меня из головы. Лидеры провели совещание и, наконец, пришли к решению, что бойкот состоится любой ценой, если в комиссию не будут включены новые члены. Поэтому мы отправили длинную телеграмму Гокхале, потратив на это около ста фунтов. Эндрюс тоже согласился с сутью нашего послания:

«Мы понимаем, как Вы страдаете, и хотели бы последовать Вашему совету ценою значительных жертв. Лорд Хардинг оказал бесценную помощь, которую нам бы хотелось получать до самого конца. Но мы очень хотим, чтобы Вы поняли нашу позицию. Речь идёт о том, что тысячи людей взяли на себя обязательство, при котором никак невозможно пойти на попятную. Вся наша борьба основывалась на обещаниях. Если бы не убедительная сила наших обещаний, многие из нас сегодня бы отступили. Все моральные узы сразу бы ослабли, если бы тысячи людей отступили от данного ими слова. Обещания были сделаны после всестороннего и взвешенного обдумывания, и в этом нет ничего аморального. Община имеет полное право обещать что-то бойкотировать. Нам бы хотелось, чтобы и Вы советовали нам не нарушать подобных обещаний, но соблюдать их несмотря ни на что.

Пожалуйста, покажите эту телеграмму лорду Хардингу. Мы желаем, чтобы Вы не оказались в неудобном положении. Мы начали эту борьбу, призвав Бога в качестве нашего свидетеля, помощника и единственной поддержки. Мы желаем и ищем помощи старейшин, а также высокопоставленных людей, и рады, когда её получаем. Но независимо от того, приходит такая помощь или нет, мы смиренно полагаем, что данные обещания всегда должны неукоснительно выполняться. Мы желаем, чтобы Вы поддержали и благословили нас на соблюдение наших обещаний».

Когда Гокхале получил эту телеграмму, она негативно сказалась на его здоровье, но он продолжал помогать нам с неослабевающим или даже большим рвением, чем раньше. Он связался с лордом Хардингом по этому вопросу, но тот не только не решил «выкинуть нас за борт», но, напротив, поддержал нашу точку зрения. Лорд Хардинг также остался невозмутим.

Вместе с Эндрюсом я отправился в Преторию. Как раз в это время там происходила большая забастовка европейских работников железных дорог Союза, что сделало положение правительства крайне щекотливым. Меня призвали начать индийский марш в такой удачный момент. Но я заявил, что индийцы не могут таким образом помочь железнодорожным забастовщикам, поскольку те не собирались бросать вызов правительству, их борьба была совершенно иного рода и по-иному поводу. Даже если бы мы организовали марш, то начали бы его в другое время, уже после всех железнодорожных волнений. Это наше решение произвело глубокое впечатление и было передано Рейтером в Англию. Лорд Ампитилл передал нам из Англии свои поздравления. Английские друзья в Южной Африке тоже оценили наше решение. Один из секретарей генерала Сматса в шутку сказал: «Мне не нравится ваш народ, и я вовсе не желаю ему помогать. Но что же мне делать? Вы помогаете нам в трудные дни. Как нам добраться до вас? Мне часто хочется, чтобы вы прибегали к насилию как английские забастовщики, и тогда мы сразу же нашли бы способ, как от вас избавиться. Но вы не причините вреда даже врагу. Вы желаете победы только за счёт собственных страданий и никогда не переступаете установленных вами самими границ вежливости и рыцарства. И именно это приводит нас в состояние полной беспомощности». Генерал Сматс также выражал подобные чувства.

Стоит ли напоминать читателю, что это был не первый случай проявления рыцарского отношения к другим со стороны сатьяграхов. Когда индийские рабочие на северном побережье объявили забастовку, плантаторы в Маунт-Эджкомбе понесли бы большие убытки, если бы весь срезанный к тому времени тростник не доставили на мельницу и не измельчили. Поэтому двенадцать сотен индийцев вернулись на работу исключительно для того, чтобы закончить эту часть работы, и только после этого присоединились к своим соотечественникам. Опять-таки, когда индийские служащие муниципалитета Дурбана стали бастовать, тех, кто был занят в санитарных службах города или обслуживал пациентов в больницах, отправили обратно, и они охотно вернулись к своим обязанностям. Если бы санитарные службы были выведены из строя, и если бы некому было ухаживать за больными в больницах, в городе могли вспыхнуть эпидемии, и больные были бы лишены медицинской помощи, чего, конечно же, не желал ни один сатьяграх. Поэтому работники такого профиля были освобождены от участия в забастовке. В каждом своём шаге сатьяграх обязан учитывать позицию своего оппонента.

Я видел, что многочисленные случаи подобного благородства повсюду оставили свой невидимый, но действенный след, повысили престиж индийцев и подготовили подходящую атмосферу для соглашения с правительством.

48. Предварительное соглашение

Итак, атмосфера становилась всё более благоприятной для заключения соглашения. Сэр Бенджамин Робертсон, которого лорд Хардинг послал на специальном пароходе, должен был прибыть примерно в то же самое время, когда мы с мистером Эндрюсом отправились в Преторию. Но мы не стали его дожидаться и отправились в путь, поскольку должны были добраться до Претории в день, назначенный генералом Сматсом. Действительно, не было причин ждать его прибытия, так как конечный результат зависел только от наших сил.

Мы с мистером Эндрюсом добрались до Претории. Но только мне одному предстояло встретиться с генералом Сматсом. Генерал был занят железнодорожной забастовкой, которая была настолько серьёзной по своему характеру, что правительство Союза объявило военное положение. Европейские рабочие не только требовали повышения заработной платы, но и стремились взять бразды правления в свои руки. Моя первая беседа с генералом была очень краткой, но я мог видеть, что у него уже не было такого же апломба, когда Великий поход только начался. В то время генерал не хотел даже разговаривать со мной, хотя угроза сатяграхи была такой же, как и сейчас. И всё же он отказался тогда вступать в переговоры. Но теперь он был готов со мной посоветоваться.

Индийцы требовали, чтобы в комиссию включили члена, представляющего индийские интересы. Но в этом вопросе генерал Сматс не уступил. «Этого нельзя допустить – сказал он – поскольку это бы ударило по престижу правительства, и я не смог бы провести желаемые реформы. Вы должны понять, что мистер Эсселен – наш человек, и он будет разделять, а не противодействовать планам правительства в отношении реформ. Полковник Уайли – человек с положением в Натале, и его можно даже считать антииндийски настроенным. Поэтому если даже он согласится на отмену налога в три фунта, это намного облегчит задачу правительства. У нас много забот; у нас нет даже минуты на отдых, и поэтому мы хотим окончательно разобраться с индийским вопросом. Мы решили удовлетворить ваши требования, но для этого мы должны получить рекомендацию комиссии. Я понимаю и вашу позицию. Вы торжественно заявили, что не будете свидетельствовать перед комиссией до тех пор, пока там не будет представителя от индийцев. Я не возражаю, если вы не будете свидетельствовать перед ней, но вы не должны организовывать никакой активной пропаганды, которая помешала бы любому, кто пожелает что-то рассказать комиссии, и должны будете приостановить сатяграху на это время. Я считаю, что это послужит вашим же интересам, а я в, в свою очередь, получу передышку. Поскольку вы не будете свидетельствовать, вы не сможете доказать свои утверждения о жестоком обращении с индийскими забастовщиками. Подумайте над этим».

Таковы были предложения генерала Сматса, с которыми я, в целом, был склонен согласиться. Мы подали много жалоб на плохое обращение с забастовщиками со стороны солдат и надзирателей, но сложность заключалась в том, что из-за бойкота комиссии мы не могли доказать свои обвинения.

Среди индийцев существовали различные мнения по этому вопросу. Некоторые считали, что обвинения, выдвинутые индийцами против солдат, необходимо было доказать, и потому предлагали, что если доказательства не могли быть предъявлены комиссии, то мы должны были опротестовать обвинения в клевете, опубликовав имеющиеся в нашем распоряжении доказательства. Но я не соглашался с этими друзьями. Вероятность того, что комиссия вынесла бы решение вразрез с интересами правительства была низкой. Оспаривание в судебном порядке обвинений нас в клевете стало бы для общины источником бесконечных неприятностей, а итогом являлось бы обычное удовлетворение от доказанных фактов. Будучи адвокатом, я хорошо знал о трудностях, связанных с доказательством истинности заявлений, дающих повод возбудить дело о клевете. Но самым весомым моим аргументом было то, что сатьяграх должен страдать. Ещё до начала движения сатьяграхи знали, что им придётся страдать даже до смерти, и были готовы пройти через все страдания. Поэтому не было смысла доказывать, что они страдали. Сатьяграх борется только за самое необходимое. Главное, чтобы возмутительные законы были отменены или изменены соответствующим образом. Когда ему это по силам, он не должен беспокоиться о других вещах. Опять же, молчание сатьяграха в момент договорённостей стало бы хорошим подспорьем в его сопротивлении несправедливым законам. С помощью таких аргументов мне удалось склонить на свою сторону большинство из тех друзей, которые были со мной не согласны, и мы решили отказаться от идеи доказывать наши обвинения в жестоком обращении.

49. Переписка

Между мной и генералом Сматсом велась переписка, из которой можно получить представление о том, как было достигнуто соглашение. Моё письмо от 21 января 1914 года можно резюмировать так:

«У нас есть определённые внутренние колебания в том, чтобы свидетельствовать перед комиссией в её нынешнем составе. Вы цените эти колебания и считаете их благородными, но не можете изменить своё решение. Однако, поскольку Вы исходите из принципа, что консультироваться с индийцами необходимо, я посоветую своим соотечественникам не препятствовать работе комиссии активной пропагандой и не осложнять положение правительства пассивным сопротивлением в ожидании результатов работы комиссии и принятия законодательства на предстоящей сессии. В дальнейшем мы сможем оказать помощь сэру Бенджамину Роберстону, который был назначен вице-королём.

Что касается наших обвинений в жестоком обращении во время индийской забастовки в Натале, то мы торжественно обещаем не поднимать этот вопрос перед комиссией. Как сатьяграхи мы стараемся, насколько возможно, избегать мести за свои личные обиды. Но чтобы наше молчание не было воспринято ошибочно, могу ли я попросить Вас принять во внимание наши мотивы и ответить взаимностью, то есть не приводить перед комиссией контрдоказательств по данным обвинениям?

Приостановка сатьяграхи, помимо прочего, будет означать молитву об освобождении всех заключённых сатьяграхов.

Возможно, здесь будет излишним перечислить пункты, в отношении которых мы требуем послаблений:

- отмена налога в три фунта;
- легализация браков, заключённых по обрядам индуизма, ислама и т.д;
- въезд в страну образованных индийцев;
- изменение гарантий в отношении Оранжевого свободного государства;
- заверение, что существующие законы, особенно затрагивающие индийцев, будут применяться справедливо и с учётом их прав.

Если Вы положительно отнесётесь ко всему представленному здесь, я буду готов дать рекомендации своим соотечественникам в соответствии с содержанием этого письма».

Ответ генерала Сматса от той же даты:

«Я сожалею, но понимаю невозможность для вас предстать перед комиссией. Я также понимаю мотив, из-за которого вы не желаете беречь старые раны, возбуждая дело о клевете в суде.

Правительство отвергает обвинения в жестких действиях против индийских забастовщиков. Но поскольку вы не приводите доказательств в поддержку этих обвинений, правительству будет бесполезно приводить контрдоказательства в оправдание поведения своих офицеров. Что касается освобождения заключённых сатьяграхов, правительство уже сделало соответствующие распоряжения ещё до получения вашего письма. Касательно претензий, изложенных в конце вашего письма, правительство будет ожидать рекомендаций комиссии, прежде чем предпринимать какие-либо действия».

Мистер Эндрюс и я часто беседовали с генералом Сматсом ещё до этой переписки. Тем временем, сэр Бенджамин Робертсон также прибыл в Преторию. Сэр Бенджамин считался популярным чиновником, он привёз рекомендательное письмо от Гокхале, но я заметил, что он не был полностью свободен от обычных слабостей английского чиновника. Не успел он приехать, как начал создавать группировки среди индийцев и угрожать сатьяграхам. Наша с ним первая встреча в Претории не расположила меня в его пользу. Я рассказал ему о телеграммах, информировавших меня о его угрозах. Я вёл себя с ним, как и со всеми остальными, т.е. откровенно и прямолинейно, и потому мы подружились. Я часто видел, что чиновники склонны угрожать тем, кто безропотно им подчиняется, но вести себя корректно с теми, кто сам корректен и не поддаётся на угрозы.

Таким образом, мы достигли предварительного соглашения и остановили сатьяграху в последний раз. Многие английские друзья были рады этому и обещали свою помощь в окончательном урегулировании ситуации. Было довольно трудно добиться согласия индийцев пойти на это соглашение. Никто не хотел, чтобы возникший энтузиазм угас. Опять-таки, как можно было довериться генералу Сматсу? Некоторые напоминали мне о фиаско 1908 года и говорили: «Генерал Сматс однажды обманул нас, часто обвинял Вас в создании новых проблем и подверг общину бесконечным страданиям. Несмотря на всё это, Вы не извлекли урок не доверять ему! Этот человек снова предаст Вас, и Вы снова предложите возобновить сатьяграху. Но кто тогда Вас поддержит? Разве возможно, чтобы люди то и дело отправлялись в тюрьму и всегда были готовы к поражению? С таким человеком, как генерал Сматс, соглашение возможно лишь в том случае, если он действительно выполнит обещанное им. Все его заверения бесполезны. Как мы можем доверять человеку, который однажды пообещав, не сдержал своего слова?».

Я знал, что будут выдвигаться подобные аргументы и поэтому не удивился им. Как бы часто сатьяграху ни предавали, он будет доверять противнику до тех пор, пока не будет веских оснований для обратного. Для сатьяграха боль и удовольствие – это одно. Поэтому он не даст беспочвенному недоверию из-за страха перед страданиями ввести его в заблуждение. С другой стороны, полагаясь на собственные силы, он не будет возражать против того, если противник его предаст, и будет продолжать доверять ему, несмотря на неоднократные предательства, а также будет по-прежнему верить, что тем самым он утверждается в истине и приближает победу. Так что в разных местах проводились собрания, и, в конце концов, мне удалось убедить индийцев принять условия соглашения. Теперь индийцы лучше понимали дух сатьяграхи. Мистер Эндрюс был посредником и свидетелем этого соглашения, равно как и сэр Бенджамин Робертсон, представлявший правительство

Индии. В этой связи вероятность того, что соглашение впоследствии могло быть расторгнуто, была минимальной. Если бы я упрямо отказался принять соглашение, это стало бы обвинительным пунктом против индийцев, и победа, которая была достигнута в течение последующих шести месяцев, была бы сопряжена с различными неприятностями. Автор санскритского изречения «Прощение – украшение храбрых» опирался на свой богатый опыт сатьяграхи, в чьих принципах невозможно найти хоть малейшего изъяна. Недоверие – признак слабости; сатьяграха же предполагает отказ от всякой слабости и, следовательно, недоверия, которое явно становится неуместным, когда противника нужно не уничтожить, а завоевать.

Когда соглашение было одобрено индийцами, нам оставалось только ждать следующей сессии союзного парламента. Тем временем, комиссия приступила к работе. От имени индийцев перед ней выступило лишь несколько свидетелей, и это было поразительным доказательством того, какое огромное влияние сатьяграхи приобрели в общине. Сэр Бенджамин Робертсон пытался склонить многих к даче показаний, но это не удалось, за исключением нескольких человек, которые были решительно настроены против сатьяграхи. Бойкот комиссии не произвёл никакого негативного эффекта. Её работа была сокращена, а отчёт был сразу же опубликован. Комиссия резко критиковала индийцев за отказ от сотрудничества, отвергла обвинения в неправильном поведении солдат, но рекомендовала без промедления выполнить все требования индийской общины, такие как, например, отмена налога в три фунта и признание браков между индийцами, а также рекомендовала пойти на иные более мелкие уступки. Таким образом, отчёт комиссии был благоприятным для индийцев, как и предсказывал генерал Сметс. Мистер Эндрюс уехал в Англию, а сэр Бенджамин Робертсон – в Индию. Мы получили заверение, что для выполнения рекомендаций комиссии будет принято необходимое законодательство. Что это было за законодательство и как оно было разработано, будет рассмотрено в следующей главе.

50. Окончание борьбы

Вскоре после выхода отчёта правительство опубликовало в «Официальной газете Союза» Законопроект о помощи индийцам, который должен был привести к урегулированию давнего спора властей с индийцами, и я сразу же отправился в Кейптаун, где заседает союзный парламент. Законопроект состоял из ряда разделов и занял бы всего две колонки в такой газете, как «Молодая Индия». Одна его часть касалась вопроса браков между индийцами и признавала законными в Южной Африке те браки, которые считались законными в Индии, за исключением случаев, когда у мужчины было больше одной жены – только одна из них могла быть признана его законной женой в Южной Африке. Вторая часть отменяла ежегодную лицензию стоимостью в три фунта стерлингов, которую должен был оплачивать каждый индийский рабочий-контрактник, не вернувшийся в Индию и поселившийся в стране как свободный человек по окончании контракта. Третья часть предусматривала, что свидетельства о постоянном месте проживания, выдаваемые правительством индийцам в Натале и содержащие оттиск большого пальца, должны признаваться в качестве неопровержимого доказательства права его обладателя на въезд в Союз сразу после установления его личности. Законопроект долго и приятно обсуждался в парламенте Союза.

Административные вопросы, которые не входили в Законопроект о помощи индийцам, решались в переписке между генералом Сматсом и мной, как, например, защита права образованных индийцев на въезд в Капскую колонию, специальное разрешение образованным индийцам на въезд в Южную Африку, статус образованных индийцев, которые въехали в Южную Африку в течение последних трёх лет, и разрешение жёнам воссоединяться в Южной Африке со своими мужьями-многоженцами. После рассмотрения всех этих вопросов генерал Сматс в своём письме от 30 июня 1914 года добавил:

«Что касается применения действующих законов, то правительство всегда желало и будет желать, чтобы они применялись справедливым образом и с уважением ко всем существующим правам».

Я ответил на вышеупомянутое письмо следующим образом»

«Подтверждаю получение Вашего письма. Хочу выразить Вам глубокую благодарность за терпение и деликатность, проявленные Вами во время наших бесед.

Принятие законопроекта о помощи индийцам и эта переписка положили конец борьбе сатьяграхи, начавшейся в сентябре 1906 года. Эта борьба стоила индийской общине больших физических страданий и материальных потерь, а правительству – тревожных раздумий и размышлений.

Как Вам известно, некоторые мои соотечественники пожелали, чтобы я пошёл ещё дальше. Они недовольны тем, что законы о торговых лицензиях в различных провинциях, Закон о золоте Трансвааля, Закон о поселениях Трансвааля, Закон Трансвааля №3 от 1885 года не были изменены таким образом, чтобы дать им полное право на проживание, торговлю и владение землёй. Некоторые из них недовольны, что не разрешена свободная миграция между провинциями, а некоторым

хотелось бы, чтобы в вопросе о браке Законопроект давал больше послаблений. Они просили меня включить все вышеперечисленные пункты в борьбу Сатьяграхи. Я не смог выполнить их пожелания. С другой стороны, хотя они и не были включены в программу Сатьяграхи, может случиться, что когда-нибудь эти вопросы потребуют дальнейшего и сочувственного рассмотрения со стороны правительства. Полного удовлетворения нельзя ожидать до тех пор, пока не будут предоставлены полноценные гражданские права постоянно проживающему индийскому населению.

Я ответил своим соотечественникам, что они должны будут проявлять терпение и всеми доступными им достойными средствами воспитывать общественное мнение, чтобы дать возможность будущему правительству пойти дальше, чем это имеет место в нынешней переписке. Я надеюсь, что когда европейцы Южной Африки полностью осознают тот факт, что въезд рабочих-контрактников из Индии теперь запрещён, Закон о регулировании иммигрантов за прошлым годом практически полностью остановил дальнейшую свободную иммиграцию индийцев, и что мои соотечественники не питают никаких политических амбиций, то они, европейцы, усмотрят справедливость и необходимость предоставления моим соотечественникам только что оговорённых прав.

Между тем, если великодушные, которым руководствовалось правительство при решении этой проблемы на протяжении последних нескольких месяцев, и впредь не ослабнет при исполнении существующих законов, как это обещано в Вашем письме, я совершенно уверен, что индийская община по всему Союзу сможет наслаждаться благоденствием и никогда не станет для правительства источником проблем».

Заключение

Итак, великая борьба Сатьяграхи завершилась через восемь лет, и казалось, что индийцы в Южной Африке теперь живут в мире. 18 июля 1914 года я отплыл из Англии в Индию, чтобы встретиться там с Гокхале, испытывая при этом смешанные чувства радости и сожаления – радости, потому что я наконец возвращался домой после долгих лет и с нетерпением ждал возможности служить стране под руководством Гокхале; сожаления, поскольку мне было очень тяжело покидать Южную Африку, где я провёл двадцать один год своей жизни, в полной мере испытав сладость и горечь человеческой судьбы, и где я осознал своё жизненное призвание.

Когда задумываешься о болезненном контрасте между счастливым концом борьбы сатьяграхи и нынешним положением индийцев в Южной Африке, на мгновение возникает ощущение напрасности всех этих страданий, а также сомнение в эффективности сатьяграхи как средства решения человеческих проблем. Давайте немного поразмышляем над этим вопросом. Существует закон природы, согласно которому вещь можно сохранить тем же способом, которым она была приобретена. Вещь, приобретённую посредством насилия, можно сохранить только насилием, в то время как вещь, приобретенная истиной, может быть сохранена только истиной. По этой логике, индийцы в Южной Африке могут сохранить своё благополучие, если они будут использовать оружие сатьяграхи. В сатьяграхе нет чудес в том смысле, что вещь, приобретённую истиной, нельзя сохранить тогда, когда от истины отказались. И даже если такое возможно, это было бы очень нежелательно. Поэтому если положение индийцев в Южной Африке ухудшилось, это лишь говорит об отсутствии сатьяграхов в их рядах. У меня нет цели найти какие-то недостатки в нынешнем поколении южноафриканских индийцев, я просто констатирую положение вещей. Люди или группы людей не могут заимствовать у других качества, которыми они сами не обладают. Ветераны сатьяграхи один за другим уходили из жизни. Сорабджи, Качхалия, Тхамби Найду, Парси Рустомджи и других уже нет. Осталось очень мало тех, кто прошёл через огонь сатьяграхи. Эти немногие всё ещё находятся в боевом строю, и у меня нет ни тени сомнения в том, что они станут спасителями общины в годину испытаний, если свет сатьяграхи будет гореть в них всё так же ярко.

Наконец, читатель увидел, что если бы не эта великая борьба и невыразимые страдания, которые многие индийцы добровольно навлекли на свои преданные головы, индийцы сегодня были бы изгнаны из Южной Африки. Да, победа, достигнутая индийцами в Южной Африке, во многом послужила щитом для индийских эмигрантов в других частях Британской империи, и если они подвергнутся притеснению, то только из-за отсутствия сатьяграхи среди них и неспособности Индии их защитить, а не из-за какого-либо изъяна в оружии сатьяграхи.

Я буду считать себя вполне вознаграждённым, если на этих страницах я смогу, в меру своих сил, продемонстрировать, что сатьяграха – это бесценное и не имеющее себе равных оружие, и тем, кто им владеет, чужды разочарования и поражения.

М.К. Ганди,
1924

Обсудить книгу на форуме «Розы Мира» Даниила Андреева: Rozamira.org

Обсудить на «Форуме социального организатора»: Soorganizator.ru